

Санкт-Петербургский
государственный университет

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: НОВЫЕ РЕАЛИИ

TOLERANCE AND INTOLERANCE
IN THE MODERN SOCIETY: NEW REALITIES

Международная
научно-практическая конференция
15-16 ноября 2022

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Толерантность и интолерантность
в современном обществе:
Новые реалии
Tolerance and Intolerance
in the Modern Society:
New Realities

Международная научно-практическая конференция
International Scientific and Practical Conference

21 ноября 2022 года
Санкт-Петербург

Санкт-Петербург
2023

ББК 60.5
УДК 304

Толерантность и интолерантность в современном обществе: Новые реалии.

Материалы научно-практической конференции, 15-16 ноября 2022 года.

Санкт-Петербургский государственный университет. – 292 с.

ISBN 978-5-93856-744-3

Сборник статей по докладам, представленным на международной конференции «Толерантность и интолерантность в современном обществе: Новые реалии» 2022 г., отражает ситуацию современного мира, полного парадоксов, агрессии и экстремистских проявлений.

Понимание того, что приемлемо, а что нет в условиях взаимодействия человеческих сообществ и противостояния целого ряда стран, а также в процессе функционирования социальных институтов обсуждается в представленных в сборнике авторских интерпретациях.

Н а у ч н ы й р е д а к т о р : д. социол. н., проф. И.Л. Первова

Р е ц е н з е н т ы : д. истор. н., проф. В.Н. Барышников,

д. философ. н., проф. А.В. Малинов

© И.Л. Первова, 2023

© Коллектив авторов, 2023

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Первова И.Л. Предисловие <i>Pervova I.L. Preface</i>	9
--	----------

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ PLENARY PRESENTATIONS

Мелихов А.М. Прагматизм победителей <i>Melikhov A.M. The Pragmatism of Winners</i>	13
--	-----------

Козловский В.В. Цивилизационный диалог в условиях суверенизации и конфронтации <i>Kozlovskiy V.V. Civilizational Dialogue in Conditions of Sovereignization and Confrontation</i>	17
---	-----------

Белова М.В., Веселов Ю.В. Доверие – основа толерантности: опыт эмпирического исследования в Санкт-Петербурге <i>Belova M.V., Veselov Y.V. Trust as the basis of tolerance: the empirical research experience in St. Petersburg</i>	22
---	-----------

TOLERANCE MULTIFUNCTIONALISM in THE MODERN SOCIETY МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Flynn P. What the pandemic, it, and new student demographics illuminate about the new teaching landscape in higher education	
---	--

Флин П. Как информационные технологии, пандемия и новая демография студентов меняют работу преподавателей в американской высшей школе	29
--	-----------

Al Neyadi S.S. The impact of POGIL-based instruction versus lecture-based instruction on grade-12 students' attitude <i>Аль-Неяди С.С.</i> Влияние обучения на основе ПОУЗ в сравнении с фронтальным обучением на отношения учащихся 12-х классов	35
---	-----------

Taylor J.A. Tolerance, Cancel Culture, and Britain's Memory of World War II <i>Тейлор Дж.А.</i> Толерантность, культура отмены и память Великобритании о Второй мировой войне	55
---	-----------

Gonzalez I. Spanish nationalism among the youth: the ideological war between the left and the right. <i>Гонзалес И.</i> Испанский национализм среди молодежи: идеологическая война между левыми и правыми	63
---	-----------

Amarakoon P. Migrant workers and modern slavery: denial of human rights: dirty, dangerous and difficult <i>Амаракун Р.</i> Трудящиеся-мигранты и современное рабство: отрицание прав человека, грязно, опасно и трудно	70
--	-----------

**ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ
и ИНТОЛЕРАНТНОСТИ в СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**
*PHILOSOPHICAL and SOCIOLOGICAL ASPECTS of TOLERANCE and INTOLERANCE
in THE MODERN SOCIETY*

Келасьев В.Н. Доверие как регуляторный компонент самоорганизационных процессов в обществе <i>Kelasev V.N. Trust as a Regulatory Component of Self-Organization Processes in Society</i>	81
Белова М.В. Толерантность и доверие как необходимые составляющие правильного общества. <i>Belova M.V. Tolerance and trust as necessary components of a good society</i>	86
Белокурова Т.А. Понимание толерантности и интолерантности в рамках изучения философско-социологических аспектов <i>Belokurova T.A. Understanding tolerance and intolerance in the framework of philosophical and sociological aspects study</i>	94
Мороз Е.В. Толерантность в контексте процесса социализации молодежи в современной России <i>Moroz E.V. Tolerance in the context of the process of socialization of youth in modern Russia</i>	100
 НАЦИОНАЛИЗМ и МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ в СОВРЕМЕННОМ МИРЕ <i>NATIONALISM and MIGRATION PROCESSES in THE MODERN WORLD</i> 	
Шипунова Т.В. Общественная безопасность и проблемы трудовой миграции в Россию <i>Shipunova T.V. Public safety and problems of labor migration to Russia. Russia</i>	108
Клестова В. Мультикультурализм и радикализм. Россия <i>Klestova V. Multiculturalism and radicalism</i>	116
Юрченко К. Миграционный кризис ФРГ <i>Yurchenko K. The migration crisis of Germany</i>	124
Шеметова Ю. Иммиграция в ФРГ: история, политический и экономический контекст <i>Shemetova Y. Immigration to Germany: history, political and economic context. Russia</i>	130
Чихачев А.Ю. Миграционная тематика в программах М. Ле Пен и Э. Земмура на выборах 2022 г.: общее и особенное <i>Chikhachev A.Y. Migration topics in the programs of M. Le Pen and E. Zemmour in the elections of 2022: general and special</i>	137
Сычев В., Минаева З. Специфика доверия и толерантности в ряду «мягких культурных переменных» <i>Sychev V., Minaeva Z. The specifics of trust and tolerance among “soft cultural variables”</i>	145
Рубцов В.А., Осокин А.В. Влияние повышения инклюзивности европейского общества на миграционные процессы: Европа и Ближний Восток <i>Rubtsov V.A., Osokin A.V. Impact of increasing inclusiveness of European society on migration processes: Europe and the Middle East</i>	155

- Корочкина В.А.** Интолерантность и национализм в израильском обществе: проявления, причины и роль религии. Россия
Korochkina V.A. *Intolerance and Nationalism in Jewish Society: Representation, Causes and the Role of Religion. Russia* 161
- Старовойтова С.** Роль языкового аспекта в процессе интеграции национальных меньшинств в Литве
Starovoitova S. *The language aspect role in the process of national minorities' integration in Lithuania* 170

РОССИЯ и ЗАПАД: СОВРЕМЕННОСТЬ и УРОКИ ИСТОРИИ
RUSSIA and THE WEST: MODERNITY and THE LESSONS of HISTORY

- Пруель Н.А., Рубцова М.В., Меньшикова Г.А.** Soft- technologies как реализация принципов толерантности в политическом управлении (на примере курса ООН «Цели устойчивого развития») *Pruel N.A., Rubtsova M.V., Menshikova G.A. Soft technologies as the implementation of the principles of tolerance in political management (on the example of the UN course "Sustainable Development Goals")* 176
- Лиджиев О.Д., Емельянова А.В.** Роль БРИКС в установлении глобальной безопасности и борьбе с международным терроризмом
Lidzhiev O.D., Emelyanova A.V. *The Role of BRICS in Establishing Global Security and Combating International Terrorism* 187
- Смирнов Е.В., Барабанова Е.М.** Образ крайне правых "популистских" партий в СМИ на примере Германии и Франции
Smirnov E.V., Varabanova E.M. *The image of extreme right "populist" parties in the media on the example of Germany and France* 196
- Мысников А.** *Tolerance as an Ideology of the Western Left*
Мясников А. Толерантность как идеология западных левых 208
- Резвая Е.В.** Понимание равенства полов в современной европейской политико-философской мысли
Rezvaia E.V. *Gender Equality Today: Political and Philosophical Perspectives* 213

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ и ТОЛЕРАНТНОСТЬ:
СЕМЬЯ, ШКОЛА, ГОСУДАРСТВО, РЕЛИГИЯ
SOCIAL INSTITUTIONS and TOLERANCE: FAMILY, SCHOOL, THE STATE and RELIGION

- Бриль М.С.** Групповая динамика семейных отношений, как фактор развития толерантности-интолерантности
Bril M.S. *Group dynamics of family relations as a factor in the development of tolerance-intolerance* 226
- Нагайчук А.Ф.** Вопросы толерантности в православной этике как основы миротворчества и миростроительства
Nagaychuk A.F. *Issues of tolerance in orthodox ethics as the basis of peacekeeping and peacebuilding* 235
- Вершинина И.А., Мартыненко Т.С., Хомякова К.Л.** Новые грани интолерантности: труд в условиях внедрения технологий искусственного интеллекта
Vershinina I.A., Martynenko T.S., Khomyakova K.L. *New facets of intolerance: labor in the context of AI technologies introduction* 244

Синельникова Е.С. Благодарность как личностный ресурс в период социального кризиса <i>Sinelnikova E.S. Gratitude as a personal resource in the period of social crisis</i>	250
Андреева (Грищенко) М. Приемы формирования толерантности в работах студентов воронежской школы межэтнической журналистики (в 2017-2021 гг.) <i>Andreeva (Grishchenko) M. Tolerance development techniques in students' works of the Voronezh school of interethnic journalism (in 2017–2021)</i>	255
Сидоров В.А. Толерантность в медийной среде: преодоление иллюзий <i>Sidorov V.A. Tolerance in the media environment: overcoming illusions</i>	262
АННОТАЦИИ <i>ABSTRACTS</i>	272

ПРЕДИСЛОВИЕ

В условиях распада биполярного мира, установления новых направлений в геоэкономических и геополитических связях, резкого усиления напряженности, нетерпимости между человеческими сообществами и отдельными людьми, а также в связи с попытками навязать свои ценности и культуру другим людям, странам и цивилизациям вопреки международному праву, проблемы толерантности / интолерантности приобретают особую значимость.

Понятие «толерантность», появилось в виде идеи еще в XVI веке как способ решения социальных конфликтов в Европе в связи с религиозными расколами и противоречиями. На протяжении XVI и XVII веков толерантность в виде актов и декретов постепенно приобрела правовой смысл в отношении к лицам, прежде всего, разных конфессий. Дальнейшее развитие идеи толерантности в XVIII, XIX веках осуществлялось в рамках философских идей признанных мыслителей и исследователей того времени.

Конец XX века ознаменовался принятием в 1995 году Генеральной Конференцией ЮНЕСКО «Декларации принципов толерантности», направленной против нетерпимости, насилия, терроризма, ксенофобии, агрессивного национализма, расизма, антисемитизма, отчуждения, маргинализации и дискриминации. Тем не менее, за более чем 25 лет с этого момента единого понимания и общепризнанных трактовок толерантности и интолерантности так и не выработано.

Современное понятие толерантности содержит множество интерпретаций, по поводу которых разворачиваются споры как между противниками принципа терпимости, так и между его сторонниками.

Понятие толерантности в последнее время все больше связывается с тематикой гендерной идентификации в ущерб национальной, религиозной, политической, межклассовой, образовательной и др.

В настоящем сборнике представлены философские, социальные, психологические исторические, поликультурные, национальные, миграционные, образовательные и религиозные аспекты толерантности и интолерантности.

Философско-социальные аспекты охватывают широкий круг проблем многофункциональности толерантности в рамках теоретического обоснования самого понятия, самоорганизационных процессов в обществе, культурных традиций и социализации. Рассматривается проблема толерантности с акцентуацией на цивилизационный диалог в условиях суверенизации и конфронтации, частный и публичный дискурс толерантности в различных странах, роль толерантности в процессе социализации молодежи и изучения параметра доверия как основы толерантности.

Исторический взгляд на толерантность касается развития понятийных точек зрения философов XIX-XX веков и уроков Второй мировой войны.

Анализ национализма и миграционных процессов в современном обществе включает обсуждение границ толерантности в поликультурном мире, особенности «мягких культурных

переменных», подходы к пониманию общественной безопасности и основные характеристики как иммиграции, так и трудовой миграции, включая трудовое рабство.

Обсуждение толерантности с позиций социальных институтов дискутируется в контексте высшей и средней школы, работы СМИ, православной этики как основы миротворчества, пенсионных систем и взаимоотношений в семье.

Современный мир находится в петле парадоксов, допускающих абсурдные, агрессивные и экстремистские проявления. В этих условиях преодоление деформации социальных смыслов толерантности и интолерантности может помочь в устранении причин ментальной несовместимости человеческих сообществ, неустойчивого и опасного противостояния целого ряда стран, предотвращении возможных страшных катастроф.

Доктор социологических наук, профессор И.Л. Первова

PREFACE

Problems associated with tolerance and intolerance hold special significance today. Our world is characterized by new geo-economic and geo-political relations, a sharp increase in tensions between human communities and individuals, and attempts to impose values and culture on people, countries and civilizations that are contrary to international law.

The concept of "tolerance" appeared in the 16th century as a way to resolve social conflicts in Europe in connection with religious schisms and contradictions. Over the course of the 16th and 17th centuries, tolerance gradually acquired legal meaning in the form of acts and decrees that related to individuals, primarily of different faiths. Further developments in the 18th and 19th centuries placed society's understanding of tolerance within the framework of philosophical ideas of distinguished thinkers and researchers.

The end of the 20th century was marked by the adoption of the "Declaration of Principles on Tolerance" at the UNESCO General Conference of 1995 and was directed against intolerance, violence, terrorism, xenophobia, aggressive nationalism, racism, anti-Semitism, exclusion, marginalization and discrimination. The following 25 years, however, did not yield a common understanding nor a generally accepted interpretation of tolerance and intolerance.

The modern concept of tolerance contains many interpretations debated by opponents and proponents of the tolerance principle. Tolerance has recently been associated with the subject of gender identification in prejudice of national, religious, political, interclass, and educational themes.

This scholarly collection of essays examines the topic of tolerance and intolerance in the modern world. Authors consider philosophical, social, psychological, historical, multicultural, national, migratory, educational and religious perspectives as follows.

Philosophical and social aspects cover a wide range of problems of the multi-functionality of tolerance within the framework of the theoretical substantiation of the concept itself, self-organizational processes in society, cultural traditions, and socialization. The problem of tolerance is also considered with an emphasis on civilizational dialogue in the context of sovereignization and confrontation, private and public discourse of tolerance in various countries, the role of tolerance in the process of youth socialization, and the study of trust as the basis of tolerance.

The historical view of tolerance concerns the development of the conceptual points of view of philosophers of the 19th and 20th centuries and the lessons of the Second World War. The analysis of nationalism and migration processes in modern society includes a discussion of the limits of tolerance in a multicultural world, features of “soft cultural variables,” approaches to understanding public safety, and characteristics of both immigration and labor migration such as labor slavery.

Tolerance from the standpoint of social institutions is presented in the context of higher and secondary education, the work of the media, Orthodox ethics as the basis of peacemaking, pension systems, and family relationships.

The findings suggest that the modern world is in a loop of paradoxes that allows absurd, sometimes aggressive and extremist manifestations. Under such conditions, we see that working to create a world that fosters tolerance can help eliminate the causes of human communities’ mental incompatibility, the unstable and dangerous confrontation of a number of countries, and prevent possible terrible catastrophes.

Dr. of Sociology, Prof., Irina L. Pervova

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ
PLENARY PRESENTATIONS

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ *PLENARY PRESENTATIONS*

ПРАГМАТИЗМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Мелихов А.М., писатель
Санкт-Петербург, Россия

Один из виднейших социальных философов современности Майкл Уолцер, взглядевшись в историю толерантности, пришел к выводу, что толерантность к чужим богам и обычаям впервые возникла в могучих империях, поставленных (собственной историей) в необходимость держать в повиновении множество племен и народов, всегда готовых при ослаблении верховной узды начать непримиримую борьбу не только против поработителей, но и друг против друга.

Иными словами, в делах серьезных – власть, налоги – имперские элиты не проявляли ни малейшей терпимости, а терпимость проявляли в том, что им представлялось делом десятым, – в культуре. (Идеологическая нетерпимость Советского Союза и послужила одной из причин его падения: она раздражала всех без малейшей пользы для государства).

Итак, в глубине веков и впрямь трудно разглядеть иные силы, порождающие и поддерживающие толерантность, кроме прагматизма победителей, желающих спокойно наслаждаться плодами своих побед. Источники же нетерпимости чаще всего таились и таятся в среде побежденных. Возможно, правда, что дело было и есть не столько в самих обделенных (хотя бы в их воображении) группах, сколько в их вождях и пророках, для воодушевления своей паствы сочинявших и сочиняющих гиперкомпенсаторные сказки об избранности каждый своего племени, о его особой миссии в мироздании...

Так или иначе, для снижения уровня нетерпимости необходимо снижать долю граждан, ощущающих себя побежденными. Что никак невозможно сделать, не увеличивая число критериев успеха, число лестниц, по которым можно подниматься, не задумываясь о том, выше или ниже тебя оказались люди, карабкающиеся по другим лестницам. Ибо ранжирование людей по какому-то монопризнаку – по богатству, уму, красоте, храбрости – непременно приводит к тому, что половина оказывается ниже среднего уровня... Чтобы разбить сплоченность наиболее опасных обойденных меньшинств и оставить их без лидеров, мудрому императору стоило бы даже специально облегчать социальное продвижение их наиболее энергичных, храбрых, честолюбивых и одаренных представителей. Как бы ни протестовали противники «позитивной дискриминации» из других меньшинств, менее опасных, хотя и тоже обделенных.

Но это уже, скорее, проблемы сегодняшнего дня, а в былые и еще не миновавшие времена толерантность возникала и сохранялась в империях, управлявшихся имперской аристократией, достаточно прагматичной, чтобы не начинать войн из-за расхождений в метафизических вопросах, и достаточно идеалистичной, чтобы чувствовать ответственность за сохранение коллективного наследия. Имперская аристократия должна быть и достаточно

патриотичной по отношению к народу-основателю (завоевателю), чтобы сохранить его обеспечивающее всеобщую стабильность доминирование, но и достаточно космополитичной, чтобы не стремиться к его тотальному господству, – поэтому она без ущерба и даже с пользой для общего дела может принимать в свои ряды и значительную долю инородцев (возможно, именно немецкая бюрократия способствовала национальной терпимости в императорской России).

Однако в эпоху либерально-демократическую, когда прежние хозяева утратили либо власть, либо решимость, либо ответственность за коллективный миропорядок (впрочем, утрата власти очень часто бывает следствием утраты решимости или ответственности), возник новый вопрос: как сохранить взаимную терпимость в доме без хозяев, не превратив его при этом во всеобщий дом терпимости? Жизнеспособна ли, иными словами, *либеральная империя*?

Если родоначальниками и хранителями толерантности были «господа», а не «рабы», то откуда же она бралась в домах без «господ» – во Франции, уничтожившей свою аристократию единым махом, в Америке, собственной аристократии отродясь не имевшей? Ответ прост: ни республиканская Франция, ни демократическая Америка никогда не жили без «хозяев» – без хранителей культурного генотипа, способных навязать его «пришельцам». И во Франции эти хозяева – охваченная великой грезой радикальная элита – выказала величайшую терпимость к их запросам социальным и величайшую нетерпимость к их запросам национальным. Ассимиляционный лозунг «Мы все французы!», сформировавшийся на гребне революционного энтузиазма, безусловно функционировал до самых последних десятилетий. Депутат Учредительного собрания Е. Клермон-Тоннер в 1791 году так расшифровал этот принцип применительно к самому заметному тогда национальному меньшинству: «Евреям как нации следует отказать во всем, евреев же как индивидов следует во всем удовлетворить», – Республика не может терпеть «нации внутри нации».

Это не был избирательный антисемитский жест – экстатическое национальное единство не желало признавать ни сословных (дворяне, священники), ни региональных (бретонцы, провансальцы), ни каких бы то ни было иных групповых прав (запрет рабочих ассоциаций): есть только Народ и Индивид! Однако в ту пору пределом мечтаний немногочисленных иммигрантов тоже было социальное слияние с народом-гегемоном, а молиться своим национальным богам, читать своих национальных поэтов и лакомиться своими национальными блюдами они были вполне согласны и частным образом. Равновесие нарушилось лишь после распада колониальной империи, когда в метрополию хлынул поток прежде всего арабов-мусульман.

Отчасти из-за их количества, но еще более из-за всеобщего национального подъема, когда индивид потребовал прав не только для себя лично, но и для своей культуры, своей истории, ассимиляция начала представляться унижением, а то и кошмаром. И это случилось именно тогда, когда хозяева почти утратили оба главных стимула ассимиляции: стало почти нечем устрашать и почти нечем соблазнять – пришельцы уже и так обладали гражданским равенством. И еще вопрос, удовлетворятся ли они в будущем чем-нибудь вроде «миллетов» – самоуправляющихся религиозных общин, которые допускала Османская империя для гяуров:

ведь наиболее пассионарные лидеры меньшинств в глубине души нацелены не на равенство, а на превосходство...

В Соединенных Штатах же подобные конфликты, казалось бы, должны были начаться сразу, как только в страну хлынули волны итальянцев, ирландцев, греков, евреев, армян... Однако на деле каждая новая волна пришельцев встречалась с мощным квазинациональным ядром хозяев, чье право на доминирование ни у кого не вызывало сомнений, – это были потомки проникнутых протестантским духом англосаксонских отцов-основателей и примкнувшие к ним пришельцы из волн предыдущих. Американская греза, соединенная с экономической и политической властью ее носителей, была настолько могущественной, что иммигранты и помыслить не могли поставить с нею рядом остатки своих жалких преданий. А вот когда их потомки поднялись на борьбу за права своих родословных, у хозяев не нашлось уже ни достаточно тяжелого кнута, ни достаточно сладкого пряника.

Углубление этого многостороннего конфликта сегодня патриотам-пессимистам внушает страх распада страны, превращения ее в огромную Югославию, – однако законных средств противостоять такой перспективе почти не осталось – разве что отказаться от признания каких бы то ни было групповых прав, оказывать государственную поддержку исключительно традиционной «американской» культуре. Перспективы политики столь мягкого «кнута» остаются такими же неясными, как перспективы политики «пряника» – мультикультурализма, требующего в равной степени поддерживать все культуры: надежды мультикультуралистов основываются главным образом на метафорах – «аккорд культур», «симфония культур», – хотя случайное сочетание звуков как правило бывает диссонансом, а симфония без композитора и дирижера и вовсе звуковым хаосом, в котором у барабана будут все шансы перегрохотать флейту. Сторонники философии постмодернизма на это возразили бы, что классическая симфония и звуковой хаос различаются лишь потому, что мы воспитаны в тоталитарной школе Баха и Моцарта, а вот когда мы вообще откажемся различать гармонию и дисгармонию, норму и аномалию, тогда-то и воцарится вечный мир.

Но этого не желают прежде всего сами меньшинства, вернее, их лидеры, чье влияние и основывается на противостоянии большинству. Однако ассоциации, образующиеся для устройства личных социальных дел (гомосексуалисты, инвалиды...) далеко не столь опасны, как национальные ассоциации, ибо последние вырастают из глубочайшей экзистенциальной потребности человека ощущать себя частью чего-то бессмертного. Поэтому многонациональные государства никогда не сумеют примирить свои национальные группы, если не заставят их поверить в какую-то новую общую сказку, которая бы не отвергала их прежние грезы, но отводила им какое-то почтенное место внутри новых. Слияние наций происходит через слияние национальных грез, а потому историю многонационального государства сегодня, когда утрачены практически все кнуты и пряники, необходимо изображать не как развитие главного ствола со второстепенными ветвями, но как слияние многих рек в одну.

Однако найти национальным меньшинствам приемлемое для них место на новой родине недостаточно – нужно, чтобы они не чувствовали униженными не только себя, но и свою, так сказать, историческую родину. И для этого нынешним народам-лидерам – Западу в широком смысле слова, тому Западу, где межнациональные конфликты будут лишь нарастать – по-

видимому имеет смысл как-то воспользоваться уроками былых имперских народов, которые следили за соблюдением порядка на имперском уровне, не вмешиваясь во внутренние разборки покоренной мелюзги (пока они не грозят излиться наружу), – может быть, и новым лидерам нужно больше сосредоточиться на отношениях между государствами и резко снизить вмешательство в их внутренние дела. Все помнят, как Пилат, всей душой сочувствуя Иешуа, все-таки не отменяет приговор национального суда. Страшно сказать, но может быть, именно Пилат нес людям не меч, но мир... А уж если бы он заранее предоставил Иешуа политическое убежище в метрополии...

Зато в Кондопоге он ни за что не позволил бы приезжим купцам иметь собственную армию. И ни за что не допустил бы погромов этих же купцов.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИАЛОГ В УСЛОВИЯХ СУВЕРЕНИЗАЦИИ И КОНФРОНТАЦИИ

Козловский В.В., д. филос. н., проф., СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

Цивилизационный диалог современных обществ в условиях нарастающей суверенизации и конфронтации на глобальном, региональном и локальном уровнях радикально изменился. Объяснение происходящих цивилизационных перемен в различных странах тесно связано с масштабными экономическими, социальными, геополитическими и культурными процессами в мире. Стоящие перед развитыми, их догоняющими и развивающимися государствами новые вызовы обуславливают поиск стратегий, программ, способов реализации проектов международного и регионального самоопределения. В той или иной мере перед ними возникает запрос на социокультурную самостоятельность, независимость, идентичность. В сложившейся ситуации технологического, геоэкономического, финансового, военно-политического, медийного доминирования развитых стран, прежде всего, государств Северной Америки, Западной Европы утвердился своего рода устойчивая система новых международных ассоциаций, союзов, блоков.

Вместе с тем активный выход на международную арену стран Азии, в особенности, Индии, Китая, Вьетнама, Южной Кореи, ряда стран Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки, резкий рост их влияния на протекание глобальных, региональных и локальных изменений свидетельствует о коренном переломе в цивилизационных взаимодействиях между ними и мировыми лидерами.

В обобщенном виде на основании критериев и принципов спектр цивилизационного взаимодействия современных обществ можно представить типологически, как: *партнерство, солидаризация, соперничество, отчуждение, разрывы, вражда*. Конкретные характеристики данных типов предполагают раскрытие стратегий цивилизационного диалога. К ним следует отнести стратегии и проекты *консенсуса, сосуществования, соперничества, конфликт*. Стратегия консенсуса включает многообразие форм: коалиция, союз, ассоциация, альянс, сотрудничество, партнерство, взаимопомощь, взаимобмен, обмен, взаимообогащение, широкий диалог, дружественное соседство и др. В стратегию сосуществования входят нейтралитет, баланс сил и влияний (мирный характер), подчинение, принуждение, колонизация (различные формы завоевания), вынужденное соседство и др. Стратегическая программа соперничества представляет целый круг форм: борьба за самостоятельность, первенство, коллизия и др. противоборство, сопротивление, конкурентное соседство и др. Наиболее напряженным во взаимоотношениях цивилизационно специфичных стран и сообществ является конфликт, в котором стороны вступают в конфронтацию, противостояние за идентичность, самобытность, столкновение, войну, вооруженную борьба, насилие, враждебное соседство и др.

Терминологически следует определить содержание используемого концептуального аппарата. Ключевым звеном концептуального рассмотрения заявленной темы является

определение базовых понятий. Дело в том, что проблема цивилизации оказывается необычайно спорной. Казалось бы, хорошо известно, что такое цивилизация. В разговоре о понятии цивилизации проявляется возникает масса оценок, от уверенности до некоторых сомнений и непонимания. Сложилась традиция толковать данное понятие на макроуровне как отражение большой социетальной макроконструкции, в меньшей степени как концепции, которую можно применять для понимания нашей современной жизни от повседневной жизни от индивидуального до социетального уровня.

Существует много разных определений цивилизации, наверно, не менее двух сотен. В них подчеркиваются самые разные стороны данного феномена: от научных каких-то абстрактных, отвлеченных, до упрощенных и популярных. Необходимо остановиться на понятиях в качестве методологической и теоретической основы предлагаемого нами подхода для раскрытия природы цивилизационного развития российского общества. В российской научной литературе тема цивилизационного подхода по отношению к исследованию российского региона как целостности пока еще недостаточно разработана. В определении рабочего социологического понятия цивилизации мы исходим из категориального понимания природы цивилизации в соответствии с целями исследования цивилизационного развития российского общества.

Современная социологическая традиция цивилизационного анализа представлена целой плеядой ученых, в числе которых М. Вебер, Э. Дюркгейм, М. Мосс, Н. Элиас, П. Сорокин, Б. Нельсон, В. Каволис, Ш. Эйзенштадт, Й. Арнасон, Т. Хафф, Б. Виттрок, Р. Коллинз. Среди отечественных исследователей, активно занимающихся цивилизационной проблематикой, можно выделить целый ряд исследователей, среди которых известные социологи: О.И. Шкаратан, Н.И. Лапин, Н.С. Розов, М.Ф. Черныш, И.Г. Яковенко. В нашем подходе мы опираемся на теории цивилизаций как сетей отношений и контактов, теории «осевых» цивилизаций и множественности модерностей.

Социологическое видение и понимание цивилизационного развития современных обществ, культуры, политики, экономики раскрывается целым рядом теорий, сфокусированных на проблематике современности (modernity). Ряд классических социологических теорий затрагивает актуальные аспекты социальной реальности, но схватывает их односторонне. В частности, функционалистские, структуралистские, феноменологические, конструктивистские концепты нацелены на выделение ключевых, но узких сегментов общества и культуры. Например, концепция текучей современности (Дж. Урри), объясняющая изменчивость, хрупкость, пластичность современных обществ, или концепция социологического воображения и воображаемых обществ (Миллс Ч.Р., Андерсон Б., Касториадис К., Тейлор Ч. и др.), не отражают весь спектр реальных сложных социальных процессов, в особенности множество меняющихся множественных разноуровневых цивилизационных форм современности (множественных модерностей, multiple modernities). Поэтому цивилизационный анализ современности позволяет прояснить многослойность, мозаичность, неопределенность, фигуративность многогранного взаимодействия современных обществ.

Цивилизация – это целостный комплекс различных культурных, духовных, религиозных,

хозяйственных и властных форм деятельности людей, обеспечивающий устойчивый общественный уклад жизни, идентичность и социальные порядки, сложная институционально регулируемая механизмами культуры совокупность социальных неравенств (социальная структура) общества. Цивилизация – это совокупность социетальных регулятивных методов, способов и моделей интеграции различных культурных, духовных, религиозных, хозяйственных и властных форм деятельности в целостный комплекс, обеспечивающий устойчивый общественный уклад жизни, идентичность и социальные порядки. Особая роль цивилизационного уклада состоит в том, в нем действует сложная институционально регулируемая механизмами культуры совокупность социальных неравенств (социальная структура) общества. Понятие цивилизации, согласно Н. Элиасу, направлено на «*прояснение природы той обладающей принудительной силой закономерности, которая задает формы совместной жизни людей, включая социальные формы и институты нашего собственного общества, возникающие, сохраняющиеся и меняющиеся на основе данной закономерности*» (Элиас, с. 327).

Двойственная природа социологического понятия цивилизации заключается в выделении следующих сторон: 1) социоструктурное конституирование культурного пространства общества благодаря влиянию множественных социальных взаимодействий на технологии, характер, содержание человеческой деятельности; 2) культурное многообразие, видоизменяющее социальный мир человека благодаря воздействию автономности и действенности культурного богатства в ходе. Цивилизация является сложным социокультурным образованием, культурно сконструированной, институционально регулируемой разными субъектами социальной структурой. Амбивалентность социологического понятия цивилизации подчеркивает ее трудно уловимую парадоксальность противоречивого взаимодействия социума и культуры. Социоструктурное конституирование культурного пространства общества осуществляется благодаря влиянию множественных социальных взаимодействий на технологии, характер, содержание человеческой деятельности. Наоборот, культурное многообразие, видоизменяющее социальный мир человека происходит благодаря воздействию автономности и действенности культурного богатства в ходе социализации, институционализации и закреплению позиций, статусов, престижа. Взаимобратимость, взаимовоздействие социальной структуры и культуры в практической институционально регулируемой деятельности людей образует стержень цивилизационного устройства любого общества. В отличие от свойственного гуманитарным наукам исторического, культурологического подходов, в современном цивилизационном подходе культура как явление и процесс рассматривается в соотнесенности с социальными структурами, институтами и разнообразными человеческими практиками. Цивилизационный анализ сосредоточен на символических формах, фигурациях и конфигурациях культуры в тесной взаимосвязи с социальной жизнью и активностью отдельных индивидов, групп людей и сообществ.

Диалог в условиях растущей суверенизации стран с самостоятельной цивилизационной спецификой, соперничества и конфронтации с лидерами современного мира затрагивает значимые аспекты цивилизационного устройства на глобальном, региональном и локальном

уровнях. Цивилизационный суверенитет и суверенизация цивилизационного развития содержит целый корпус компонентов:

- предмет суверенизации: социальная структура, отношения собственности, элиты, власть, экономическая, правовая и политическая система, административное устройство, ресурсы, технологии;
- способы воздействия на суверенитет: иерархии, влияние, доминирование, гегемония, господство, институты.
- идеи, проекты, модели и практики цивилизационного диалога в достижении и поддержании суверенитета (сравнить с практиками борьбы за независимость и ее удержания);
- частичный неполный и полный суверенитет в разных сферах (политический, экономический, религиозный, международный);
- опыт устроения суверенных цивилизационных моделей современных государств, обществ и культур
- поддержания

Форматы цивилизационного диалога современных стран, их союзов включают:

- пространственно-временные (территориальные, темпоральные);
- материально-вещественные (природные и освоенные ресурсы);
- технологические;
- социокультурные (знаково-символические, воображаемые, интеллектуальные);
- коммуникативные, информационные, цифровые;
- институциональные;
- ценностные ориентиры и поведенческие модели.

Особенности конфронтационного цивилизационного диалога современных обществ затрагивают: а) обретение самостоятельности в принятии решений в разных областях; б) преодоление зависимостей: политической, правовой, экономической, финансовой, технологической, информационной, коммуникативной, медийной и др.; в) использование конструктивных и деструктивных форм реализации и поддержания современных цивилизационных конфликтов; г) отслеживание динамики, способов нецивилизационных взаимодействий; д) мирное урегулирование конфронтаций и конфликтов как способов разрешения цивилизационных проблем, противоречий, споров; е) стабилизация институтов (правил, норм) борьбы за рынки, сферы влияния, свободу торговли; ж) правомерность борьбы за суверенитет в условиях санкций, заморозок валютных ресурсов, финансовых ограничений. Эффекты неравного цивилизационного диалога современных обществ проявляются в таких формах как: противоречивость, амбивалентность, архаичность, прагматизм, утрата самостоятельности, идентичности, плавильный котел, деколонизация, новая колонизация и др.

Достижение цивилизационного суверенитета современного российского государства становится ключевым направлением в социально-структурном, социокультурном, субъектном, институциональном отношениях. Стержень цивилизационного устройства российского общества образует взаимообратимость, взаимовоздействие социальной структуры и культуры в практической институционально регулируемой деятельности людей, в особенности, во взаимоотношениях с другими обществами. Российское общество и

современный мир находятся уже в совершенно новой ситуации многомерной современности или множественной модерности. Для российского общества это означает формирование независимого и самостоятельного пути, точнее, суверенной модели современного цивилизационного развития страны в целом, многонациональных сообществ, региональных и локальных территорий.

Библиография

1. Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1998. – 556 с.
2. Тойнби А. Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2009. – 670 с.
3. Хантингтон С.П. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003 [5]. – 603 с.
4. Харин А.Н. К типологии цивилизационных суперсистем // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 1. С. 247–255.
5. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: в 2 т. М., СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 1: Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. – 332 с.

ДОВЕРИЕ – ОСНОВА ТОЛЕРАНТНОСТИ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Белова М.В., к. социол. н., асс., СПбГУ
Веселов Ю.В., д. социол. н., проф., СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

Как измерить толерантность? Это один из самых важных исследовательских вопросов данной статьи. Мы предлагаем в качестве косвенного измерителя уровень генерализованного доверия. Мы провели такое исследование в Петербурге в 2020 и 2021 гг. (при поддержке РФФИ, грант 20-011-00155 А). Понятно, что один показатель вряд ли скажет многое о толерантности, поэтому мы предлагаем целый ряд показателей доверия, полученных в ходе эмпирического исследования, и оценку толерантности в глубинных интервью.

Что такое доверие? Существуют различные трактовки данного термина, но самое общее его понимание заключается в определении доверия как некоторого состояния человека, при котором он полагается на чье-либо мнение или суждение, так как считает его авторитетным, или он делегирует свои полномочия другому человеку. Доверие – это уверенность (confidence) в надежности человека или системы по отношению к определенному ряду событий или явлений, считает Энтони Гидденс (Giddens, 1990, p. 34). Доверие – это моральное отношение к другим, к своим или чужим, способ взаимодействия с ними. Фрэнсис Фукуяма полагает: доверие – та из моральных ценностей, что у нас осталось из славного прошлого, когда присутствовали понятия верности и чести, выкованные феодальным обществом (Фукуяма Ф., 2004). Доверие помогает нам в современных условиях рыночного общества, когда вокруг все чужие, выстроить отношения как к чужим, так и к своим, то есть приспособить внешнюю социальную среду для своих индивидуальных действий. Другие ученые, например, Никлас Луман, определяет доверие как современный феномен, который порождается нашим сегодняшним обществом (Luhmann, 1988, p. 94–107). Доверие – уверенность в другом, это ставка на поведение другого человека по отношению к тебе, рациональное ожидание определенных действий, связанных с взаимными моральными обязательствами (Sztompka, 1999, p. 75).

Толерантность – одно из ключевых понятий в современной социологии. С точки зрения социологической науки, толерантность может быть интерпретирована как терпимость к отличающимся от привычных образу жизни, ситуативному поведению, реализации иных традиционных и религиозных обрядов. В социологии, при интерпретации толерантности, особый акцент делается на общности, и именно из-за этого толерантность в социологии, прежде всего, ассоциируется с терпимостью. Например, религиозную толерантность можно охарактеризовать как терпимость к иному рода взглядам, нравам, обычаям, имеющим сакральное значение и / или диссонирующим с пониманием сакральности в какой-либо религиозной доктрине. Из представленного выше социологического термина толерантности, можно вывести также антропологическое определение данного термина (конечно, имеется в виду социальная и культурная антропологии – дисциплина, которая занимается

сравнительным изучением человеческих обществ), которое окажется близким к биологическому и экологическому определениям, и будет характеризовать толерантность как восприимчивость культуры этнической группы к внешнему культурному влиянию, связанному с подменой или разрушением существующего у данной этнической группы культурного кода. Согласно интегрируемому определению: толерантность – это особенность восприятия индивидом одного человека, группы лиц или ситуации в целом с нейтральных (неагрессивных позиций), выражающаяся в *сознательном* подавлении чувства неприятия, вызванного всем тем, что знаменует в объекте иное (внешность, манеры, речь, вкусы, идеи, принципы, образ жизни, убеждения и т. д.) при условии, что данные особенности не несут в себе очевидной опасности для индивида. Поясняя представленное определение, необходимо отметить, что оно ставит во главу угла отдельного человека, отношение которого к окружающему миру фактически является мерилем данного мира, и подводит определенный итог многовековому развитию гуманистической традиции с ее многогранной трактовкой прав человека и его первостепенной роли в создании общества. Важной составляющей данного определения является возможность толерантного отношения не только к другой личности, но также и к группе лиц или ситуации в целом, что, с одной стороны, расширяет сферу применимости понятия толерантность, но, с другой стороны, вводит определенный элемент избирательности, позволяющий более точно описывать качественную составляющую человеческого восприятия. Следующий важный компонент – осознанность толерантного поведения, так как невозможно относиться с уважением к вещам, недоступным пониманию, – данные явления неминуемо начнут вызывать смешанные чувства.

Диалектически доверие выступает как предпосылка и как результат развития толерантности. То есть, формирование культуры толерантности невозможно без уже некоторого уровня доверия в обществе, и в то же время, культура толерантности как социальный капитал расширяет границы доверия. В то же время, доверие и толерантность не тождественные понятия, эмпирические данные в России свидетельствуют о высоком доверии в рамках семьи, а толерантность в рамках семьи оставляет желать лучшего, имея в виду уровень и масштабы семейного насилия. Как на личностном уровне, так и на уровне общества, доверие и толерантность могут накапливаться (или растрачиваться) и приносить своим обладателям символическую прибыль, то есть выступают как социальный капитал. Социальный капитал доверия и толерантности функционирует примерно так же, как и человеческий капитал: накопленные знания, умения и навыки доверия и толерантного поведения используются индивидом для построения эффективной социальной коммуникации, что в будущем приносит ему добавочную ценность – такой человек быстрее и с меньшими социальными издержками достигает своих целей. Полученная символическая прибыль вполне может конвертироваться в денежную прибыль, например, доверие и толерантность как ресурс активно используются в предпринимательской деятельности. Старая голландская поговорка гласит: «*Vertrouwen komt te voet en gaat te paard*» («доверие приходит пешком, а уезжает верхом на лошади»). Это одно из общих правил функционирования доверия и толерантности как социального капитала – они долго и тяжело накапливаются и очень быстро теряются. Вряд ли доверие и толерантность могут долго

сохраняться в виде «отложенного капитала», наоборот, они постоянно производятся и воспроизводятся в разнообразных социальных отношениях.

Исторически в европейском мире оба феномена возникают практически одновременно. Если говорить о толерантности, то уже в итальянских городах государствах 16-го столетия этот феномен эмпирически наблюдается: Фернан Бродель пишет, что на площади Сан-Марко в Венеции в то время можно спокойно встретить людей в турецких тюрбанах или в арабской одежде, ни у кого их облик не вызвал раздражения (Бродель, 1992, с. 184). Еще большей терпимостью отличался Амсте(ле)рдам 17-го столетия – толерантность заключалась, чтобы принимать людей такими, какими они есть. Эта толерантность не только социальная (повседневная), но и религиозная. В путеводителе по Амстердаму за 1701 г. говорится, что хоть и господствующая религия реформаторская, но каждый волен там «жить в той вере, которую исповедует». Бенедикт (Барух) Спиноза, сам происходившей из семьи сефардов бежавшей из Португалии в Нидерланды, пишет в «Этике» (1677 г.) – «ненависть никогда не может быть хороша» (Спиноза, 1998), то же утверждает Джон Локк в «Letter for Toleration» (1686 г.) – терпимость к тем, кто исповедует другую веру, настолько ясна, что противоположное представляется чем-то чудовищным (Локк, 1988, с.93–96).

Рационализированное доверие, доверие обобщенному другому, также появляется в это же историческое время. Связано это с процессом урбанизации, развития рыночной экономики, разделения труда и секуляризации. В средневековых обществах радиус доверия ограничивается небольшими группами (семья и родственные группы; соседские общины; этнические общности), это так называемое партикуляризированное доверие («in-group trust» – доверие внутри группы). При переходе к городским (со)обществам в эпоху Ренессанса радиус доверия расширяется, это обобщенное, генерализированное доверие («out-group trust» – доверие вне группы). Оно в большей степени связано с безличными отношениями («faceless commitments»), появляется фигура «другого» с которым необходимо взаимодействовать, но лично его вы не знаете, тогда что делать – доверять ему или нет? Адам Селигмен подчеркивает современный характер доверия и связывает его с возникновением в семнадцатом столетии разделения труда, что приводит к дифференцированному ролевому поведению – «...доверие есть нечто такое, что входит в социальные отношения, когда имеется возможность отклонения от ролей, то, что, возможно, может быть названо «открытыми пространствами» ролей...» (Селигмен, 2002, с.21); вера и верность как центральное социальное отношение феодального теряют свое прежнее значение, и их место в повседневной жизни человека замещает доверие. В средневековых обществах нет понятия риска (само слово «риск» приходит из словаря испанских мореплавателей эпохи Великих географических открытий), там есть понятие предопределенности, т. е. судьбы. Для снижения неопределенности в традиционном обществе задействуется механизм знакомства («familiarity»), а в современном обществе для снижения сложности и решения проблемы риска формируется механизм доверия в межличностных отношениях (Luhmann, 1998, p. 94–107).

В социологической теории доверия выделяют несколько типов и видов доверия. Существует доверие между людьми – «межличностное доверие»; доверие людей социальным, экономическим и политическим институтам – «институциональное доверие»; доверие

системам – «системное доверие», например, системам знания или «цифровое доверие», то есть доверие техническим цифровым системам. Межличностное доверие в свою очередь подразделяется на несколько видов: «генерализированное доверие» (доверие другим людям вообще, или точнее – доверие обобщенному другому; «партикуляризированное доверие» (доверие тем людям, кого индивид знает лично, это члены семьи, родственники, друзья, знакомые, соседи); партикуляризированному доверию противостоит доверие незнакомым людям, то есть «доверие чужакам» (обычно это те, кого индивид встречает впервые). Сопоставление последних двух видов доверия связано с понятием «радиус доверия» – насколько широко индивид включает в свой круг доверия других людей, сначала это члены семьи; потом родственники; затем друзья, знакомые; соседи; коллеги; и, наконец, совсем незнакомые люди. Радиус доверия связан не с уровнем доверия (высокий–низкий), а с масштабом доверия. Для измерения уровня доверия используют массовые опросы, обычно генерализированное доверие операционализируется в вопросе: «Если говорить в целом, вы считаете, что большинству людей можно доверять или надо быть очень осторожным в отношениях с людьми?», именно так измеряет доверие в различных странах WVS (World Value Survey, Q57); почти так же измеряет доверие EVS: «Если говорить в целом, вы считаете, что большинству людей можно доверять, или никогда осторожность не мешает (you can't be too careful) в отношениях с людьми?»; наш ФОМ использует при измерении доверия примерно такой же вопрос: «Одни считают, что людям можно доверять. Другие считают, что с людьми следует быть осторожными. Какая точка зрения вам ближе?».

Наше эмпирическое исследование имело общую цель измерить как общий уровень генерализированного доверия (по дихотомической шкале и по шкале Лайкерта), так и уровень партикуляризированного доверия; сравнить их с другими регионами и с уровнем доверия в среднем по РФ. Наиболее адекватным методом нам представлялся телефонный опрос жителей города по репрезентативной выборке; мы такой опрос провели в июле 2020 г.; выборка репрезентативна по основным социально-демографическим параметрам; (N = 1032), опрос проводился Центром социологических и интернет-исследований Санкт-Петербургского государственного университета в системе CATI. Мы провели также интернет-опрос жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области в сентябре 2021 г.; выборка по набору респондентов неограниченная – любой интернет-пользователь мог принять участие в опросе, объявление давалось в пабликах, выборка не репрезентативная, по характеру целевая: мы специально сравнивали мнение жителей крупного города (Санкт-Петербурга), малых городов (большинство жителей Ленинградской области в них проживает) и сельских жителей, из 505 опрошенных 119 проживают в малых городах и 70 в сельских поселениях, опрос проводился Центром социологических и интернет-исследований СПбГУ. Наиболее адекватным методом эмпирического исследования культуры доверия мы считаем глубинные интервью. У нас была возможность провести в 2020-2021 гг. только глубинные полуструктурированные интервью (проводились они к. филос. н., доц. Капусткиной Е.В. и к. социол. н. Беловой М.В., за что мы им выражаем нашу глубокую благодарность); всего было проведено 45 интервью.

В нашем исследовании в Санкт-Петербурге уровень генерализированного доверия (по методике WVS, дихотомическая шкала) составляет 25,7 %. Эти данные согласуются со средними показателями по РФ: согласно исследованию WVS, уровень генерализированного доверия в России составляет 22,8 % в 2018 г., N = 3,648; 2017 г. (World Values Survey, Wave 7). Если немного изменить методику измерения, и сформулировать вопрос «Вы считаете, что большинству людей можно доверять?» и ответы распределить по шкале Лайкерта, то 16,2 % респондентов в Петербурге однозначно утвердительно отвечают на этот вопрос, а 45,1 % считают, что можно доверять, но только частично. В Москве в 2014 г. 47,6 % респондентов склонны доверять людям (по сумме ответов «точно можно доверять» и «скорее можно доверять») (Рыжова, 2016, с.78) против 61,3 % в СПб по нашим данным. Чтобы измерить уровень партикуляризированного доверия, мы в телефонном опросе населения Петербурга задавали вопрос: «Насколько Вы доверяете членам Вашей семьи?». По сумме ответов «Полностью доверяю» и «Частично доверяю» уровень партикуляризированного доверия составляет 95,4 % в Петербурге (телефонный опрос населения Санкт-Петербурга, 2020 г.), по данным WVS в РФ в среднем доверяют членам семьи – 97,7 %. Чтобы определить радиус доверия, мы измерили уровень доверия незнакомым людям «Насколько Вы доверяете людям, которых встречаете впервые» (ответы распределены по шкале Лайкерта): в Петербурге он составляет 60,1 %, что существенно отличается от средних показателей по РФ – 21,9 %, видимо, сказывается эффект большого города. Институциональное доверие мы измеряли по отношению петербуржцев к федеральному правительству, хотя для более точного представления о нем необходимо исследовать отношения и к другим институтам. Мы спросили петербуржцев: «Доверяете ли Вы правительству Российской Федерации?» (телефонный опрос населения Санкт-Петербурга, 2020 г.), по сумме ответов «Полностью доверяю» и «Частично доверяю» уровень институционального доверия составляет 46,4 %.

Итак, наше исследование доверия в Санкт-Петербурге показало, что различные типы и виды доверия в городе примерно соответствуют средним российским показателям. Уровень генерализированного доверия несколько выше, партикуляризированного доверия несколько ниже, уровень институционального примерно такой же, как в среднем по РФ, отличается существенным образом только радиус доверия за счет того, что уровень доверия незнакомым людям существенно выше, чем в среднем по РФ, однако, скорее это эффект масштаба мегаполиса. Значит, в плане доверия и толерантности петербуржцы не отличаются от жителей других городов России, они сначала россияне, а потом уже петербуржцы. Наши качественные исследования (глубинные интервью) показали, что тяжкий груз «культуры недоверия», сформированной в 1930-е гг. В советском обществе, до сих пор препятствует процессу накопления «капитала доверия». Падение уровня доверия в 1990-е гг., связанное с «шоковой терапией» и общей «травмой перемен», также не способствовало формированию генерализированного и институционального доверия. Начавшееся было укрепление доверия в 2000-е гг. не удалось продолжить в последующие годы, главным образом вследствие роста всех видов социального неравенства и из-за неэффективной работы общественных институтов (количество нормативных правил увеличивалось, а качество их оставалось крайне низким).

Сравнивая наши данные с международной статистикой доверия, мы можем определить характерные черты или характер доверия – как в нашей стране сочетаются определенные виды и типы доверия. Уровень генерализованного доверия в Петербурге и России в целом относительно низкий (в международных сравнениях соответствует группе среднего низкого уровня, он характерен для бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы); уровень партикуляризированного доверия высокий, но радиус доверия узкий – мы доверяем тем, кого знаем лично (членам семьи, друзьям, знакомым, соседям), но не доверяем тем, кого встречаем впервые. Следовательно, и уровень толерантности в Петербурге, по всей вероятности, соответствует среднему низкому – lower middle – уровню в международной классификации.

Библиография

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М.: Прогресс. 1992. Т. 3. Время мира. – 679 с.
2. Локк Дж. Послание о веротерпимости // Локк Дж. Сочинения в 3-х томах. М.: Мысль, 1988. – 673 с.
3. Рыжова С. В. Доверие и этническая толерантность в условиях социальных перемен // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 1. С. 72–94.
4. Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002. – 256 с.
5. Спиноза Б. Богословско-политический трактат. М.: Академический проект, 2015. – 486 с.
6. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. М.: АСТ, 2004. – 730 с.
7. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press, 1990. – 186 p.
8. Luhmann N. *Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives* // *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*. Ed. by Di. Gambetta. Oxford: Blackwell. 1996. P. 94–107.
9. Sztompka P. *Trust: A Sociological Theory*. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1999. – 214 p.
10. World Values Survey, Wave 7: 2017–2020, Q57 URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (дата обращения: 09.10.2022).

**TOLERANCE
MULTIFUNCTIONALISM
in THE MODERN SOCIETY
МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ
ТОЛЕРАНТНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ
ОБЩЕСТВЕ**

TOLERANCE MULTIFUNCTIONALISM in THE MODERN SOCIETY
МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ
в СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

**WHAT THE PANDEMIC, IT, and NEW STUDENT DEMOGRAPHICS
 ILLUMINATE ABOUT THE NEW TEACHING LANDSCAPE in HIGHER EDUCATION**

Flynn P., Dr. of Economic, Prof.
 Global Business and Economics
 Bolte School of Business
 Mount St. Mary's University
 Emmitsburg, MD, USA

Introduction

Drasvitziye. It is a pleasure to be part of this conference hosted by colleagues at St. Petersburg State University with whom I have been working since 2014. I am Patrice Flynn, an economist in the Bolte School of Business at Mount St. Mary's University (est. 1808). My specialties are global capitalism, the world economy, and transnational business.

Today's conference topic – Tolerance and Intolerance – is evocative and inviting. When Professor Irina Pervova invited me to speak on the topic, I was in the middle of writing about my experience being a university professor during Covid-19. This conference provides an opportunity for me to share some of my thoughts on higher education today.

Being a systems thinker and a labor economist with 20 years of experience as a public policy empirical researcher, I naturally look at the bigger forces at play whenever we see great change. Today, I will focus on three forces impacting higher education: Covid-19, IT, and new student demographics, each of which are of great interest to me at this stage in my work as a professor, teacher, and researcher.

Together these factors have disrupted the nature of teaching and our roles as teachers. It leaves me rethinking: (a) what human capital development looks like in the 2020s, (b) what these changes portend for universities, and (c) where we go from here.

Factor 1: SARS-CoV-2 Coronavirus

Let's begin with the SARS-CoV-2 coronavirus that hit us all simultaneously in 2020. Over the past 2.5 years, teachers the world over have seen higher education turned on its head. We were asked to find ways to continue engaging youth and young adults in the learning process, as the coronavirus spread and institutions closed their doors, one by one.

Covid-19 was an exogenous shock that disrupted education everywhere. This was a nightmare for teachers. It was the first time as a globalist that I found myself in a situation whereby professors across the world were experiencing the same crisis, at the same time. We all responded differently.

My instinct was to go to the frontlines. Past professional work in crisis situations around the world prepared me for the frontlines. I taught my students live and in person. It was my way of coping through the Covid-19 shutdown. Everyone had their unique ways of coping with the shock. We were lucky at our university not to be judged for how we responded. Everyone did their best.

I've been right in the middle of this disruption in education, documenting Covid's impact on teaching, talking about it, and writing about it. My experience and research leave me concerned about the future of education as a form of human capital development. I'm left wondering how best to prepare students for what life will throw at them.

When the global pandemic hit, the immediate response was to shut down schools. People were scrambling. People were scared. Anxiety rose. Instead of coming together to figure out an appropriate response, we were spatially separated from each other.

Teachers stepped up to the plate and attempted to teach in an albeit haphazard fashion. Faint voices of concern about educational content and loss of learning were immediately hushed with fears of pay cuts, loss of non-wage compensation, furloughs, layoffs, and/or permanent firings, a looming reality when more than 48 million jobs were lost in the 16 weeks to July 10, 2020, and 40 million people filed for unemployment benefits in the United States!

Teachers did their best to teach virtually, whatever that meant. We were left without direction to set up cottage industries and recording studios at home. We entered the abyss of the virtual classroom without colleagues in the office next door with whom to consult.

As a result of this experience, some teachers opted out. They have quit their jobs or are thinking about changing occupations. Some teachers cannot tolerate the new expectations. The loss of teachers in the U.S. is alarming, reaching one-third of our workforce during Covid. The American Federation of Teachers (AFT) and the American Association of University Professors (AAUP) report that institutions are experiencing a greater than usual loss of faculty due to one or more of the following factors: educational institutions' pandemic response, expanded job duties, lack of support in the classroom, stagnant pay, growing workloads, online teaching demands, mental and physical exhaustion, burnout, feeling undervalued, spending more time on logistics than academics, and so on (AFT, 2022).

AAUP reports, moreover, falling faculty pay of 5 % in 2021 (for full-time faculty) and the replacement of tenured faculty with contingent instructors in 54 % of institutions over the past five years (AAUP, 2022).

Among teachers sticking it out, adjustments are being made in teaching methods. Some focus exclusively on the short-term, doing what they must to keep their jobs. Others focus on long-term implications for society. What teachers were struggling with pre-Covid still exists, only magnified. Our students require more intensive support. We see more panic attacks, more emotional struggles.

Society wants to leave the pandemic in the rearview mirror. As teachers, that's not possible because we see the impact of the pandemic every day in our classrooms.

Society wants to leave the pandemic in the rearview mirror. As teachers, that's not possible because we see the impact of the pandemic every day in our classrooms. What we see defies easy solutions.

What we see defies easy solutions.

Factor 2: IT

In a new book titled *After the Ivory Tower Falls* (2022), Will Bunch cites research indicating that the biggest complaint by students during Covid-19 has been the sterileness of electronic courses, that is, trying to do online what teachers used to in person.

When Covid-19 hit, university administrators ushered in a teaching modality that was waiting in the wings: digital, remote, online courses. The white flag was raised on campuses in the Spring of 2020, as one institution after another shrugged its shoulders and announced they had no other choice during mandatory closures other than to offer courses remotely.

Silicon Valley swooped in with an updated version of 19th-century correspondence schools, which forced teachers to become IT technicians, set up cottage industries at home, and give away their cumulative life's work for free.

Digitization of education has been in the works for a couple decades now. Throughout the 2010s, Silicon Valley had been pitching their software to college functionaries, funding instructional design centers on campuses and hosting workshops on the benefits of online courses.

Online courses were initially sneered at in established institutions as a tacky product not to be taken seriously. During Covid-19 all that changed in the rush toward emergency remote instruction.

When administrators purchased hardware and software to switch to digital "instruction," they struck a Faustian bargain that, at once, gives and takes away. Digital education is a "technician's pedagogy" designed by IT people and Silicon Valley coders. The method does not allow teachers to be sensitive to and respond well to student needs. But it is billed as a way for schools to save money in the long run when in-person teaching won't be needed.

There is no debate any longer on the respective utility of live versus digital classrooms. By 2021, venture capitalists had invested a staggering \$21 billion in what they call the "ed tech" industry, which is proving to be lucrative for financiers.

During Covid-19, digital platforms also vacuumed up set activities, lecture notes, carefully crafted exams, problem sets, models, science laboratory preps, course notes, practicum assignments, syllabi, and anything else managers required teachers to load onto for profit third-party digital platforms. And universities *paid* these platforms for the privilege of taking professors' work.

Coders are writing the operating system for higher education today. Their invisible architecture is shaping the way teachers teach and young people learn. This shift will have a huge impact on our lives.

There was little to no resistance from within, despite the empirical literature countervailing Silicon Valley spin. Early adopters accepted the pitch that computer coders understand education and how to teach effectively. Evidence suggests that this may not be a fair assumption. As documented by Clive Thompson (2019), coders are programmers who write the code for online course software despite knowing nothing about the intricacies of the teaching-learning process, nor the

course content.

The aftermath of having Silicon Valley coders write software to guide teaching is dangerous. Coders cannot replace skillful teachers. Coders are not educators. Obsessed with speed and efficiency,

they spend their days silently creating software with step-by-step instructions (i.e., algorithms) telling the computer precisely what to do. But all kinds of frictions occur when a human is trying to learn. No amount of coding will solve that problem.

Yet, coders are the ones writing the operating system for higher education today. Their invisible architecture is shaping the way teachers teach and young people learn. This shift will have a huge impact on our lives. As Thompson concludes, coders “are the most quietly influential people on the planet” (2019).

There is no substitute for a master teacher’s ability to convey and excite learning face-to-face in the classroom, which is why elites have always willingly paid the best educators to tutor their children, both on and off campus. The rest of society, however, may have to continue with online learning begun in haste during the coronavirus crisis.

To use a software term, the pandemic was a “high leverage point” to allow digitization of teaching to become the new norm. A full return to in-person education seems unlikely. Universities continue to require professors to use software to take attendance, enter grades, monitor student participation, and record class lectures. Teachers are required to teach both in-person and digitally for the same pay. We are expected to be on 24/7. There are no snow days anymore – just like in Russia!

The high quit rate among teachers suggests this is not a sustainable pathway forward.

Factor 3: New Student Demographics

This leads us to a third major factor impacting teaching today: the new demographics of students. Much talk surrounds what is called the college/non-college divide. Higher education in the U.S. was initially viewed as a public good, something of value to all young people because enhanced human capital would benefit society at large. Unfortunately, this never became a reality.

Yes, the percentage of adults in the U.S. with a four-year degree rose from 5 % in 1945 to 36 % in 2022. But those left out are told they need to get on the bandwagon and find a way to fund their education. Thus, we are seeing a growing number of students enrolled in institutions of higher education who are ill-prepared for higher learning. I don’t blame the students. The lack of preparedness is symptomatic of the student’s zip code, that is, where they were born and the kind of schools in their neighborhoods.

Students’ lack of preparedness is not the fault of their teachers either, who I’m sure did their best to teach students on shoestring budgets while accommodating new regulations and learning objectives. We are all just trying to do our best for our students.

For those of us in the classroom, the decision to open admissions to youth who are unprepared causes significant problems. As a teacher, I’m not sure what to do here. This is where our conference theme of “tolerance and intolerance” comes in. Do I, for example, lower the level of rigor to accommodate the growing number of students who cannot keep up? Do I cut back on content? Do I simplify criteria reference tests? Do I start grading on a curve?

I don’t know what to do. But I see a real problem emerging.

We are seeing a growing number of students enrolled in institutions of higher education who are ill-prepared for higher learning.

The upshot is that students are having a tough time. They are struggling academically. They are acting out. Their writing and basic math skills have fallen back to levels of 20 years ago (NCES, 2022). They are unprepared for higher education, and they might not make it through.

I think we are at a crossroads. What are we supposed to do in the classroom given all these changes in higher education?

The Collective Impact on Human Capital Development

Any one of these factors—the global pandemic, changes in IT, and new students demographics—would have disrupted higher education and learning. Collectively, however, they are disrupting the human capital development of our young people.

We are talking about a legitimate concern.

Matt Richtel’s 2022 *New York Times* year-long project titled “The Inner Pandemic” put the pieces together nicely. He describes the neurological mismatch between what students are experiencing (i.e., Covid-19 and online teaching) and what the brain is capable of processing. The mismatch results in the brain feeling paralyzed and unable to process information. Thus, we see increasing student stress levels, anxiety, self-harm, suicidal behavior, depressive episodes, multi-target psychotropic drug usage, and overall mental well-being distress in youth and young adults.

Students bring these “inner pandemic” symptoms to our classrooms, which we are ill equipped to address, much less manage.

I am left rethinking previous teaching strategies. Teaching requires much more time and energy to do the job well. I am constantly re-assessing my level of tolerance, searching for effective responses to what I see in the classroom.

The push toward digital education during Covid-19 feeds into the broader hostility towards teachers and the anti-intellectualism in modern society, the false notion that teachers are somehow “out of it” and not keeping up with the times. Quite the contrary. Covid demonstrated what happens when teachers are not able to offer young people the skills and knowledge to survive in a competitive economy.

Any one of these factors—Covid-19, changes in IT, and new students demographics—would have disrupted higher education and learning. Collectively, however, they are disrupting the human capital development of our young people. We are talking about a legitimate concern.

My observations, as a global capitalist specialist, are not veiled in elitist notions of sophistication or civility. I am just concerned that young people are not learning how to think substantively or how to develop adequate comprehension skills to navigate what life will throw at them.

At my university, we are not trying to produce graduates who will cement their membership in the ruling class or the intelligentsia. Rather, we are trying to help students develop the core skills and knowledge

necessary to understand the world in which they find themselves. Digital course delivery is working against these aims at the peril of the majority of today’s youth and young adults.

Some teachers have a low tolerance and are just doing what they can to get by, not interested in looking at the new teaching landscape. I’d prefer that we look at the changes as a group. I’d like, for

example, to know how teachers attending this conference at St. Petersburg State University are responding to these three forces of change. Where do you see the tensions? What is your level of tolerance? What kind of resolution do you see coming? How are you coping and adapting? How has your job changed? Are you ready to throw in the towel?

Conclusion

Our historical understanding of the purpose of the university is being challenged today. I wonder what the role of the university will be in the future. In the U.S., we are not of one mind on this question. So, I appreciate this opportunity to pause and look at the evidence 2.5 years into Covid-19, which has brought into relief tensions in the academy and the level of tolerance and intolerance in our collective and individual responses therein. Thank you for allowing me to share my observations, frustrations, and ideas. I welcome your feedback and your insights.

References

1. American Federation of Teachers (AFT). *Here Today, Gone Tomorrow? What America Must Do to Attract and Retain the Educators and School Staff Our Students Need*. Report from the AFT Teacher and School Staff Shortage Task Force. Washington, DC. July 21, 2022. – 39 p.
2. American Association of University Professors (AAUP). “AAUP Report Documents the Largest Decrease in Real Wages on Record.” Washington, DC. June 21, 2022. <https://www.aaup.org/media-release/aaup-report-documents-largest-decrease-real-wages-record> (accessed November 1, 2022).
3. Berkshire, J. “Why Teachers Are Dropping Out: Covid and the Culture Wars Have Turned an Exodus of Teachers into an Emergency.” *The Nation*. March 7-14, 2022. P. 14–19.
4. Bunch, W. *After the Ivory Tower Falls: How College Broke the American Dream and Blew Up Our Politics – and How to Fix It*. HarperCollins Publishers. 2022. P. 297–302.
5. DelBanco, A. “The University Crisis: Does the Pandemic Mark a Breaking Point?” *The Nation*. February 21–28, 2022. P. 32– 39.
6. National Center for Education Statistics (NCES). National Assessment of Educational Progress Report. Released October 24, 2022. <https://nces.ed.gov/pubsearch/pubsinfo.asp?pubid=2022124>. (accessed November 1, 2022).
7. Richtel, M. “It’s Life or Death: The Mental Health Crisis Among U.S. Teens.” *The New York Times*. May 3, 2022. B1-2.
8. Thompson, C. *Coders: The Making of a New Tribe and the Remaking of the World*. NY, 2019. Penguin Press. – 179 p.

THE IMPACT of POGIL-BASED INSTRUCTION versus LECTURE-BASED INSTRUCTION on GRADE-12 STUDENTS' ATTITUDE

Al Neyadi S.S., Assoc. Prof., PhD in Education
Al Budabi, UAE.

Introduction

The quality of education is a major concern for many academic leaders and policymakers. The Global Competitiveness Index report shows that the quality of education has recently declined. Therefore, it is imperative to develop suitable and responsive strategies to counter this downtrend (Al Ahbabi, 2019). The quality of education can be evaluated by the student's social skills (Slavich & Zimbardo, 2012), performance (Lin & Tsai, 2013; Marshall et al., 2017; Walker & Warfa, 2017), and critical thinking (Wozniak, 2012). It can broadly bridge racial and gender performance gaps (Banerjee et al., 2010; Jackson & Ash, 2012; Shemwell et al., 2015). It also facilitates the transition from an oil economy to a human resource economy (AlGhawi, 2017) and promotes economic stability in a competitive business environment.

Previous studies have explored the impact of inquiry-based learning on student learning and performance (Hanson, 2015; Slavich & Zimbardo, 2012; Walker & Warfa, 2017). Inquiry-based learning is learner-centered and focuses on finding solutions by asking scientific questions, planning, and explaining results (Marx et al., 2004). These studies show that inquiry-based learning is more effective than traditional teaching methods. POGIL enables students to analyze, design, develop, implement and evaluate research questions (Hanson, 2013). In the conventional model, students use reasoning and logic to confirm or refute the hypotheses put forward by the teacher such that students start with the result and work backward (Shemwell et al., 2015). Results are known, and procedures are consistent each time experiments are performed. Understanding different approaches to learning help teachers guide students on how to process and retain knowledge (Pritchard, 2016). A weakness of these studies is that they ignore individual differences and focus only on the approach to learning. To close this gap, we examine how science education processes (such as POGIL) influence students' knowledge of science subjects, especially physics. This achievement is measured by learners' attitudes towards scientific inquiry, enjoyment of the class, and interest in physics.

Fifty-seven countries were evaluated by the Trends in International Mathematics and Science Study (Olson et al., 2007). The assessment found that learners performed poorly in science, including physics. These results directly relate to student attitudes towards physics (Guido, 2013). Physics is the most complex subject in the natural sciences. Students find physics difficult in high school and become more evasive as they progress to college (Guido, 2013). I. Halloun (1996) emphasizes that physics is usually less attractive to students from secondary school through college. Therefore, students are hostile to physics. This trend demonstrates the need to change educational strategies to meet the learning needs of students.

We apply cognitive theory to explain these relationships. These theories are based on learning as a mental process in social, cultural, and linguistic contexts (Feldman, 2003). Consistent with cognitive theory, POGIL places the learner at the center, and the teacher directs the process (Jensen, 2005).

They are interested in structuring, organizing, and ordering information to enable optimal strategies (Wiggins & McTighe, 2005). However, psychological factors such as student attitudes might influence this process.

Attitudes affect student learning and performance. Alnaqbi (2016) defines attitudes as specific emotions that indicate whether learners like science. Examining learners' attitudes towards science is essential as they influence learning behavior (Bandura & Health, 1986). Students with negative attitudes towards science tend to perform poorly (Alnaqbi, 2016). Therefore, we incorporate students' attitudes towards science in our models we examine this relationship.

This study contributes to the literature in two ways. First, we examine the advantages of using POGIL as a learning approach. Learners are motivated to expand their knowledge through application and reasoning. By introducing POGIL, students are encouraged to increase their belief in science. Second, we examine the interaction between POGIL and student's attitudes towards science. POGIL transfers skills through collaboration and teamwork. Previous studies have focused on how POGIL affects students' attitudes and ability to learn science but have found conflicting results. Using a sample of primary and secondary school students, some studies have shown positive associations (Alkan, 2006; Çakır et al., 2006; Ilgaz, 2006), while others offer a negative association (George, R. 2006; Külçe, 2005; Weinburgh, 2000). We reconcile these contradictions using an experimental study to evaluate physics students.

Theoretical Framework and Literature Review

Learning Theories

Learning theory helps improve teaching and learning by enabling educators to develop insightful ideas about the learning process. Learning theory sheds light on different aspects of the learning process (Eggen & Kauchak, 2007). The range of learning theories can be divided into behaviorism, cognitivism, and constructivism (Yilmaz, 2011). The fundamental theoretical framework of this study is derived from cognitive theory and social constructivism theory.

The cognitive theory outlines the mental processes in learning and how they interact to motivate students (Van Compernelle & Williams, 2011). From the beginning, the cognitive idea was conceived as a counter-theory to behaviorism. The behavioral approach fails to explain how learners perceive and process information (Alexander et al., 2009). They also emphasize observable behavior and ignore cognitive learning processes (Slavin, 2006). Behaviorism postulates that prior knowledge plays a more significant role than directing the learning process (Deubel & Scheider, 2003). The cognitive theory emerged as a response to these three assumptions and emphasizing the usefulness of mental processes. It suggests that individuals respond differently to environmental stimuli (Matlin, 1994).

Further, learning and knowledge acquisition is a mental activity that involves internal coding and structuring by the learner (Derry, 1996; Slavin, 2006). Finally, it emphasizes the learner's knowledge capacity rather than the learning process (Yilmaz, 2011). Therefore, it suggests ways to make knowledge meaningful and relies on the learner's existing mental structure or schema.

The tenets of cognitive theory align with inquiry-based learning. Inquiry-based learning works in the opposite direction of traditional lecture-based teaching. Instruction-based learning presents students with a problem, and they are required to form hypotheses related to their experiment.

Inquiry-based learning poses challenges for teachers and learners because it requires new methods and strategies to address problems from different perspectives (Krajcik et al., 2000). Students can apply scientific processes to real-life situations (Cianciolo et al., 2006). This learning method provides opportunities for students to observe, interrogate, survey, analyze and interpret data.

Further, it enables students to generate new knowledge through active learning (Guessoum, 2012; Tairab & Al-Naqbi, 2017) either inductively or deductively. Indeed, the teacher's role involves designing proper inquiry experiences (Shemwell et al., 2015). On the contrary, traditional methods rely on the student's reasoning to confirm or refute hypotheses from data collected. Students start with the results and work backward (Moog & Spencer, 2008).

POGIL as an Inquiry-Based Learning Approach

POGIL is a popular teaching method in science classes. This approach engages students in the learning process, ultimately increasing their understanding of complex concepts and fostering collaboration among students (Barthlow & Watson, 2011). POGIL emphasizes discovery and problem-based learning to help students understand scientific concepts based on prior knowledge, experience, skills, attitudes, beliefs, and self-efficacy (Hanson, 2013). Students using the POGIL module connect and visualize concepts and multiple representations, and discuss and interact with each other (Hanson, 2013). Learning here is accomplished through a fun exercise that demonstrates the benefits of sharing information, following procedures, and working together (Trevathan & Myers, 2013).

POGIL evolved from J. Piaget's (Piaget, 1976) theory of cognitive development. This theory outlines principles related to students' advanced thinking skills and inquiry (Saskatchewan Education, 2009). Such assumptions are evident in the POGIL method, which requires students to find solutions to problems by asking questions. There are many formats in the structure of a POGIL lesson, but the general approach is to offer a 10-minute lecture and a 5-minute POGIL session. The student spends 5 minutes in exercises directly related to the content of the lesson (Trevathan & Myers, 2013).

There are other approaches similar to POGIL. For example, L. Vygotsky's (Vygotsky, Cole, 1978) zone of proximal development (ZPD) outlines the five stages of learning as modeling, coaching, articulation, reflection, and exploration (Podolskiy, 2012). Each lesson begins with a 10-minute introductory presentation by the teacher, followed by a facilitator outlining learning goals and success criteria. Students explore the model and use a series of questions to develop concepts that help them understand the model. Students then develop their understanding by finding answers to questions and solving complex problems. The fourth and final section is evaluation. In this section, students share their group results with other group students and facilitators and reflect on their performance. It is helpful to make clear that such practices can vary from classroom to classroom depending on the situation, subject, resources, and trainer (Podolskiy, 2012).

POGIL is used to create scientific instructions. Hanson (2013) developed a physics module based on POGIL and developed a physics module based on POGIL. These modules are divided into analysis, design, development, implementation, and evaluation phases. Students are expected to formulate hypotheses, design experiments, extract data, analyze, discuss results, and present them to peers. Additionally, in Indonesia N. Devitri and colleagues (Devitri, et al, 2019) investigated the effectiveness

of physics modules taught in POGIL. Building on Hanson's work, Slavich, and Zimbardo (2012) emphasized the need for learners to use various tools, such as models and experiments, to stimulate the investigation of observed phenomena. These researchers found that this approach allowed learners to work together to develop social skills. POGIL-exposed students performed better in chemistry classes than students in flipped classrooms (Deora et al., 2020) and traditional teacher-centered education (Hahn et al., 2014). Similarly, four high school chemistry students showed significant differences on standardized tests (Barthlow & Watson, 2011). L. Walker and A. Warfa (2017), in a meta-analysis of 21 studies (N=7876 students), found that students taught using POGIL-based instructions had better coupling than standard lecture instructions. R. Soltis and colleagues (2015) found that POGIL improved student performance, engagement, and metacognition. In summary, the POGIL strategy improves students' overall test performance, develops critical thinking, and provides an interactive classroom environment.

Unlike POGIL, traditional teaching methods are inversely related to learning and innovation. Also, conventional teaching methods are inversely related to learning outcomes. A. Zamista and colleagues (2019) found that students found physics difficult after each lecture. Teachers focused on mastery and cognitive skills such as memorization. Therefore, traditional teaching methods do not give students the opportunity to analyze the problem. At the end of their education, students lack a balance of knowledge, skills and positive attitudes (Mun et al., 2009).

POGIL influences overall learning outcomes. Researchers found that students exposed to POGIL-based teaching strategies had higher levels of achievement and developed positive attitudes towards learning (Al-Balushi et al., 2012; Walker & Warfa, 2017) outperformed other approaches (Lin & Tsai, 2013). Additionally, B. Wozniak (2012) found that POGIL allows students to identify flawed concepts and change them before proceeding. Through active learning and teamwork it boosts the student's attitude (Roller & Zori, 2017). The learning cycle involves exploring and applying such concepts (Banchi & Bell, 2008). At these levels, students must demonstrate flexibility and collaboration in investigating complex issues. Students are directly involved in knowledge creation, which increases their confidence, motivation, and idea retention (Chase et al., 2013). Finally, the student is assigned tasks and roles such as group her leader, recorder, presenter, and reflector. Such division of labor processes enhance accountability and collaboration (Bell et al., 2010). Managers monitor members, recorders report key aspects of the group's observations, presenters provide verbal reports to the class, and reflectors observe group dynamics, behavior, and performance.

In some cases, POGIL may have no impact on learning outcomes. There were no significant differences between students taught with POGIL and those exposed to traditional forms of instruction (Barthlow & Watson, 2011) and other inquiry models (Abadiah & Ketut Prasetyo, 2019). M. Geiger (2012) showed that POGIL did not change student performance in a health course at Gaston College, USA. They attributed these results to students' reluctance to deal with difficult learning environments (Geiger, 2012). Therefore, successful implementation of POGIL modules should be combined with sufficient cognitive, emotional and team skills.

POGIL and Student Attitude

Student attitudes influence their engagement and performance. Attitudes are defined as an individual's perspective on needs derived from experience or observation (DiBiase & McDonald, 2015). Most students are reluctant to take courses in science subjects such as physics, believing they are not suitable for such courses or fail to achieve the expected grades (Wilson & Grigorian, 2019). This reluctance highlights the need to examine attitudes that may contribute to student underperformance in science subjects.

Learners may have internalized negative attitudes towards science. Al Ahababi (2019) argues that their performance declines when students hold opposing beliefs. These attitudes result from poor educational approaches that are not aligned with the learning needs of students (Pennington et al., 2018). Furthermore, policies may be outdated and lack mechanisms to facilitate learning (Bunce et al., 2006). Negative attitudes towards science subjects (such as physics) lead to lower achievement (Balfakih, 2010) and an aversion to physics (Ibrahim et al., 2019).

Researchers have shown that POGIL has a positive impact on students' attitudes. A. Chase and colleagues (2013) conducted a study examining the effects of using POGIL to teach general and organic chemistry courses. Results showed that POGIL-taught students did not improve in performance, retention, or self-efficacy but had more positive attitudes (Chase et al., 2013). An Australian mixed-methods study by V. Vishnumolakala and colleagues (2017) found that students' attitudes, self-efficacy, and learning experience improved after using POGIL. Using a quasi-experimental study design, M. Bug-os and V. Caro (2019) found that grade-12 Filipino students' performance and attitudes improved after learning through the POGIL process. In the Philippines, students who participated in the study achieved success in physics due to their teachers' simple, hands-on teaching methods (Guido, 2013). In Malaysia, N. Ibrahim and colleagues (2019) investigated the learning attitudes of physics students and challenges related to learning ability and movement. There was no association between student attitudes and academic performance in physics (Ibrahim et al., 2019). P. Oh and R. Yager (2004) found that students taught in traditional lecture rooms had more negative attitudes toward science learning than those taught in POGIL.

The learning environment created by POGIL positively impacted students' attitudes toward science (Fraser et al., 2010; Goh & Fraser, 1998; Simpson & Oliver, 1990). V. Vishnumolakala and colleagues (2017) found that POGIL provided positive emotional experiences for students who were new to chemistry or had limited knowledge of chemistry. M. Ardiany and colleagues (2017) demonstrated improvements in student performance and self-efficacy in learning through guided, inquiry-based learning. They found POGIL was fun and exciting especially when students were asked to share their ideas and opinions.

Research Questions

We designed an experiment to answer the following research questions.

Research Question 1: How do 12th graders perform with POGIL-based instruction compared to lecture-based instruction in the circular motion unit of the physics curriculum?

Research Question 2: How does POGIL-based instruction compare to lecture-based instruction influence student attitudes toward scientific inquiry, enjoyment of teaching, and professional interest in physics?

Research Question 3: Is there a relationship between grade-12 performance and attitudes when learning through POGIL-based instruction and lectures?

Method

In 2019, 110 12th-grade students taking advanced courses (physics being one of the subjects) at two public high schools in the United Arab Emirates participated in a quasi-experimental study. This population was convenient because one of the researchers had a contact at the schools. We chose convenient sampling because the degree of focus is already known (Creswell, 2012). Besides, they were the city's largest and best-performing schools (ADEK, 2022).

This study performed a pre-test and post-test to minimize causality. A quasi-experiment is suitable for the phenomenon in teaching contexts (Creswell, 2012). It can be used to distinguish trends for each variable under study. Also, using a quasi-experimental approach is cost-effective as it eliminates the need for pre-screening and randomization (Creswell, 2012). This study design ensures minimal interference with the student's learning environment.

Two classes were randomly selected from each group. Consent forms were sent to parents at both schools. After receiving approval, students were assigned to an experimental group (POGIL; N=54) or a control group (non-POGIL; N = 56).

Procedure

The physics unit was taught in 16 lessons (4 per week for four weeks). Each class lasted 45 minutes. The physics topics were acceleration and net force; centripetal force and inertia; the centripetal force requirement; mathematical analysis of circular motion; Newton's law of universal gravitation; the gravity acceleration; satellite motion, weightlessness, and Kepler's laws of planetary motion. The researchers then got approval to conduct the study, which included pre-tests, post-tests, and a survey of students' scientific attitudes toward physics classes. The two researchers explained the lesson using regular exam papers. The students in the experimental group (POGIL) were divided into six groups, each group containing five students. As part of this study, teachers used a variety of teaching strategies that corresponded to each student's learning style, interests, and abilities. They provided activities and challenges that actively engaged students in research and celebrated their ideas while further targeting their understanding and retention. After four weeks of teaching circular motion units using POGIL by H. Hu, T. Shepherd (2013), N. Deora, and colleagues (2020), students rated their attitudes towards science. Collected data were coded and numbered, ready for analysis.

Measures

All items were translated into the Arabic language using R. Brislin's (1986) back-translation technique.

Student Science Performance in Circular Motion. Students answered 30 multiple-choice questions measuring their performance in circular motion. The questions measured three levels of achievement

(KAR-Knowing, Applying, and Reasoning). We took learning outcomes found in student textbooks and standardized test development processes widely used worldwide and demonstrated their effectiveness and reliability (Martin et al., 2019; OECD, 2016). Sample items include “What is the distance moved by an object at a specific angled termed as in circular motion?” for knowing, “Which of the following is a correct comparison between degrees and radian, value of π rad” for applying and “What will be the relation between magnitude of force at the points A and B for a ball of mass M in circular motion with a radius R suspended from a string in a constant speed V?” for reasoning.

Scientific Attitudes. Students rated 70 items on a 5-point Likert scale based on the Test of Science Related Attitudes (TORSA; Fraser, 1981). Sample item includes, “I would rather find out about things by asking an expert than by doing an experiment.” This scale has been used in previous studies (e.g., Welch, 2010).

Preliminary Analysis

Validity and Reliability

The reliability of the cognitive outcome test was assessed by measuring the half-reliability coefficient. Internal consistency was overall high ($\alpha = 0.83$), representing knowledge domain ($\alpha = 0.78$), application domain ($\alpha = 0.87$) and reasoning ($\alpha = 0.85$). These domains showed high trust (George & Mallery, 2016)

The reliability of attitudes toward scientific research, enjoyment of education, and career interest (SEC) was assessed by measuring half-reliability coefficients. Overall internal consistency was high ($\alpha = 0.88$) and consisted of academic inquiry ($\alpha = 0.91$), educational enjoyment ($\alpha = 0.79$) and academic interest ($\alpha = 0.83$).

Analysis

Descriptive statistics. We used descriptive statistics to find the mean and standard deviation. An independent-samples t-test was used to find the pre- and post-test means for the control and experimental groups. Paired-sample t-tests were performed to compare pre- and post-test results for each group before and after intervention.

Correlation. The correlation coefficient was calculated to assess the relationship between achievement level and three dimensions of attitude in grade 12 physics students- scientific inquiry, enjoyment of lessons and care interest.

Effect size. Effect sizes are essential for the outcomes in this study as they highlight their importance to communicate the practical significance of results.

Results

Research Question 1. *How do 12th graders perform with POGIL-based instruction compared to lecture-based instruction in the circular motion unit of the physics curriculum?*

In pre-test applying abilities was the highest in both groups (Control Group M = 5.63, SD = 1.46; Experimental Group M=5.98, SD =1.84) followed by their knowing abilities (Control Group M = 3.93 and SD =1.10; Experimental Group M= 4.02, SD =1.21). However, participants’ reasoning abilities were reported the lowest in both groups (Control Group M= 3.66, SD = 1.07) and (Experimental

Group M= 3.89, SD =1.18). In the post-test, participants’ reasoning ability was the highest in experimental group (M = 8.83, SD = 1.41), then applying ability came with mean of 7.70 (SD=2.13), while participants’ knowing ability was the lowest (M = 5.17, SD = 0.88). With regard to control group, participants’ applying ability was the highest in (M = 5.84, SD = 1.35), then reasoning ability came with mean of 3.96 (SD=1.39), while participants’ knowing ability was the lowest in control group (M = 3.64, SD = 1.10). In the total score of the cognitive outcomes test (KAR), participants scored higher in the experimental group (M= 21.70, SD =2.96) than in the control group (M= 13.45, SD = 2.00).

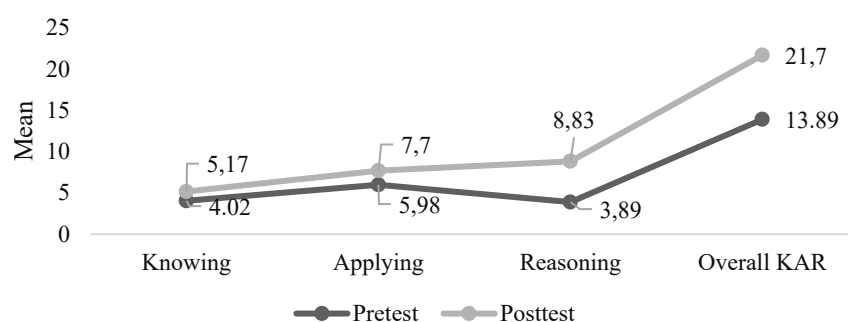

Figure 1. Profile of the cognitive outcomes test of (KAR)-pretest vs post-test

As shown in Table 1, Independent Samples T- test showed that statistically, there was a high significant difference between the control group and experimental group regarding students’ knowing abilities ($t = 7.98, DF = 108, p < 0.05$), applying abilities ($t = 5.50, DF = 108, p < 0.05$), and students’ reasoning abilities in favor of experimental group ($t = 18.25, DF = 108, p < 0.05$). The overall performance was higher among students in the experimental group ($t = 17.22, DF = 108, p < 0.05$).

Table 1

Results of independent sample t-test of the cognitive outcomes of the variables of knowing, applying and reasoning (KAR)- Pretest

Scale	Group	N	Mean	Std. Dev.	t	df	Sig.
Knowing	Control	56	3.93	1.10	0.41	108	0.682
	Experimental	54	4.02	1.21			
	Total	110	3.99	1.18			
Applying	Control	56	5.63	1.46	1.129	108	0.261
	Experimental	54	5.98	1.84			
	Total	110	5.80	1.66			
Reasoning	Control	56	3.66	1.07	1.067	108	0.289
	Experimental	54	3.89	1.18			
	Total	110	3.77	1.12			
Overall KAR	Control	56	13.23	2.00	1.635	108	0.105
	Experimental	54	13.91	2.33			
	Total	110	13.56	2.18			

The results of paired sample t-test for the pretest and post-test indicated that there was a high significant difference in means of the scores of knowing ($t = 5.30, DF = 53, p < 0.05$), applying ($t = 3.72, DF = 53, p < 0.05$) and reasoning ($t = 21.83, DF = 53, p < 0.05$) after the intervention. Overall, there was a high significant difference in means the total scores of (KAR) in favor of posttest ($t = 13.96, DF = 53, p < 0.05$).

Table 2

Results of paired sample t- test for the cognitive outcomes (KAR)

Scale	Test	Mean	Std. Deviation	Mean Diff.	t	df	Sig.
Knowing	Pretest	3.93	1.10	0.286	1.29	55	0.203
	Post-test	3.64	1.10				
Applying	Pretest	5.63	1.46	0.214	0.792	55	0.432
	Post-test	5.84	1.35				
Reasoning	Pretest	3.66	1.07	0.304	1.608	55	0.114
	Post-test	3.96	1.39				
KAR	Pretest	13.21	2.00	0.232	0.641	55	0.524
	Post-test	13.45	2.00				

Std. Deviation= Standard Deviation Mean Diff. = Mean Difference

As shown in table 3 and Figure 2, participants' applying abilities were the highest in both groups (control group $M = 5.63, SD = 1.46$) and (experimental group $M=5.98, SD =1.84$), followed by their knowing abilities (Control Group $M = 3.93$ and $SD = 1.10$) and (Experimental Group $M = 4.02, SD = 1.21$). However, participants' reasoning abilities were reported the lowest in both groups (Control Group $M = 3.66, SD = 1.07$) and (Experimental Group $M = 3.89, SD = 1.18$). In the total score of the cognitive outcomes Test of (KAR), participants scored higher in the experimental group ($M = 13.91, SD = 2.33$) than the control group ($M = 13.23, SD = 2.00$).

Table 3

Results of independent samples T-test of the overall cognitive outcomes (KAR) for the two groups (post-test)

Scale	Group	N	Mean	Std. Dev.	T	df	Sig.
Knowing	Control	56	3.64	1.10	7.98	108	0.00
	Experimental	54	5.17	0.88			
	Total	110	4.39	1.26			
Applying	Control	56	5.84	1.35	5.50	108	0.00
	Experimental	54	7.70	2.13			
	Total	110	6.75	2.00			
Reasoning	Control	56	3.96	1.39	18.25	108	0.00
	Experimental	54	8.83	1.41			
	Total	110	6.35	2.81			

Overall KAR	Control	56	13.45	2.00	17.22	108	0.00
	Experimental	54	21.70	2.96			
	Total	110	17.50	4.84			

Std. Dev. = Standard Deviation.

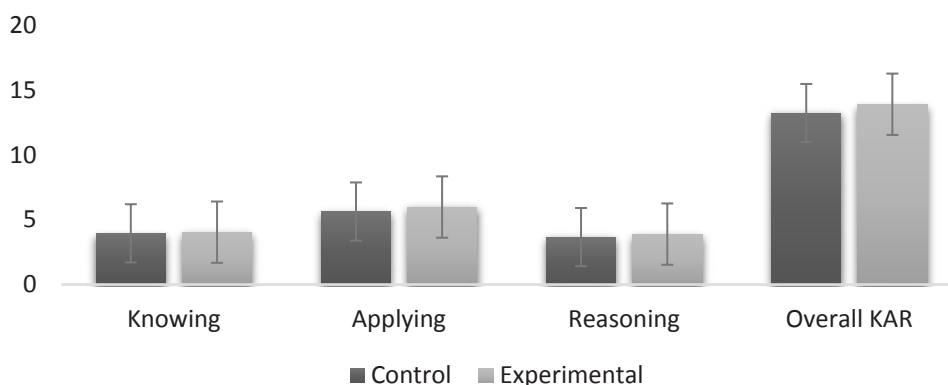

Figure 2. Profile of the cognitive outcomes of (KAR) test –pretest

The effect size of the POGIL-based instruction for the post scores of the experimental group in each subscale of KAR test showed that the percentage of the POGIL approach for overall KAR scores for the experimental group is 190 %. This percentage indicates that this tool is effective in elevating overall KAR ability among the students in the experimental group by approximately 1.90 level of standard deviation.

Research Question 2: *How does POGIL-based instruction compare to lecture-based instruction influence student attitudes toward scientific inquiry, enjoyment of teaching, and professional interest in physics?*

We compared the mean scores of the survey of Science Related Attitude toward scientific inquiry, enjoyment of lessons and career interest in physics before and after the intervention. Before the intervention, the results indicated that participants’ attitudes in career interest in science was the highest (Control Group M = 2.64, SD = 0.; Experimental Group M = 2.74, SD = 0.44) followed by inquiry (Control Group M = 2.54, SD = 0.7; Experimental Group M = 2.61, SD = 0.56). However, enjoyment of science lessons was the lowest in both groups (Control Group M = 2.50, SD = 0.54) and (Experimental Group M = 2.59, SD = 0.63). In general, participants scored higher in the experimental group (M = 7.94, SD = 0.96) than the control group (M = 7.79, SD = 1.12).

Table 4

T-test for independent samples for the subscales of students’ attitudes towards scientific inquiry survey: pre-test

Scale	Group	N	Mean	Std. Dev.	t	df	Sig.
Scientific inquiry	Control	56	2.54	0.71	0.61	108	0.540
	Experimental	54	2.61	0.56			

Enjoyment of Science lessons	Total	110	2.57	0.64	0.83	108	0.409
	Control	56	2.50	0.54			
	Experimental	54	2.59	0.63			
Career interest in Science	Total	110	2.55	0.58	1.06	108	0.291
	Control	56	2.64	0.52			
	Experimental	54	2.74	0.44			
Overall attitudes towards scientific inquiry	Total	110	2.69	0.48	0.80	108	0.428
	Control	56	7.79	1.12			
	Experimental	54	7.94	0.96			
	Total	110	7.86	1.05			

Std. Dev.=Standard Deviation

The post-test showed that the student's career interest in science ($M = 4.24$, $SD = 0.51$), enjoyment of science lessons ($M = 4.20$, $SD = 0.53$), and scientific inquiry ($M = 4.13$, $SD = 0.62$) was highest in the experiment group. For the control group, student's career interest in science was the highest ($M = 2.73$, $SD = 0.49$), followed by scientific inquiry ($M = 2.68$, $SD = 0.47$), then enjoyment of science lessons ($M = 2.43$, $SD = 0.60$). The total score of the students' attitudes towards scientific inquiry, participants scored higher in the experimental group ($M = 12.57$, $SD = 1.14$) than the control group ($M = 7.84$, $SD = 1.00$). Students in experimental group were more likely to had positive perceptions of scientific inquiry after the intervention comparing to the control group.

Table 5

Results of T-test test for related samples for the students' attitudes towards scientific inquiry survey in the pre-test and post-test for the control group

Scale	Test	Mean	Std. Dev.	Mean Diff.	<i>t</i>	<i>Df.</i>	Sig.
Scientific inquiry	Pretest	2.54	0.71	0.14	1.21	55	0.231
	Post-test	2.68	0.47				
Enjoyment of Science lessons	Pretest	2.50	0.54	0.07	0.63	55	0.532
	Post-test	2.43	0.60				
Career interest in Science	Pretest	2.64	0.52	0.09	0.96	55	0.340
	Post-test	2.73	0.49				
Overall attitudes towards scientific inquiry	Pretest	7.79	1.12	0.05	0.26	55	0.799
	Post-test	2.54	0.71				

Std. Dev. = Standard Deviation Mean Diff. = Mean Difference

Overall, statistically there is no significant difference was found between the control group (M = 7.79, SD = 1.12) and experimental group (M = 7.94, SD = 0.96) in overall attitudes towards scientific inquiry ($t = 0.80, DF = 108, p > 0.05$, which indicated that the overall students' perceptions towards scientific inquiry to before the intervention was the same. The same results were obtained after using Bonferroni adjusted significance criterion of the $p = 0.05$. The adjusted p-value was = 0.0125 (.05/4) since 4 tests were conducted (Figure 3).

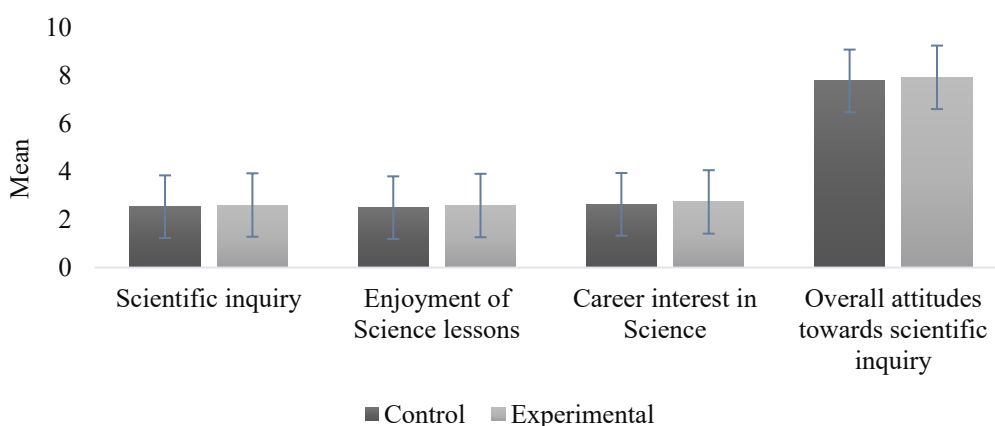

Figure 3. Profile of the students in the subscales of students' attitudes towards scientific inquiry: pretest

Table 6

Descriptive statistics of students' attitudes towards scientific inquiry for the students in the two groups – post-test

Scale	Group	N	Mean	Std. Dev.	t	df	Sig.
Scientific inquiry	Control	56	2.68	0.47	13.91	108	0.00
	Experimental	54	4.13	0.62			
	Total	100	3.39	0.91			
Enjoyment of Science lessons	Control	56	2.43	0.60	16.47	108	0.00
	Experimental	54	4.20	0.53			
	Total	100	3.30	1.05			
Career interest in Science	Control	56	2.73	0.49	15.86	108	0.00
	Experimental	54	4.24	0.51			
	Total	100	3.47	0.91			
Overall attitudes towards scientific inquiry	Control	56	7.84	1.00	23.29	108	0.00
	Experimental	54	12.57	1.14			
	Total	100	10.16	2.60			

Std. Dev. = Standard Deviation.

Through effect size of calculated above, it could be figured out that the percentage of the POGIL approach for students' attitudes towards scientific inquiry scores for the experimental group is 291 %.

This percentage indicates that this tool is effective in elevating students' attitudes towards scientific inquiry among the students in the experimental group by approximately 2.91 level of standard deviation. Further, Cohen's effect size value ($d = 2.91$) suggested a high practical significance.

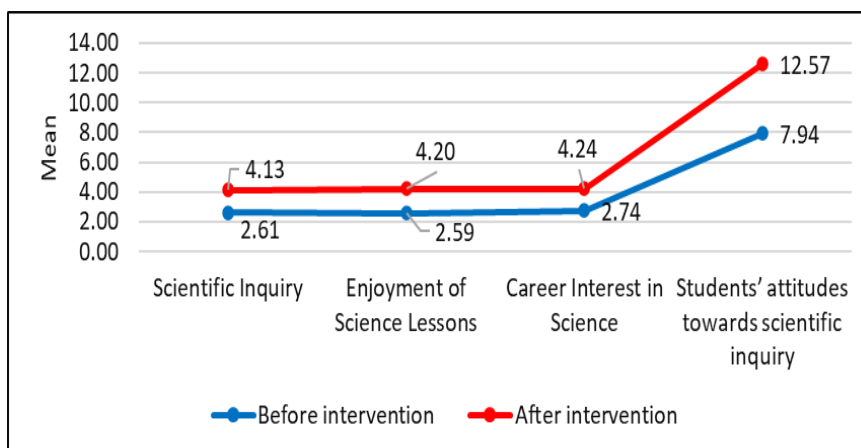

Figure 4. Profile of the experimental group in the attitudes towards scientific inquiry -pretest vs post-test

Research Question 3. *Is there a relationship between grade-12 performance and attitudes when learning through POGIL-based instruction and lectures?*

The correlation between students' performance in KAR and their attitude towards science inquiry ($r = 0.565, p < 0.05$) was positive and significant. In addition, students' attitudes towards science inquiry statistically had a positive effect on students' performance ($\beta = 0.24, t = 2.10, p < 0.05$) after the intervention. In addition, there was a positive and significant correlation between students' performance in KAR and their views towards science inquiry ($r = 0.565, p < 0.05$), which indicated that as students' performance in KAR increase, their opinion towards science inquiry more positive.

Table 7

Correlation between Grade 12 Students' Performance in KAR, and Attitudes

Scales		KAR	Attitudes
KAR	Correlation Coefficient	1.000	
	P-value		
Attitudes	Correlation Coefficient	0.037	1.000
	P-value	0.786	

Discussion

Results showed that students in the experimental group were more likely to perform better on the post-intervention KAR test than on the pre-intervention test. In particular, students' logical skills were highest when they learned through POGIL-based instruction. POGIL-based instruction had

a positive impact on students' knowledge, application, and reasoning (KAR). POGIL enabled students to improve their cognitive and high-level thinking skills, which was reflected in improved physics performance. Similar to previous results, such outcomes reinforce a positive attitude towards learning (Barthlow & Watson, 2011; Fencil & Scheel, 2005). These studies show that POGIL had the greatest positive impact on student performance on standardized science tests over students taught by conventional methods (Banerjee et al., 2010; Jackson & Ash, 2012; Marshall et al., 2017; Shemwell et al., 2015). POGIL-based learning has strengthened students' ability to perfect learning skills (Lin and Tsai, 2013) and has been a means of changing student attitudes (Wozniak, 2012). POGIL assumes that students who actively participate in the learning process have a deeper level of understanding of complex concepts than those who remain passive in the learning process compared to traditional teaching methods that are teacher-centered and lecture-dominated. POGIL also emphasizes collaboration among students (Barthlow & Watson, 2011).

The active learning and group work students experienced in POGIL-based classes was beneficial in developing positive attitudes towards physics in the students. The improved sense and thinking of students about physics and science as a result of their active participation in POGIL classes reflects their understanding of the application of conceptual science, and traditional teaching methods. It supports the view that it satisfies an academic need for science. Preferred (Fan et al., 2020; Fowler & Bridges, 2012).

It can be concluded that the use of inquiry-based teaching in general, and POGIL in particular, has many teaching and learning benefits, improving students' knowledge, application, and reasoning abilities (Cavallo et al., 2004). For example, knowledge is typically passed from teachers to students through both lecture and POGIL methods. However, it has been observed that student-student interactions carried out in POGIL promote more positive meaning construction than teacher-student interactions (Nihalani et al., 2010). Additionally, the POGIL teaching methodology is implemented through collaboration and practice, allowing students to apply content knowledge while dealing with real-world problems. This helps develop higher cognitive abilities and improve performance (Kuhn et al., 2000). However, this type of instruction enhances students' ability to structure knowledge and concepts so that they learn better through project-based learning or action (Alneyadi, 2019). In addition, through experiments and demonstrations, application and reasoning will be strengthened. POGIL-based classes improve comprehension and higher-level thinking skills, whereas lecture-based courses typically only address lower cognitive skills. Furthermore, POGIL-based instruction empowers students to become knowledge producers, and lecture-based instruction turns students into consumers (Quitadamo et al., 2008).

Theoretical Implications

The results of this study suggest that effective strategies such as POGIL need to be adapted to maximize student learning in line with innovations in science education related to 21st21st-centuryyll acquisition. Science teaching and learning should train students to become independent learners by reinforcing discovery and inquiry-based learning.

POGIL-based pedagogies also increase learner confidence and provide opportunities to solve real-world problems (Lombardi, 2007). Furthermore, the use of POGIL affects students' cognitive,

emotional, and psychomotor skills. This is reflected in higher scores on exams that assess these aspects of student learning. Finally, POGIL helps students develop hypothesis-making decision-making skills.

A critical aspect that makes POGIL unique is its materials. POGIL materials are designed for use in self-managed teams that interact with teachers- the facilitators of learning rather than as sources of information. They guide students through quests to deepen their understanding. Thematic content is then used to prohigher skills developmentkills and the ability to learn and apply knowledge in new contexts. This content should be introduced to both prospective and current teachers.

POGIL-based teaching is a useful educational approach. However, it has proven culturally challenging, especially regarding the teacher's candid evaluation, working in groups, availaband ility (or lack thereof) of resources an,d training (Tairab & Al-Naqbi, 2017). These are some of the reasons that make reasoning difficult in lecture-based classrooms added that these cultural aspects have proven to be the greatest challenge. Recognizing the need to prepare students for the upcoming academic year, "covering" is the overriding duty".

Practical Implications

This study has several practical implications. First, educational decision makers and schools need to move to inquiry-based and POGIL-based teaching that improves student performance and academic attitudes. In this process, learning will no longer be teacher-centered but student-centered. The findings revealed that lectures are ineffective in improving student performance and attitudes towards science. Moreover, the physics curriculum should be introduced and presented to enhance students' understanding of physics and motivates them beyond the classroom. It can be achieved by introducing a hands-on curriculum that connects physics to real-world contexts. Schools should introduce acadeteachnce and counselling programs thatemphasizing knowledge gained in the phy class will be applied in the digital age, and the ae of artificial intelligence. To improve the efficacy of POGIL, teach-and-memorize teaching methods should be completeeliminated entirelyl levels. Sixth, science teachers should be provided with continuing professional development programs e. g., POGIL, to enha,nce teaching effectiveness. Seventh, school leaders, advisors and science department heads should facilitate the implementation of POGIL-based education and put students at the center of pedagogy, teaching, and learning. Eighth, schools are encouraged to promote a culture treinforcingthe power of physics and its importance in enhancing students' knowledge, application, and reasoning. Finally, we need an introductory program for students to improve their scientific attitude.

Limitations and Future Research Opportunities

This study had many strengths, but some limitations were noted. For example, the study only looked at 110 students in their 12th grade from two state high schools in the UAE emirate from 2019 to 2020. Future research studies are needed to examine this topic in a larger sample that may include grades such as 10th grade and her 11th grade. Future research should also expand the samplmodelther gdifferent her levels of education, such as pra imary and high school in private and public schools.

They are limited by school structure, randomizing students to either a control or experimental

group is not achieved in a quasi-experimental design. Future studies can adopt a mixed methods approach to perform triangulation and ensure causal relationships between independent variables (using POGIL) and other dependent variables are also recommended. In addition, teachers and consultants should also be involved in sampling.

Moreover, applying different tests yielded conflicting results. When examining the KAR values of the experimental and control groups, no significant difference was found in the mean values. However, the t-test of the experimental group was higher than that of the control group. To generalize these findings, further research is needed to investigate the impact of POGIL-based teaching on other science subjects such as chemistry, biology and geology.

References

1. Abadiah, V.N.H., & Ketut Prasetyo, S. The Effect of Pogil Model on Critical Thinking Skills of Islamic Senior High School Students. *International Journal of Scientific and Research Publications (IJSRP)*. 2019. 9 (9). P. 9328.
2. ADEK. *ADEK Ratings 2022-Abu Dhabi Schools*. 2022. <https://www.edarabia.com/adek-school-ratings-abu-dhabi/> (accessed September 12, 2019).
3. Al-Balushi, S. M., Ambusaidi, A. K., Al-Shuaili, A. H., & Taylor, N. Omani twelfthgrade students' most common misconceptions in chemistry. *Science Education International*, 2022. 23 (3). P. 221–240.
4. Al Ahababi, N. M. Key stakeholders' perceptions about school improvement strategies in UAE. *Improving Schools*. 2019. 22 (2). P. 113–129.
5. Alexander, A.P., Schallert, D.L., & Reynolds, R.E. What Is Learning Anyway? A Topographical Perspective Considered. *Educational Psychologist*. 2009. 44 (3). P. 176–192.
6. AlGhawi, M.A. Gifted education in the United Arab Emirates. *Cogent Education*, 2017. 4 (1). P. 1368891.
7. Alkan, A. İlköğretim öğrencilerinin fen bilgisine karşı tutumları. MS thesis. Afyon Kocatepe Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2006.
8. Alnaqbi, S. The Relationship between Attitudes and Students' Intention to Enter the Vocation Education and Training in the United Arab Emirates. *Asian Social Science*. 2016. 12 (5). P. 161.
9. Alneyadi, S.S. Virtual Lab Implementation in Science Literacy: Emirati Science Teachers' Perspectives. *EURASIA Journal of Mathematics, Science and Technology Education*, 2019. 15 (12). <https://doi.org/10.29333/ejmste/109285> (accessed July 10, 2019).
10. Ardiany, M., Wahyu, W., & Supriatna, A. Enhancement of Self Efficacy of Vocational School Students in Buffer Solution Topics through Guided Inquiry Learning. *Journal of Physics: Conference Series*, 2017. 895, 012118. <https://doi.org/10.1088/1742-6596/895/1/012118> (accessed July 10, 2019).
11. Balfakih, N.M. The assessment of the UAE's in-service and pre-service Elementary science teachers in the integrated science process skills. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2010. 2 (2). P. 3711–3715.
12. Banchi, H., & Bell, R. *The Many Levels of Inquiry*. *Science and Children*. 2008. 46 (2). P. 26–29.
13. Bandura, A., & Health, N.I. of M. *Social foundations of thought and action: A social cognitive theory*. Prentice-Hall, Inc. SAGE Publications Ltd, 2002. <https://doi.org/10.4135/9781446221129.n6> (accessed July 10, 2019).
14. Banerjee, A.V, Banerji, R., Duflo, E., Glennerster, R., & Khemani, S. Pitfalls of Participatory Programs: Evidence from a Randomized Evaluation in Education in India. *American Economic Journal: Economic Policy*. 2010. 2 (1). P. 1–30.
15. Barthlow, M.J., & Watson, S.B. The Effectiveness of Process-Oriented Guided Inquiry Learning to Reduce Alternative Conceptions in Secondary Chemistry. *School Science and Mathematics*. 2011. 114 (5). P. 246–255.
16. Bell, T., Urhahne, D., Schanze, S., & Ploetzner, R. Collaborative Inquiry Learning: Models, tools, and challenges. *International Journal of Science Education*. 2010, 32 (3). P. 349–377.
17. Brislin, R.W. The wording and translation of research instruments. In W. J. L. & J.W.Berry (Ed.), *Cross-cultural research and methodology series, Field methods in cross-cultural research*. Sage Publications. 1986. Vol. 8. P. 137–164.
18. Bug-os, M.A.A.C., & Caro, V.B. Academic performance and attitudes towards general physics of grade 12 students

- in a process-oriented guided inquiry learning (POGIL). *Science International*. 2019. 13 (1). P. 31–34.
22. Bunce, D.M., VandenPlas, J.R., & Havanki, K.L. (2006). Comparing the Effectiveness on Student Achievement of a Student Response System versus Online WebCT Quizzes. *Journal of Chemical Education*, 83 (3). P. 488.
 23. Çakır, N.K., Üenler, B., & Taúkın, B. ölkö÷retim II. kademe ö÷rencilerinin fen bilgisi dersine yönelik tutumlarının belirlenmesi. *Türk E÷itim Bilimleri Dergisi*. 2006. 5 (4). P. 637–655.
 24. Cavallo, A.M.L., Potter, W.H., & Rozman, M. Gender Differences in Learning
 25. Constructs, Shifts in Learning Constructs, and Their Relationship to Course Achievement in a
 26. Structured Inquiry, Yearlong College Physics Course for Life Science Majors. *School Science and Mathematics*. 2004.104 (6). P. 288–300.
 27. Chase, A., Pakhira, D., & Stains, M. Implementing Process-Oriented, Guided-Inquiry Learning for the First Time: Adaptations and Short-Term Impacts on Students' Attitude and Performance. *Journal of Chemical Education*. 2013. 90 (4). P. 409–416.
 28. Cianciolo, J., Flory, L., & Atwell, J. W. Evaluating the use of inquiry-based activities: do student and teacher behaviors really change. *Journal of College Science Teaching*. 2006 36 (3). P. 50–55.
 29. Creswell, J.W. *Educational research: Planning, conducting, and evaluating quantitative and qualitative research* (4th ed.). Boston, MA: Pearson. 2012.
 30. Deora, N., Rivera, N., Sarkar, S., Betancourt, M., & Wickstrom, L. Combining Flipped Classroom with POGIL in an Urban Community College Setting: A Pilot Study. *Education*. 2020.10 (1). P. 19–23.
 31. Derry, S.J. Cognitive schema theory in the constructivist debate. *Educational Psychologist*. 1996. 31 (3–4). P. 163–174.
 32. Deubel, H., & Scheider, W.X. Delayed Saccades, but Not Delayed Manual Aiming Movements, Require Visual Attention Shifts. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2003. 1004 (1). P. 289–296.
 33. Devitri, N., Syafriani, & Djamas, D. Validity of physics module nuanced model of process oriented guided inquiry learning (POGIL) to improve scientific literacy at 10 th grade senior high school. *Journal of Physics: Conference Series*. 2019. 1185, 012060. <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1185/1/012060> (accessed July 10, 2019).
 34. DiBiase, W., & McDonald, J.R. Science Teacher Attitudes Toward Inquiry-Based Teaching and Learning. *The Clearing House: A Journal of Educational Strategies, Issues and Ideas*. 2015. 88 (2). P. 29–38.
 35. Eggen, P. D., Kauchak, D. P., & Garry, S. *Educational psychology: Windows on classrooms*. Pearson/Merrill/Prentice Hall. 2007. P. 200–222.
 36. Fan, X., Chai, Z., Deng, N., & Dong, X. Adoption of augmented reality in online retailing and consumers' product attitude: A cognitive perspective. *Journal of Retailing and Consumer Services*. 53, 101986. <https://doi.org/10.1016/j.jretconser.2019.101986> (accessed July 10, 2020).
 37. Feldman, D.H. Cognitive Development in Childhood. In *Handbook of Psychology*. John Wiley & Sons, Inc. <https://doi.org/10.1002/0471264385.wei0608> (accessed July 10, 2019).
 38. Fencil, H., & Scheel, K. Engaging Students: An Examination of the Effects of Teaching Strategies on Self-Efficacy and Course Climate in a Nonmajors Physics Course. *Journal of College Science Teaching*. 2005. 35 (1). P. 20.
 39. Fowler, K., & Bridges, E. An Experiential Exercise in Service Environment Design. *Journal of Marketing Education*. 2012. 34 (2). P. 156–164.
 40. Fraser. *Test of Science Related Attitudes (TORS)*. 1981.
 41. [https://cyfar.org/sites/default/files/Attitude Towards Science \(middle school and high school\).pdf](https://cyfar.org/sites/default/files/Attitude%20Towards%20Science%20(middle%20school%20and%20high%20school).pdf) (accessed July 10, 2019).
 42. Fraser, B.J., Aldridge, J.M., & Adolphe, F.S.G. A Cross-National Study of Secondary Science Classroom Environments in Australia and Indonesia. *Research in Science Education*. 2010. 40 (4). P. 551–571.
 43. Geiger, M. Implementing POGIL in Allied Health Chemistry Courses: Insight from Process Education. *International Journal of Process Education*. 2012. 2 (2). P. 19–34.
 44. George, D., & Mallery, P. *IBM SPSS Statistics 23 Step by Step*. Routledge. 2016.
 45. <https://doi.org/10.4324/9781315545899> (accessed July 10, 2019).
 46. George, R. A Cross-domain Analysis of Change in Students' Attitudes toward Science and Attitudes about the Utility of Science. *International Journal of Science Education*. 2006. 28 (6). P. 571–589.

47. Goh, S.C., & Fraser, B.J. Teacher interpersonal behaviour, classroom environment and student outcomes in primary mathematics in Singapore. *Learning Environments Research*. 1998. 1. P. 199–229.
48. Guessoum, N. Issues and agendas of islam and science. *Zygon*®. 2012. 47 (2). P. 367–387.
49. Guido, R.M.D. Attitude and Motivation towards Learning Physics. *International Journal of Engineering Research and Technology*. 2013. 2 (11). P. 2987-2093.
50. Hahn, A., Judd, C.M., Hirsh, H.K., & Blair, I.V. Awareness of implicit attitudes. *Journal of Experimental Psychology: General*. 2014. 143 (3). P. 1369–1392.
51. Halloun, I. Schematic modeling for meaningful learning of physics. *Journal of Research in Science Teaching: The Official Journal of the National Association for Research in Science Teaching*, 1996. 33(9). P. 1019–1041.
52. Hanson, D. M. Instructor's guide to process-oriented guided-inquiry learning. 2016. Lisle, IL: Pacific Crest.
53. Hanson, D.M. *Designing Process-Oriented Guided-Inquiry Activities*. January 2007. Lisle, IL: Pacific Crest.
54. Hu, H.H., & Shepherd, T.D. Using POGIL to help students learn to program. *ACM Transactions on Computing Education*. 2013. 13 (3). P. 1–23.
55. Ibrahim, N.A. Zakiang, M.A., & Damio, S.M. Attitude in Learning Physics among Form Four Students. *Social and Management Research Journal*. 2019. 16 (2). P. 19.
56. Ilgaz, G. İlköğretim II. kademe öğrencilerinin fen bilgisi dersine yönelik tutumları ve kullandıkları öğrenme stratejileri. MS thesis. Trakya Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2006.
57. Jackson, J.K., & Ash, G. Science Achievement for All: Improving Science Performance and Closing Achievement Gaps. *Journal of Science Teacher Education*. 2012. 23 (7). P. 723–744.
58. Jensen, E. Teaching with the brain in mind (2nd ed.). In Alexandria, VA: Association for Supervision and Curriculum Development. 2005.
59. Krajcik, J., Mamlock, R., & Hug, B. (Ed. L Corno). Modern content and the enterprise of science: science education in the twentieth century In: *Education across a Century: The Centennial Volume*. One-Hundredth Yearbook of the National Society for the Study of Education, Chicago: University of Chicago Press. 2000. P. 205–237.
60. Kuhn, D., Black, J., Keselman, A., & Kaplan, D. The Development of Cognitive Skills To Support Inquiry Learning. *Cognition and Instruction*. 2000. 18 (4). P. 495–523.
61. Külçe, Cansu. İlköğretim ikinci kademe öğrencilerinin fen bilgisi dersine yönelik tutumları. MS thesis. Pamukkale Üniversitesi Fen Bilimleri Enstitüsü, 2005.
62. Lin, T.-J., & Tsai, C.-C. A multidimensional instrument for evaluating Taiwanese high school students' science learning self-efficacy in relation to their approaches to learning science. *International Journal of Science and Mathematics Education*. 2013. 11 (6). P. 1275–1301.
63. Lombardi, M.M. Authentic learning for the 21st century: An overview. *Educause Learning Initiative*, 2007. P. 1–12.
64. Marshall, J.C., Smart, J.B., & Alston, D.M. Inquiry-Based Instruction: A Possible Solution to Improving Student Learning of Both Science Concepts and Scientific Practices. *International Journal of Science and Mathematics Education*. 2017. 15 (5). P. 777–796. Martin, M.O., Davier, M. von, & Mullis, I.V.S. *TIMSS 2019 Technical Report*.
65. <https://timssandpirls.bc.edu/timss2019/methods/> (accessed July 10, 2019).
66. Marx, R.W., Blumenfeld, P.C., Krajcik, J.S., Fishman, B., Soloway, E., Geier, R., & Tal, R.T. Inquiry-based science in the middle grades: Assessment of learning in urban systemic reform. *Journal of Research in Science Teaching*. 2004. 41 (10). P. 1063–1080.
67. Matlin, M. W. *Cognition* (3rd Ed). Harcourt and Brace Publishers.1994.
68. Mitchell, E., & Hiatt, D. Using POGIL Techniques in an Information Literacy Curriculum. *The Journal of Academic Librarianship*. 2010. 6. P. 539–542.
69. Moog, R.S. & Spencer, J.N. Process oriented guided inquiry learning (POGIL). Washington, DC: American Chemical Society. 2008. 994. P. 1–13.
70. Mun, W.K., Hew, K.F., & Cheung, W.S. The impact of the use of response pad system on the learning of secondary school physics concepts: A Singapore quasi-experiment study. *British Journal of Educational Technol.* 2009. 40 (5). P. 845–860.
71. Nihalani, P.K., Wilson, H.E., Thomas, G., & Robinson, D.H. What Determines High-and Low-Performing

- Groups?. The Superstar Effect. *Journal of Advanced Academics*. 2010. 21 (3). P. 500–529.
73. OECD. *PISA-based Test for Schools – Assessment*. 2016.
74. https://www.oecd.org/pisa/aboutpisa/PfS_TechReport_CRC_final.pdf (accessed July 10, 2019).
75. Oh, P.S., & Yager, R. Development of constructivist science classrooms and changes in student attitudes toward science learning. *Science Education International*. 2004. 15 (2). P. 105–113.
76. Olson, J.F., Martin, M., & Mullis, I.V. TIMSS 2007 Technical Report. In *TIMSS & PIRLS International Study Center, Lynch School of Education*, Boston College. 2007.
77. Pennington, C.R., Bates, E.A., Kaye, L.K., & Bolam, L.T. Transitioning in higher education: an exploration of psychological and contextual factors affecting student satisfaction. *Journal of Further and Higher Education*. 2018. 42 (5). P. 596–607.
78. Piaget, J. Piaget's Theory. In *Piaget and His School*. Springer Berlin. 1976. P. 11–23.
79. Podolskiy, A.I. Zone of Proximal Development. In *Encyclopedia of the Sciences of Learning*. Springer US. 2012. P. 3485–3487.
80. Pritchard, M. *Data visualization vs. infographics [Blog post]*. 2016.
81. <https://killerinfographics.com/blog/data-visualization-versus-infographics.html> (accessed July 10, 2019).
82. Quitadamo, I.J., Faiola, C. L., Johnson, J.E., & Kurtz, M.J. Community-based Inquiry Improves Critical Thinking in General Education Biology. *CBE–Life Sciences Education*. 2008. 7 (3). P. 327–337.
83. ` Roller, M.C., & Zori, S. The impact of instituting Process-Oriented Guided-Inquiry Learning (POGIL) in a fundamental nursing course. *Nurse Education Today*. 2017. 50. P. 72–76. Saskatchewan Education. *Saskatchewan Curriculum*.
84. https://www.ece.gov.nt.ca/sites/ece/files/resources/arts_education_9_2009.pdf (accessed July 10, 2019).
85. Shemwell, J.T., Chase, C.C., & Schwartz, D.L. Seeking the general explanation: A test of inductive activities for learning and transfer. *Journal of Research in Science Teaching*. 2015. 52 (1). P. 58–83.
86. Simpson, R.D., & Oliver, J.S. A summary of major influences on attitude toward and achievement in science among adolescent students. *Science Education*. 1990. 74 (1). P. 1–18.
87. Slavich, G.M., & Zimbardo, P.G. Transformational Teaching: Theoretical Underpinnings, Basic Principles, and Core Methods. *Educational Psychology Review*. 2012. 24 (4). P. 569–608.
88. Slavin, R.E. Shame Indeed. *Phi Delta Kappan*. 2006. 87 (8). P. 621–623.
89. Soltis, R., Verlinden, N., Kruger, N., Carroll, A., & Trumbo, T. Process-Oriented Guided Inquiry Learning Strategy Enhances Students' Higher Level Thinking Skills in a Pharmaceutical Sciences Course. *American Journal of Pharmaceutical Education*. 2015. 79 (1). P. 11.
90. Tairab, H., & Al-Naqbi, A. Provision of inquiry instruction and actual level of practice as perceived by science teachers and their students. *Eurasia journal of mathematics, science and technology education*. 2017. 14 (1). P. 397–412.
91. Trevathan, J., & Myers, T. Towards Online Delivery of Process-Oriented Guided Inquiry Learning Techniques in Information Technology Courses. *Journal of Learning Design*. 2013. 6 (2). P. 1-11. <https://doi.org/10.5204/jld.v6i2.122> (accessed July 10, 2019).
92. Van Compernelle, R.A., & Williams, L. Metalinguistic explanations and self-reports as triangulation data for interpreting second language sociolinguistic performance. *International Journal of Applied Linguistics*. 2011. 21 (1). P. 26–50.
93. Vishnumolakala, V.R., Southam, D.C., Treagust, D.F., Mocerino, M., & Qureshi, S. Students' attitudes, self-efficacy and experiences in a modified process-oriented guided inquiry learning undergraduate chemistry classroom. *Chemistry Education Research and Practice*, 2017. 18 (2). P. 340–352.
94. Walker, L., & Warfa, A.-R.M. Process oriented guided inquiry learning (POGIL®) marginally effects student achievement measures but substantially increases the odds of passing a course. *PLOS ONE*. 2017. 12 (10). e0186203. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0186203> (accessed July 10, 2019).
95. Weinburgh, M. Gender, Ethnicity, and Grade Level as Predictors of Middle School Students' Attitudes toward Science. *Education Resources Information Center*. 2000. P. 1–12.
96. Welch, A.G. Using the TOSRA to Assess High School Students' Attitudes toward Science after Competing In the FIRST Robotics Competition: An Exploratory Study. *EURASIA Journal of Mathematics, Science and Technology*

- Education*, 2010. 6 (3). <https://doi.org/10.12973/ejmste/75239> (accessed July 10, 2019).
97. Wiggins, G., & McTighe, J. Understanding by design, expanded (2nd ed.). In *Alexandria VA: Association for Supervision and Curriculum Development*. 2005.
98. Wilson, A.T., & Grigorian, S. The near-peer mathematical mentoring cycle: studying the impact of outreach on high school students' attitudes toward mathematics. *International Journal of Mathematical Education in Science and Technology*. 2019. 50 (1). P. 46–64.
99. Wozniak, B. *Effect of process-oriented guided-inquiry learning on nonmajors' biology students' understanding of biological classification (Order No. 1517251)*. 2012.
100. <http://search.proquest.com/docview/1039584600?accountid=11248> (accessed July 10, 2019).
101. Yilmaz, K. The Cognitive Perspective on Learning: Its Theoretical Underpinnings and Implications for Classroom Practices. *The Clearing House: A Journal of Educational Strategies, Issues and Ideas*. 2011. 84 (5). P. 204–212.
102. Zamista, A.A., Rahmi, H., & Juni. Development of Physics Module based on Process Oriented Guided Inquiry Learning as a Tool to Increase Student Science Process Skills. *Journal of Physics: Conference Series*. 2019. 1233 (1). 012067. <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1233/1/012067> (accessed July 10, 2019).

TOLERANCE, CANCEL CULTURE, and BRITAIN'S MEMORY of WORLD WAR II

Taylor J.A. PhD in History, Ass. Prof., SPSU,
Saint-Petersburg, Russia
USA

"Delicate mechanism is of little use in war"
Archibald Wavell, Field Marshal

Smartphones are universal now. You can delete people and things very easily on any smartphone. You can banish people. Cancel culture is analogous to deletions on smartphones. Cancel culture deletes much of British history. It does this in the name of toleration. People tear down statues of historical persons like Winston Churchill whom they neither remember well nor understand correctly. They even desecrate the Cenotaph in London which honors the war dead.

No! Not the Cenotaph! Whatever the benefits of toleration, whatever the demerits of its empire, Britain still needs to honor its World War history! Let us therefore recount a bit of that history here. Let us do so by remembering the Second Battle of El-Alamein, 23 October 1942 to 11 November 1942.

El-Alamein was a turning point. Before it, between the 1940 evacuation at Dunkirk and the 1941 entry of Russia and America into the war, Britain and its empire stood alone. After the entry of Russia and America into the war, Field Marshal Bernard Montgomery said, there was no longer any doubt of the final outcome of the war. He led Britain to a great victory at El-Alamein in Libya.

Tolerance did not help Britain to win in World War II. Deference was the reason Britain was able to stand alone. Deference established a stability and a legitimacy which greatly benefitted the war effort. King George VI's popularity legitimized the sacrifice and the discipline required by war, and loyalty to him enabled the wartime confidence which sustained the nation before its military success (Aronson, 2020).

I am optimistic that Britain will find a way to deal with its new situation. Meanwhile, now, at this conference on toleration, we remember the old way of doing things. Let us remember deference.

The opposing German general Erwin Rommel was so brilliant that the British themselves admired him and called him the "desert fox." Rommel and the Africa Corps which he led fought bravely and well, advancing through Libya toward Alexandria in Egypt, but on 23 October 1942, led by General Bernard Montgomery, the British Eighth Army counterattacked at the Second Battle of El-Alamein. The Eighth Army's attack drove the German forces and their Italian allies back toward the west and toward ultimate defeat. Most of Rommel's troops were captured although Rommel himself escaped from Africa. Rommel was a talented man trapped in a bad system, a brittle and, dare one say it, a delicate system. By contrast, the British system was robust, and it endured great shocks without failing. Montgomery became a knight, a viscount, and a field marshal. Loaded with these glittering rewards and his great fame, Montgomery died peacefully of old age in 1976. Rommel died by his own hand in 1944 at the command of Adolf Hitler.

Winston Churchill judged that this 1942 Second Battle at El-Alamein was Britain's turning point in World War II. That the victory was so crucial is something that can be seen better in retrospect,

but Churchill and other people glimpsed it even at the time. Because of their fear of a German invasion, British authorities silenced the country's church bells. The bells were to be rung only to signal an invasion. After El-Alamein, however, the authorities ordered bells to be rung in thanksgiving for the victory. People wept to hear the bells, hoping the battle was a turning point. This glad sound of bells was their reward and celebration.

British logistics were a large part of the reason for the allied victory in World War II. Allied logistical effort was decisive at El-Alamein. It amassed more than two hundred and twenty thousand soldiers for Montgomery while Rommel had far fewer, perhaps eighty thousand, and Rommel also had fewer supplies". An army marches on its stomach," Napoleon the French emperor said. World War II armies marched on gasoline, what the Russians call benzine. Throughout this 1942 campaign in Africa, soldier for soldier, the Germans were brave and skillful, but their supply system did not stand up to unforeseen shocks and failures, and the British system did stand up to shocks. Rommel was inferior in manpower, air power, rations, and above all fuel. He was at first superior in armor and other equipment, and the British were inferior, but then US President Franklin Roosevelt made up the British deficiency. The US supplied 317 Sherman tanks, ammunition, and associated weapons to Montgomery, doing so by means of a naval convoy around Africa since the Mediterranean route was so dangerous. The British judged the Sherman superior to German tanks for the desert war.

Montgomery clearly deserved his honors because the turning point at El-Alamein was due in part to his masterful planning and skill, but he worked as part of a team, and all soldiers of the Eighth Army understood this. Many of them held Archibald Wavell, who was one of Montgomery's predecessors, in even higher regard than they did Montgomery. Wavell went out to command in Egypt before the war. Although he was able to coax only meager supplies and meager support from London, and although no one prompted him to any special preparation before the war, yet, fearing that a war was coming, and knowing that he had the precious opportunity of spare time before that war, he drilled his troops into a highly-trained professional force, also building essential infrastructure for them. He was then able to defeat the Italians, a major achievement given British weakness at the outset of the war. Partly because of Britain's early inferiority in supply, however, the Germans entered the theater and defeated Wavell whom Churchill then relieved of command in Egypt (Lucas, 1982).

Rommel carried with him his personal copy of Wavell's book on war. Rommel heavily annotated the book. No wonder. Wavell correctly emphasized the importance of logistics over both strategy and tactics, and this was the very point upon which Rommel was inferior to Montgomery. All of Wavell's careful preparations contributed to victory when it came in El-Alamein, and the soldiers knew it and praised Wavell. He afterward went to India, serving as viceroy there until 1947 (Wavell, 1941).

Success at El-Alamein was also due in part to Britain's navy. British naval supremacy in Egypt was nothing new. Any European army in Egypt had a long supply route by sea. From 1 to 3 August 1798, one of Britain's most famous admirals, Horatio Nelson, defeated a French fleet at Aboukir Bay not far from El-Alamein, shattering Napoleon's theretofore successful invasion of Egypt. More recently and closer to home, British naval power evacuated Britain's retreating army from Dunkirk in 1940. British soldiers in France cursed their defeated military commanders and their politicians in London, but the sight of the British fleet renewed their confidence. Britain may have lost a battle on land, but their

ships could take the army home, and the navy could prevent a German invasion, thus keeping Britain safe while the defeated army regrouped and refitted itself.

As you see, Britain achieved victory at El-Alamein not because it was tolerant but because – under God – Britain’s war effort was more sturdy and more resilient than the German effort. We looked at logistics when we looked at the Second Battle of El-Alamein, but the point was a more general one. The British also had a better political system then, and that was why they won the war.

The British monarchy was part of the better political system. Monarchy lent an air of legitimacy and even divine favor to British political institutions. The British cause seemed just and right. Aged fourteen, Princess Elizabeth spoke on the radio during the Blitz. “We know, every one of us, that in the end, all will be well,” she told the listeners (Hardman R., 2021).

Behind the German defeat at El-Alamein – and in World War II – was the previous German defeat in 1918. At no point were German political institutions firmly legitimate throughout that whole period, not during the German empire of the nineteenth century not during the German republics of the twentieth. The German system in World War II was already feeble due to this 1918 defeat so it was, to use Wavell’s word, delicate. A man like Rommel could be killed in a moment by Hitler. More than eighty other German generals were shot in this same way by Hitler during World War II. By contrast, when Churchill became angry with Wavell, he fired him, but Wavell nevertheless went on to a high post and one worthy of his talent.

One reason English-speaking people today cannot understand the rise of Hitler in Germany is that we have such a very different set of constitutional problems ourselves. In our large twenty-first century English-speaking countries, our individual politicians come and go. They are often weak, small-minded, and dishonest persons who use their brief period in power to enrich themselves and to enrich their handfuls of oligarchic supporters. Such politicians make petty, selfish decisions which are bad for the commonwealth, however profitable for themselves. They lie, and they spread lies. In other words, they take short-term and decisions from which they benefit quickly and personally, and then they exit power, taking their loot with them. None of these politicians seems ever to fear that their selfishness could break the system in the long term, however.

For that reason, it is hard for us to understand German history. It is hard to understand Hitler, of course, but it is even harder to understand the German politicians before Hitler and around Hitler. The best of them were not crazy. They were not weak. They were not small-minded. They were not stupid. They were not simply dishonest. They were not after personal wealth. Yet they had other faults, and they made terrible mistakes of a sort which English-speaking people do not often encounter in our own countries today.

Let us discuss the background. Germany created its national monarchy in 1871 and then lost it after defeat in 1918. Why did the German imperial government, an absolute monarchy created in the nineteenth century, make twentieth-century Germany less robust and tough – more brittle – than Britain?

In 1871, Prussia became the center of a united Germany with the Prussian capital Berlin as the new imperial German capital. Maybe you need a little background about the German politicians who were in charge at this time. Prince Otto von Bismarck built the new empire, but he did not build a study or

resilient monarchical system, and Germany's imperial structure was short-lived. The empire collapsed, never to be rebuilt, never even missed.

When Bismarck built this brand new monarchy in 1871, it was already old-fashioned because Bismarck built it based on the then king of Prussia's 1848 rejection of all novelty and reform. Revolutions shook all the German lands in 1848, and the memory of them remains still today because the revolutionaries displayed the black, red, and gold tricolor flag which is now the flag of Germany. Yet these 1848 Revolutions failed, and Bismarck took up the effort to unite Germany. Bismarck succeeded eventually, but his new Germany was a larger version of old-fashioned Prussia, an absolute monarchy. That was a problem.

True, absolute monarchy had a prior history of legitimacy and success in Germany. Absolute monarchies flourished in the medieval period when Germany was a patchwork of small states. Austria was then the most powerful German state. Small or large, and some more successful than others, all the medieval German states were autocratic. They were what Germans called law-states. "Rechtsstaat." There is no proper English translation for this German word. It meant that monarchs could not rule their countries by mere whim. A monarch made the laws of their absolute power, without a parliament or any other input from popular opinion, yes, but when the laws were made then even monarchs had to obey them (Krieger, 1972).

In small states and in the middle ages, absolute monarchy made good sense. Many political connections in such states were personal connections, and much communication was face-to-face communication so these circumstances softened the monarch's exercise of absolute power. Also the small states needed quick decisions. A single man or woman could make quick decisions. Finally in medieval circumstances a sovereign could identify completely with the small state which he or she ruled. The ruler had a strong motive to take good decisions because bad decisions would harm him or her personally.

When revolutionaries wanted to unite Germany in 1848, they offered to make Prussian King Frederick William IV into the emperor of their united Germany, but they had one condition. He should promise them to carry out their parliamentary program. Frederick William IV refused. The king despised these revolutionaries. They had convened their national parliament at Frankfort, and he despised their parliament. He resolved instead to preserve the absolute power of his crown.

European history might have taken a very different course if King Frederick William IV and subsequent Prussian rulers had comprised with reforming opponents. Germany needed unification, and Prussia needed a reformed and unified Germany. An imperial government created by a national parliament would have given some legitimacy to the new emperor. Nevertheless, it was a road not taken. Prussian rulers turned to the young Otto von Bismarck instead. He was just beginning his political career at this revolutionary time, and he was a political genius. He made it his life's work to unify Germany under the Prussian crown, and he thought this unification would crush the revolutionary impulse. Bismarck did not want a powerful parliament's limitations or a constitutional German emperor. Bismarck famously said that the great questions of his era would be settled not by speeches and majorities but by blood and iron. German unification would be reform enough. Bismarck unified German by means of wars therefore. There was a new Prussian king by this time,

William, and in 1871 Bismarck made him Emperor William I. They had defeated France, and the imperial German coronation took place in the former French royal palace at Versailles.

The new German imperial monarchy was an imposing entity, grand, but it was a failure, and the causes of its failure may be too difficult for any quick analysis. Nevertheless, to highlight and to contrast the robust strength of the British system with the weaker German system, we will make a guess as to why the German monarchy failed.

Writing at the beginning of the twentieth century, the German historian Oswald Spengler made a very good guess. We have already used his argument throughout this essay because Spengler was persuasive on this point. The German Revolution of 1848 was a watershed event, Spengler said. The king of Prussia thwarted German unification then, doing so on the basis of personal whim. Since this royal use of mere whim and personal fancy contradicted the notion of law- state or "Rechtsstaat," Bismarck could not after 1848 build a united German government which was both new and also stable and legitimate (Spengler O., 1961, p. 145).

Behold the German dilemma. The new German monarchy of 1871 lacked legitimacy. On the one hand, old things had stopped working well in Germany before the Revolutions of 1848. The German medieval patchwork of small states could not cope with the challenges of the nineteenth century. On the other hand, only these old states were legitimate. After the failure of parliamentary reform in 1848, nothing new in Germany was legitimate. The German Empire was not legitimate.

We in the English-speaking world cannot understand the weakness of Bismarck's 1871 empire because we have too much political legitimacy, and we experience the dark side of political legitimacy. Today's emphasis on toleration in Britain takes place only because the system is still legitimate – and only because it was saved by victory in World War II.

Bismarck's empire had inevitably – because it was based on whim and not based on law – too little legitimacy. Blood and iron were his substitutes for legitimacy, he said. Bismarck's imperial Germany, like imperial Rome at its zenith, was an autocracy which talented men created by force and which they then ruled safely and peacefully but which was later inherited by fools and madmen.

The German imperial autocracy was defective from the start, but its autocrat, Emperor William I, was a wise old man who knew his own limitations, and he allowed Bismarck to have control of state affairs. William concealed the weakness created by absolutism because Bismarck was a safe pair of hands. Bismarck's wisdom delayed calamity but did not avert it. Safety ended with the old emperor's death. William I died in 1888. A new emperor lived and reigned but only from March until June 1888, and his untimely death was very unlucky. He was then succeeded by his son who became Emperor William II. William II quickly began to exercise his absolute power, and he was both foolish and mad as we will see shortly.

Let us meanwhile look briefly at another analysis, a rival argument, to explain the failure of the German imperial monarchy. Writing his 1946 book "The German Catastrophe", Friedrich Meinecke, another famous German historian, made an argument that persuaded many English-speaking readers. Something was badly wrong with all nineteenth-century German culture, he said. Catastrophe was his word. It was an echo of the famous Prussian general Carl von Clausewitz who spoke of Napoleon's defeat of Prussia as a Prussian catastrophe. Germans spent too much time looking for great leaders, said Meinecke. If Bismarck had established a better political system – sturdy

and resilient – then German leaders (whether good or bad) would all have had to work within an old, complex, and established system just as Montgomery and Wavell did. English-speaking people tended to blame first the kaiser and then Hitler. Meinecke taught British and American readers to blame Bismarck as well as Hitler for the German failure to develop resilient and robust twentieth-century political institutions (Meinecke, 1969).

Yes, Meinecke was similar in his argument, yet Spengler made a fuller, better argument. Something was wrong with nineteenth-century German culture, no doubt, but whatever was wrong was also maybe too hard for English-speaking people to understand. We live in an old legitimate system, and the Germans did not manage to create political legitimacy from scratch. We cannot understand how difficult their problem was. If Spengler's somewhat vague phrase about the lack of legitimacy does not manage to persuade us, therefore, then the fault is ours, not his. Spengler should persuade us nevertheless. After all, the British and Americans supported the Weimar constitution which had the balance of power that Meinecke and English-speaking people wished for Germany, and yet the Weimar constitution was all to no avail.

English-speaking people should also grasp and ponder one other less sweeping and less grand possibility. Aside from being new and therefore illegitimate, the imperial German monarchy of 1871 had one more fatal weakness.

Bismarck built the new Germany on the ruins of a defeated France, and he allowed his overenthusiastic Germans to march in triumph through Paris. Bismarck also had to impose a huge indemnity upon defeated France. Worst of all, Bismarck, again against his better judgment, allowed Germans to incorporate some French territory into their new German Empire. This was all a huge mistake, and the taking of French territory was a fatal mistake. Nothing would reconcile the French to this loss. Nothing. Never. So from the first Bismarck's united Germany could not live as a normal and ordinary European country at peace with its neighbors. Bismarck had built the new Germany on war, not on parliaments, not on law, and not on peace. The French hated this new Germany, and diplomacy could not allay their hatred. Therefore Germany, created by force, now depended only on force for its security. From that point of view, the new united Germany was not very different from the empire created by Hitler in 1940. Hitler knew that his rule depended entirely on his victories. He feared that crushing defeat would sweep away the empire he created, and so it proved. The Second Battle of El-Alamein was part of what began that process.

Again, as we already said, because the German Empire of 1871 was illegitimate, therefore it was not robust. It was not sturdy, not enduring. Imperial Germany eventually had a parliament and some other trappings of a reformed government, but those things were all a show. At its heart the empire was authoritarian just much as the small medieval German kingdoms had always been authoritarian, yet without the legality and stability of those medieval kingdoms, and the new young emperor was not equal to the challenge.

Remember our question. Why did the British win the crucial victory at El-Alamein in 1942? We said that the Germans were equal to anyone soldier-for-soldier, but the British soldiers had a better system behind them. Among the better things of their better British system was the system of deference. The Germans did not have any monarchy in 1942. They had a tyrant, having lost their monarchy in 1918, and the tyrant ruled by whim. That was the point of course. The prior monarchy,

created by whim, lacked legitimacy, and it relied instead on military victory. A tyrant could seem also to need no more legitimacy than that which military victory could give.

Maybe you need some further details. Exactly how did the German imperial monarchy prove so short-lived? In 1890 the new young emperor William II discharged Bismarck from the office of German chancellor. After the emperor's firing of Bismarck, it was a straight line – through successive mistake and misfortune – to the dissolution of the monarchy in November 1918. Here is what happened.

Bismarck did not value public opinion when it expressed itself through constitutional instruments, but he paid heed to it nonetheless. He knew not to push people too far. He knew how hard it would be to win another war because Germany would have to fight so many great nations, and his cardinal policy was to avoid war. By contrast, William II deliberately courted war. He created and enjoyed a bad reputation for himself as the authoritarian emperor of a warlike country. Take for instance William's dealing with the British sometime foreign secretary and sometime Prime Minister Lord Salisbury. Britain's nineteenth-century foreign policy, Salisbury once said, was to drift lazily downstream while occasionally putting out a boat hook to avoid collision with other craft. Salisbury by the way was descended from one of England's greatest noble families, having ancestors who had served Queen Elizabeth I of famous memory. That was in the sixteenth century of course. Back to the nineteenth century: after a meeting with Emperor William II, Lord Salisbury warned his British colleagues that the peaceful late-nineteenth-century British foreign policy would not serve in the twentieth century. The new German emperor was insane, and his madness was a danger to the peace of Europe, Salisbury said. In the two decades before 1914, this opinion slowly percolated through the highest British circles. People in high office feared Germany, and they did so not without cause. For his part, William hated Salisbury and distrusted his good intentions. This was entirely unnecessary. It was wrong. It was provocative. If the German emperor had taken a conciliatory tone, Salisbury and his colleagues would have welcomed it. They would have responded in kind. There would have been no war (Fussell, 1972).

All Europe was unlucky when war came. William II courted disaster. He welcomed it. He and his ministers plunged Europe into World War I, and tens of millions of ordinary people all over the world lost their lives. World War II was then a mere coda to World War I. Again, many millions of people died. The wars devastated the European economy. "Unlucky" is too weak a word for such a series of calamities (Keynes, 2014).

Why did Rommel lose? He was talented, and he was as good a general as anyone on the British side, as good as Montgomery, as good as Wavell, but Rommel's talent was not enough. The system was bad. It depended on the whim of a monster. Rommel had no honest and upright way out.

The German system was worse in World War II than it had been in World War I, but it was worse, not different. The bad German system of World War II was at its root another version of the bad system which Bismarck had given to united Germany.

Britain by contrast had a sturdy and resilient political system which the country had perfected in the nineteenth century. Above all the system seemed legitimate both to British people and to foreigners. If the British system was legitimate, then the monarchy was an important part of that legitimacy. Monarchs played a symbolic role – but also an essential role – which sophisticated men

and women welcomed. Politicians, whether brilliant like Churchill or more often not so brilliant, each held only temporary power. No one of them could aim at absolute power. Nor could soldiers like Wavell and Montgomery aim at absolute power. On the other hand they did not have to fear being summarily ordered to commit suicide as was the case with Rommel. British politicians and soldiers all took their oaths to the monarch who symbolized continuity, legitimacy, stability, deference, and the common law. The monarchy thus made Britain appear to be right, just, proper (Taylor, 2020).

Today, Britain's tolerance and its cancel culture condemn the empire and traditional social values. In the past, Britain found leaders who solved worse problems than those it has now. Such leaders will arise again in the 21st century.

References

1. Aronson T. *The Royal Family at War*. London: Lume Books, 2020. – 268 p.
2. Lucas J.S. *War in the Desert: the Eighth Army at El Alamein*. York: Beaufort Books, 1982. – 283 p.
3. Wavell A. *Generals and Generalship*. New York: Penguin, 1941. – 27 p.
4. Hardman R. From the Scottish referendum to the struggles of the pandemic... when the Queen speaks out, it packs a real punch // Mail Online. URL: <https://www.dailymail.co.uk/debate/article-9301591/ROBERT-HARDMAN-Queen-speaks-packs-real-punch.html> (accessed February 26, 2021).
5. Krieger L. *The German Idea of Freedom; History of a Political Tradition*. Chicago: University of Chicago Press, 1972. – 556 p.
6. Spengler O. *The Decline of the West: in 2 Vols. Vol. 1.* / Transl. by Ch. Atkinson. New York: Knopf, 1961. P. 145.
7. Meinecke F. *The German Catastrophe – The Social and Historical Influences Which Led to the Rise and Ruin of Hitler and Germany*. Boston: Beacon, 1969. – 121 p.
8. Fussell P. *The Great War and Modern Memory*. New York: Oxford University Press, 1972. – 363 p.
9. Keynes J.M. *The Economic Consequences of Peace*. Jersey City: Start Publishing, 2014. – 199 p.
10. Taylor J.A. “What Would Macroeconomics Be like Now If Adam Smith Had Based His Moral Philosophy on Occasionalism?” // *The Insides of Nature: Causality and Conceptions of Nature* / ed. by A. Balsas and B. Nobre. Braga: Catholic University of Portugal, 2020. P. 281–298.

SPANISH NATIONALISM AMONG THE YOUTH: THE IDEOLOGICAL WAR BETWEEN THE LEFT and THE RIGHT

Gonzalez I. Senior lecturer, SPSU
Saint-Petersburg, Russia
Mexico

Introduction

The advance of the feminist movement in Spanish society, as well as the consolidation of the socialist coalition government between the Spanish Socialist Party (Partido Socialista Español, PSOE) and Unidas in the presidency since 2018, has created the perception among some Spaniards they are under a far-left ideological rule. The Spanish socialist government has certainly embraced a feminist agenda in some spheres that some conservatives consider has eliminated equality between men and women before the law. The far-right party VOX, founded in 2013, has demonstrated an active opposition against some of the government's modifications of laws and social policies its members consider are ideologically motivated. VOX has become the third largest political force in Spain by capitalizing on Spaniards', specially the young, disenchantment with the socialist government and the growing feminist movement in the streets and the Parliament. This movement has strengthened in Spain and Latin America since 2015 as it gained ideological enemies on the far-right that equally strengthened. Spanish society is today in an ideological war between the left, overtly represented by feminist activists and politicians, and the far-right, present in the streets and some levels of government. However, far-right young activists have organized and mobilized and are today more visible and aggressive against those they perceive are socialists and cultural Marxists. Additionally, due to the lack of a legal prohibition on praising fascism and of a stronger government position against it, Spain is becoming a stronghold of European Western fascism.

The aim of this work is to contribute with a theoretical and practical analysis of ideological intolerance among the Spanish youth that is driving nationalists and fascists to create ideologically organized groups like Bastion Front and Revolutio. To explore this phenomenon, I work on the following thesis: the Spanish youth is radicalizing to the far-right as a response to the ideological war taking place in Spanish society between these and feminists and other leftist activists, resulting in the creation of revolutionary far-right extremists. This research tries to answer the question – how has the ideological war between the left and the right facilitated the creation of nationalist and fascist groups among the Spanish youth? Through a theoretical analysis of the ideological conflict hypothesis and polarity theory, and a methodology that includes the content analysis of the written manifesto published on the online journal Conquest of the State (Conquista del Estado) by Bastion Front in 2021 and the video of the manifesto posted on social media by Revolutio in 2022.

Previous research on the ideological war between Spanish nationalists and fascists and feminists have elaborated on the historical role of the emancipation of women on the activation of reactionary forces to counter the feminist movement (Ortega López, 2008, pp. 56–69). Others have explored the relation between feminism and the Comintern, being the former a social movement of the oppressed against growing conservative reactionaries in European societies (Yusta Rodrigo, 2013, p. 233–241).

Additional research has studied the use of rhetorical terms in the discourse of the Spanish far-right party VOX and its sympathizers in the ideological war against feminists and that responds to the advance of their ideology as revolutionary (Rivas Venegas, 2021, p. 1–10). Such rhetoric allows Spanish far-right activists and politicians to present feminists as the oppressor, and themselves as the liberating revolution young Spanish men and anti-feminist women need. Such ideological thought obeys the proposition of these extremists that feminist activists (which includes sexual minorities) are part of a new wave of communism that uses the so-called “gender ideology” as an ideological tool to destroy Western societies after having exhausted Soviet communism with the end of the Soviet Union in 1991 (Álvarez-Benavides, Jimenez Aguilar, 2021, p. 3–9). Some of the laws and discourses of the Spanish socialist government and of the feminist movement can be indeed criticized for their ideological motivation, like the law of gender violence or the extremist feminist proposition that all men are potential rapists. This type of ideological propositions of feminist activism and the lack of a tough position of the government against, what is perceived as, the oppression and culpability of all men for the actions of some, has enabled and thrust the ideological war against feminism and the Spanish socialist government.

Nationalism is one of the many ideologies within the far-right, some Russian academics consider it explains the fight of Europeans against globalization and dependence on US economy, support for economic protectionism and a multipolar order (Vasil'ev, 2017, p. 7). Others mention far-right ideologues and sympathizers pride on their national identity and lifestyle, traditions, values, support for tougher police and laws, respect for national sovereignty, opposition to European internationalism and acceptance of Islam in Europe (Golubev, 2019, p. 69–77); while others consider the opposition of the European far-right to immigration of non-Europeans and Muslims into Europe is a characteristic of nationalism (Rakhmanov, 2016, p. 78, 80–87). Spanish nationalism is influenced by Catholicism in the shaping of the national identity, it is anti-Republican in that it looks for the centralization of political and economic power around Madrid and it is monarchical and imperialist as it defends the perceived natural order and privileges of the Spanish royal family and the supposed destiny of Spain as the center of the Spanish and Portuguese Latin American region.

The Spanish ideological war through the ideological conflict hypothesis

From my own research on extremist political ideologies of the last five years, I have worked on the concept of the ideological war, which after some analysis I have been able to define as the “strategy of a higher political occurrence (political campaigns, elections, policy and decision making) that uses different methods to achieve its political goals to manipulate certain sectors of society” (González Cedillo, 2021, p. 12). The ideological war can be mistaken with an information war, however, an information war is part of the ideological war as the intention of the former is to provide ideologized information or disinformation to manipulate and mislead behavior and perceptions (Kunakova, 2012, p. 93, Abdyaeva, 2020, p. 20–21). The information war is then one of the strategies used in an ideological war, that itself is a strategy used in different political scenarios, including a hybrid war against another State or political conflicts within one State. Two or more ideological groups can wage an ideological war against the targets of the same society, in this case, Spanish society is undergoing an ideological war between the left (feminists, socialists) and the right (nationalists, fascists).

The ideological war a) is waged by the elites with resources to create and spread ideologies, and b) uses ideological consistency as a method to create extremists and gain political goals (González Cedillo, 2021, p. 12). An ideological consistency is created through the constant consumption of an ideology created by elites interested in manipulating behavior to advance their interests (González Cedillo, 2020, p. 6). The ideological war has two fronts: 1) *information* – occupied with the spread of propaganda (including fake news) online (videos, news, posts) and offline (printed material like fliers, brochures, books, stickers) and 2) *activism* – in charge of organizing and/or carrying out physical confrontations and discussions on the streets, university podiums and forums (González Cedillo, 2021, p. 12). The propaganda that the Spanish youth on the left and the right creates, shares and sees on social media includes not only pictures or videos but also, and especially, tweets to discuss philosophical and theoretical arguments with each other. Feminists share on Twitter (banned in the Russian Federation) their analyses on the reasons they consider Spain is a patriarchy, while nationalists express their concerns of living under a “cultural Marxist” dictatorship and provide their arguments and proofs to support their claim. Twitter is the social media platform where both fronts of the ideological war merge as it serves as a tool to spread propaganda, as studied by some researchers (Prier, 2017, p. 50–61, Ong, Pantucci, 2021, p. 122–123), however, this does not mean activism on the streets has stopped. Ideological activism on the streets can be seen in some major Spanish cities where graffiti and street art show feminist murals, symbols and complaints against what these activists perceive is the patriarchy. On the other hand, nationalist activists have destroyed feminist murals in Madrid and other cities, while others paint the names of their extremist groups in graffiti on the walls to either mark their territory or demonstrate their presence. Doing some research on GoogleMaps on the streets of Barcelona in November 2021, I came across a graffiti of the nationalist group Visigoth Front (Frente Visigodo) on a wall in the address Carrer de l’Escorial and Carrer de Paris from the images taken in June 2019.

The reasons driving the ideological war can be analyzed through the ideological conflict hypothesis and polarity theory. The ideological conflict hypothesis proposes that both liberals of the left and conservatives of the right are capable of being equally intolerant to others whose political ideology is different to their own and will block themselves from being ideologically challenged to avoid changing their ideologically accepted position (Brandt, et als., 2014, p. 28). The ideological war cannot happen without at least two opposing parties in conflict, who shape their ideological positions by the clash between their worldviews, that according to polarity theory – the left is humanistic, while the right is normative (Nilsson, Jost, 2020, p. 2). The humanistic left considers the individual’s dignity is natural but limited by the socially established norms that must be changed to liberate the individual, the normative right defends these norms as naturally needed if individuals want to achieve dignity.

The Spanish ideological war today happens because there are two sides fighting to impose their ideological Truth on the other. On one side there is the humanistic left with a discourse that claims feminism is needed to liberate the traditionally oppressed in Spanish society, like women, immigrants and national ethnic minorities, from the oppressor who is the white Castillian and European man. Feminist activists and politicians consider women are specially always in disadvantage in comparison to men in all spheres, so it is the duty of the State (that is patriarchal) to eliminate traditionally accepted norms that, in their perception, limit women’s liberties. In Spanish society these traditionally

accepted norms are influenced by the Catholic Church, that has defined the roles of men and women, and idealized the type of family society must accept. On the other side is the normative right, that includes the Catholic Church and its followers, but also secular men and women who consider feminist ideology and policies have taken Spain to the extreme and created an environment that is toxic for men. This normative right considers feminism has destroyed Spanish identity and society by allowing not only the creation of laws that eliminate gender equality, but also that promote illegal immigration from North Africa and the attack on Spanish-Castilian history to fracture the country and achieve Catalanian independence.

VOX has capitalized on the complaints of different sectors of society against the socialist government and feminists politicians in it. However, some of the Spaniards on the extreme of the normative right, consider VOX is soft and even part of the political establishment. These Spaniards, specially the youngest, have organized and, pushed by the COVID-19 pandemic, have created street action groups active in the information and activism fronts of the ideological war. Among the many active nationalist groups in Spain, I decided to analyze Bastion Front and Revolutio for the content of their manifestos and their presentation as revolutionary extremists of the far-right that are specially young. This selection does not necessarily intend to diminish the role of other nationalist Spanish groups that are legally registered in the country and that are equally dangerous for democracy and inter-cultural relations.

Bastion Front and Revolutio

Bastion Front was founded in Madrid during the pandemic in May 2020, it has around 100 members between fifteen to thirty years and has local representation in other regions like Extremadura and Sevilla. This is an openly fascist and neonazi group of men and women, whose leader is, supposedly, Isabel Peralta – a Spanish young woman of 19 years old. In February 13th, 2021 at the Almudena Cemetery of Madrid I. Peralta gave a speech in an event organized by neonazi groups and the fascist party Falange in memory of the Blue Division to commemorate the Battle of Krasny Bor in which the Spanish fascist volunteers joined the Nazi Wehrmacht in the invasion of the Soviet Union. I. Peralta publicly praised Nazism and blamed Jews for the destruction of European societies. In May 18th, 2021 I. Peralta and other members of the Bastion Front participated in a demonstration outside the Moroccan embassy in Madrid where she read a manifesto calling for the murdering of Moroccans she considers are invaders in Spanish lands. Up to this day I. Peralta has not been arrested under any charges, demonstrating the extreme tolerance Spanish laws have for publicly praising fascism. The Bastion Front group opposes immigration, especially from North Africa, but also from any other countries – including other European – that do not share Catholic and Spanish traditions and culture. This includes Latin American countries, contradicting the discourse of VOX that accepts Latin American immigrants as part of the Spanish culturally dominated Catholic world.

On August 14, 2020 one of the members of Bastion Front called Rodri published a manifesto titled “Poles, youth and Bastion Front” on the online journal La Conquista del Estado. This is a five pages document in which the author explains how Eastern European nationalists became their role model in what he perceives is the ideological fight against communism. In the document, Rodri claims the project of creating the Bastion Front emerged between him and other friends as “a project conducted

by young people, very young, for the youth”. He lists seven elements they need to make the Front more similar to Eastern European nationalist organizations, which are: 1) militance, 2) uniformity, 3) organization, 4) commitment, 5) formation, 6) sports, health, nutrition, and 7) specialization. The intentions of Rodri and the Front are clearly to create a fascist street group of young men and women who may act as a paramilitary force at some point and who will be used to physically attack anti-fascists in public demonstrations, like the Polish National Radical Camp. Pablo Iglesias, politician of the leftist party Unidas Podemos (Together we can, feminine gendered) that has a considerable feminist political position, was confronted by members of the Bastion Front during his campaign for the Assembly of Madrid in March 2021. These activists demanded him to leave the neighborhood where he was campaigning.

Revolutio is another far-right nationalist group of young men and women active in Spain who claim to defend traditional family values to strengthen the fatherland and community. According to some Spanish media sources, Revolutio was created in August 2020, and has vandalized feminist murals in Madrid in March 2022 as its members consider this is an ideological movement that is toxic to Spanish society. On their Twitter account (@RevolutioEsp), to which I had accessed in February 2022 to conduct this research, there is a video posted on January 21st, 2022 titled “Manifesto of the European youth” of 2:14 minutes. The tweet claims the video was made in collaboration with the French nationalist group La Cocarde Étudiante (@CocardEtud) and the Italian nationalist group FUAN-Azione Universitaria. In the video several men and women speaking in French, Italian and Spanish claim the identities and history of European societies are being attacked with the intention to rewrite them. A Spanish woman claims that the battle fronts are everywhere, including the streets and universities, the latter serving as centers of indoctrination of the left so the role of these three nationalist groups is to fight this supposed ideological indoctrination in universities. Other members in the video claim it is their duty, as the young generation, to battle the cultural hegemony of the far-left in universities and to collaborate with other Europeans who would like to participate in the fighting. Other tweets show they participated in demonstrations in Madrid in January 2022. The group is also officially registered in the Ministry of Interior of Spain – regardless of its nationalist character – which allows them to receive donations. A tweet of December 2021 showed Revolutio is organizing its first National Congress in September 2022. The group has tweeted about their position against fake rape accusations against men, but also a national-Catholicist defense of the unity of Spain against either independence movements within the country or against the challenge of the historical version of Spain as a civilizing country and not as a colonizer. Their tweets throughout the year 2021 expose their similar position to that of VOX, for the defense of the Francoist dictatorship, the use of Spanish culture as a tool of modern colonization, against communism, and Moroccan immigration. Revolutio members have posted fliers in different universities in the country to recruit new members, one of them reads “Spain needs you”.

Conclusion

From the analysis of the online activities and street demonstrations and vandalic acts, it is possible to identify Bastion Front and Revolutio have both engaged in the ideological war against the left they consider is a movement of Marxists trying to destroy Spain. Both nationalist groups have made use

of the two fronts of the ideological war, the information and activism fronts. They are good with online communication through the creation of content for social media and electronic journals. They also have focused their attention to areas that are accesible to them like universities and the streets. Revolutio is more organized than Bastion Front in that it has managed to officially register as an organization that is allowed to receive money donations and has created international relations with similar nationalist groups in other European universities. Bastion Front is not officially registered in the government and focuses more on street fighting and political provocations. Both groups however, embrace nationalist principles that match the political discourse of the party VOX. To maintain its relevance in the government VOX politicians have had to make provocative declarations against some policies that, though the socialist government may indeed have to rethink, have resonated in the youngest Spaniards who are easily manipulated and who may be receiving most of the information they read through social media. Platforms like Twitter do not filter or censor enough nationalist and other political extremist content in Western countries like Spain, as this research has exposed.

The problem of having too many active nationalist organizations in the country may obey the lack of actual laws that criminalize praising fascism in Spain, like other countries in Europe do. The Spanish State will have to approve such laws at some point if it wants to increase its chances to control the explosion of the ideological war between the left and the right. Additionally, the socialist parties in power will have to carefully select key personnel in charge of the ministry of gender equality to avoid provocative declarations. This ministry has to make sure new policies and laws are communicated adequately to society, regardless of their individual political preferences. This communication should avoid any ideological terms and theories that may be used wrongly or excessively, creating the perception in some vulnerable sectors of the Spanish society that the government has been taken over by cultural Marxists with an ideological agenda. Otherwise, this inadequate ideologized communication will continue to feed the reactionary nationalist movement.

References

1. Abdyraeva C. The use of cyberspace in the context of hybrid warfare: means, challenges and trends // Wien: Österreichisches Institut für Internationale Politik. 2020. – 36 p.
2. Álvarez-Benavides, A., Jiménez Aguilar, F. La contraprogramación cultural de Vox: secularización, género y antifeminismo // *Política y Sociedad*. 2021. V. 58, No. 2–12 p.
3. Brandt, M., et als. Ideological conflict hypothesis. Intolerance Among Both Liberals and Conservatives // *Current Directions in Psychological Science*. 2014. V. 23, No. 1. P. 27–34.
4. Golubev, S.I. Neonatsizm kak ideologiya krayne pravyykh partiy sovremennoy Yevrope // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskiye nauki*. 2019. № 5. P. 66–82 (in Russian).
5. Gonzalez Cedillo J. I. Ideological Consistency and Ideological War: American Fascism vs Antifascism – January 2021 // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*. 2021. V. 6, No. 1. P. 10–18.
6. Gonzalez Cedillo J. I. From ideology to hate speech and the problem of Euro-American white supremacist extremism // *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*. 2020. V. 14, No. 4. P. 5–13.
7. Kunakova L.N. Informatsionnaya voyna kak ob'yekt nauchnogo analiza (ponyatiye i osnovnyye kharakteristiki informatsionnoy voyny) // *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 2012. № 6. P. 93–96 (in Russian).
8. Nilsson, A., Jost, J. Rediscovering Tomkins' polarity theory: humanism, normativism, and the psychological basis of left right ideological conflict in the U.S. and Sweden // *PLoS ONE*. 2020. V. 15, No. 7–32 p.
9. Ong, K., Pantucci, R. Persistence of Right-Wing Extremism and Terrorism in the West // *Counter Terrorist Trends and Analyses*. 2021. Vol. 13, No. P. 118–126.
10. Ortega López, T., Conservadurismo, catolicismo y antifeminismo: la mujer en los discursos del autoritarismo y el fascismo (1914–1936) // *Ayer*. 2008. V. 71, No. 3. P. 53–83.
11. Prier, J. Social media as information warfare // *Strategic Studies Quarterly*. 2017. V. 11, N. 4. P. 50–85.
12. Rakhmanov, A.S. Severnaya model' pravogo radikalizma (na primere pravoradikal'nykh partiy i dvizheniy Norvegii) // *Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territoriy*. 2016. V. 3, № 35. P. 76-91 (in Russian).
13. Rivas Venegas, M. Contra las mujeres: el discurso misógino de Vox. “Palabras gruñido” del nacional populismo español // *Revista de Investigaciones Feministas*. 2021. V. 12, No. 1. P. 67–77.
14. Vasil'yev, M.V. Natsionalizm Yevropy kak reaktsiya na krizis mul'tikul'turnosti // *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i razrabotki*. 2017. V. 6, № 14. P. 40–46 (in Russian).
15. Yusta Rodrigo, M. Género y Antifascismo en España, de la II República a la Guerra Fría (1931–1950) // *Anuario IEHS*. 2013. V. 28. P. 227–247.

**MIGRANT WORKERS and MODERN SLAVERY:
DENIAL of HUMAN RIGHTS:
DIRTY, DANGEROUS and DIFFICULT**

Amarakoon P. Lecturer, Open University of Sri Lanka
Nawala, Nugegoda, Sri Lanka

Introduction

The multi-faceted cutting edge issue of the modern day slavery with regards to migrant workers has always been hidden for a long period of time whereas now it has been emerging little by little into the front desk in most policy debates in both international and local levels. Even though the modern slavery does not appear in the form of iron chains or auctions, its victims can be found within wide range of sectors including farming, agriculture, food, fashion, garments and electronic industries.

According to the reports of the International Labor Organization, this process which labels as the “modern slavery”, estimated that 25 million people trapped in debt bondage or other forms of forced labor, mainly in the production sector which plays a major role in the global economy (ILO Report 2017). The treatment for individuals as migrants, immigrants and refugees, especially who are engaging in the labour force and the human rights dimension is abided with complicity and hidden subject matter which is quite difficult to handle effectively. However, in legal manner the term “modern slavery” has not been defined precisely. It serves as an umbrella term which foregrounds with shared attributes of human trafficking, forced labour and slavery. Basically, these are the instances where a person subjected to exploitation in a circumstance where he or she cannot leave such a situation due to reasons such as threat, coercion, corruption or abuse of power (Davies, 2019).

Universal Declaration of Human Rights which came into force since 10th December 1948 insists that human rights are universal, indivisible (Political and civil rights cannot be separated from social and cultural rights) and inalienable (They cannot be denied to any human beings). Identification and attempt for the protection of human rights of migrant workers as well as their family members is crucial, in a when there is a strong resistance in recognizing their human rights. The migrants who are engaging in work need not to be considered only as laborers or economic entity, but as a social cluster as well. Since they were not always protected by the national legislation of receiving states; the minimum standards of protection for migrant workers and members of their families need to be established by considering them as an entity of the social sector in general. Because the migrants suffer from the status of being relatively powerless on behalf of the violation of their rights in a strange land. The legal instruments such as Migration for Employment Convention (Revised), 1949 (No.97), Migration for Employment Recommendation (Revised), 1949 (No. 86), Migrant workers (Supplementary Provisions) Convention, 1975 (No. 143), Migrant Workers Recommendation, 1975 (No. 151) by the International Labour organization has gained the international recognition (ILO Report, 2020).

Today out of 150 million people every 50 persons are living outside their home country as a migrant, permanent immigrant or as a refugee. The number of international migrants are estimated to be almost 272 million globally, with nearly two-thirds being labour migrants which is 3.5 % from the whole population (IOM World Migration Report 2020). In more, it has found that the young

people from third world countries especially Africans and Asians will migrate, no matter the risk, in search for better opportunities than they can find at home countries towards the northern part of the globe. This demand has intensified the irregular migration where most of them who are without visas or formal immigration procedures migrate only focusing on looking for work and opportunity rather than seeking asylum or humanitarian assistance. So, evidently they expose into hardship and systems of forced or undercompensated labor (Baker, 2019). In the Gulf Cooperation Council (GCC) States, labour migration has contributed to significant population changes (IOM World Migration Report 2020). Along with that, extensive number of cases regarding the ill treatments, hostility and violence towards migrant workers has emerged recently. The disagreement of some countries for ratifying the 1990 International Convention on the Protection of the Rights of all Migrant Workers and Members of their Families sparks a green light of explicit discouragement in fortifying the protection of rights of the migrant labour force.

In this case it needs to trace the relationship between globalization and labour migration as well. The globalization of economy and trade accelerates the process of labour migration along with the technological development where the skill labour migration has been increased in recent years. Nevertheless, the globalization displace and limit the re-employment in foreign labour markets. Because the technological innovations and changes in the production process and the development of artificial intelligence: mechanization, automation, computerization and robotics, has taken up several other job roles making human labour irrelevant in key economic sectors related to production, distribution and many services where some of which were previously dependent on migrant workforce. For example: domestic and several other factory job roles. Apart from that, the higher concentration of Foreign Direct Investment (FDI) in economically advanced countries and the labour movement of more than 98 % to middle and upper income level countries created an imbalance in the international job market where least developed country's workforce are most in need of job creation. Nevertheless, much of these FDI is concentrated on capital intensive production rather than labour intensive ventures (IOM World Migration Report 2020).

Accordingly, in order to understand comprehensively about the relationship between migration and modern slavery, it needs to figure out which group of labour migrants are vulnerable and what are the circumstances which create such a condition for them. Thereby, both migrant origin and receiving countries needs to focus intensively about this flow of workers in the job markets. Consequently, the causes for the human rights violation and ultimate turnout of modern slavery in the migrant labour force is an issue that needs to make more vigilant actions and measures.

Methodology

The research was a qualitative study. A systematic literature review was conducted, to understand the current state of knowledge regarding these issues. Data was located through searches in academic library databases (EBSCO Host), while some case based on forced migrant labour, human trafficking and modern slavery have been used to refer as the relevant literature. The results provides the contemporary knowledge and efforts in responding to the modern slavery and migrant labour conditions. Reviewing them systematically by using analytical and comparative approaches, the

causes and related consequences mentioned in those cases and the facts are examined while assuming several recommendations to them.

Discussion

Motives for migration

Motives for labour migration are shaped by political, economic, social and environmental conditions and it might not only be a rational choice of a person who assess costs and benefits. Mostly, their situation may compel them to migrate in search for an employment whereas some macro factors such as: to survive and provide safety by ensuring dignity, status and well-being of themselves and as well as their family members may also affect for their decision. However, causes of migration can be either positive or negative. With the advent of globalization and infrastructure development, easiness in travelling, widespread awareness about the options and conditions in other countries, family ties, opportunities such as promotions and programs which targets on getting an international experience in businesses, professions and careers. So, migrating is far beyond an option which is backed by several other reasons such as increasing violence or ethnic and racial conflict in the local level, environmental conditions or natural disasters, armed conflicts, development induced displacement, corruption in large scale or the violation of democracy. However, people will migrate only if they perceive that their families are falling below a critical threshold of tolerance where their conditions of survival are intolerable and when their ability of survival is below the local minimum standards of decency, dignity and safety, despite the different perceptions of tolerable economic levels. So, the surging rate of migration, is a consequence of the absence of sustainable community and the denial of human dignity (Fouskas 2016).

Accordingly, there are connections between migration and modern slavery and out of them, migrant workers are vulnerable to exploitation while there is a dilemma over the recognition of their human rights. The one who are especially employed in the marginal, low status and ineffectively regulated economic sectors face into this situation. The migrant workers has been long utilized in both developed and underdeveloped economic sectors as a low cost labour and as a mean of sustaining those particular economic sectors which are marginally competitive or profitable. In Asia those migrant labors fill the Three-D works: which refers to Dirty, Dangerous and Difficult. For example: Migrant labour has been used in many countries for agricultural productions, domestic services, in sex industry services. Specifically, the migrants who has undocumented or unauthorized immigration status are used by some intermediate hiring agents or even some manpower enterprises since they consider that their vulnerability is an ideal opportunity to use them as a very flexible labour, where they are employed under marginal workplace health and safety conditions with minimum wages and other standards. The fields they are employed does not consist any such kind of acceptable standards and sometimes they are non-applicable or not important to be enforced. Therefore, the migrant workers who employed in these sectors has been perceived to be able to work for long hours with low payments with less possibilities of demanding their benefits and workplace protection. Along with this, International Labour Organization (ILO) and the International Confederation of Free Trade Unions (ICFTU) insisted that, it is often difficult to organize migrant workers into unions which defend their interests and rights, even though it is not prohibited by law; it is mostly because

of threat perception or fear of deportation which disrupt this endeavors. Due this lack of legal recognition with this documentation issues on their status in host countries, they often tend to hire without payment benefits and other costs including payroll taxes which in turn it is a further saving and as well as a benefit for the employers. Another issue that migrant labors face is that, with regards to political and economic policies and conditions of host countries, especially, when the domestic unemployment rises or if a political tension or an economic breakdown occurs, these kind of irregular migrant workers face into the threat of deportation from the host countries.

Categories and sectors of migrant labour exploitation

The categories and sectors where migrant workers face into exploitation can be explained as follows: It is quite a common known fact that migrant children (those are under 18 years old) are vulnerable to human trafficking and modern slavery even though they don't belong to the category of migrant labour in the formal sense of its definition. Also there is a gender relevance in the pattern of this modern slavery victims. Especially, girls and women are on the categories of higher concentration of victims. Women face into disproportionate forced labour in private economies such as domestic work and the working sectors related to commercial sexual exploitation. In terms of men, they face into the same situation in the economic sectors such as manufacturing, agriculture and construction fields. Despite the immigration status, gender based vulnerability of migrant workers in several fields are directly related to the emergence of modern slavery (Davies 2019). In general, the category of undocumented migrants can be considered as a group that face into the act of modern slavery due to the intervention of smugglers and facilitators in their migration process. These category of migrants who arrive as workers or in search of any job, eventually come into a position to accept unstable or dangerous work to bribe the corrupted officials to get rid of deportation, detention or by getting arrested (Global Migration Group-GMG, 2013). Some such examples are the migrants who previously engaged in domestic work and who fled from those homes due to the acts of abusing and torture of their employers (especially in countries of Gulf Cooperation Council), migrants who forced into sex trade or work (in countries like Thailand, Cambodia), conflicts and war migrants (migrants from Syria or Yemen) etc. The lack of documents in a situation when they need to cross the border due to such instances and the migrants whose visas are only meant for single employer and several other working visa procedures such as Kafala system (Under the Kafala system a migrant worker's immigration status is legally bound to an individual employer or sponsor (kafeel) for their contract period.) in Middle Eastern countries, Overseas Domestic Worker (ODW) visa system in United Kingdom (Visa which does not allow the employee to change the job for the employer that he /she came to UK with.), H2-B visa in the United States (For temporary non-agricultural workers) are some such systems which create a huge dependency over the employer upon the migrant workers. This will ultimately turn the migrant worker into a situation of exploitation (David et al 2019).

When the authorities of the host countries do not protect those migrants, either due to the lack of capacity or may be intentionally, they obviously fall into a vulnerable place. Also those migrant workers are isolated due to the place of their work where it is not noticeable to people or the rest of the society and not monitored or cared by the state authorities. For example: the ships, private houses and embassies, conflict zones etc. The migrant domestic workers are usually isolated physically in

private dwellings and it might lead to put them into some dangerous situations along with the fact of long run prevailed low status of domestic workers in many societies. Since those private dwellings are on a “private space”, the governments tend to exempt those workers under the labour protection framework and this in turn will make the ground for exploitation of such laborers. It is estimated that about 73.4 percent of international migrant domestic workers are female whereas 26.6 percent are male (IOM World Migration Report 2020). This structural background shows vulnerability of feminization and negligence of their labour rights due to this background of work. In more it has been found out that the labour laws in parts of Australia, Germany, India, Italy, Japan, the Russian Federation, the Republic of Korea, Turkey, Saudi Arabia and the United States do not cover domestic workers (ILO 2013). Apart from that migrant workers who are employed in private businesses, the shops or factory premises which are under the control of the particular owner or the manager faces into the denial of their labour rights due to the potent weapon of ownership of those employers possess and their sole authority in control of financial resources. Examples of some such situations are as follows: private businesses: small scale manufacturing factories in suburban areas: for example garment sector, factories and mines, where there is a high chance of being able to escape from labour inspectors; workplaces where the employees need to stay at the accommodations meant for them by the employers; factories that employ migrant workers through recruiters which in turn create a debt bondage with the employer. Also tied immigration procedures that are limited to a particular working place or a job; working in conflict areas; the migrants who fled from one region to another due to threat perception usually face into forced labour if a certain insurgent groups control that particular area in illegal manner. Some such examples include child soldiers or threatened labour usage as porters, fighters, cooks or as beggars.

Apart from that working in abroad ships, where the physical isolation is quite evident. It is a precarious situation where there is no intervention from police or any other government authorities and thereby abusing or exploitation of the ship’s crew is easily achievable for the employers who used to follow such working procedures. Prominent examples for such a scenario are fishing vessels, especially the one with low market margins such as trash fish or small coastal fisheries where they target such migrant workers for their workforce and they ultimately face into labour exploitation and abuses. The migrant workers who are employed in certain rural areas with relative isolation and distinctive social structures are also face into vulnerabilities due to less state authority supervision. For example: the migrant workers from less improvised rural areas are recruited to be employed in sugar cane industry in Guatemala, palm oil industry in Ecuador and same such kind of situation seen in several parts of India etc. Quite a similar context is applicable to the migrant employers who are engaged at work in agricultural sector where its isolation from the social view leads to exploitation and less attention from social authorities. Another critical locations of migration worker exploitation occurs in the commercial sex establishments. Mostly those sex driven work are illegal in many territories and it is going as an underground work, where many migrant workers face into illegal trafficking which has turned into a form of an organized crime. Examples of such premises are massage parlours, spa centers, strip clubs, hostess bars and cantinas (David et al 2019).

Issues related to migrant labour

Several issues have been erupted due to the mass movement of migrant workers in the international arena. There is a large and unorderly influx of migrant workers, especially in the western European countries where they seek settlements which ultimately lead to problems of undermining the internal-external security and stability with the rise of ethnic minority issues. Apart from that, other factors which affect for the concentration of migrant labours in a particular state includes: national labour market demand for both skilled and unskilled migrants-either for formal or informal sectors; population density; temporary immigrations schemes; visa policies and humanitarian aspects and human rights policies etc.

The central problem lies in the nature of work, its repercussions and low state or low wage jobs of migrant's reception communities. Many migrant workers are disassociated from the families, relationships and their native community associations, networks in the host countries. In the global labour market, migrant workers are often in insecure, low wage low status occupations, or in unproclaiming working premises which are informal or either runs in underground manner in the economic sectors which has a cheaper, mobile, flexible, temporary and uninsured workforce demand (ILO, 2016). Apart from that mental states of labour migrants are low due to the different forms of low status or low wages-as they are facing concurrent instability, isolation, individualization by being alienated from family, their own community. Majority of migrant workers are engaging in precarious jobs which lack the freedom of work, potential for progress and social development (UN Department of Economic and Social affairs, World Social Report 2020).

According to the international researches conducted by the UN department of economic and social affairs approximately more than 40 million of people are in some form of modern slavery (Global Slavery Index 2018) whereas migrant workers, especially who are engaging in unskilled manual labour along with their solidarity and disassociation of collectivities due to their working environment are entrapped in passive exploitative servitude of low wage and low status labour (Dejardin 2019). This includes the procedure of working where the migrant workers subjected to racial or ethnic discrimination, physical and verbal abuse, unsanitary and overcrowded accommodations, long and intense working hours. The employers' perception of ethnic stereotypes can led to indirect exploitation whereas such situations are visible in workers in the hotel industry: for example the managers has the perception that Polish workers are more aggressive compared to Vietnamese workers, favour for the skin color for front desk workers (Davies 2019). The language barrier hugely affects the migrant workers who are unable to speak the language of the destination country. They will face the difficulties in fighting for their labour rights since they cannot argue or understand the contracts and documents which are written in foreign language and in instances where their work is related to frequent social contacts. The intensive work schedule, the common risk exposure along with long working hours are risk factors which leads to health issues such as exposure to severe injuries, dust related lung diseases, tuberculosis and also psychological diseases.

Irregular methods of moving to work is another issue where migrants face into the vulnerability of exploitation. It leads to make them assigned to work in the informal sectors which are not covered or may be excluded by the existing labour protection system of a particular country. In this case women are mostly confront into domestic slavery or physical abuse while men are confronting

excessive forced labour. The faults in the recruitment procedure where the corrupted officials are involving in recruitment, migration and criminal justice processes, including recruitment agents, employers and government border control police and military officials or reliance on third party agents are some noteworthy issues that leads to the modern slavery of migrant workers. These third party intermediation in migration process plays a significant role due to the fact of less information regarding the job vacancies, migration process, employment relocation options, and educational recognition information. Because of this, limited access to information and resources, migrant workers frequently look for third party sources to obtain help. So, these third parties like recruitment agencies, brokers, smugglers and other intermediaries tend to scam these people having underneath transactions with the recruiters and left the migrants with no choice options which ultimately assign them to such exploitive job markets. Due to the lack of proper mechanism of addressing the labour market realities in balancing the policy priorities and the gaps in protective migrant labour mechanisms of particular governments leads to hinder the coverage of these issues. For example: not having readily available information about migration process and employment systems, details about the networks of potential employment, financial resources and workplaces, insufficient regulations for the third party agencies to monitor their activities and complex networks of subcontracts among recruiters and those agencies etc. are vital issues that needs to be addressed (Davies 2019).

Legal instruments and global approaches on Migrant Labour

In terms of the existing legal instruments, there are two major covenants which cover the political, civil, economic, social and cultural rights in general that were adapted in the mid of 1990. However, the 1990 International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of their Families is not yet in force while some countries are disagreeing to ratify it. There is no visible progress on an instrument which recognize the collective rights of these working migrants. The 1990 convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families is an explicit extension of an instrument that address the vulnerable immigrants worldwide (OHCHR, 2009, Guide on ratification of the international convention on the protection of the rights of all migrant workers and members of their families (ICRMW)) Seven points are emphasized in this convention (OCHCR: International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families ,Adopted by General Assembly resolution 45/158 of 18 December 1990): Migrant workers are viewed as social entities rather than viewing them as laborers or economic entities, whereas they have rights to be with families which includes family reunification; The convention has identified that the family members of the migrant workers who are residing in the host countries being non-nationals are unprotected and their rights are not often addresses by the legislation of the residing countries; It provides an international definition for a migrant worker and their families for the first time and it establishes international standards for them by elaborating particular human rights with regards to them; All migrant workers are entitled to fundamental human rights despite they are documented or undocumented, whereas additional rights have been recognized for documented migrant workers and their families with equality in treatment with the nationalities of the residing countries in terms of political, legal, social and cultural rights; Prevention and elimination of exploitation of migrants to put an end to illegal, irregular or

undocumented migration; Establishing universally recognized minimum standard of protection for migrant workers and their families to encourage to harmonize the states which lacks the national standards of protection as per their legislature with those of internationally standard ones; The convention basically focuses on the protection of migrant workers and their family rights by implementing its provisions which provide a significant measures of protection for the basic rights, in vulnerable situations and particularly in irregular situations.

The parties to this convention are primarily the countries of origin of migrants. There is broader general resistance with the explicit disinterest in the recognition and application of human rights standards of migrants, particularly undocumented migrants. This results the slow progress in the ratification of this 1990 convention. Also there were no any ratification or an active promotion about the two ILO conventions on migrant workers' rights despite the discussions which are underway within the International Labour Organization (ILO) towards revising them in the form a "general framework convention" (OHCHR Report, 2005).

Several issues related to these conventions and legal instruments are there. Accordingly, the ILO Migration for Employment Convention (Revised), 1949 (No. 97), and the Migrant Workers (Supplementary Provisions) Convention, 1975 (No. 143) has low rates of ratification. The most common reasons for the failure of ratification includes (Pécoud et al 2004): the number of migrant workers in the territory; economic uncertainty and surge of unemployment; high cost of implementing the instruments withheld in the convention and lack of features in the particular government system; complexity in the country's legislation-for examples the convention no 97 article 6 (equality of treatment between foreign workers and national workers) and 8 (maintenance of residence rights in the event of incapacity for work and also in Convention No. 143, Articles 8 (protection in the event of loss of employment), 10 (equality of opportunity and treatment) and 14(a) (right of migrant workers to occupational mobility) create more difficulties in applying these conventions to the legislature of some countries; hesitation to enter into multilateral approaches and specific commitments: for example with regards to protection of migrant workers, under the Article 3 of Convention No. 143, to "suppress clandestine movements of migrants for employment and illegal employment of migrants", the host countries are in much more difficult conditions in adopting these standards of equitable treatments by changing their methods of carrying out their obligations in general. Some states perceive that these legal instruments have more liberal perspective for the migrant workers and then they decided that these are non-applicable for the policies and goals of immigration of the respective government (International Organization for Migration (IOM) United Nations, 2000).

Simultaneous to the existing international community approaches through conventions, the global community addresses these challenges of migrant workers through the Sustainable Development Goals (SDGs) adapted by the United Nations. Under the SDG goal no 08: Decent work and Economic growth its Target 8.7 aims to: take immediate and effective measures to eradicate forced labour, and to end modern slavery and the elimination of human trafficking and all forms of child labour, including recruitment and use of child soldiers, by 2025 (ILO 2016). For this it needs to have multi-stakeholder partnership in harmonizing and making necessary strategies while gathering the knowledge of the field to achieve progress in eliminating these conditions of modern slavery with the

aid of existing legal instruments. It needs to promote applicable measures in accelerating the steps on preventing the issues and problems arise due to migrant labour exploitation.

Conclusion

In order to address the issues faced by the working migrants, the authorities of host countries can take actions in providing protection for the migrants who are working in such repressive regimes by identifying such groups while addressing the threats they face such as deportation, detention or abuses. It needs to develop policies to ensure decent work by filling the gaps in national law and labour protection while ensuring ethical, safe and non-discriminative recruitment procedures. It needs to take capacity building measures which aimed at promoting labour rights which close gaps in the existing laws to create safe migration pathways. The development of transparency in the migrant labour markets through research and reporting about the corruptions will ensure that these cases will be properly investigated, exposed and prosecuted. By filling the critical gaps of knowledge on age and gender of migrant workers; the sectors and industries where most of them are concentrated, it can build up a comprehensive assessment of their vulnerability to modern slavery. Strategic policies needs to be make regarding the access to information, safe financial services: such as short term loans, safe work or livelihoods programmes. It needs to take actions to reduce potential preparatory control on the recruitment process through transparent regulations and a system with the availability of free low cost information which can be designed by using information technology. The labour migration laws can be ensured through a proper governing system that makes policies reflecting the realities of the labour market and migration pressures with a humane balance. In order to increase the capacity in providing training and support to first responders, it needs to create specialized law enforcement, and labour inspections in the informal sectors to detect instances of modern slavery.

References

1. Baker. A, The Best Way to End Modern Slavery? Enable Legal Migration, Experts Say, Time. December 2, 2019. URL: <https://Time.Com/5741189/Modern-Slavery-Legal-Migration/> (accessed February 26, 2022).
2. David. F, Bryant. K & Larsen J.J, Migrants and Their Vulnerability to Human Trafficking, Modern Slavery and Forced Labour, 2019, International Organization for Migration (IOM). P. 10–14.
3. Davies. J, From severe to routine labour exploitation: The case of migrant workers in the UK food industry, Criminology & Criminal Justice, 2019. Vol. 19 (3). P. 294–310.
4. Dejardin A.K. The social construction of migrant care work at the intersection of care, migration and gender, International Labour Office, 2019, Geneva. P. 5–37.
5. Fouskas. T, Precarious, Low-Status Labor, Broken Families and Communities, Shattered Networks of Solidarity and Collectivity, Racial and Class Inequalities, and Ethnic and Gendered Division of Labor: Migrant Filipina Live-in Domestic Workers and Palestinian Refugee. 2016. Unskilled Manual Laborers in Greece in Times of Crisis, European Politeia 02.
6. Global Slavery Index 2018, Walk Free Foundation, URL: <https://www.globalslaveryindex.org/resources/downloads/> (accessed February 16, 2022).
7. GMG (Global Migration Group). Exploitation and abuse of international migrants, particularly those in an irregular situation. 2013. A human rights approach, UNODC, URL: https://www.unodc.org/documents/human-trafficking/2013/2013_GMG_Thematic_Paper.pdf/ (accessed February 15, 2022).

8. ILO. Domestic workers across the world: Global and regional statistics and the extent of legal protection, International Labour Organization, Geneva, 2013. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_173363.pdf (accessed January 26, 2022).
9. ILO. International labour standards on labour migration, URL: <https://www.ilo.org/global/topics/labour-migration/standards/lang--en/index.htm>, (accessed August 17, 2021).
10. ILO. Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects, International Labour Office. 2016. Geneva, P. 7–144.
11. ILO. Reform of the Kafala (Sponsorship) System, Migrant Forum in Asia, Policy Brief No: 02, 2012. URL: <https://www.ilo.org/dyn/migpractice/docs/132/PB2.pdf> (accessed December 15, 2021).
12. ILO. Report on Global Estimates of Modern Slavery, Web PDF: 978-92-2-130132 5[ISBN]. 19 September 2017. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/publication/wcms_575479.pdf (accessed August 20, 2021).
13. ILO. SDG Alliance 8.7 Joining forces globally to end child labour, forced labour, modern slavery and human trafficking, Draft for consultation, International Labour Organization/. February 2016. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/-declaration/documents/publication/wcms_450718.pdf (accessed February 1, 2022).
14. IOM, 2001, The Human Rights of Migrants, International Migration Vol. 38 (6) Special Issue 3/2000, International Organization for Migration (IOM) United Nations. P. 7–53.
15. IOM, World Migration Report 2020, International Organization for migration, PUB2019/006/L WMR 2020, UN Migration. P. 16185.
16. OHCHR. Guide on ratification of the international convention on the protection of the rights of all migrant workers and members of their families (ICRMW), The international steering committee for the campaign for ratification of the migrants rights convention. 2009. URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Press/HandbookFINAL.PDF> (accessed December 23, 2021).
17. OHCHR. International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families, Adopted by General Assembly resolution 45/158 of 18 December 1990, URL: <https://www.ohchr.org/Documents/ProfessionalInterest/cmw.pdf> (accessed February 15, 2022).
18. OHCHR. The International Convention on Migrant Workers and its Committee Fact Sheet. 2005. No. 24, (Rev.1), Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights The United Nations, New York and Geneva, URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Publications/FactSheet24rev.1en.pdf> (accessed January 15, 2022)
19. Pécoud. A & Guchteneire. P. Global Migration Perspectives No. 3, Global Commission on International Migration (GCIM) October 2004. URL: <https://www.refworld.org/pd/42ce46a74.pdf> (accessed December 20, 2021).
20. UN. Department of Economic and Social affairs, World Social Report 2020, URL: <https://www.un.org/development/desa/dspd/wp-content/uploads/sites/22/2020/01/World-Social-Report-2020-FullReport.pdf> (accessed January 20, 2022).

**ФИЛОСОФСКО-
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ
ТОЛЕРАНТНОСТИ
и ИНТОЛЕРАНТНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

**PHILOSOPHICAL
and SOCIOLOGICAL
ASPECTS of TOLERANCE and
INTOLERANCE
in THE MODERN
SOCIETY**

**ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ
и ИНТОЛЕРАНТНОСТИ в СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**
*PHILOSOPHICAL and SOCIOLOGICAL ASPECTS of TOLERANCE
and INTOLERANCE in THE MODERN SOCIETY*

**ДОВЕРИЕ КАК РЕГУЛЯТОРНЫЙ КОМПОНЕНТ
САМООРГАНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ в ОБЩЕСТВЕ**

Келасьев В.Н., д. филос. н., проф., СПбГУ,
Санкт-Петербург, Россия

В настоящее время сложилась достаточно парадоксальная ситуация: человечество рвется в космос, на Марс, вмешивается в генетический код, работает со стволовыми клетками – то есть оно подошло к тому, что было прерогативой господина БОГА и, в то же время, как никогда близко подошло к возможности самоуничтожения. Причина этого кроется в слабости доверия социальных субъектов друг по отношению к другу, неадекватности их социальной рефлексии. Основные социальные группы в обществе, существующие партии, да и сами сложившиеся мировые цивилизации стремятся к наращиванию силы, доминированию над другими субъектами, мало беспокоясь о регуляторных механизмах проявления этой силы. Между тем, регуляторы эти должны приобрести многомерный характер, учитывать позиции разных сторон, различие точек зрения. Без учета этой многомерности, учёта всей объемности социальной ситуации никакое согласование интересов и целей социальных субъектов невозможно. Регуляторы эти должны рассматриваться в контексте самоорганизационных процессов в обществе, а доверие представляет собой существенный компонент самих процессов самоорганизации в обществе.

В своё время нами были сформулированы некоторые универсалии живого, обнаруживающиеся не только на уровне человека и общества, но и более простых форм живого. Дело в том, что живое во всех своих формах, начиная от простейших и заканчивая человеком и обществом, существует в форме некоторых целостностей. И человек, и общество – форма целостности. Основной развиваемый тезис заключается в том, что, если есть целостность, то есть и давление целого на свои части, есть тенденция к некоторому согласованию, совмещению, гармонизации составляющих. Находясь в целом, части (составляющие) не могут, некоторым образом, не согласовываться, не совмещаться, не адаптироваться друг к другу. В результате, порождаются новые качества, обогащающие и развивающие целостность. Под понятием совмещения понимаются процессы, порождаемые вхождением составляющих в целостность и выражающиеся в необходимости их согласования, совмещения между собой, что ведёт к порождению уже ряда новых качеств, обогащающих и развивающих целостность. Состоять в целостности – это и значит

предполагать такое объединяющее, согласующее начало в виде некоторых новых качеств, расширяющих потенциал целостности.

Сама целостность при этом представлена множеством форм: это и общая территория, на которой сосредоточены отдельные индивиды, социальные группы, слои, классы (вплоть до Земного шара). Это – и общая деятельность, которая своими целями цементирует, объединяет, согласует отдельных субъектов, их действия. Целое создается и общей культурой, традициями, обычаями. Есть много форм целостности. На микроуровне целым может выступать и общая «коммуналка», объединяющая жильцов квартиры. Поэтому одни формы целостности – на уровне социальных групп, отдельных индивидов, другие – на макроуровне – уровне более крупных образований. Тем не менее, при любой форме целостности есть факт вхождения составляющих в целое. Это вхождение в целое требует именно согласования, совмещения, взаимоадаптации составляющих (есть давление целого на эти составляющие, тенденция к некоторому объединению, гармонизации, взаимоадаптации составляющих). Эта тенденция действовала во все времена, на уровне всех целостностей. Объектом совмещения выступали разнообразные отличия социальных субъектов. Есть много форм этих отличий (Васильев Г.Н., Келасьев В.Н., 2003). Тенденция влияла на отличия людей, социальных групп, и для гармонизации процессов в обществе крайне важно, чтобы был налажен механизм согласования отличий субъектов.

Отличия в российском обществе порождаются самыми разнообразными факторами: выраженной имущественной и культурной дифференциацией различных слоёв населения, пестротой национального состава, многообразием религиозных конфессий, наличием большого числа политических партий, неадекватными представлениями друг о друге различных групп и слоёв населения (Келасьев В.Н., 2010). Для успешности совмещения этих выраженных различий крайне важно доверие этих субъектов друг по отношению к другу. В этом смысле доверие выступает регулятором продуктивности процессов совмещения, которое выражается в сближении позиций, согласовании интересов, точек зрения, улучшении взаимопонимания. В итоге совмещения происходит порождение новых качеств, выступающих в различных формах социальной рефлексии, способствующих интеграции общества. Формами рефлексии выступают новые управленческие, административные и правовые решения, моральные и общественные нормы. Для успешности совмещения важно, чтобы эта рефлексия основывалась на многомерном видении причин отличий и социальной ситуации вокруг субъектов. Конечно, если отличия людей, групп превосходят определенный уровень, то согласование позиций, сближение интересов, точек зрения не происходит. Препятствуют совмещению и эгоистические интересы отдельных социальных групп, политических лидеров, их неспособность сформировать такой многомерный подход к процедуре совмещения. Следует отметить, что субъектам присуще стремление к расширению сферы своего влияния и сужению этой сферы для других, и порой, это стремление оказывается сильнее вытекающей из вхождения в целое тенденции к их совмещению. Однако доминирующей оказывается, всё-таки, тенденция к совмещению, согласованию позиций, хотя её реализация может оказаться длительной по времени, изобилующей всякими препятствиями.

Саморазвитие общества как социальной целостности осуществляется по следующей схеме. Индивиды, группы, организации, находящиеся в рамках целого, должны пройти этап совмещения своих отличий (в форме согласования действий, интересов и целей) – породить новые формы социальной рефлексии, качества, совмещающие их различающиеся позиции и устремления. Далее самим своим смыслом эти новые качества в виде тех или иных форм социальной рефлексии корректируют движимое этими интересами поведение социальных субъектов в соответствии с требованиями человеческого общежития. Самоорганизация общества выступает сначала как движение от уровня совмещения отличий отдельных социальных субъектов к уровню различных форм объединяющей их социальной рефлексии и далее, как обратное влияние порожденной социальной рефлексии на поведение социальных субъектов. Доверие социальных субъектов регулирует успешность-неуспешность самоорганизационных процессов, либо способствуя разблокированию различных помех и препятствий процессам совмещения, и способствуя, тем самым, выходу общества на более высокий уровень функционирования, либо, наоборот, порождая новые препятствия этим процессам и тормозя механизм саморазвития. Этот механизм, с нашей точки зрения, является достаточно универсальным, проявляющимся на уровне всех типов обществ (Келасьев В.Н., Первова И.Л., 2014). Чем быстрее формируется сближающая позиции социальных субъектов адекватная социальная рефлексия, чем меньше препятствий её формированию, чем выше готовность субъектов к сближению их позиций, тем более саморазвивающимся является общество. Проблема в том, что обнаруживается много помех и препятствий формированию адекватной социальной рефлексии, выражающихся в эгоизме социальных субъектов, стремлении их противостоять необходимости согласования своих позиций с позициями других субъектов, неготовности идти на уступки, абсолютизации собственной позиции и т. д. Тем не менее, говоря о самоорганизации, мы имеем в виду цикл, начинающийся от уровня отдельных субъектов, групп – этапа совмещения их интересов, позиций, порождение осуществляющих это совмещение качеств социальной рефлексии и далее обратное влияния социальной рефлексии на активность социальных субъектов. И в качестве регулятора в этот цикл встроен базовый механизм доверия субъектов друг по отношению к другу. Чем выше уровень доверия, тем эффективнее идут процессы самоорганизации, саморазвития общества. Как известно, каждое общество стремится быть саморазвивающимся. Однако быть таковым оно может только при определенном уровне взаимодоверия субъектов.

Общество, в котором чётко функционирует самоорганизационный цикл, выражены процессы доверия социальных субъектов друг по отношению к другу, способствующие преодолению их отличий и формированию на этой основе адекватной социальной рефлексии, корректирующей происходящее в обществе и осуществляющей обратное влияние на жизнедеятельность социальных субъектов, будет эффективным, ибо в его функционировании задействованы все механизмы саморазвития. Повышать уровень самоорганизации общества можно за счет активизации самих социальных субъектов – стимуляции их инициативы, социальной компетентности, социального творчества людей, социальных групп. Самоорганизационный потенциал общества можно поднимать и за счет активизации и оптимизации процессов согласования, совмещения интересов различных социальных

субъектов и общества, а также активизации процессов формирования качеств социальной рефлексии, повышения уровня её адекватности и своевременности возникновения, и, главное, повышения её многомерности, многоаспектности. Вместе с тем, наиболее эффективным механизмом повышения самого организационного потенциала общества является поднятие уровня взаимодоверия социальных субъектов, что предполагает разблокирование различных помех и препятствий его формированию. Наиболее выраженной помехой формированию доверия является склонность социальных субъектов к одномерности в восприятии происходящих политических, экономических и социальных явлений. Отдельные индивиды, социальные группы, политические партии, да и лидеры ряда государств склонны к абсолютизации собственных точек зрения, одномерности в трактовке происходящих событий, оказываясь во власти сложившихся стереотипов. Этот процесс, захватил все социальные субъекты – и от него надо отходить. Ведь при этом не учитывается реальная сложность, противоречивость, многоаспектность мира – то, что к точке зрения оппонента надо прислушиваться. Так, нынешний конфликт Запада с Россией следовало бы рассматривать не только с односторонней, одномерной точки зрения Запада, но обязательно в паре с точкой зрения России (что придало бы этому рассмотрению большую доказательность и убедительность). Как бы то ни было, пока Запад стремится продавить свою точку зрения, что совершенно неприемлемо.

Такая же одномерность может выражаться и в том, что в одну социальную среду пытаются внедрить чуждые её историческому развитию, традициям, обычаям, культуре свою систему ценностей, своё понимание общественного устройства, что сразу исключает какое-либо доверие между акторами и ведет к сопротивлению, а потом и к разрушению более слабого социального субъекта. Именно такой одномерный подход характерен, скажем, для политики США, пытающихся внедрить свою систему ценностей и своё понимание демократии силовым путем в ряд других стран. Одномерность проявляется и в признаваемой политологами недоговороспособности США, ориентации их только на собственную точку зрения.

Такая же одномерность проявляется и в декларируемой Украиной готовности «воевать до последнего украинца» – это тоже абсолютизация единственной собственной точки зрения, проявление неспособности к многомерному видению сложнейшей ситуации.

Примеров одномерности, конечно, предостаточно не только на уровне отношений между такими крупными субъектами как государства, но и на уровне отношений между отдельными индивидами, социальными группами. Это и есть – основная помеха формированию доверия: распространенность одномерного подхода к оценке социальной ситуации, подхода, который не соответствует уже усложнившимся социальным реалиям и блокирует формирование доверия. Поэтому можно говорить о кризисе одномерного подхода, который имеет, конечно, свою объективную основу в перенасыщенности современного мира потоками информации, с которой уже не справляется социальный субъект, и склоняется к упрощению, примитивизации своих реакций, к ориентации на свои предшествующие стереотипы. Между тем современный мир требует от субъекта нового типа ментальности, изначально ориентированной на многомерный подход в восприятии и оценке социальных явлений, что является условием согласования всё возрастающих отличий субъектов. Для отказа от такого

одномерного подхода социальные субъекты должны, при всем при том, подняться на более высокий уровень ментальности и терпимости, взаимоуважения друг по отношению к другу, проявить готовность к отказу от собственных одномерных стереотипов. Процесс этот будет, конечно, непростым, но он выдвигается на авансцену для оздоровления отношений, роста взаимопонимания между социальными субъектами. Именно такое возросшее доверие будет стимулировать самоорганизационные процессы как внутри отдельных обществ, так и между ними. Мы находимся на стадии, когда надо в полной мере осознать как сам кризис одномерности, так и все его последствия, и начать, наконец, выходить из него.

Библиография

1. Васильев Г.Н., Келасьев В.Н. Самоорганизация целостности: психо- и социогенез. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – 204 с.
2. Келасьев В.Н. Модели социогенеза. Вестник С.-Петерб. ун-та. С.12: Психология, социология, педагогика, 2010. № 3. С. 347–355.
3. Келасьев В.Н., Первова И.Л. Самоорганизация общества и механизмы её активизации. Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки. 2014. Т.35, №3. С. 65–73.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ и ДОВЕРИЕ как НЕОБХОДИМЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПРАВИЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Белова М.В., к. социол. н., ассист., СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

Что такое правильное общество? «Мы определяем правильное общество следующим образом: это общество, в котором господствуют правила нашей общей совместной жизни, эти правила дают нам драгоценную возможность сосуществовать вместе, не теряя индивидуальности и самовыражения». Каковы же эти правила? Есть общие права, которыми наделены от рождения все люди: право на жизнь, право на свободу, право на труд, право на собственность и т. д., «Каждый имеет право на жизнь, и ничья жизнь не перевешивает другую; все пользуются равной свободой, но при этом свобода одного не должна ограничивать свободу другого; каждый человек должен иметь возможность реализовывать себя в трудовой деятельности и найти способ самовыражения своей личности; независимо от того, имеет ли человек собственность или нет, все люди одинаково обладают правом иметь собственность, которая защищена законом от посягательств других. Основной принцип распределения таких прав – безусловное равенство» (Липатов А.А., 2017, 28 с.).

Кроме того, правильное общество – это *справедливое* общество. Справедливость мы понимаем как принцип установления правил, а не как принцип достижения блага. Поэтому справедливости мы должны требовать не от правителей, а от системы. Правители меняются, а правила должны работать. В связи с этим правила должны составлять систему, и количество правил не должно противопоставляться их качеству.

Однако, правильное общество – это не только правильные экономические, социальные, политические отношения и институты, но и моральные правила, те правила, которые поддерживаются не внешним принуждением, а выступают как внутренние ценности и убеждения индивида. Моральные правила всегда социальны, они могут существовать и быть понятными только в контексте значений определенной социальной группы и в определенный исторический период времени развития общества. К таким правилам безусловно относятся *толерантность* и *доверие*.

Что же такое доверие? Существуют различные трактовки данного термина, но самое общее его понимание заключается в определении доверия как некоторого состояния человека, при котором он полагается на чье-либо мнение или суждение, так как считает его авторитетным, или он делегирует свои полномочия другому человеку. Доверие – это уверенность (*confidence*) в надежности человека или системы по отношению к определенному ряду событий или явлений. Доверие – это моральное отношение к другим, к своим или чужим, способ взаимодействия с ними. Фрэнсис Фукуяма, американский социолог и автор книги «Доверие» полагает: доверие – та из моральных ценностей, что у нас осталось из славного прошлого, когда присутствовали понятия верности и чести, выкованные феодальным обществом (Фукуяма, 2004). Доверие помогает нам в современных условиях рыночного общества, когда вокруг все чужие, выстроить отношения как к чужим, так и к своим, то есть приспособить внешнюю

социальную среду для своих индивидуальных действий. Другие ученые, например, Никлас Луман, определяет доверие как современный феномен, который порождается нашим сегодняшним обществом (Luhmann, 1988). Доверие – уверенность в другом, это ставка на поведение другого человека по отношению к тебе, рациональное ожидание определенных действий, связанных с взаимными моральными обязательствами.

Доверие – парная категория толерантности в контексте правильно устроенного общества. Толерантность – одно из ключевых понятий в современной социологии. Без упоминания важности толерантности не обходится ни одна стратегия развития общества в настоящее время. При этом единого мнения по поводу значения термина «толерантность» пока не существует. Ситуативность подходов является неслучайной и обусловлена кросскультурным диалогом и эволюцией того или иного общества как в отдельности, так и всего мирового сообщества в целом. Толерантность как явление зародилась в исторической ретроспективе и постепенно меняла свою суть, так как была, в определенном смысле, продолжением воли общества, формой, в которой общество воспринимало справедливость.

Термин толерантность происходит от лат. *Tolerantia* – терпение. Толерантность в медицине – это явление, которое возникает в случае привыкания организма к какому-либо препарату (упрощенно) (Большой толковый медицинский словарь, 2001). В данном случае можно сказать, что речь идет об ограниченной толерантности как о позитивном явлении, способствующем развитию. Негативной формой наряду с прогрессирующей толерантностью «медицинского типа» можно считать интолерантность, то есть его непереносимость. Если сравнивать организм человека и общества как организма, можно привести примеры с отрицанием прав какого-либо национального, религиозного или этнического элемента социума. Ярким примером служил режим апартеида в Южно-Африканской республике с 1948 по 1994 год. Применительно к толерантности в социальном аспекте возможно провести почти полную аналогию, которая как в биологии будет сводиться к 3 категориям приспособления: активный путь, пассивный путь, избегание негативного воздействия. Эти пути могут быть использованы как сепаратно, так и во взаимодействии, дополнять друг друга (Толерантность в современном обществе, 2011). Если охарактеризовать все три пути приспособления, можно заметить, что все они находятся на стыке понятий «терпимости» и «нетерпимости», однако идея уважения, синонимичная современному термину «толерантность» в них практически отсутствует. Т.о., одного биолого-медицинского понимания толерантности мало для понимания существования и развития общества в современных условиях. Нужен новый подход. А именно – *междисциплинарный* т.к. существует огромное количество примеров, указывающих на близость общества людей животному миру (Бутовская, 1998).

Дополнительную убедительность данной позиции придают многочисленные проявления агрессивности человека, его стремление доминировать и самоутверждаться за счет других людей даже в тех случаях, когда это приводит к гибели окружающих. Показательно, что агрессия человека часто выходит за границы рациональной агрессии, существующей в природе, что обусловлено наличием в человеке иррационального начала, не основанного на природных инстинктах и усугубленного высоким интеллектуальным развитием. Агрессивность в данном случае может быть вариативна и способна принимать всевозможные

формы интолерантности, включая мстительность, враждебность, угрозы, критику, сознательное манипулирование. Агрессия стимулирует встречную нетерпимость и активизацию у оппонента психологической защиты, которая также вариативности укладывается в рассмотренные выше три пути приспособления. Таким образом, объективно существующая дихотомия конфликтного и созидательного начал в единой, гомогенной человеческой природе требует от исследователей толерантности рассмотрения естественнонаучных идей и определений наравне с определениями, предлагаемыми гуманитарным знанием и продиктованных современным уровнем общественного развития. Несмотря на то, что мы противопоставляем гуманитарные и естественнонаучные трактовки термина толерантность, важно отметить, что система определений является гораздо более сложной и многоуровневой.

Множество социальных позиций и взаимодействие различных социальных групп в структуре общества могут быть раскрыты через *социологическую* трактовку термина толерантность. С точки зрения социологической науки, толерантность может быть интерпретирована как терпимость к отличающимся от привычных образу жизни, ситуативному поведению, реализации иных традиционных и религиозных обрядов (Словарь иностранных слов и выражений, 1998). В социологии, при интерпретации толерантности, особый акцент делается на общности, и именно из-за этого толерантность в социологии, прежде всего, ассоциируется с терпимостью. Следует пояснить, что ассоциация толерантности с уважением или полным принятием отличительных качеств иной социальной группы для социологической науки вряд ли возможна, так как каждая социальная группа всегда характеризуется определенным набором самоидентификационных признаков, отличающих ее от иных социальных групп. В связи с чем приравнивание своих идентификационных признаков к чужим идентификационным признакам фактически означало бы для социальной группы полное слияние или ассимиляцию с объектом сопоставления. При этом сам по себе процесс ассимиляции существует объективно и характерен для мультикультурных обществ с ярко выраженным доминированием одной из представленных в них культур.

Далее, религиозную толерантность можно охарактеризовать как терпимость к иному рода взглядам, нравам, обычаям, имеющим сакральное значение и / или диссонирующим с пониманием сакральности в какой-либо религиозной доктрине. От философского понимания толерантности религиозный подход отличает, прежде всего, высокая доля определенности, позволяющая отделить правильные взгляды от неправильных, а также высокая доля статичности учения, привязывающая все трансформации религиозной концепции к исходной религиозной доктрине. Философия, в этой связи, представляется гораздо более гибкой и вариативной, так как в ее основе лежит не убеждение в истине, а вопрос о правомерности. Средством развития и трансформации философских концепций становится логика, противопоставляемая догме. Исходя из вариативности философского знания можно предположить, что понимание идей толерантности также будет более вариативным. Если в религии толерантность, прежде всего, зависит от отношения субъекта к идее смирения какой-либо религиозной концепции, то для философских концепций характерна толерантность к субъектам, воспринимающим их логику и нацеленным на ее освоение и

развитие в установленном философской концепцией русле. При этом, для философских концепций, как и для религиозных доктрин, идея толерантности соотносима преимущественно с терпением, так как терпение является единственным инструментом, позволяющим сохранить целостность идейной концепции и, одновременно, избежать эскалации конфликта в споре с иными философскими концепциями.

Из представленного выше социологического термина толерантности, можно вывести также антропологическое определение данного термина (конечно, имеется ввиду социальная и культурная антропологии – дисциплина, которая занимается сравнительным изучением человеческих обществ), которое окажется близким к биологическому и экологическому определениям, и будет характеризовать толерантность как восприимчивость культуры этнической группы к внешнему культурному влиянию, связанному с подменой или разрушением существующего у данной этнической группы культурного кода. Под культурным кодом нами в данном случае понимается определенный набор образов, характерных для отдельной этнической группы, и связанных комплексом стереотипов в сознании, которые проявляются прежде всего в поступках представителей данной этнической или культурной группы и общности (Кононенко, 2003).

Определение термина «толерантность» в политической науке отличается от социологического, поскольку в отличие от социологии, политология основное внимание уделяет не социальной группе, а отдельному актору, обладающего политической волей и политической мотивацией. Под политическим актором следует понимать не только отдельного политического деятеля, облеченного властью государственного уровня, но и рядового гражданина, способного участвовать в политическом процессе посредством выборов, и даже любого человека, вне зависимости наличия или отсутствия у него каких бы то ни было политических прав, так как каждый разумный субъект способен на реализацию определенной политики, направленной на удовлетворение его индивидуальных потребностей. Исходя из данной «узкой трактовки» политики, толерантность фактически будет означать консенсус политических волей двух и более политических акторов (Конфликтология, 2009). Термин «консенсус» в приведенном определении сопоставим с категорией «уважение», которая все чаще ассоциируется с термином толерантность в настоящее время. Фактически, консенсус обозначает ситуацию обоюдного удовлетворения двух сторон политического взаимодействия результатами их деятельности по какому-либо вопросу.

Альтернативой консенсусу является гораздо более распространенный в политической жизни компромисс – то есть ситуация встречной уступки участников политического взаимодействия для достижения примирения по спорному (конфликтному) вопросу (Конфликтология, 2009). Применительно к компромиссу в политической деятельности говорить о толерантности акторов в отношении друг друга сложнее, так как наличие уступки означает неполное удовлетворение интересов данных акторов и сохранение определенного потенциала для возобновления конфликтного взаимодействия в перспективе. В виде исключения можно рассматривать лишь те конфликтные ситуации, в которых объем сделанных уступок минимален (то есть компромиссы, близкие к консенсусу), либо конфликты, объект спора в которых малоценен, и конфликтное взаимодействие в которых

является более затратным, чем безоговорочное примирение в рамках компромисса. В значительной степени определение толерантности, применяемое в политической науке, основано на психологических особенностях человеческой личности, которая является предметом исследования психологии.

Многообразие характеристик человеческой личности, вариативность поведенческих особенностей отдельных индивидов затрудняют формирование единого определения с позиции психологической науки и требуют включения в данное определение широкого набора фрагментированных определений, обобщенных такими терминами как бесконфликтность и неагрессивность. Примерами частных определений толерантности, данных с позиции психологической науки, могут служить «ценность взаимодействия в условиях соперничества»; «дружелюбие и спокойствие, противопоставляемые агрессии и раздражительности»; «стремление к согласию» и т. д.

Обобщая все рассмотренные выше определения, относимые к различным дисциплинам и по-разному представляющие значение термина толерантность, сформулируем общее определение, характеризующее толерантность, прежде всего, в гуманитарном знании. Согласно интегрируемому определению: толерантность – это особенность восприятия индивидом одного человека, группы лиц или ситуации в целом с нейтральных (неагрессивных и невесторженных позиций), выражающаяся в сознательном подавлении чувства неприятия, вызванного всем тем, что знаменует в объекте иное (внешность, манеры, речь, вкусы, идеи, принципы, образ жизни, убеждения и т. д.) при условии, что данные особенности не несут в себе очевидной опасности для индивида.

Поясняя представленное определение, необходимо отметить, что оно ставит во главу угла отдельного человека, отношение которого к окружающему миру фактически является мерилем данного мира, и подводит определенный итог многовековому развитию гуманистической традиции с ее многогранной трактовкой прав человека и его первостепенной роли в создании общества. Важной составляющей данного определения является возможность толерантного отношения не только к другой личности, но также и к группе лиц или ситуации в целом, что, с одной стороны, расширяет сферу применимости понятия толерантность, но, с другой стороны, вводит определенный элемент избирательности, позволяющий более точно описывать качественную составляющую человеческого восприятия. Следующий важный компонент – осознанность толерантного поведения, так как невозможно относиться с уважением к вещам, недоступным пониманию, – данные явления неминуемо начнут вызывать смешанные чувства, связанные либо с превосходством, либо с подбострастием и страхом, и, как следствие, хрупкий баланс уважительного взаимодействия окажется нарушен. Этот эффект связан с так называемым «спекулятивным потенциалом» толерантности.

Несмотря на потенциальную возможность достижения абстрактного социально-культурного баланса, достижение данного баланса и установления «режима толерантности» – максимального распространения идеи толерантности в обществе, представляется практически невозможным. Данное обстоятельство обусловлено т. н. спекулятивным потенциалом, то есть спорным статусом множества частных вопросов социального

регулируемого, имеющих политический и этнокультурный подтекст. Примерами такого подтекста могут выступать как сложные феномены (например, столкновение религий полов, возрастов), так и частные инциденты коллективного взаимодействия случайных членов социальной среды вследствие детерминанты в обществе модели конфликтного поведения, конфликтного взаимодействия. Своего апогея конфликтное взаимодействие обычно достигает в периоды экономического спада и недостатка социальных благ, что заставляет общество в лице наиболее активной его части, обратиться к спекуляции идеей большого права, большей доступности определенных благ, большей безнаказанности отдельных граждан.

Даже сегодня в демократических обществах Западной Европы, больше остальных отстаивающих принципы толерантности, активно развиваются такие формы социального протеста, как ксенофобия, расизм и национализм и т. д. И только эффективная правовая система отделяет их от политического участия, от процесса принятия политических решений. Со временем негативно настроенного общества, грань между социальным, политическим, правовым неизбежно трансформируется в сторону интересов общества, так как государство, как институт, в современном мире является обычно продолжением интересов и ожиданий граждан. В данном контексте ключевой вопрос окажется связан с присутствием в обществе признаваемого его членами, либо отрицаемого права на инакомыслие. Если право на инакомыслие в обществе признаётся, и оно глубоко укоренено, то такое общество оказывается ориентировано на ценности либеральной демократии, т. е. формы социальной организации, в основе которой заложена свобода самовыражения, слова и мнения. Если право на инакомыслие в обществе оказывается девальвировано и общество, в лице большинства его членов выносит на первый план не мнение человека, но волю масс, то неизбежным образом либеральная демократия превращается в коллективизм, а затем и вовсе переходит в тоталитарную модель, в которой уже воля масс подменяется волей одного человека.

На всем описанном пути политической трансформации, толерантность неизбежно используется людьми и как оружие, и как средство защиты. И в том, и в другом случае апелляция идет к идентичным ценностям, в том числе которых добро, справедливость, нравственность, чистота, минимальное зло, порядок, законность и права всех видов форм. Ключевым фактором победы одного из подходов над другим становится эффективность пропаганды соответствующих ценностей, то есть результат восприятия обществом ценностей уважения или ценностей смирения и подчинения, так как именно последние противопоставляются толерантности в контексте ее конкуренции с интолерантностью.

В условиях непрекращающейся борьбы двух подходов, возможно говорить о том, что толерантность, как и ее противоположность, получает атрибуты скрытой, а иногда и явной идеологии, то есть концептуального обоснования системы ценностей, характеризующей системами формирования, производства и воспроизводства, распространения и обратной связи. Данный механизм позволяет сделать из толерантности не просто символ, ценность, но представить ее как средство моделирования политической и социальной реальности, заявить: «следуйте данным правилам, избегайте данных угроз, верьте в данные принципы и вы создадите толерантное общество».

При наличии подобной идеологической платформы, распространение толерантности максимально облегчается, каждый может понять толерантен он или нет, просто ответив себе на несколько вопросов о своих собственных убеждениях. При этом, толерантность как идея перестает существовать, – она оказывается слишком примитивной, чтобы возвыситься над схваткой, чтобы ответить на простые вопросы о равенстве принципов и равенстве людей. Возникают «парадоксы толерантности», в число которых, к примеру, более лояльное отношение к мигрантам, по сравнению с гражданами, чтобы не быть заподозренным в ксенофобии, более лояльное отношение в ряде американских штатов к афроамериканцам, чтобы не быть заподозренным в расизме; или другая крайность – менее лояльное отношение к неэтническим немцам в 1930-е годы в Германии, чтобы не быть заподозренным в отсутствии патриотизма.

В описанных ситуациях толерантность переживает постепенное вырождение, так как ее путь развития оказывается составлен из множества мелких конфликтов, постепенно образующих социальное противостояние. На протяжении веков, когда толерантность, под разным названием пытались интегрировать в общественную жизнь, политика смогла выработать два относительно эффективных решения, Имевших социальный успех. Данными политическими решениями стали концепция плавильного котла и концепция мультикультурализма (Медушевский, 2018).

Итак, подведем некоторые итоги. Для современного гетерогенного мира, во многих районах которого ценность человеческой жизни все еще ничтожно мала, толерантность является одной из важнейших идей, которые способны изменить ситуацию, воспитать из «человека разрушающего» человека, способного созидать окружающий мир. Для данного кардинального, казалось бы, изменения, сегодня существует множество предпосылок, связанных с развитием культуры диалога и культуры мира. Важнейшую роль в процессе миростроительства, несомненно, играют международные организации, четко анонсирующие своей деятельностью важнейшие направления человеческого развития. Практическая деятельность, при этом ложится на плечи национальных правительств, которые вынуждены адаптировать принимаемые ими законы к политике толерантности.

Очевидно, что процесс адаптации идет медленно и характеризуется множеством исключений и откатов от уже сформированной политики толерантности, однако возможно констатировать, что процесс распространения толерантного мировоззрения является уже практически необратимым, так как человек, привыкший жить хорошо и свободно, никогда по своей воле не откажется от данной привычки, не закует себя в кандалы невежества и нищеты. Если же речь идет об обществе, то фактически, оно исторически формирует данную модель от момента преодоления хаоса за счет тирании вплоть до сегодняшнего дня, когда тирания все чаще побеждается организованным множеством сформировавших свое либеральное мировосприятие индивидов.

Данная борьба является одной из основных форм цивилизационного развития, но при этом она характеризуется и эволюцией человеческого сознания. Постоянно противодействуя ограничениям диктата и несправедливости, человек все глубже осознает себя как личность и все более четко начинает представлять окружающее его общество не как толпу или массу, из

которой он выделяется, но как сообщество таких же, как он, индивидов, достойных уважения. При этом, степень индивидуальности окружающих, несомненно, имеет лимит, который каждый устанавливает для себя сам, как и собственный предел толерантности и доверия, и чем он шире, тем рациональнее, эффективнее и гуманнее оказывается общество, в котором мы живем.

Библиография

1. Баева Л.В. Толерантное сознание: классические традиции и постнеклассическая
2. аксиология. URL: <http://hpsy.ru/authors/x296.htm> (дата обращения 08.10.2022).
3. Берегов С. Плавильные котел. «Полемика и дискуссии». URL www.polemics.ru2006.
4. (дата обращения 08.10.2022).
5. Большой толковый медицинский словарь: Оксфорд: основные термины и понятия по медицине, Т.2 / под ред. Г.Л. Биляча, М.: Вече, 2001. – 592 с.
6. Бутовская М.Л. Агрессия и примирение как проявление социальности у приматов и человека. // Общественные науки и современность. 1998 (6). С. 149–160.
7. Буянова С.М. Социально-психологические факторы толерантности: Монография / С.М. Буянова, Н.П. Дедов, Ж.В. Коробанова, А.Ю. Крылов. М.: Прометей, 2021. – 168 с.
8. Веселов Ю.В. Доверие и справедливость: Моральные основания современного экономического общества: Научное издание / Ю.В. Веселов. М.: Аспект Пресс, 2011. – 231 с.
9. Кант И. Основы метафизики и нравственности. 1785 // Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. М.: Чоро, 1994. – 630 С.
10. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. М: Вече, 2003. – 512 с.
11. Конституция Российской Федерации URL
12. <http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/> (дата обращения 08.10.2022).
13. Конфликтология: учебник для вузов / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. М.: Эксмо, 2009. – 512 с.
14. Липатов А.А. Правильное общество. Версия 2.0 / А.А. Липатов. СПб.: «Реноме», 2017. – 328 с.
15. Медушевский Н.А. Основы толерантности и правовой культуры. Изд.3-е. М.: ЛЕНАНД, 2018. – 408 с.
16. Ницше Ф. Человеческое слишком человеческое; Веселая наука; Злая мудрость: Сб. Мн.: ООО «попури», 1997. – 704 с.
17. Петякшева Н.И. Проблемы диалога цивилизаций // Вопросы философии. 1996. № 1. С. 186–190.
18. Правила справедливого общества: коллективная монография / под ред. А.А Липатова. СПб.: «Реноме», 2016. – 404 с.
19. Свеча 2003: Истоки: Толерантность в религии и культуре: Материалы международных конференций. 2 т. / под ред. д. философ. н. Е.И. Аринина. Владимир: гос. Ун-т, 2003. – 308 с.
20. Словарь иностранных слов и выражений. М., 1998. — 477 с.
21. Толерантность в современном обществе: опыт междисциплинарных исследований: сборник научных статей / под ред. М.В. Новикова, Н.В. Нижегородцевой. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. – 357 с.
22. Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): Сб. научно-методических статей. Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК» 2002.
23. Устав Организации объединенных наций.
24. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102054703&backlink=1&nd=102010084>
25. (дата обращения 08.10.2022).
26. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. [6] Пер. с англ. М.: АСТ, 2004. – 730 с.
27. Чудинова Е. Похищение Европы Исламизация и капкан толерантности. М.: Вече, 2012. – 288 с.
28. Luhmann N. Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives // Trust: Making and Breaking Cooperative Relations / ed. by D.Gambetta. Oxford; New York: Basil Blackwell. 1988. P. 94–107.

Благодарности

Материал получен при поддержке РФФИ, грант 20-011-00155 А (supported by RFBR, grant 20-011-00155 А).

ПОНИМАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ИНТОЛЕРАНТНОСТИ В РАМКАХ ИЗУЧЕНИЯ ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ

Белокурова Т.А., студент

Институт права и национальной безопасности

ТГУ им. Г.Р. Державина

Взаимопроникновение культурных, конфессиональных, этнических традиций, вызванное миграцией наряду с глобализацией и интеграцией, является одним из характерных признаков современности. В настоящее время, культурный синтез возможен во многом благодаря некому диалогу и взаимовлиянию, что являлось желанной и прогнозируемой целью множеством ученых, философов, а также просветителей прошлого. Как результат развитости демографических, экологических, научно-технологических, информационных и политических процессов нынешний мир, действительно, является подлинно единым для всего многообразия народов. Однако, на сегодняшний день, данная цель, хотя и кажется чрезвычайно близкой, всё же остаётся мало достижимой. Данная ситуация объясняется отсутствием желания всеобщего диалога, взаимоуважения и принятия различных традиционных ценностей – этнокультурной интерпретации. Некоторыми людьми, заинтересованным в изучении данной области, с целью решения данной проблемы, предлагают создание принципиально новой системы знаний – о единстве и множественности мира ценностей, включающих как достоинства разнообразных культурных традиций, так и процессы современной адаптации друг к другу. Данная система знаний позволит сформировать толерантное сознание наравне с уважительно-доброжелательным отношением, требуемым для развития и духовного возрождения народов. Система ценностей, важнейшей ролью которой являются индивидуальные жизненно-смысловые ориентиры, была сформирована посредством перехода от классической к неклассической эпохе, в дальнейшем к постклассике и постмодерну. Принятие или же непринятие традиционных верований и общечеловеческих ценностей определялось в соответствии с личностными особенностями субъекта, исключая общественное давление. Обществу, состоящее из множества автономных личностей, стал необходим новый принцип коммуникативного взаимодействия. Данным принципом стала – толерантность.

Широкое понимание термина «толерантность» раскрывается как уважительное отношение к чему-либо иному, предполагает признание за другим ценностей, равных себе, благожелательности и готовности к конструктивному диалогу. Под «иным» понимается и человек, и культурные традиции и пр. Толерантность ведет к осознанию того, что существуют различные пути, ведущие к истинности суждений. Сколь не был бы привлекателен термин толерантности, данная установка не являет собой общепризнанную человеческую ценность. Исходя из истории, всё свидетельствует об обратном, большинство народов претендовали, и претендуют, личную исключительность. Идея богоизбранности и мессианства присуща многим народам, например, евреям, русским, немцам. Это связано с тем, что на определённых исторического развития народам была присуща культивация принадлежащих им

национально-культурных идей. Данный процесс имел прогрессивное значение, ведь это способствовало развитию не только народного самосознания и самоопределения, но и раскрытию уникального своеобразия. Парадоксальностью современности является то, что в период плюрализма, освещения отдельных культур, роста самосознания малых народов, необходима регламентация толерантного отношения к чужим традиционным установкам и ценностям. Обратимся к истории термина «толерантность». Данное понятие получило распространённость в русском языке относительно недавно, являясь производным от латинского *tolerantia* – означающее терпение, французского *tolerant* – терпимый. Времена советской культуры не ознаменовались привлечением внимания к толерантности научных исследователей, например, изданный в 1898 г. «Философский энциклопедический словарь» не отражает не только смысл, но и не упоминает в принципе толерантность. Это связано с тем, что советская наука была скована идеологией, которая в свою очередь придерживалась течения непримиримости ко всем формам мировоззрения, отклоняющимся от господствующих в то время стандартов данной сферы, в особенности, касаемо науки и философии. Л.В. Баева пишет, что размышлять о толерантности «в эпоху военного коммунизма, сталинских репрессий, перманентной холодной войны с капитализмом – не приходилось. Мир был четко демаркирован на “добро” и “зло”, и никакие компромиссы и “понимание” были недопустимы». Период перестройки позволил снять имеющиеся когда-то запреты на всё неортодоксальное в мировоззрении. 90-е годы в России ознаменовались пришедшим с опозданием в 20 лет постмодерном. Плюрализм и свобода превратились в главные лозунговые требования борцов с догматизмом и застоём советской идеологии. Политические процессы, происходившие в советском обществе и впоследствии приведшие к распаду СССР, отразились на курсе развития тождественности каждого, в том числе и малого, этноса и народа – это привело к конфигурации межнациональных отношений, конфликтам, образующимся далеко не только на религиозной почве, сюда относятся и экономическую, и политическую конфронтацию. В сложившихся обстоятельствах феномен зарождающейся толерантности являлся практически единственной имеющейся возможностью вне насильственного решения проблемного дискурса о сохранении государства. Однако, наряду с этим, имели место быть возникающие, справедливо высказанные опасения, такие как: возможно ли социальное поощрение толерантного отношения к врагам, насильственным действиям, факту терроризма. Ответы для этих вопросов послужили ареной научно-политических и религиозных дискуссий. Понимание и восприятие толерантности различными культурными традициями отражается непосредственно в языке народа: испанский язык – *tolerancia*, способность признавать отличные от своих собственных идеи или мнения; французский язык – *tolerance*, отношение, при котором допускается, что другие могут думать или действовать иначе, нежели ты сам; китайский язык – *kuan rong*, позволять принимать, быть по отношению к другим великодушным; арабский язык – *tasamul*, прощение, снисходительность, мягкость, милосердие, сострадание, благосклонность, терпение, расположенность к другим (Баева, 2009).

Эпоха Просвещения осветила термин «толерантность» и придала его широкой огласке. 1689 год ознаменовался публикацией британского философа Дж. Локка «Письма о терпимости». Латинский оригинал звучит как «*Epistola de Tolerantia*». В данной работе Дж. Локк понимал под толерантностью отказ от насильственных действий как средства приобщения человека к вере. Достаточно длительный период времени понятие «толерантность» закреплялось в сознание людей в русле значения веротерпимости, и лишь с годами происходило постепенное освобождение от оттенков религиозности. Наряду с рассмотрением смыслового значения толерантности относительно культурных особенностей, отражающихся в языке, необходимо уделить внимание истории данного термина в русском языке. В основном, не столь давно вошедшее в русский лексикон понятие «толерантности», достаточно длительный период отождествлялось с понятием «терпимости». В словаре В.И. Даля терпимость трактуется как некое свойство или качество, способность что или кого-либо терпеть «только по милосердию, снисхождению» (Даль, 1982). Включение термина «толерантность» в Словарь иностранных слов произошло в 1937 году. Толковый словарь Ушакова, датированный 1940 г., отметил производное прилагательное «толерантный», что представляется синонимичным прилагательному «терпимый». В академическом «Словаре современного русского языка» (изд. 1950–1960 гг.) «толерантность» нарекается устаревшим. Это произошло вследствие изыскания его из публицистики. Однако, это совсем не означало отсутствие явления толерантности в советском обществе, оно заменялось русским словом «терпимость». В связи с демократизацией российского общества в 1990-е гг., понятие «толерантности» вернулось в словесный и публицистический обиход (ТАСС, Термин «толерантность», 2015).

Работы отечественных философов XIX-XX вв. отражают толерантность в рамках контекста духовности, например, Н.А. Бердяев отмечал, что «общение мучительно трудно, потому что личности представляют разные и таинственные миры, лишь частично соприкасающиеся и друг другу открывающиеся. В мире духовном личности входят в единую родственную атмосферу Царства Божьего». В.С. Соловьёв, в свою очередь, в написанных им работах утверждал то, что фактор доброты представляется важнейшим условием проявления толерантного отношения к другому человеку: «истинная сущность жалости, или сострадания, вовсе не есть непосредственное отождествление себя с другими, а признание за другим собственного (ему принадлежащего) значения – права на существование и возможное благополучие» (Соловьёв, 2010). В исследовательских работах А.Г. Асмолова отмечается, что лишь полноценная личность, имеющая собственные ценности, интересы, и, конечно, наравне со всем перечисленным, уважающая позиции других – толерантна. Александр Асмолов преподносит толерантность как некую норму, обладающую способностью определять «диапазон сохранения различий популяций и общностей в изменяющейся действительности». Г.Л. Бардиер, рассматривая толерантность как установку личности, имеющую такие составляющие как: эмоциональную, когнитивную и поведенческую, считает, что «толерантность по своей сути определяется способностью и возможностью человека к изменению (смене) своей идентичности, что осуществляется им как смена выбора «альтернативного истолкования своего существования». Бардиер на основе обобщения философских и психологических подходов отметил, что человеческая толерантность

заключается в способности людей позитивно реагировать на окружающие различия по трем социальным сферам: социальные взаимоотношения, социальное познание, социальное поведение. Иными словами, толерантность по Г.Л. Бардиеру заключается в специфическом свойстве личности, возникающим в момент столкновения различных между собой субъектов взаимодействия (Куприенко, 2015).

Согласно статье 1 Декларации принципов толерантности: «Проявление толерантности, которое созвучно уважению прав человека, не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказ от своих или уступки чужим убеждениям. Это означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими. Это означает признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению, и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим» (Декларация принципов толерантности, 2011).

В общественно-политической и научной среде понятие «интолерантность» имеет связь с «ксенофобией» – нетерпимость, неприязненное отношение человека к кому-либо или же чему-либо чужому, это могут быть и общности, и отдельные её представители. В более узком понимании используется словосочетание «расовая дискриминация» и/или «расизм». Источником формы деструктивной деятельности, основанной на практике нетерпимости, представляется ксенофобия. В период с 31 августа по 7 сентября 2001 года на Всемирной конференции в Дурбане (ЮАР) по борьбе против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости была принята «Программа действий по осуществлению Декларации о ликвидации всех форм расовой дискриминации». Ключевой контекст данного документа заключался в помощи наиболее уязвимым, с позиции авторов, социальным группам, таким как афроамериканцы и лица афроамериканского происхождения, коренные народы, мигранты и беженцы, другие жертвы. Данный документ настоятельно призывает государства поощрять какое-либо участие и шире привлекать молодежь к разработке, планированию и осуществлению мероприятий, направленных на борьбу с расовой дискриминацией, ксенофобией и связанной с ними интолерантностью/нетерпимостью. Наравне с этим, документом предусматривается ликвидирование юридических барьеров, способствующих ксенофобии, привлечение внимания к противоправным действиям, совершаемым сотрудниками правоохранительных органов, уличенных, в свою очередь, в расизме, воспрещается торговля людьми и пр. Российская Федерация, подтверждая приверженность положениям «Программы действий по осуществлению Декларации о ликвидации всех форм дискриминации», занимается регулярной публикацией официальных обращений и комментариев на сайте МИД России. В рамках международных актов системы ООН необходимо упомянуть Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2019 года. На заседании ГА ООН приняла российский проект резолюции о борьбе с «героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости». В поддержку данного документа проголосовали 133 страны, США и Украина «традиционно высказались против», 52

государства, включая Францию, Австрию, Словакию и другие страны ЕС, воздержались. Данный документ, соавторами которого являются более 60 стран, отражает глубокую обеспокоенность героизацией нацистского движения. Также ГА ООН рекомендует «принять надлежащие конкретные меры, в том числе в законодательной области и сфере образования, ... чтобы предотвратить пересмотр итогов Второй мировой войны и отрицание преступлений против человечности и военных преступлений, совершенных во время Второй мировой войны» (ТАСС. Генассамблея ООН приняла резолюцию о борьбе с героизацией нацизма., 2019).

Низкий уровень образованности, грамотности, социальный разрыв уровня и качества жизни населения являются некой средой, благоприятной для культивации радикальных взглядов. Ксенофобия в молодежной среде проявляется в различных ипостасях, это может быть и агрессия в сторону представителей другой национальности или вероисповедания, участие в асоциальных сообществах, деятельность которых ориентирована на распространение нацистских или фашистских идей и др. «Межконфессиональный тетраморф» государственной религиозной политики представленный в России в лице Русской Православной Церкви, Буддийской традиционной сангхи, Главного раввината и Совета муфтиев, деятельность которых рассматривается через призму по производству противодействия распространению различных форм ксенофобии в молодежной среде. Отмеченные религиозные организации удовлетворяют требованиям «прогосударственных». В данной связи, в своих основополагающих документах, разъясняющих богословско-философские, административные и прочие аспекты, они оперируют необходимостью поддержания межконфессионального мира и диалога, исключая любые проявления радикальной нетерпимости и пропагандирования ксенофобии. В Российской Федерации создано множество организаций, объединённых целью борьбы с ксенофобией, укрепления межнационального согласия. Примером таких организаций являются: «Ассамблея народов России», «Российский конгресс народов Кавказа», национальные организации, такие как «Союз армян России», «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации», «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» и многие другие. Анализируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что явных границ проявления нетерпимости, ксенофобии, как таковых, не существуют. Интолерантностью могут быть поражены все сферы взаимодействия людей, в основном, это политические, правовые и социальные институты. В рамках международного права указаны основные аспекты, которых должны придерживаться государства-участники международных конвенций, преследующих цель борьбы с межэтнической нетерпимостью. Для борьбы с проявлением интолерантностью в рамках РФ необходимо проведение мероприятий, участниками которых являются и общественные институты, и религиозные, и молодежные объединения (Задорин, 2021).

Библиография

1. Баева Л.В. Толерантность: идея, образы, персоналии: монография / Л. В. Баева. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2009. – 217 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Даль В. И. 8 изд. – Москва: Русский яз. Т. 3. 1982. – 555 с.
3. Задорин М.Ю. Политико-правовые основы и общественные институты противодействия межэтнической интолерантности в молодежной среде современной России / М.Ю. Задорин, А.М. Тамицкий // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 2 (152). С. 97–106.
4. Куприенко Т.П. Проблема изучения феномена толерантности в отечественных и зарубежных психолого-педагогических исследованиях / Т.П. Куприенко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 8. С. 203–206.
5. Соловьёв В.С. Оправдание добра. М.: Академический проект, 2010. – 617 с.
6. Декларация принципов толерантности // Национальный психологический журнал. 2011. 2 (6). С. 132–134.
7. ТАСС. Генассамблея ООН приняла резолюцию о борьбе с героизацией нацизма / Международная панорама. ТАСС. 2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7375307> (дата обращения 08.10.2022).
8. ТАСС. Термин «толерантность» / «терпимость». Досье. 2015. URL: <https://tass.ru/info/2441674> (дата обращения 08.10.2022).

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССА СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Мороз Е.В. секретарь гос. гражданской службы РФ
Санкт-Петербург, Россия

Постановка проблемы

Произошедшие в России социальные, экономические и политические изменения конца XX – начала XXI века затронули все, без исключения сферы общества. Крушение социалистической системы, переход к рыночной экономике, изменение роли России на международной арене, обострение социальных и межэтнических конфликтов и иные последствия распада Советского Союза оказали существенное влияние на мышление и самоощущение миллионов граждан страны, а также поставили под сомнение актуальность жизненного опыта и уклада, сложившегося на протяжении последних десятилетий. Кроме того, отказ от советской идеологии породил в обществе существенный ценностный вакуум, заполнение которого остается важной проблемой до настоящего времени.

Одной из наиболее актуальных задач, стоявших перед новым российским государством, являлась задача социализации молодежи и подрастающего поколения в условиях новой социальной реальности. Важность социализации едва ли возможно переоценить – передача молодежи норм, ценностей и социально-значимого опыта позволяет обеспечить преемственность поколений и создать условия для стабильного развития. Не будет преувеличением сказать, что будущее страны, государства, политического режима и народа во многом зависит от того, какие ценности будут заложены в основу сознания будущих граждан и того, насколько этот процесс будет эффективным.

В современной социологии понятие «социализация» часто связывают с понятием социальной компетентности, которая может быть определена, как интеграционное качество личности и поведенческий феномен (Закудраева, 2010, с. 9).

Социальная компетентность формируется в результате процесса освоения индивидом набора социально-значимых компетенций: усвоения, принятия и воспроизведения общественных норм и правил поведения. Кроме того, формирование социальной компетентности индивида неразрывно связано с усвоением им общественных ценностей, выработкой ценностей индивидуальных, а также установлением связи между общественным бытием и внутренним духовным миром человека (Губаренко, Коваленко, Коваленко, Соколова, 2020, с. 13). Таким образом, социальная компетентность индивида может пониматься, как один из результатов процесса социализации: без наличия сформированной социальной компетентности индивида процесс его социализации едва ли может быть признан успешным.

Одним из основных способов формирования социальной компетентности индивида является процесс воспитания. В ходе воспитательного процесса происходит активное взаимодействие между личностью и социумом, который представлен различными агентами социализации. Именно в результате этого процесса индивид получает представление

о ключевых общественных нормах и ценностях, приобретает навыки социального взаимодействия (Зарецкая, 2008).

В современной России воспитательные функции осуществляются преимущественно в рамках двух основных институтов – внутри семьи и в системе образования, включающей институты общего образования (дошкольного, начального, среднего и высшего), а также институты дополнительного образования детей и подростков (Сикорская, 2009) в контексте настоящего исследования особое внимание предлагается уделить именно деятельности по социализации и формированию социальной компетентности подрастающего поколения и молодежи в рамках институтов системы образования. Данный выбор обусловлен тем, что, в отличие от семьи, данные институты в значительной степени более подвержены влиянию со стороны государства и общества, что делает их опыт особенно значимым для понимания процессов формирования и репрезентации общественно-значимых ценностей.

Понятие «толерантность» появляется в социальных науках во второй половине XX века. В настоящее время в научном дискурсе оно интерпретируется, как проявление терпимости и уважения к различным культурам, религиозным взглядам, ценностным и мировоззренческим установкам, различным проявлениям индивидуальности личности (Хаджиева, 2017). Также толерантность может пониматься, как один из важнейших социальных регуляторов, модулирующих социальное поведение индивидов с целью недопущения проявлений неприемлемых паттернов поведения (Владимиров, 2021).

Предметом изучения в рамках настоящего исследования является роль концепции толерантности в процессах социализации и формирования социальной компетентности молодежи и подрастающего поколения в современной России. В рамках исследования рассматривается эволюция значения понятия толерантности в рамках дискурса образовательно-воспитательной системы, а также делаются выводы о возможных перспективах развития данной концепции в актуальных условиях.

Методология

Методологической основой исследования выступает теория дискурса, изложенная в работах Э. Лакло и Ш. Муфф.

Согласно теории дискурса, вся, без исключения, социальная сфера может пониматься, как процесс, в рамках которой происходит создание значений. В процессе социальной деятельности индивиды стремятся упорядочить и зафиксировать данные значения в определенных отношениях друг к другу. Любое действие, которое устанавливает отношение среди существующего массива значений обозначается словом «articulation». Понятие дискурса при этом определяется, как структурное единство, возникающее в результате практик фиксации соотношения между понятием и его смысловым наполнением. При этом, все знаки в такой системе могут быть подразделены на «моменты» и «элементы»: моментами являются знаки, значения которых являются зафиксированными в рамках дискурса, а элементами – знаки, значения которых зафиксировано не было. Однако Э. Лакло и Ш. Муфф отмечают, что такая фиксация может носить лишь временный характер (Laclau, Mouffe, 2001, p. 49-50).

Именно в силу существования возможностей альтернативной интерпретации значений, все моменты потенциально продолжают оставаться элементами, что навсегда делает любой дискурс незавершенным и открытым для потенциальных изменений. Кроме того, возможность альтернативных интерпретаций позволяет одновременное существование нескольких различных дискурсов, находящихся в состоянии борьбы (Laclau, Mouffe, 2001. p. 51).

Развивая тему о борьбе дискурсов, Э. Лакло и Ш. Муфф обращаются к идее гегемонии, которая интерпретируется как способ установления социального порядка посредством производства значений (Laclau, Mouffe, 2001, p. 55). В контексте растущего антагонизма между дискурсами – ситуациях, когда между различными дискурсами возникают неразрешимые противоречия – возможным выходом является вмешательство гегемонии, которое представляет собой фиксацию значения антагонизирующих дискурсов посредством силы (Филлипс, Йоргенсен, с. 46) В этом случае один, или несколько дискурсов расформируются и перестают существовать посредством переосмысления их моментов при помощи внешнего вмешательства.

Применительно к процессу социализации и формирования социальной компетентности подрастающего поколения это означает, что конструирование социально-значимых ценностей общества происходит в процессе его функционирования. При этом, необходимо отметить особую роль государства, выступающего в качестве гегемона, и обладающего способностью расформировывать как отдельные элементы, так и целые дискурсы, не соответствующие его интересам и текущим задачам, контролируя, таким образом процесс приобщения молодежи и подрастающего поколения к социально-значимым ценностям – например, при помощи формирования государственных образовательных стандартов, закрепляющих основные ценностные ориентиры (Приказ Минобрнауки России от 17.12.2010, № 1897 (ред. от 11.12.2020).

Эволюция концепции «толерантности» в России

Толерантность, как концепт терпимого и уважительного отношения к чужим идеям и ценностям, приятие чужой индивидуальности и иной культуры появляется в первой половине XX века и связан и именем исследователя Джорджа Герберта Мида. Согласно концепции Мида, в основе понятия толерантности лежит способность индивидов создавать и считывать системы социальных знаков, позволяющих разделять элементы окружающей реальности по принципу «свой-чужой». При этом, основополагающими характеристиками толерантности являются способность взглянуть на мир глазами «чужого», а также создание системы символов, отвечающих основным общечеловеческим ценностям (Мид, 2009).

В период после окончания Второй Мировой войны идеи о сохранении мира, укреплении сотрудничества и взаимопонимания между народами становятся общепризнанными векторами развития человечества. В 1945 году данные принципы закрепляются в Уставе Организации объединенных наций (Устав ООН, 1945). В 1948 году ООН провозглашает набор базовых прав и свобод человека: прав жизнь и личную неприкосновенность, на выбор профессии, получение знаний и информации, свободное вступление в брак, выбора места жительства и пользование духовными ценностями (Всеобщая декларация прав человека,

1948). Данные ценности созвучны с базовыми принципами понятия толерантности. Вместе с тем, введение толерантности в качестве принципа функционирования системы международного права происходит только в 1995 году вместе с принятием «Декларации принципов терпимости». С этого момента толерантность становится неотъемлемой частью глобального дискурса о правах человека, формируемого в первую очередь в США и странах Западной Европы (Владимиров, 2021).

В СССР идеи, лежащие в основе концепта толерантности, приходят во второй половине 1980-х годов, в рамках «нового мышления» эпохи Перестройки. Постепенный отказ от теории классового антагонизма, публичное осуждение политического и социального террора, развитие концепции «мирного сосуществования» ознаменовали переход советского политического дискурса от традиционных марксистско-ленинских к «общечеловеческим» ценностям (Наврузов, 2021), подразумевающим в том числе и толерантное отношение к проявлениям инаковости на групповом и индивидуальном уровне.

Одновременно с этим необходимо отметить, что идея о толерантности в конечном итоге приходит на смену советской идее о дружбе народов, основанной на пролетарском интернационализме (Чимитова, 2022). Принципиальным различием в данном случае становится то обстоятельство, что, в отличие от понятия толерантности, концепция пролетарского интернационализма предполагала объединение исключительно представителей класса пролетариев и их союзников. При этом, такое объединение, помимо дружбы народов, независимой от национальных различий, предусматривало совершение совместных действий против «классовых врагов» – буржуазии, аристократии и иных социальных групп («Научный коммунизм: словарь», 1983, с. 236).

В постсоветской России толерантность становится с одной стороны, частью глобального «западного» дискурса, приобщение к которому воспринимается, как неотделимая часть процесса интеграции в международное сообщество, а с другой стороны – одним из механизмов сдерживания роста межэтнических и культурных конфликтов (Чимитова, 2022).

Настоящий расцвет толерантности, как части общего либерального дискурса в контексте социализации и социальной компетентности подрастающего поколения наступает в конце 2000-х годов, в период президентства Д.А. Медведева, что было связано с общим трендом на интеграцию России в «западное» политическое и символическое пространство (Горбачев, 2014), а также ростом проблемы межэтнических конфликтов и правого экстремизма в России (Чимитова, 2022).

Именно в этот период появляются различные образовательные программы для средней школы, посвященные проблематике толерантности: в частности, в Петербурге в с 2007 по 2010 годы проходит большой ежегодный фестиваль толерантности для школьников «Культурной столице – культуру мира», участие в котором ежегодно принимали участие до 100 тысяч обучающихся (Раздел «Молодёжный фестиваль «Культурной столице – культуру мира», сайт Международного центра поддержки искусств, 2010). Кроме того, в 2009 году необходимость воспитания и развитие качеств личности обучающихся, отвечающих требованиям информационного общества, инновационной экономики, задачам построения демократического гражданского общества на основе толерантности, диалога культур и

уважения многонационального, поликультурного и поликонфессионального состава российского общества закрепляется на уровне Федерального государственного образовательного стандарта (Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС, 2009).

Вместе с тем, начиная с 2014 года, интерес к толерантности, как элементу социализации и формирования социальной компетентности подрастающего поколения начал заметно ослабевать. Причины этого можно найти в изменении вектора развития государства и постепенной генерализации консенсуса вокруг идеи о независимости России от «западного» смыслового и символического пространства.

Сконструированный новый российский государственный дискурс все активнее выступает в состоянии антагонизма с «западным» дискурсом, частью которого являлась и толерантность. Одним из наиболее ярких символических актов, подчеркивающих отказ от «западного» понимания толерантности стал принятый в 2013 году Федеральный закон о запрете пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних (Федеральный закон о защите детей от пропаганды гомосексуализма, Российская газета, — Федеральный выпуск: № 141 (6117), 2013) резко осужденный в Европейском союзе как противоречащий базовым правам человека (Statement by the Secretary General of the Council of Europe, 2013).

Также в указанный период отмечается усиление роли в процессе социализации подрастающего поколения и молодежи военно-патриотического воспитания, основанного на идее необходимости вооруженной защиты Родины от внешней угрозы, (Koshkin, Mogozy, Yankilevich, Andreeva, 2021) что, в определённом смысле, вступает в антагонизм с принципами толерантности и ненасильственного разрешения конфликтов.

Выведение на первый план патриотизма, как основной идеи, консолидирующей российское общество, в этот период становится основным лейтмотивом риторики высших должностных лиц (Путин: патриотизм так силен в России, что никому не удастся перекодировать нашу страну, ТАСС, 2015; Путин объявил патриотизм национальной идеей, ТАСС, 2016).

Примечательно, что такие оценки совпали с общественными настроениями – так, проведённое в 2010 году исследование среди студентов-журналистов продемонстрировало высокий запрос на патриотическую риторику, основанную в том числе на антагонизме с «коллективным Западом». При этом, результаты данного исследования также продемонстрировали, что запрос молодых журналистов на толерантное отношение появляется в первую очередь в вопросах межэтнического взаимодействия (Макарова, 2010). Примечательно, что такое понимание толерантности фактически приводит к поглощению данного термина, и делает его частью общего патриотического дискурса, предполагающего наличие единой многонациональной российской культуры, несовместимой с расизмом и ксенофобией, но при этом антагонистичной по отношению к «Западной» культуре.

Кроме того, необходимо отметить, что, несмотря на затраченные ресурсы и усилия, внедрение толерантности в образовательно-воспитательную систему не привело к существенному росту ее уровня в российском обществе: проводимые качественные исследования демонстрируют, что корреляция между уровнем образования и уровнем толерантности в России является самым низким среди европейских стран, что может

свидетельствовать о низкой роли институтов образования в формировании у россиян толерантного сознания и навыков толерантного поведения (Прохода, 2020).

Заключение

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день отмечается тенденция снижения роли толерантности в процессе социализации молодежи и подрастающего поколения. С одной стороны, данный концепт выясняется на периферию образовательно-воспитательного процесса, уступая ведущую роль концепции патриотизма, а с другой – отмечается, что несмотря на различные образовательные и воспитательные программы, толерантность так и не стала базовой ценностью выпускников российских образовательных учреждений. Ситуация дополнительно осложняется существующим в российском обществе пониманием толерантности, как элемента «западного» символического пространства, что дополнительно ослабляет роль данной концепции в условиях существующего социально-политического контекста.

Таким образом, можно отметить, что в существующих условиях понятие толерантности остро нуждается в актуализации и наполнении новым смысловым содержанием, более согласующимся с новыми российскими реалиями. Разрешение данной проблемы – актуальная задача для российского научного и интеллектуального сообщества.

Библиография

1. Владимиров А.А. К вопросу соотношения феноменов политкорректности и толерантности с постлиберализмом // Социально-гуманитарные знания, 2021. С. 326–332.
2. Всеобщая декларация прав человека URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 12.09.2022).
3. Горбачёв М.В. Цивилизационный дискурс Д.А. Медведева: выбор геополитических приоритетов// Промышленность: экономика, управление, технологии, 2014. С. 118–121.
4. Губаренко И.В., Коваленко В.И., Коваленко О.В., Соколова О.А. Базовые концепции формирования социальной компетентности будущего специалиста // Наука, Искусство, Культура, 3 (27), 2020. С. 146–158.
5. Луиза Дж. Филлипс и Марианне В. Йоргенсен. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004. – 353 с.
6. Маркова Л.С. Патриотизм и толерантность как ценностные установки будущего журналиста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010, 4 (2). С. 889–892.
7. Жмырова Е.Ю. О понятии «Толерантность» и ее видах. // Вестник ТГТУ, 2006. Т.Б. С. 48–52.
8. Закудраева Л.Г. Дефиниционный анализ категорий «Социализация», «Социализированность», «Социальная компетентность», «Социальная компетенция»//Актуальные вопросы современной науки, 2010. С. 8–14
9. Зарецкая И.И. Управление процессом социализации личности – инновация в воспитании //Муниципальное образование: инновации и эксперимент, 2008, № 2. С. 12–17
10. Наврузов З.Г. К вопросу о приоритетах советского руководства на начальном этапе перестройки в СССР// Современная научная мысль, 2021. С. 84–90
11. Научный коммунизм: Словарь / Александров В. В., Амвросов А. А., Ануфриев Е. А. и др.; под ред. А. М. Румянцева. 4-е изд., доп. М.: Политиздат, 1983. – 352 с.
12. Приказ Минобрнауки России от 17.12.2010 N 1897 (ред. от 11.12.2020). URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/> (дата обращения 08.05.2022).
13. Прохода В.А. Образование как фактор формирования толерантности в России и других европейских странах// Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 3 (32). С. 377–380.

14. Путин: патриотизм так силен в России, что никому не удастся перекодировать нашу страну// URL: <https://tass.ru/obschestvo/2037902> (дата обращения 12.09.2022)
15. Путин объявил патриотизм национальной идеей. URL: <https://lenta.ru/news/2016/02/03/putin/> (дата обращения 12.09.2022).
16. Сикорская Л.Е. Кризис институтов социализации современной молодежи// Вестник КГУ им. Некрасова. Серия: Педагогика, психология, социокинетика, 2009. Т. 15, № 4. С. 258–265.
17. Устав Организации Объединённых Наций. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения 12.09.2022).
18. Федеральный закон о защите детей от пропаганды гомосексуализма, Российская газета. 2013. Федеральный выпуск №141 (6117), 201.
19. Федеральный государственный образовательный стандарт начального образования (ФГОС), Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 6 октября 2009 г. № 373.
20. Koshkin A., Moroz E., Yankilevich A., Andreeva D. Russian Experience of Patriotic Education: Generalization Tendencies of the Consensus around Militarism//*Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. V. 527, 2021. P. 390–393.
21. Statement by the Secretary General of the Council of Europe on legislation in the Russian Duma prohibiting "propaganda of non- traditional sexual relations" among minors, 13.06. 2013/ URL: <https://rm.coe.int/1680720603> (дата обращения 12.09.2022).
22. Laclau E., Mouffe S. *Hegemony and Socialist Strategy Towards a Radical Democratic Politics*, - London: New Left Books. 2001. – 240 p.

**НАЦИОНАЛИЗМ
и МИГРАЦИОННЫЕ
ПРОЦЕССЫ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
NATIONALISM
and MIGRATION PROCESSES
in THE MODERN WORLD**

НАЦИОНАЛИЗМ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

NATIONALISM and MIGRATION PROCESSES in THE MODERN WORLD

ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЮ

Шипунова Т.В., д. социол. н., проф., СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

Тема безопасности давно стала посланием и запросом дня как для всего мира, так и для отдельно взятого общества. По своей востребованности она сравнима с такими ценностями как гуманизм, справедливость, свобода, мир, жизнь, демократия. Безопасность очерчивает главные измерения, в которых складываются представления об устойчивости социального окружения и социальных взаимодействий: определенная мера защищенности от рисков в повседневной жизни; надежность социального окружения в разных аспектах взаимодействия с ним; уверенность, т.е. «спокойствие людей или успокоенность относительно вещей и условий» (Kaufmann, 2015, p. 22-23). «Безопасность» – это многомерный термин, включающий в себя национальную, политическую, экономическую, экологическую и др. виды безопасности. Вместе с данным наполнением термина «безопасность» широкое распространение получило ее разделение на виды, очерчивающие разные сферы человеческой жизнедеятельности, которые обеспечиваются государственными гарантиями и поддержкой. По этому критерию выделяют следующие виды безопасности: социальную (относится к жизненным рискам человека и соответствующим системам защиты и помощи); безопасность человека (ставит в центр людей и их достоинство, защиту от преступности, войн, террора, ухудшения состояния окружающей среды и т. д.); информационную и сетевую (защита оборудования и людей от вредоносного вторжения в информационное пространство); внутреннюю (охватывает проблемы, связанные с преступностью, экстремизмом и терроризмом); внешнюю (касается безопасности между государствами); гражданскую (термин используется для программ и проектов защиты от различных стихийных и социальных бедствий) (Frevel, 2013, p. 11–14).

Многообразие видов безопасности подтверждает мысль, что области жизнедеятельности отдельных лиц и систем находятся под угрозой множества опасностей и рисков, при этом меры безопасности необходимы для обеспечения жизни, сохранения физического состояния людей и их имущества, а также поддержания определенных социальных и средовых условий. Сама потребность в обеспечении безопасности вызвана желанием получить некоторые гарантии продолжения своего стабильного существования в условиях неопределенности. Поэтому безопасность может рассматриваться в двух разных состояниях – объективном и субъективном. Как субъективное состояние безопасность означает уверенность в надежности

защиты от опасностей, распространяющейся не только на сиюминутные, но и последующие условия жизни. Как объективное состояние она означает надежную защиту жизни и имущества, а также узнаваемость/распознаваемость такой надежности (Kaufmann, 2015, p. 23).

С нашей точки зрения, комплексным характером обладает вид безопасности, получивший название общественной. Она должна обеспечивать стабильность правовой системы в разных областях жизнедеятельности общества, защиту прав отдельных граждан, а также устойчивое функционирование и развитие государственных и общественных институтов. Вместе с тем, общественная безопасность во многом ориентируется на этническую, религиозную и социальную виды идентичности (Müller, 2016, p. 66), которые, с одной стороны, подчеркивают целостность этих идентичностей и всей системы безопасности, сложившейся в конкретном обществе, а с другой – порождают несколько размытые представления о безопасности в условиях полиэтничности, многонациональности и многоконфессиональности. Безопасность становится абстрактным благом, «потому что то, что понимается как безопасное, зависит от множества факторов, таких как различные анализы, оценки, восприятия и интерпретации» (Stuchtey, Vaban, 2014, p. 49), которые исходят из системы мер носителей разных идентичностей. Поэтому в некоторых случаях тема и политика безопасности выходят далеко за рамки классической дихотомии внутренней и внешней безопасности или разделения ее на объективную и субъективную. К таким случаям можно отнести и ситуацию с трудовой миграцией.

Трудовая миграция выполняет важные функции: обеспечивает необходимый состав и разнообразие рынков труда и занятости; способствует поддержанию экономик разных стран на требуемом уровне; служит развитию профессионального опыта мигрантов и восполнению финансовых средств, необходимых для поддержания жизни как самих мигрантов, так и их семей; ускоряет процессы взаимовыгодного сотрудничества между странами, способствует сближению культур; регулирует численность населения и увеличивает налоговую базу и т. д. В своем цивилизованном выражении трудовая миграция выступает своего рода компенсаторным механизмом обеспечения тех сфер экономики принимающей страны, которые не котируются у местного населения, а также областей, требующих притока свежих сил и новых знаний для развития передовых отраслей (Седова, 2019, с. 144). И то и другое необходимо для поддержания развития общества и обеспечения общественной безопасности.

Однако при отсутствии работающих механизмов регуляции миграционных процессов и/или невыполнении принимающей стороной своих обязательств перед мигрантами (даже по объективным причинам) и/или при развитой системе нелегальной миграция создаются разного рода риски для экономической и социальной жизни общества. Это может быть повышение конкуренции на рынке труда, причем чаще всего – не в пользу местного населения, снижение уровня заработной платы из-за готовности мигрантов к дешевому труду, установление зависимости некоторых сфер экономики от труда мигрантов и сезонности миграции (Попкова, 2022). Кроме того, некоторые авторы в качестве негативных последствий миграции указывают: финансовые убытки страны из-за вывоза основных доходов мигрантов на родину; санитарно-эпидемиологические проблемы, которые увеличивают нагрузку на учреждения здравоохранения и бюджет; расходы на содержание безработных иностранцев и

их семей; рост инфляции; рост издержек предпринимателей за счет роста цены труда квалифицированных работников; возможность межнациональных конфликтов; рост преступности, особенно при нелегальной миграции (Аникина и др., 2013, с. 45). Все эти явления, в свою очередь, напрямую влияет на уровень общественной безопасности.

Если рассмотреть ситуацию с трудовой миграцией в России, то на протяжении многих лет возрастало число лиц, приезжающих в Россию на заработки. Их число составляло примерно 10 млн человек в год. В основном это были люди, которые временно мигрировали из бывших советских республик (Украина, Казахстан, Узбекистан, Белоруссия, Азербайджан, Грузия, Армения, Таджикистан), а также из Китая, Вьетнама, Турции, стран ЕС и т. д. На протяжении двух десятилетий сложилась ситуация, когда «иностранные работники стали неотъемлемой частью российского рынка труда» (Денисенко, Мукомель, 2020, с. 53). В 2019 г. было оформлено 1 767 254 патента иностранным гражданам или лицам без гражданства, дающим им право работать в России (Рязанцев, Письменная, 2019, с. 70). По данным погранслужбы ФСБ, только из Узбекистана и Украины в страну въехало более миллиона человек, а в общем, заявление о приезде ради работы сделали 2,4 млн иностранцев (Старостина, 2019). Однако их общее число было значительно больше. Так, эксперты считают, что в 2019 г. количество недокументированных трудовых мигрантов в стране (которые не имеют или регистрации, или разрешения на работу – патента, или письменного контракта, или всего этого вместе) колебалось от 2 до 3 млн человек. А официальные лица ФМС заявляли о 3 млн «нелегальных мигрантов» в России» (Рязанцев, Письменная, 2019, с. 73).

С наступлением пандемии ситуация резко изменилась. Введение карантинных мер привело к невозможности трудоустройства на предприятия, которые долгое время обслуживались мигрантами. Прежде всего, речь идет о строительстве, ресторанном и гостиничном бизнесе, оптовой и розничной торговле. Исследования показали, что примерно треть мигрантов потеряли работу и, соответственно, заработок, необходимый для повседневного проживания в стране (Денисенко, Мукомель, 2020, с. 52). К этому присоединились и усугубились «традиционные» проблемы мигрантов, к которым относят: сложность получения регистрации по месту проживания, (расовую) дискриминацию, низкую оплату труда, небольшой выбор и количество рабочих мест, проблемы адаптации к новой культуре, незнание или плохое знание языка (Попкова, 2022). Несмотря на это, судя по опросам 2020 г., 78,4 % работающих и 75,1 % ищущих работу не думали покинуть Россию в ближайшие месяцы, лишь каждый десятый из них рассматривал возможность временно вернуться на родину, чтобы через некоторое время снова приехать на заработки в Россию (Денисенко, Мукомель, 2020, с. 53).

2021 г., ознаменовавший переход к новому этапу пандемии, оказал непосредственное влияние на общую ситуацию с трудовой миграцией. Невозможность работать на закрывающихся предприятиях и обеспечивать отправки денег семьям в страну постоянного проживания, неустроенность жизни в принимающей стране, затруднительность иммиграции в свою страну в связи с ограничениями передвижения, вызванными противоэпидемическими мерами, а также рост безработицы в России и усиливающаяся конкуренция на рынке занятости привели, с одной стороны, к росту незащищенности работников-мигрантов, а с другой – к усилению чувства общественной небезопасности российских граждан. Ситуация

усугублялась в связи с ростом преступности мигрантов, которая выросла почти на шесть процентов (общее число преступлений составило 36,4 тыс.). «Абсолютное большинство преступлений, 78,3 %, совершили выходцы из стран СНГ (28,5 тысяч преступлений)», в это число не входят выходцы из Украины (Преступность..., 2022). Особую тревогу в плане нарушения общественной безопасности вызвали экстремистские действия мигрантов (особенно в группе нелегалов), которые получили широкую огласку в СМИ. Это привело к росту субъективной общественной опасности, и общество вступило в конфронтацию с мигрантами, что привело к нарастанию социальной напряженности. Российское правительство усилило меры по обеспечению общественной безопасности страны и предложило ряд инициатив, регулирующих и/или ограничивающих определенные виды деятельности мигрантов. В частности, предлагалось (Смирнов, Мохова, 2022):

- развивать организованные формы внешней трудовой миграции с учетом потребностей в разных отраслях российской экономики,
- создавать условия для недопущения возникновения этнических анклавов, которые приводят к усилению чувства небезопасности у местных жителей,
- отменить обязательный государственный экзамен на знание русского языка, истории России и основ законодательства РФ (проект закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства»),
- упростить въезда мигрантов для работы на стройках (см. также: Полякова, 2020),
- предусмотреть выдворение из страны за нелегальную работу,
- ввести запреты на разные виды трудовой деятельности, которые сопровождаются непосредственным контактом с гражданами принимающей страны (в основном в общепите, транспорте и торговле).

Несмотря на то, что 68 % россиян посчитали необходимым «ограничить приток трудовых мигрантов» (Две трети граждан..., 2022), в начале 2022 г. их прибытие в страну не сократилось. По данным МВД РФ, в январе было зарегистрировано 84 970 (в январе 2021 г. – 71 912) разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства, количество действительных патентов составило 1 913 898 (в январе 2021 г. – 1 084 682), только за один месяц поступило 117 903 «уведомления о заключении трудовых договоров с иностранными гражданами и лицами без гражданства, осуществляющими трудовую деятельность» (в январе 2021 г. – 71 143) (Сводка основных..., 2022). В числе трудовых мигрантов числились как низкоквалифицированные, так и высококвалифицированные специалисты, которые связывали свои надежды на заработок с деятельностью в России.

Однако ситуация резко изменилась с известными событиями в мире. Специальная военная операция в Украине и быстроменяющаяся геополитическая ситуация привели к сдвигам на рынке занятости трудовых мигрантов. Свою роль в этом сыграло и то обстоятельство, что «в российской экономике сложились целые секторы, зависимые от труда иностранных рабочих». Так, в 2019 г. мигранты (зарегистрированные и незарегистрированные) особенно были включены в несколько отраслей: строительные и ремонтные работы (от 1 до 1,2 млн чел.), торговля и общественное питание (примерно 620 тыс. чел.), сельское и лесное хозяйство

(около 450 тыс.), обрабатывающее производство (670–720 тыс.), транспортная отрасль (220-270 тыс.), жилищно-коммунальное хозяйство (145–245 тыс.) (Рязанцев, Письменная, 2019, с. 73-74). Наибольшая зависимость от мигрантов существовала в Москве и Московской области, Санкт-Петербурге и Ленинградской области, Свердловской, Самарской и Новосибирской областях, Краснодарском крае, Татарстане и др. Таким образом, труд мигрантов в России во многом способствовал сохранению достаточно устойчивой жизнедеятельности российского общества, поддерживая относительно стабильным уровень общественной безопасности. Однако события последнего времени пошатнули для этих людей неустойчивый баланс между выгодой в виде возможности заработать и трудностями, связанными с проживанием в чужой стране.

Начиная с 2022 г., ситуация с пребыванием или приездом новых мигрантов складывается по-разному в зависимости от отрасли, страны гражданства, условий жизни в принимающей стране, миграционной политики в регионах. Например, в начале марта в Петербурге застройщики заявили о росте дефицита рабочей силы, который по прогнозам в ближайшее время будет расти (Тирская, 2022). Такая тенденция наблюдается по всей отрасли в разных регионах РФ. Остаться в России для многих становится просто невыгодно. «Всего за несколько дней, прошедших с начала боевых действий в Украине, заработки трудовых мигрантов из Средней Азии упали на 20 и более процентов» (Выгоды – нет..., 2022), что заставляет многих задуматься о миграции в другую страну (если такая возможность представится) или устраиваться на две-три работы (Многие уже ищут..., 2022). Однако отмечается, что часть мигрантов просто не сможет вернуться на родину из-за резкого подорожания билетов и неблагоприятной ситуацией в стране, откуда они прибыли (Рустамова, 2022). При этом понятно, что данная группа работников-мигрантов занимает выжидательную позицию, которая может серьезным образом измениться в случае ухудшения ситуации в России в результате действия введенных санкций, спаде ее экономического развития и, соответственно, возможности занимать традиционные для мигрантов сектора занятости.

Можно ли говорить, что ситуация с трудовой миграцией в Россию является совершенно безвыходной? Наверное, нет. В первую очередь потому, что некоторые страны Центральной Азии полностью зависят от России, поскольку уровень занятости и жизни там значительно ниже, а России в любом случае будет требоваться рабочая сила для дальнейшего развития (Антоненко, 2022). Кроме того, Правительство и другие заинтересованные агенты миграционной политики давно ведут работу по регулированию миграционных процессов, которая может получить новое развитие в современной ситуации. Так, Д. Медведев призвал более вдумчиво относиться к пересмотру допустимых долей иностранных работников в различных сферах экономики (Антоненко, 2022). Предлагается также, в условиях санкций, «поднять вопрос об упрощении въезда иностранным гражданам для работы во время посевной и уборочной кампаний» (Труд в России..., 2022). Кабинет Министров рассматривает ряд предложений, призванных облегчить трудоустройство и жизнь мигрантов в России. Анализируются следующие предложения (Александрович, 2022):

- снижение стоимости патента для мигрантов из некоторых стран (Украина, Узбекистан, Молдова, Таджикистан и Азербайджан);
- выдача вида на жительство иностранным студентам, получившим высшее образование в РФ;
- предоставление вида на жительство трудовым мигрантам, которые вовремя оплачивают патент в течение трех-пяти лет;
- перевод на патенты приезжих из стран дальнего зарубежья;
- отказ от выдворения из страны лиц, впервые совершивших незначительное административное правонарушение и т. д.

Кроме того, предлагается упростить перемещение мигрантов из Средней Азии, открыв автомобильное сообщение между Россией и среднеазиатскими странами (Нодельман, 2022).

Помогут ли эти меры? Как выразился по этому поводу президент Федерации мигрантов В. Коженев, «все, кто хотел, уже приехали и легализовались. Глобальный трудовой ресурс эти меры не привлекут, но тем, кто законопослушен, они помогут работать в стране с уверенностью в завтрашнем дне» (Александрович, 2022). Дальнейшая проверка предлагаемых мер по регулированию трудовой миграции будет осуществляться на основе соотнесения их действенности с целями общественной безопасности России. Очевидно, что Правительству, бизнесу, финансовой системе и другим агентам безопасности предстоит и дальше работать по совершенствованию социальной и правовой базы, регулирующей миграционные процессы. Это становится тем более актуально, что из-за санкций наметились негативные процессы эмиграции представителей некоторых отраслей, что может вызвать риски для безопасности экономической и социальной сферы. Речь идет, например, об ИТ-отрасли, в которой происходит быстрый отток специалистов. Несмотря на то, что «пока нет никаких признаков, чтобы сменившие страну проживания ИТ-специалисты массово рассматривали прекращение трудовых отношений с российскими компаниями» (Глава РАЭК..., 2022), Правительство предпринимает усилия для создания зоны благоприятствования для деятельности ИТ-компаний. При нарастании процесса может потребоваться привлечение и создание особых условий для высококвалифицированных зарубежных специалистов в данной области. Уже сейчас ведутся разговоры и продумываются меры по репатриации соотечественников из разных стран с высоким уровнем квалификации для поддержания и развития конкурентоспособности страны. Вместе с тем, следует сказать, что ситуация в мире и обществе меняется стремительно, пока не известны глубина нынешнего кризиса и кумулятивный эффект негативных последствий, вызванных антироссийскими санкциями. В связи с этим на данный момент трудно делать прогнозы по поводу изменения процессов трудовой миграции в Россию, а также необходимых мер по стабилизации обстановки в данной сфере.

Библиография

1. Александрович Д. Правительство привлечет в Россию еще больше мигрантов. Список послаблений для иностранцев. URL: <https://66.ru/news/society/249588/> (дата обращения: 22.03.2022).
2. Аникина Е.А., Раковская В.С., Туманова И.А. Влияние внешней миграции на систему социально-трудовых отношений в России // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 6. С. 43–47.
3. Антоненко Д. Гастарбайтеры начинают отказываться от миграции в Россию. URL: <https://66.ru/news/society/249338/> (дата обращения: 22.03.2022).
4. Выгоды – нет: трудовые мигранты начали покидать Россию. URL: <https://newizv.ru/news/economy/02-03-2022/vygody-net-trudovye-migranty-nachali-pokidat-rossiyu> (дата обращения: 22.03.2022).
5. Глава РАЭК Плуготаренко спрогнозировал отъезд более 70 тысяч IT-специалистов в апреле. URL: https://russian.rt.com/russia/news/979623-raek-plugotarenko-it-specialisty?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 22.03.2022).
6. Две трети граждан поддерживают ограничения притока трудовых мигрантов. URL: <https://newizv.ru/news/society/24-01-2022/dve-treti-grazhdan-podderzhivayut-ogranicheniya-pritoka-trudovyh-migrantov> (дата обращения: 05.03.2022).
7. Денисенко М.Б., Мукомель В.И. Коронавирус и трудовая миграция // *Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире*. СПб., 2020. С. 51–54.
8. Медведев счел необходимым увеличить нормы по привлечению трудовых мигрантов. URL: <https://www.interfax.ru/russia/829963> (дата обращения: 22.03.2022).
9. Многие уже ищут вторую и третью работу. Как изменилась жизнь мигрантов из-за скачка доллара. URL: <https://www.e1.ru/text/world/2022/03/10/70497863/> (дата обращения: 22.03.2022).
10. Нодельман В. От дел к кадрам: как правительство упростит жизнь трудовым мигрантам. URL: <https://iz.ru/1303909/valeriia-nodelman/ot-del-k-kadram-kak-pravitelstvo-uprostit-zhizn-trudovym-migrantam> (дата обращения: 22.03.2022).
11. Полякова В. Минстрой попросил упростить въезд мигрантов для работы на стройках. URL: <https://www.rbc.ru/society/14/12/2020/5fd75dd89a7947b6bdbec9d4?noredir=true> (дата обращения: 15.03.2022).
12. Попкова Е. Виды трудовой миграции в России. URL: <https://migrantvisa.ru/russia/migraciya/trudovaja/> (дата обращения: 15.03.2022).
13. Преступность среди мигрантов в России за год выросла на 5,9 процента. URL: <https://ria.ru/20220118/prestupnost-1768445652.html> (дата обращения: 15.03.2022).
14. Рязанцев С., Письменная Е. Международная трудовая миграция в Россию: тренды и регулирование // *Международные процессы*. 2019. Том 17. № 4 (59). С. 65–83.
15. Рустамова Э. Названо число трудовых мигрантов, планирующих покинуть Россию. URL: <https://grsily.ru/obshchestvo/nazvano-chislo-trudovyh-migrantov-planiruyushih-pokinit-rossiyu-30636.html> (дата обращения: 22.03.2022).
16. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь 2022 года. URL: <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/28606612/> (дата обращения: 15.03.2022).
17. Седова А.В. Теория трудовой миграции // *Вестник алтайской академии экономики и права*. 2019. № 2. С. 137–145.
18. Смирнов Д., Мохова Е. Проблемы внешней трудовой миграции в объективах Совбеза РФ и МВД России. URL: <https://media-mig.ru/industry/problems-vneshnej-trudovoj-migracii-v-obektive-sovbeza-rf-i-mvd-rossii/> (дата обращения: 15.03.2022).
19. Старостина Ю. ФСБ впервые за 20 лет раскрыла число приехавших работать иностранцев. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/08/2019/5d5560979a7947af4fa8a883> (дата обращения: 16.03.2022).
20. Гирская М. На стройках Петербурга может значительно вырасти дефицит рабочей силы. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/10/03/2022/6229c43d9a794750500ce19f?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 22.03.2022).
22. Труд в России может стать дефицитным вслед за капиталом. URL: <https://mskgazeta.ru/obshchestvo/trud-v-rossii-mozhet-stat-deficitnym-vsled-za-kapitalom-9816.html> (дата обращения: 22.03.2022).

23. Frevel B. Sicherheit. Ein (un-)stillbares Grundbedürfnis. Frankfurt a/M., 2013. – 52 p.
24. Kaufmann F.-X. Sicherheit als Wertidee, Handlungsmaxime und Leitbild von Systemen // Sichere Zeiten? Gesellschaftliche Dimensionen der Sicherheitforschung. Münster, 2015. P. 21–32.
25. Müller H. Freiheit – Sicherheit – Frieden: Spannungen, Widersprüche, Synthesen // Vorsicht Sicherheit! Legitimationsprobleme der Ordnung von Freiheit: 26. wissenschaftlicher Kongress der Deutschen Vereinigung für Politische Wissenschaft. Baden–Baden, 2016. P. 63–79.
26. Stuchtey T.H., Baban C.P. Sicherheitsforschung als Brückenschlag: Sicherheitspolitik und der vermeintliche Widerspruch zwischen objektiver und subjektiver Sicherheit // Politik und Unsicherheit: Strategien in einer sich wandelnden Sicherheitskultur. Frankfur am Main, 2014. P. 49–91.

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И РАДИКАЛИЗМ

Клестова В.А., студент, СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

Концепция мультикультурализма занимает особое место в политике стран Европы, а также Северной Америки. Многие критикуют мультикультурализм, как провальную стратегию, которая не приводит к интеграции иммигрантов в европейскую и североамериканскую среды. Кроме того, в последнее время наблюдается рост радикализма среди мигрантов разного поколения. В данной статье исследуется зависимость между мультикультурализмом и радикализмом. Каковы причины роста радикализации иммигрантов? Действительно ли стратегия мультикультурализма является тому виной?

Французский социолог Мишель Вивьорка отмечает, что, начиная с 60-х годов прошлого века, представители различных социальных групп (религиозные, этнические, по расовому признаку или физической инвалидности) начали выдвигать свои требования. Эти требования были непосредственно и тесно связаны с социальным неравенством, крайней эксплуатацией в сфере занятости, безработицей или низведением действующих лиц в низший класс, отчуждением и нестабильностью (Wieviorka, p. 890). Кроме того, эти требования отражают стремление к историческому признанию и сродни тому, как были эти группы были дискриминированы. В качестве примеров Вивьорка рассматривает явление мультикультурализма в Канаде, Австралии, Швеции и США. Особенно он уделяет внимание Соединённым Штатам. Социолог отмечает, что в США конкретное и практическое укоренение мультикультурализма, по-видимому, не является частью институциональных мер, которые сами по себе включены на высшем уровне политической и государственной системы, а, напротив, пронизывают социальную жизнь, проистекая как требования, исходящие от рассматриваемых групп и меньшинств. Другая особенность американского мультикультурализма для Вивьорка состоит в вопросе, который является непосредственно и явно культурным, а именно в вопросе признания. Это касается различных практик и дискуссий по отношению к различным меньшинствам, а также женщинам. Эти дискуссии и практики приводили к определённым требованиям о признании культурных различий. Здесь Вивьорка утверждает, что мультикультурализм, как форма признания, является конечным продуктом формы левизны, которая осуждает универсализм и господство Запада, белых, мужчин и т. д. (Wieviorka, 1998, p. 887-888). В условии существования множественных идентичностей существуют два пути развития для социальных групп:

- предпочтение элементам, которые поддерживают целостность социальной группы, что может привести её к обособлению и закрытости;
- люди, которые действительно принадлежат к определенной идентичности и живут в открытом и демократическом обществе, могут пожелать избавиться от элементов, обозначающих их специфику, чтобы полностью и исключительно участвовать в гражданской жизни в экономической, политической и культурной сферах.

Таким образом, Вивьорка настаивает, что мультикультурализм в современном мире является не проблемой, а ответом на возникновение множества идентичностей. Этот ответ стал возможен только с того момента, когда различие перестало восприниматься как препятствие или форма сопротивления современности. Теперь же это важный аспект. Вивьорка отмечает, что фундамент для мультикультурализма был заложен ещё в послевоенное время с созданием ООН (Wieviorka M., 1998. p. 892-893).

Однако Вивьорка указывает на слабые стороны мультикультурализма. Социолог считает, что политика мультикультурализма несёт в себе риски исключить некоторые группы, которые могли бы законно требовать от него выгоды. Далее он отмечает, что это процесс довольно деликатный поскольку реализация мультикультурализма, помимо его принципов, представляет собой комплекс социальных стратегий, требующих значительных усилий и тесного сотрудничества с людьми на низовом уровне. Не все культурные особенности поддаются политике мультикультурализма, а также не все представители той или иной социальной группы хотят, чтобы политика мультикультурализма формировала эти культурные особенности. Вивьорка утверждает, что мультикультурализм подразумевает обоюдное желание сотрудничать (Wieviorka, 1998, p. 901-902). Такого же мнения придерживается и британский профессор Сассекского университета Шейн Брайтон (Brighton, 2007, p. 5-6).

Другой проблемой политики мультикультурализма Вивьорка называет изменчивость культур. Суть в том, что различные культурные идентичности постоянно между собой взаимодействуют и, тем самым, подвержены постоянным изменениям. Социолог отмечает, что попытка представить эти культурные идентичности в статистических категориях является проблематичной. Получается, что действие политики мультикультурализма становится узконаправленным, сфера её применения становится ограниченной, а значит, менее эффективной. Кроме того, это может привести к закреплению элементов, которые при его отсутствии будут иметь тенденцию к изменению и трансформации, способствуя таким образом воспроизводству, а не трансформации и изменению (Wieviorka, p. 903-904).

Наконец, третья проблема политики мультикультурализма является то, что она ограничена лишь политикой признания. Её можно наблюдать в требованиях среди среднего класса, в то время, когда для малоимущих слоёв она является не самой острой. Ссылаясь на Йосефа Раза, Вивьорка утверждает, что политика мультикультурализма должна быть частью более широкой политики, которая включает в себя социально-экономическую программу. Это необходимо для того, чтобы разорвать связь между бедностью, недостаточным образованием и этнической принадлежностью. Когда меньшинство активно участвует в экономической жизни страны, его культурные различия с меньшей вероятностью будут отвергнуты и проигнорированы, чем когда оно исключено или маргинализировано (Wieviorka, p. 904-905).

Таким образом, Вивьорка заключает, что существует необходимость идти дальше мультикультурализма в сторону постэтнического государства, в котором индивид будет иметь возможность самому выбирать для себя идентичность. Сама же политика мультикультурализма себя исчерпала (Wieviorka, p. 1998: 907).

Канадский философ Уилл Кимлика утверждает, что мультикультурализм следует рассматривать как этап развития либерального дискурса касательно идеи равенства личности. В отличие от Вивьорки для Кимлики потребность в мультикультурализме исходит не от социального и экономического положения меньшинств, а из необходимости культурной эмансипации, т.е. необходимости противостоять ассимиляции. Кимлика называет это противостояние «новой стадией революции в области прав человека» (Тэвдой-Бурмули, 2011, с. 22).

Австралийский политический теоретик Чандрэн Кукатас рассматривает две модели идеи мультикультурализма: мягкую и жёсткую. Суть первой модели заключается в том, что государство воспринимает культурное разнообразие как данность и не проводит принудительную политику ассимиляции. При второй модели предполагается проводить специальную политику для защиты социальных групп от ассимиляции (Тэвдой-Бурмули, 2011, с. 15).

В России такие учёные как Тэвдой-Бурмули, Веретевская также исследуют мультикультурализм. Тэвдой-Бурмули в своей статье пишет, что политика мультикультурализма представляет собой защиту и сохранение социокультурных особенностей, прав для уязвимых социальных групп, например, иммигрантов, с помощью правовых, институциональных, а также идейно-политических инструментов. То, как проводится политика мультикультурализма, отличается в каждом государстве. Однако изначальный смысл мультикультурализма утрачен. Теперь под ним понимается любое мультиэтническое общество, в которой не проводится явная ассимиляция этнических меньшинств в пользу доминирующей группы (Тэвдой-Бурмули, 2011, с. 16-17).

Популярность политики мультикультурализма объясняется готовностью европейских и североамериканских государств взять на себя ответственность за дискриминацию и доминирование над неевропейскими культурами в колониальную эпоху. Главной причиной обращения к политике мультикультурализма стал приток иммигрантов, которые способствовали экономическому росту в Европе (Тэвдой-Бурмули, 2011, с. 18). Этот факт стал основой для создания требований меньшинств. В эти требования входят уважение национальных и религиозных обычаев, символики и т. д. (Тэвдой-Бурмули, 2011, с. 20). Выходит, что не только меньшинства должны адаптироваться к европейской цивилизации, но и сама Европа должна также адаптироваться к новой реальности в виде новых равноправных членов европейских государств со своими амбициями. Меньшинства через требования возвращают себе социальные, культурные права, а также права на историческую справедливость и, таким образом перестраивая Европу по новой. Тэвдой-Бурмули называет это разновидностью антиколониального движения, особенность которой заключается в том, что действия происходят на территории самой метрополии (Тэвдой-Бурмули, 2011, с. 21).

Также как и Вивьорка, Тэвдой-Бурмули отмечает, что политика мультикультурализма сталкивается с такой проблемой, как нежелание европейцев и иммигрантов сотрудничать. Это приводит к архаизации общества с обеих сторон, которое может проявляться в росте правопопулистских партий с их обращением к цивилизационной идентичности. Со стороны иммигрантов это может проявляться в затруднении адаптации в новом обществе, например,

обучение на дому или в школах, где уделяют внимание родному языку иммигрантов в ущерб государственному, где иммигранты живут. Кроме того, государство может предполагать культурную гомогенность, в то время как представители других социальных групп могут практиковать традиционные для себя культурные особенности. Это может привести к отчуждению последних внутри страны (Тэвдой-Бурмули, 2011, с. 26-27). Говоря об успешности политики мультикультурализма и её дальнейшем существовании, Тэвдой-Бурмули даёт понять, что данная политика провалилась. Особенно он считает важным тот факт, что мультикультурализм дискредитирован в глазах европейского истеблишмента, что накладывает свои ограничения на проведение данной политики (Тэвдой-Бурмули, 2011, с. 31). Вместо этого Тэвдой-Бурмули предлагает в качестве возможной альтернативы рассматривать «интеркультурализм», который напоминает модель «мягкого мультикультурализма» Кукатаса (Тэвдой-Бурмули, 2011, с. 32).

Однако Веретевская подвергает сомнению несостоятельность политики мультикультурализма. Она пишет в своей работе, что мультикультурализм пришёл в европейское общество в качестве аргумента в пользу разнообразия как одной из европейских ценностей. И только в начале 2000-х гг. отношению к данной политике начало меняться. Политолог утверждает, что за провалом политики мультикультурализма стоит то, что европейский истеблишмент ставит интеграционную политику как саму цель, а не как часть более глобального проекта (Веретевская, 2018, с. 54-55). Более того, в отличие от исследователей, которые были упомянуты ранее, Веретевская считает, что политика мультикультурализма в Европе не была проектом, чья цель доступ этнических меньшинств к политическому устройству. Были приняты лишь отдельные меры, которые можно считать культурными и экономическими уступками. Кроме того, эти меры служили, чтобы снизить напряжённость между меньшинствами и большинством населения (Веретевская, 2018, с. 56). Например, в Германии иммигранты считались временным явлением, т. е. люди могли долгое время работать и всё ещё оставаться гастарбайтерами. По сути, Германия не желала становиться принимающей стороной и проводить последовательную интеграционную политику. Принимались лишь отдельные меры только для сокращения экономических издержек (Веретевская, 2018, с. 57). Веретевская заключает, что политика мультикультурализма является потенциальной и даже наиболее адекватной для европейского общества. Однако мифы, которыми мультикультурализм оброс, обрекают данную политику на провал (Веретевская, 2018, с. 57).

Таким образом, нами были рассмотрены работы различных исследователей мультикультурализма. Можно отметить, что несмотря на недостатки, указанные авторами, данная политика никак не ведёт к росту радикализации среди меньшинств. Более того, если придерживаться позиции Веретевской, то выходит, что политика мультикультурализма не имеет недостатков, т. к. по сути она не проводилась в европейских государствах. Также осмелимся предположить, что те недостатки, которые Вивьорка и Тэвдой-Бурмули приписывают мультикультурализму, на самом деле не являются таковыми, а лишь отражают непоследовательность и нелогичность политики, которую проводили европейские

политические элиты. Однако вопрос, который был поставлен в начале статьи всё ещё остаётся открытым: каковы причины роста радикализации иммигрантов?

Осколков обращается к дихотомии «мы – они» и образу Другого, которые используются правопопулистскими партиями. Конспирологическая теория о «великом замещении», которая подразумевает будто существует намеренная замена коренного белого населения Европы на иммигрантов, в некотором роде обосновывает этот страх Другого и, тем самым, может проявляться в антииммиграционной риторике (Осколков, 2018, с. 86). Таким образом используется и усиливается страх Другого. Джуди Демпси задала вопрос экспертам о страхе Европы перед мигрантами. Некоторые эксперты, как например польский социолог Яцек Кучарчик, отмечают, что страх перед миграцией растёт, и этот рост можно видеть по росту популярности популистских партий. Кроме того, политики могут использовать антииммиграционную риторику и маргинализируют иммигрантов для получения политических очков среди избирателей. Также свою роль здесь играют СМИ. Журналистка Аннализа Камилли утверждает, что в Италии в 2017 году сообщения СМИ о миграции были многочисленными, особенно в отношении входящих миграционных потоков, которые составляли 44 % новостей, случаи преступлений, совершенных мигрантами, составили 16 % новостей, четыре газетных заголовка из каждых десяти в 2017 году имели панический тон (Dempsey, 2018). Многие европейцы связывают между собой кризис беженцев и угрозу терроризма. На такое восприятие беженцев влияет негативное отношение к мусульманам, которые уже проживали в Европе. Согласно исследованию Уайка, Стоукса и Симмонс для некоторых европейцев негативное отношение к мусульманам связано с убеждением, что мусульмане не хотят участвовать в жизни общества в целом и что мусульмане хотят отличаться от остального общества, а не перенимать национальные обычаи и образ жизни (Wike, Stokes, Simmons, 2016).

Осипов исследует позиции в споре во Франции по вопросу роли ислама в радикализации молодёжи. Сторонник одной позиции Оливье Руа оспаривает тезис о «реисламизации» мусульман, который часто звучит в сторону второго поколения мигрантов. Якобы они более религиозны, чем их родители, а также именно они испытывают трудности с интеграцией во французское общество. Руа же предлагает идею о создании новых идентичностей, основой которых являются европейские ценности. В качестве примера востоковед приводит то, что арабская молодёжь лучше говорит на французском, чем на арабском. Кроме того, предпочтения в одежде и музыке арабской молодёжи ближе к французам. Руа связывает рост споров о хиджабе с индентитарным протестом, который основывается на социально-экономических проблемах, а не связаны с религией. Для Франции, как и для остальных западных стран, характерно смешивание этничности и религии. Это проявляется в том, что ислам приписывается арабу вне зависимости от его вероисповедания, исходя из представления, что ислам является основной частью культуры и идентичности. Такое представление укрепляет представление о едином мусульманском обществе, а также мифическом, по мнению Руа, явлении, как исламском коммунитаризме. Суть этого мифа заключается в том, что мусульманское сообщество стремится навязать свои нормы поведения в районах своего проживания, что ведёт к социальным и политическим трансформациям.

Такое ложное представление становится питательной средой для религиозного радикализма, который использует западную терминологию и миф о коммунитаризме для работы с мусульманами. Обращаясь к социально-экономическим проблемам, привлекают к себе радикалов. Руа не отрицает исламизации части мусульман в Европе, однако этот процесс касается больше небольших маргинальных групп. Таким образом, выходит, что мусульманское общество, которое не испытывает проблем с интеграцией в европейское общество, становится зажатым между государством, которое транслирует миф об исламском коммунитаризме, и радикальными организациями, которые пользуются этим мифом (Осипов, 2020, с. 181-182).

Жиль Кепель, сторонник другой позиции, утверждает в вопросе радикализации молодёжи нельзя подходить только с социально-экономической стороны. Он считает, что существует прямая зависимость между радикализацией молодёжи и деятельностью радикальных организаций. В качестве примера он приводит опрос среди мусульманской молодёжи. 45 % опрошенных не осуждают расстрел журналистов «Шарли Эбдо» (Осипов, 2020, с. 183). На радикализацию мусульманской молодёжи влияет то, что они воспринимают мир через дихотомию «свой-чужой». Это делает их более уязвимыми для радикальных организаций (Осипов, 2018). Также Бернар Ружье и Юго Мишерон отмечают, что ультраконсервативное течение ислама салафитское движение становится популярнее благодаря упрощению и унификации ислама. Кроме того, салафиты использовали скандал с карикатурами на пророка Мухамеда в датской газете, чтобы показать, что ислам несовместим с европейскими ценностями, в частности с представлениями о свободе слова, а также чтобы продвигать салафизм на Ближнем Востоке и в Европе. В качестве основных мест распространения ислама в Европе являются районные мечети и тюрьмы. Мишерон отмечает, что ислам является одной из самых популярных религий в французских тюрьмах. Также он утверждает, что в тюрьмах происходит радикализация взглядов людей. Таким образом, радикализация мусульманской молодёжи является результатом деятельности радикальных организаций, а не только благодаря социально-экономическим проблемам (Осипов, 2020, с. 184-185).

Политологи Пол Снайдерман и Люк Хагендоорн исследовали рост неприязни к иммигрантам в Нидерландах. Также как и Веретевская, исследователи отмечают, что в Европе иммигранты понадобятся экономике лишь на короткое время. А значит, их связи со страной и культурой, из которой они пришли, должны быть сохранены. Проводились множественные программы, например, курсы чтобы иммигранты продолжали говорить на языке страны, из которой приехали, даже если они не овладели языком страны, в которой жили. Цель состояла в том, чтобы подготовить их к отъезду (Sniderman, Hagendoorn, 2007, p. 1).

Снайдерман и Хагердоорн оспаривают мнение, что нетерпимость к мусульманам и мультикультурализму проявились только после 11 сентября. Они утверждают, что разногласия существовали и до этого. Существует конфликт между западноевропейскими и мусульманскими ценностями. Суть этого конфликта заключается в положении женщин и детей в обществе: европейцы считают, что мусульмане предоставляют мало свободы женщинам, а также слишком строго воспитывают детей. С другой стороны, мусульмане считают, что европейцы предоставляют слишком много свободы женщинам, а дети не

уважают старших. Снайдерман и Хагердоорн не считают, что нетерпимость заключается просто в конфликте ценностей и что этот конфликт непреодолим. Опрос среди жителей Нидерландов показал, что большинство не одобряет некоторые мусульманские практики, но положительно относится к самим мусульманам (Sniderman, Hagendoorn, 2007, p. 10-11). Столкновение голландских и мусульманских ценностей не заставляет голландцев отвергать мусульман именно потому, что ценности голландского общества являются либеральными ценностями. Однако значительная часть голландского общества негативно относится к мусульманским иммигрантам. Другой опрос показал, что примерно половина опрошенных голландцев не согласна с тем, что «мусульмане могут многое предложить голландской культуре», а также примерно половина не согласна с тем, что «большинство мусульман в Нидерландах уважают другие культуры» (Sniderman, Hagendoorn, 2007, p. 22). Исследователи утверждают, что именно предрассудки играют главную роль в росте нетерпимости к иммигрантам. Например, их в два раза чаще, чем другие меньшинства, считают «политически неблагонадежными». И люди либеральных взглядов и нелиберальных считают, что мусульманские меньшинства по-прежнему глубоко преданы стране, из которой они прибыли. Они пришли, чтобы извлечь выгоду из своей новой страны, а не стать ее частью. Такое подозрение в нелояльности было широко распространено до 11 сентября (Sniderman, Hagendoorn, 2007, p. 42). Также нетерпимость может проявляться в выражении антипатии, т. е. без разбора приписывать меньшинствам отрицательные характеристики, например, описывать их как ленивых, ненадежных, эгоистичных или склонных к свершениям преступлений. При этом объективные критерии отсутствуют. Отсюда выходит, что предрассудки проявляют себя через готовность принижать меньшинства, не любить их, избегать их, презирать их и испытывать к ним враждебность (Sniderman, Hagendoorn, 2007, p. 45). Кроме того, Снайдерман и Хагердоорн провели опрос, отражающий как голландцы характеризуют иммигрантов из разных культур. Результаты показали, что примерно треть голландского населения рассматривает группы иммигрантов как преступных, нечестных и жестоких. Образ преступности также не является единственным негативным элементом образа иммигрантских меньшинств. Не менее четверти голландского населения говорят, что иммигрантские меньшинства стараются избегать работы, ведут себя раздражающе и настойчиво, а также думают только о себе. Кроме того, почти каждый десятый голландец оценивает каждую из четырех групп иммигрантов как низшую (Sniderman, Hagendoorn, 2007, p. 48). Предубеждение отражает враждебность, тревогу. Отсюда исходит позиция, что иммиграцию следует сделать более трудной, если нет возможности сделать ее невозможной. Политологи отмечают, что даже толерантные люди склоны поддерживать повышение барьеров для иммиграции. Опасность предрассудков пронизывает весь политический спектр. Поэтому предрассудки могут побуждать людей открыто отрицать равенство для иммигрантских меньшинств. Предрассудки способны заставить людей публично отвергнуть самую фундаментальную форму равенства для меньшинств – не равные результаты или даже равные возможности, а равные права (Sniderman, Hagendoorn, 2007, p. 60–67). Снайдерман и Хагердоорн предполагают, что в основе предрассудков лежит стремление к конформизму. Люди боятся, что правила, связывающие их культуру воедино, потеряют свою силу. Больше

нельзя рассчитывать, что другие будут действовать так, как должны, уважать то, что раньше вызывало уважение. За страхом, что их культуре угрожает опасность, скрывается страх, что люди больше не желают подчиняться установленным правилам и стандартам (Sniderman, Hagendoorn, 2007, p. 104). Политологи заключают, что та политика мультикультурализма, которая проводится в Европе, только усиливает враждебность большинства к мусульманскому меньшинству, и наоборот, мусульманского меньшинства к большинству и даже другим меньшинствам (Sniderman, Hagendoorn, 2007, p. 138).

Таким образом, выходит, что политика мультикультурализма никак не влияет на рост радикализма, если исходить из позиции, что сама по себе и данная политика не проводилась в Европе, а принимались лишь отдельные меры. Рассмотренные выше исследования показывают, что восприятие мира через дихотомию «свой-чужой», с обеих сторон, где «чужой» воспринимается негативно, а также предубеждения могут стать основой для роста нетерпимости. Благодаря этому иммигранты не могут влиться в общество страны, в которой они проживают. Более того, меньшинства в таком случае, наоборот, будут ещё больше отделяться и жить только своим обществом. И этим положением успешно пользуются различные радикальные организации.

Библиография

1. Веретевская А.В. Об опасностях политического мифа для общественного развития (на примере мифа о мультикультурализме в Европе) // Вопросы философии, № 5, 2018. С. 52–64.
2. Осипов Е.А. Религиозный радикализм как тенденция // Международная жизнь, № 6, 2018. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2041>.
3. Осипов Е.А. Споры о французском мультикультурализме. От исламизации радикализма к радикализации ислама? // Новая и новейшая история, том 64, № 6, 2020. С. 179–187.
4. Осколков П.В. Мультикультурализм и европейские правые: в поисках другого // Современная Европа, № 3, 2019. С. 83–91.
5. Тэвдой-Бурмули А.И. Мультикультурализм: между панацеей и проклятием // Актуальные проблемы Европы, № 4, 2011. С. 14–34.
6. Brighton S. British Muslims, Multiculturalism and UK Foreign Policy: 'Integration' and 'Cohesion' in and beyond the State // International Affairs (Royal Institute of International Affairs)/ Vol. 83, № 1, 2007. P. 1–17.
7. Dempsey J. Judy Asks: Is Europe Afraid of Migration? // Carnegie Europe, 2018. URL: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/77246> (accessed February 25, 2022).
8. Sniderman P.M., Hagendoorn L. When ways of life collide: multiculturalism and its discontents in the Netherlands, 2007. – 155 p.
9. Wieviorka M. Is multiculturalism the solution? // Ethnic and Racial Studies, Vol. 21, № 5, 1998. P. 881–910.
10. Wike R., Stokes B., Simmons K. Europeans Fear Wave of Refugees Will Mean More Terrorism, Fewer Jobs // Pew Research Center, 2016. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2016/07/11/europeans-fear-wave-of-refugees-will-mean-more-terrorism-fewer-jobs/> (accessed February 25, 2022).

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС ФРГ: ПРОБЛЕМАТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ

Юрченко К.Д., студент, СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

В современном мире тенденция к глобализации и распространению миграционных потоков в Европе ознаменовались причиной серьёзных изменений на глобальном и национальном уровнях. Многие сферы испытывают трудности из-за различия культур европейцев и постоянно прибывающих мигрантов. Это влияет на восприятие ценностей и жизненного уклада населения, а на глобальном уровне способствует сильным преобразованиям в социально-политической сфере. С точки зрения миграции Германия находится в двойном затруднительном положении. В то время как, с одной стороны, в ФРГ часто иммигрируют люди для получения качественного высшего образования, а также высококвалифицированные кадры с профессиональными перспективами, страна постоянно испытывает приток людей с низкой квалификацией. Для долгосрочной перспективы это может сопровождаться дестабилизацией социально-политической ситуации.

Рассмотрим историческую составляющую современной ситуации (Баде, 2003). Миграция является неотъемлемой частью истории Федеративной Республики Германия. Этот вклад прослеживает развитие миграционных движений с момента основания Германской империи в конце 19 века до реформирования права на гражданство в 2000 году. В фокусе исследования истории проблематики современности стоит экономический бум, связанный с восстановлением Германии в 1950–60-х гг, который породил растущие потребности в рабочей силе (Герберт, 2001). Решение проблемы в течение длительного времени могли быть удовлетворены за счет иммиграции из ГДР и переселенцев. Таким образом, уже в 1973 году число иностранцев, прибывших на работу в Германию, составило пиковую отметку в 2,6 миллиона.

Основным принципом миграции работников, который изначально котировался всеми заинтересованными сторонами, была ротация рабочей силы, то есть мигранты должны приезжать и работать в промышленные центры Европы в течение нескольких лет, чтобы впоследствии вернуться с сэкономленным капиталом и освободить место для новой рабочей силы. Этот механизм существовал долгое время, и в период с конца 1950-х по начало 1970-х годов иммигрировало 14 млн иностранцев, в то время как за тот же период около 11 млн снова вернулись. Несмотря на это появилась тенденция к тому, что всё чаще мигранты продлевали свое пребывание и все больше привозили свои семьи, что привело к давно официально отрицаемой иммиграционной ситуации с конца 1960-х годов.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что основные пять волн миграции являются следующими: беженцы и перемещенные лица, переселенцы из бывшей Германской Демократической Республики в Западную Германию до строительства стен в 1961 году, трудовые мигранты, поздние переселенцы и лица, ищущие убежища – беженцы (Реймер, 2003).

Из этого складывается проблематика миграции на территории ФРГ: большое количество беженцев сталкивается с трудностями поиска жилья, решения юридических вопросов, кроме

того, из-за разницы культур часто возникают раздражение и беспокойство среди местного населения. Таким образом, даже нынешнее обсуждение ситуации часто бывает очень эмоциональным и часто характеризуется отсутствием базовых знаний о миграционном процессе, начиная с недостаточной осведомленности о различиях между группами людей данного происхождения или отсутствия знаний об исторической самоочевидности миграции. Уже в 2015 году 20 % населения составляли мигранты, а среди детей этот процент составлял около 30 %. Все эти факторы показывали необходимость интеграции иммигрантов на рынке труда, в сфере образования, разработки проектов для лингвистической и профессиональной адаптации (Статистические данные BAMF, 2016). Здесь ярко прослеживается недостаточность соответствующих структур и возможностей поддержки для беженцев, например, в школах не хватает подходящих преподавателей немецкого языка и центров психологической поддержки.

Рассмотрим ряд проектов, которые способствуют успешному преодолению существующих проблем и перспективному развитию интеграции внутри страны (Статистические данные: Senatsverwaltung für Integration, Arbeit und Soziales).

Во-первых, одна из ключевых целей – это продвижение знаний немецкого языка, ведь работа с растущим числом детей и подростков, использующих немецкий язык в качестве второго языка, создает серьезные проблемы для образовательных учреждений и педагогического персонала. Непрерывное языковое образование, которое позволяет избежать разрывов в учебном и образовательном процессе, кроме того, включает в себя различные места обучения, приобретает все большее значение. Это требует конкретных навыков, которые должны быть частью обучения и повышения квалификации. Помимо хорошего знания немецкого языка, родной язык также может быть важным ресурсом для определенных областей рынка труда. Укрепление возможностей в образовании означает увеличение успехов в этой сфере: улучшение качества знаний, интеграция детей и подростков определяются социальными, семейными и языковыми условиями, в которых они растут. Таким образом, устойчивое развитие образования зависит от успешного образовательного и воспитательного партнерства между родительским домом и школой.

Сфера образования также является важной профессиональной областью, к которой люди с миграционным образованием еще не могут получить достаточный доступ в качестве образцов успешной карьеры в этой сфере: преподаватели с миграционным образованием по-прежнему являются исключением в школах Германии. Здесь даже были введены инициативы как Arbeitskreis Neue Erziehung e.V. (ANE) и Türkischer Bund in Berlin-Brandenburg (ТБВ), где целью первой организации является обеспечение поддержки и участия родителей в детском саду и начальной школе, переехавших от них или вместе с ними; представленные проекты предназначены для всех родителей, независимо от их социального, этнического или религиозно-идеологического происхождения. Важно еще то, что и родители получают необходимую полезную информацию, материалы и советы для повседневной семейной и школьной жизни детей в сложившиеся ситуации.

Теперь рассмотрим вторую организацию подробнее, ведь подобные объединения мигрантов по этническому или религиозному признаку являются достаточно распространенным явлением. Türkischer Bund in Berlin-Brandenburg или ТБВ обозначается как

беспартийная, неконфессиональная, демократическая компания (Türkischer Bund in Berlin-Brandenburg, 2022).

Как организация мигрантов, состоящая в основном из турецкого народа, она вместе с административными учреждениями и другими программами привержена правовому, социальному и политическому равенству, обращена к людям миграционного происхождения, а также способствует мирному сосуществованию и солидарности, ведь рассматривает себя в первую очередь как представление интересов обозначенных групп, но в то же время является социальным учреждением с конкретными консультационными и квалификационными предложениями. Кроме того, схожие программы часто называются и постоянно развивающиеся и обучающейся организацией, это выражается в выполнении определенных стандартов качества и непрерывном процессе кадрового и организационного развития.

Целями подобных программ, в особенности представленной, являются демократическая направленность, плюрализм и понимание разнообразия, гендерное равенство, отказ от насилия, борьба с дискриминацией и ее предотвращение, обозначение принципа консенсуса по фундаментальным вопросам и динамическое понимание культуры. Для достижения своих целей компании активно участвуют в различных политических органах, сетях и партнерствах.

Сама поддержка людей с миграционным прошлым на пути к повседневной и профессиональной жизни осуществляется с помощью широкого спектра услуг, здесь представлены меры по обучению и повышению квалификации на проектном уровне. Кроме того, консалтинг – еще одна важная составляющая сервиса компании, здесь предлагаются консультации в области социальных, юридических, профессиональных и антидискриминационных вопросов. Сотрудники многоязычные, обладают навыками межкультурной коммуникации. Кроме того, участие в ассоциациях или наличие широкой сети партнеров по социальному и политическому сотрудничеству расширяет возможности получения высокого уровня поддержки. Благодаря процессу обучения, ориентированному на участников, способность участников и тех, кто обращается за советом, должна быть увеличена.

Следующая организация Bund für Antidiskriminierungs- und Bildungsarbeit in der Bundesrepublik Deutschland, где острый вопрос состоит в расширении прав и возможностей в сфере образования и трудоустройства для сообществ африканского происхождения в Берлине. Примечательной особенностью здесь является переоценка соответствующих законов и государственных структур, повышение осведомленности о дискриминации и расизме в обществе, противодействие этим явлениям на различных уровнях и способствование равному сосуществованию в обществе, то есть фокус организации находится не только на личности, но и на политическом и институциональном уровне дискриминации. Сюда же можно отнести организацию GUWBI, которая занимается городской экономикой Берлина, профессиональной интеграцией и этнической компанией. Здесь отличительной чертой является задача по улучшению экономических условий для жителей Берлина, именно на основе текущего анализа ситуации идет разработка стратегии действий и реализация проектов (семинары по созданию существующих стартапов, обучение, консультации), которые осуществляются вместе с партнерами по сотрудничеству в Берлине.

Во-вторых, тема социальной интеграции также находится в центре острых дискуссий. В частности, речь идет о продвижении компетенций и ресурсов. На этом фоне организации могут быть основаны на гражданском обществе людей миграционного происхождения и, не в последнюю очередь, объединены важными задачами в процессе интеграции. Например, организация АКЕВИ, цель которой состоит в популяризации и во внедрении активного участия женщин-мигрантов в общественной жизни, борьбе с расизмом, национализмом и исламофобией. Кроме того, активно финансируется проект Club Dialog, чтобы способствовать обеспечению интернационального взаимодействия между русскоговорящим и местным населением Берлина, а также интеграции русскоговорящих переселенцев. На протяжении нескольких десятилетий данной программе удалось создать такую структуру, которая позволила проводить интеграционную и культурную работу на разных языках и для всех поколений. Далее рассмотрим проект Gesellschaft für psychosoziale Gesundheitsförderung bei Migrant*innen, который занимается психологически-социальными акциями и аспектами, оказывающими сильное влияние на качество жизни населения, кроме того, содействует участию в политической жизни пожилых мигрантов. Что примечательно в этом проекте, так это проведение обширной научной работы, например анализ потребностей пожилых мигрантов или оценка реализуемых общественных проектов, таких как программы обучения родителей для семей мигрантов и другие проекты по содействию социальной интеграции, сотрудничество с научными центрами обеспечивает объективность оценки эффективности. Имеют место и культурные, художественные мероприятия: выставки, спектакли, концерты, которые подходят для представления миграции и здоровья в различных контекстах для содействия межкультурному (немецко-европейско-азиатскому) диалогу (GePGeMi).

Здесь же хочется добавить, что в рамках программы стипендий и наставничества GEN YOUR WAY (GDW) фонд запустил одну из самых важных программ финансирования для талантливых молодых людей с историей иммиграции в 2012 году, данная инициатива сопровождает представленную категорию населения на их пути в профессиональный мир и объединяет их с вдохновляющими и мотивирующими личностями, то есть образцами для подражания или авторитетами из различных профессиональных областей, интересующих участников. В долгосрочной перспективе мы можем наблюдать социальную сплоченность за счет устойчивого обеспечения равных возможностей в образовании и работе, что провоцирует здоровую конкуренцию на рынке труда и тем самым создает позитивную динамику в развитии этой сферы помимо социальной. Кроме того, обеспечение проектов с наставничеством с профессионалами из различных областей: наука и культура, политика, бизнес, средства массовой информации, эксклюзивные мероприятия, а также разнообразная программа семинаров составляют основу этой перспективной инициативы, которую поддерживают корпоративные партнеры известных фирм как EDEKA, Coca-Cola и Mercedes Benz. Стоит отметить, что большое внимание в подобных программах отводится и поддержанию собственной базы выпускников для сохранения потенциала профессиональных, личных и социально-политических контактов, возникших в этот период. Так, даже после окончания участия в проекте стипендиатов, компания продолжает оказывать

поддержку выпускникам и организует встречи в Берлине, направленные на осуществление этих целей (GDW)

В-третьих, культурная интеграция крайне важна для успешного урегулирования миграционного кризиса и недовольства среди коренного населения страны. Например, проект *agitPolska*, который финансирует культурное немецко-польскую сотрудничество. Изначально компания поставила перед собой цель представить польскую культуру в Германии и немецкую культуру в Польше с намерением предложить молодым и талантливым артистам из данных государств платформу для обмена искусством и культурой, здесь имеет место не только культурное сближение стран, но и налаживание критического диалога. С переездом организации в Берлин и тем фактом, что ассоциация приобрела новых участников, обнаружила новые целевые группы и потребности, ее профиль успешно расширился благодаря политике участия, рынку труда, женским и молодежным проектам. В Польше и Германии проект работает с гражданским обществом и институциональными партнерами (*agitPolska e.V.*). Важнейший сервисный центр межкультурных компетенций для мигрантов называется *Verband für interkulturelle Arbeit (VIA)*. Видение задач центра состоит в воплощении мирного общества разнообразия на демократической основе, в котором все культуры стоят бок о бок и в диалоге друг с другом на равной основе, имеет место концепция транскультурности, которая понимает культурную самобытность как динамичный процесс изменяющихся тенденций. Как и большинство проектов, представленный тоже сосредоточен на иммиграционной политике, которая оправдывает историческую ответственность Германии. Конкретные предложения центра состоят из: налаживания связей, поддержки организаций-членов в подаче заявок, представления интересов участников в различных комитетах, связей с общественностью, образовательной и культурной работе, а также управлении качеством, реализацией проектов (*VIA*).

Таким образом, для устойчивого развития необходимо обучение детей и подростков знанию немецкого языка, укрепление сотрудничества с организациями мигрантов или привлечение людей с миграционным происхождением для образовательных профессий. Многие из них могут в краткосрочной перспективе внести свой вклад в более целенаправленное согласование предложений по интеграции с потребностями женщин-мигрантов и сделать их более эффективными, например, в области сотрудничества с родителями или в открытии программ поддержки для организаций-мигрантов. Другие, такие как привлечение преподавателей из числа иммигрантов, требуют более длительного преобразования и структурных изменений.

Библиография

1. Баде К. Дж. Миграции в европейской истории. Блэквелл Паблишинг. 2003. С. 204–227.
2. Герберт У. История политики иностранцев. Сезонные рабочие, подневольные рабочие, гастарбайтеры, беженцы. Мюнхен. 2001. С. 127–129.
3. Реймер К. Миграционные проблемы в Германии и возможные последствия для международного управления персоналом. Мюнхен: 2003. С. 54.
4. Статистические данные// BAMF. 2016. (дата обращения: 31.03.2022).
5. Статистические данные// Senatsverwaltung für Integration, Arbeit und Soziales (дата обращения: 31.03.2022).
6. agitPolska e.V. URL: <https://agit-polska.de/wp/> (дата обращения: 31.03.2022).
7. GDW. URL: <https://www.deutschlandstiftung.net/projekte/geh-deinen-weg-programm> (дата обращения: 31.03.2022)
8. GePGeMi. URL: <https://www.gemi-berlin.de> (дата обращения: 31.03.2022).
9. Türkischer Bund in Berlin-Brandenburg. URL: <https://tbb-brlin.de> (дата обращения: 31.03.2022).
10. VIA. URL: <https://via-bund.de> (дата обращения: 31.03.2022).

ИММИГРАЦИЯ В ФРГ: ИСТОРИЯ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Шеметова Ю., студент, СПбГЭУ
Санкт-Петербург, Россия

Исследователи отмечают, что вплоть до изменения (1993 г.) Миграционного права (нем. Asylrecht) миграция в немецком историографическом дискурсе рассматривалась как феномен, связанный, главным образом, с развитием социального государства, а не самостоятельное явление. И лишь когда она становится основной причиной возникновения внутривнутриполитических конфликтов, когда Германия официально признается «миграционной страной» (Einwanderungsland), изучение процессов миграции и интеграции получает новый импульс. Необходимо отметить, что мигранты всегда были неотъемлемой частью германского общества, существовали, однако, обособленно от коренных немцев. После двух мировых войн в стране проживало уже большое число мигрантов из Европы, значительную часть которых составляли, начиная с 1960–1970-х гг., наемные рабочие из Турции (нем. Gastarbeiter), приехавшие для восстановления экономики послевоенной ФРГ (Карнаухова, Весельникова, Лобанова., 2019).

Мигрантов, многие из которых уже стали теперь немецкими гражданами, нужно было интегрировать в немецкое общество. Более того, государство было заинтересовано в молодых высококвалифицированных специалистах. В итоге, в 2000 г. были внесены изменения в Staatsangehörigkeitsrecht (Совокупность норм, регулирующих вопросы гражданства), согласно которым дети, родившиеся от иностранцев в ФРГ, до своего совершеннолетия получали наряду с гражданством родителей и немецкое гражданство. Кроме того, в 2005 г. был кардинально изменен Миграционный закон (нем. Zuwanderungsgesetz), чуть позже разработан Миграционный план (нем. Migrationsplan), послуживший основой для интеграции граждан с миграционным прошлым. Уже в те годы немцы столкнулись с важной, но до сих пор далекой от разрешения проблемой: общество перестало быть сугубо христианским. Сегодня из 82.2 миллиона граждан Германии 4.4–4.7 миллиона человек (5.4–5.7 %) исповедуют ислам. В 2015 г. в страну буквально хлынул поток беженцев из Сирии, Афганистана, Марокко, Йемена, Эритреи. Для Германии в этой связи важнейшим приоритетом развития внутренней политики стало решение проблем, вызванных новыми переселенцами: прием, обеспечение социальными пособиями, максимально пропорциональное размещение мигрантов по федеральным землям (Карнаухова, Весельникова, Лобанова., 2019).

Далее необходимо отметить причины миграции в ФРГ. Во-первых, причиной современной массовой миграции является демографический взрыв в Африке и на Ближнем Востоке, который создал весомые трудности для экономической и социальной поддержки населения данных регионов. Как следствие, граждане этих стран перемещаются в благополучную Европу с высоким уровнем жизни.

Во-вторых, недовольство внутренней политикой в странах Ближнего Востока и резкий рост бедности повышают экстремистские настроения среди населения и побуждают к бегству.

В-третьих, гражданская война в Сирии, начиная с 2011 г., положила начало новой политике и новым проблемам, где особое место занимала ИГИЛ. Рост влияния этой группировки вызвал еще более острые конфликты, которые вынудили население покидать свои дома

Теперь, я бы хотела отметить такой важный факт, как то, что основной поток прибывающих в Евросоюз беженцев устремился именно в Германию, имеет ряд причин: экономические и финансовые возможности ФРГ; более мягкие условия предоставления в ней политического убежища; отказ многих стран ЕС от Дублинского соглашения о регистрации беженцев в первой стране пересечения границы Евросоюза.

Поворотным моментом в миграционном кризисе стали события в новогоднюю ночь 2016 г. В Кельне, после которых отношение немцев к беженцам резко изменилось: мужчины «арабской и африканской внешности» совершали нападения на немецких женщин, после чего в полицию поступило большое количество заявлений от пострадавших. Новость разлетелась быстро. Во многих городах Германии состоялись протесты, организованные радикально настроенными группировками. На сложившуюся ситуацию власти не могли не отреагировать.

Среди миллионов беженцев, которые прибывают в ФРГ, несколько десятков могут либо уже быть, либо, возможно, Исламские экстремисты, которые усилят потенциал терроризма среди граждан Германии, будь то мигранты или принявшие ислам из числа долгосрочных резидентов Христианские семьи? Не увеличится ли число “почетных убийств” мусульманских девочек, которые в глазах своих семей слишком охотно интегрируются? С нейтральной точки зрения можно предположить, что количество убийств, изнасилований, грабежей и краж среди беженцев будет “нормальным”, несмотря на их тяжелое социальное положение, по отношению к соответствующему уровню преступности среди местного населения, с учетом учтите тот факт, что большинство беженцев – молодые люди мужского пола. Таким образом, по всей Германии уровень преступности будет расти вместе с уровнем иммиграции (Сманцер, Первышева, 2021)

На конференции руководства партии ХДС Ангела Меркель заговорила о необходимости ужесточения миграционного законодательства. Реформа должна коснуться более упрощенного порядка депортации беженцев-правонарушителей. Так, уже в начале 2016 г. были внесены изменения в Свод законов, регулирующих пребывание иностранцев на территории Германии (нем. Asyl- und Aufenthaltsrecht), – так называемые Asylpaket I и Asylpaket II, где были определены более короткие сроки рассмотрения заявлений на получение статуса беженца. Кроме того, мигранты, получившие так называемый «защитный статус» (нем. Schutzstatus), должны были проживать в определенных для них населенных пунктах; ужесточались условия и сроки депортации нарушивших закон мигрантов, а также определены визовые квоты для семей мигрантов, получивших разрешение на пребывание (нем. Aufenthaltserlaubnis). В августе 2016 г. был принят Закон об интеграции (нем. Integrationsgesetz), который регулировал вопросы, связанные с адаптацией мигрантов к новым для них условиям жизни.

Особое внимание следует обратить на следующее. Необходимо провести четкое, недвусмысленное различие между “Культурой гостеприимства” (в отношении беженцев, прибывших в Германию) и продолжающейся политикой приглашения дополнительных

миллионов беженцев, чтобы совершить путешествие сюда. Наполовину адекватная интеграция мигрантов и беженцев возможна только за счет ограничения и замедления приема новых иммигрантов. Кроме того, следует проводить четкое различие между иммиграционной или миграционной политикой и политикой в отношении беженцев. Можно даже говорить о бесстыдном злоупотреблении беженцами в качестве замены детей в Германии теми, кто хочет видеть всеобъемлющую иммиграцию как ответ на недостаточное количество работников и финансирование будущих пенсий в качестве компенсации за низкий уровень рождаемости в немецком обществе, и, следовательно, хочет как можно быстрее интегрировать и “германизировать” беженцев.

Многие беженцы не заинтересованы в такой перспективе, а скорее хотят жить и работать в Германии только временно. Их главный интерес заключается в том, чтобы социализировать своих детей на их родном языке и в их собственной культуре. Их мотивация к обучению Немецкий язык на достаточном уровне, который позволяет им самим найти работу и вести лучшую жизнь в изгнании, является лишь второстепенным.

Одной из основных мер немецкого закона об интеграции является новая программа рынка труда, которая должна как можно скорее предоставить беженцам новые рабочие места (напоминающие общественные работы). Основное противоречие здесь заключалось в том, не приведет ли программа рынка труда к созданию искусственной занятости, оплачиваемой государством, а не к подлинной интеграции через рынок труда. Так называемые “рабочие места за один евро” уже много лет практикуются государственными агентствами занятости Германии. Эта мера основана на компенсационных государственных субсидиях для очень низкооплачиваемых рабочих мест и преследует цель реинтегрировать долгосрочных безработных на рынок труда по низким ценам. Это должно обеспечить интеграцию лиц, которым предоставлено убежище, для скорейшего выхода на рынок труда, с тем чтобы они могли интегрироваться на рынке труда. С другой стороны, во многих случаях это будет низкооплачиваемая работа с доходом, недостаточным для поддержания жизни. Правительство будет выплачивать доход до уровня минимальной заработной платы (Jahn, 2016)

В своем исследовании я решила осветить мнение мигрантов. Согласно результатам исследований, 57 % мусульман – мигрантов первого поколения подтвердили, что приверженность заповедям религии для них важнее, чем соблюдение норм государства, в котором они живут. Среди опрошенных мигрантов второго поколения, однако, это цифра составила 36 %. 54 % переселенцев первого поколения считали ислам единственной верной религией, в то время как среди мигрантов второго поколения так думают 46 %. При этом 86 % респондентов второго поколения отмечают, что им необходимо сохранять свою идентичность и культурные особенности. Показателем глубины интеграции является и частота контактов с местным населением. Так, 74 % молодых мусульман-иммигрантов регулярно взаимодействуют с немцами, в то время как среди их родителей этот показатель достигает лишь 47 %. Показательна и корреляция между наличием образования и уровнем религиозности – мусульмане-шииты являются самой образованной группой мигрантов, и именно у них религиозная идентичность наименее ярко выражена. Можно сделать вывод, что ввиду несовместимости западноевропейских ценностей с мусульманскими традициями,

а также нежелания даже молодых мигрантов полностью ассимилироваться и принять местную культуру необходимо повышать их образовательный уровень и знание языка, равно как и число постоянных контактов с местными жителями. Именно на это и нацелены языковые курсы и программы по трудовой интеграции, и, как показывает статистика, каждое последующее поколение придерживается гораздо менее радикальных религиозных взглядов, что свидетельствует об успешном сглаживании меж цивилизационных противоречий при невозможности их полного искоренения.

Что касается общественного мнения Германии о приеме беженцев, то здесь стоит начать с того, что с начала 2016 года Социально-экономическая группа (SOEP) исследование проводит ежемесячный опрос об отношении, ожиданиях и страхах немцев в отношении миграции. Третья волна опроса, – Барометр общественного мнения о беженцах в Германия (Stimmungsbarometer zu Geflüchteten в Германии) – исследование, проведенное в марте 2016 года, показывает, что более половины всех респондентов по-прежнему связывают приток беженцев с большим риском, чем с возможностями. Тем не менее, явное большинство (80 процент респондентов) выступают за прием беженцев и тех, кто бежит политическое преследование в соответствии с международным правом. В то же время, однако, большинство придерживается убеждения, что беженцев следует отправлять обратно в их родную страну, как только причина их отъезда больше не имеет значения. Только 20 процентов всех респондентов выступают за то, чтобы разрешить беженцам, которые уже некоторое время проживают в Германии, оставаться в стране даже после улучшения ситуации в стране их происхождения (Gerhards, Hans, Schupp, 2016).

Позиция Ангелы Меркель. К середине 2015 года стало понятно, что количество мигрантов, неконтролируемо прибывающих в Европу, превышает все ожидания и ставит под сомнение возможность их принятия и размещения. Именно тогда канцлер Германии Ангела Меркель произнесла свое ставшее знаменитым «Мы справимся с этим» ('Wir schaffen das'), относящееся не только к Германии, но и ко всем странам ЕС. Однако уже тогда другие политические фигуры Германии стали высказывать свои сомнения на этот счет, и даже резкую критику в адрес миграционной политики, проводимой ЕС во главе с госпожой Меркель. События 2016 года в Кельне, Ницце, Берлине, Брюсселе и других европейских городах показали, что власти и общество не справляются. Напротив, миграционный кризис меняет весь традиционный уклад жизни Европы, порождает непреодолимые противоречия между мигрантами и традиционным европейским обществом, является причиной многих социальных и экономических проблем.

Несмотря на прежнюю открытость европейских границ для беженцев и действие положений Шенгенского и Дублинского соглашений, риторика главных лиц Германии изменилась в пользу ограничительных мер по приему и размещению мигрантов, по оказанию им государственной поддержки. Не разделяя порой радикальные предложения своих коллег, Ангела Меркель, тем не менее, изменила свои позиции по миграционному вопросу, отойдя от идеалистической теории европейского общества. Знаменитое выражение «Мы справимся с этим» стало историческим, быстро уйдя в прошлое, напоминая только о переоценке своих возможностей европейскими лидерами и необходимости менять правила «по ходу игры».

Начало 2015 года в Германии было ознаменовано жаркой дискуссией, как в политических кругах, так и в обществе, вызванной заявлением Ангелы Меркель на фоне теракта в редакции «Шарли Эбдо» в Париже о том, что ислам является частью Германии. На фоне растущего миграционного потока преимущественно из мусульманских стран данная фраза приобретала особое значение. «Шпигель» особо отмечает, что это не было случайной фразой, повторенной вслед за Кристианом Вульфом (Christian Wulf) (что, к слову, возможно, стоило ему поста президента Германии), напротив, «эта фраза является более чем запоздалым признанием социальной реальности. Это политическое заявление ..., которое поднимает вопрос о том, как государство будет формировать свое отношение к религии». Высказывание Меркель не только дало повод для критики ее противникам, но также вызвало недовольство среди соратников. «Шпигель» приводит мнения Барбары Штамм (Barbara Stamm) (председатель Баварского ландтага), Йоахима Херманна (Joachim Herrmann) (министр внутренних дел Баварии, ХСС), Фолькера Каудера (Volker Kauder) (соратник Меркель; в 2015 – глава фракции ХДС/ХСС в бундестаге) и других политиков федерального и местного уровней – все они не разделяют позицию канцлера по исламскому вопросу. Более того, «когда Меркель вновь повторяет эту фразу в Бундестаге, очень многие из присутствующих членов Союза демонстративно отказываются от аплодисментов» (Вороненкова, Исланова, 2019)

Цитируя фразу из политической программы ХСС, размещенной по указанию Зеехофера на сайте партии после «исламского» заявления Меркель, о том, что Германия есть и должна оставаться христианской страной, авторы «Шпигеля» иронично добавляют, что «канцлер может говорить, что хочет» (Karolewski, L'Harmattan, 2018).

Также мне представляется необходимым осветить споры между политиками.

Лидер немецкой левой партии Die Linke выступила с критикой массовой миграции после терактов в Баварии, и ее партия теперь призывает к ее отставке.

Лидер немецкой левой партии Сара Вагенкнехт находится под огнем критики со стороны своей партии после того, как она выступила с критикой политики канцлера Германии Ангелы Меркель в отношении миграционного кризиса.

Лидер левых назвал позицию канцлера Меркель “мы можем это сделать!” “легкомысленной” и потребовал обсуждения “потенциальных опасностей”, которые мигранты представляют для немецкого населения. В то время как ее партия призвала к ее отставке по этому вопросу, она получила поддержку из маловероятного источника, партии “Альтернатива для Германии против массовой миграции” (AfD), сообщает Tagesspiegel. Комментарии появились в ответ на неудавшийся теракт смертника в Ансбахе, в результате которого 12 человек получили ранения и погиб террорист. Позже выяснилось, что ответственный за это человек был сирийским мигрантом, который присягнул на верность Исламскому государству. В заявлении г-жи Вагенкнехт сказал: «Включение и интеграция большого числа беженцев и иммигрантов связаны со значительными проблемами и являются более трудными, чем легкомысленное заявление Меркель “Мы можем это сделать”» (Tomlison, 2016).

Г-жа Вагенкнехт ясно дала понять, что безопасность немцев является самым важным вопросом, сказав: «Теперь государство должно сделать все для того, чтобы люди снова могли

чувствовать себя в безопасности в нашей стране. Это предполагает, что мы знаем, кто находится в стране и, если возможно, где существует потенциальная опасность».

Реакция на комментарии ее собственной партии была в подавляющем большинстве негативной. Левая партия известна в Германии своей чрезвычайно про-мигрантской позицией, когда один из членов партии, Грегор Гизи, в прошлом году прокомментировал, что он надеется, что мигранты “выведут” коренных немцев: «Каждый год умирает больше коренных немцев, чем рождается. Это очень удачно. Это потому, что нацисты не очень хорошо умеют заводить потомство».

Представитель по внешней политикеевой партии Ян ван Акен уже выступил с призывами к отставке госпожи Вагенкнехт сказал: «Тот, кто критикует Меркель справа, не может быть председателемевой партии».

Некоторые высказались в поддержку комментариев лидера левых. Партия "Альтернатива для Германии против массовой миграции" (AfD) высоко оценила заявление главы партии в Саксонии-Анхальт Андре Поггенбурга, написавшего в твиттере: «Совершенно верно! Вина в значительной степени упустила немецкую политику в отношении беженцев. Миссис Вагенкнехт, приходите в AfD».

В конце мне бы хотелось взять на себя ответственность и сделать прогнозы на будущее. Подводя итоги, следует охарактеризовать динамику прироста количества мигрантов в последние годы. Так, на конец 2014 г. в Германии численность иностранного населения насчитывала 8.2 млн человек (что составляло примерно 10 % всего населения); к концу 2015 г. она достигла 9.1 млн человек (11.2 % населения страны). Ежегодный иммиграционный прирост с 2010 по 2014 г. в стране составлял от 150 тыс. до 570 тыс. человек, в 2016 году из-за притока беженцев население ФРГ увеличилось еще на полмиллиона человек. По данным переписи 2011 г., в стране проживало свыше 4.3 млн мусульман (это 5 % населения страны), из которых примерно 1.9 млн человек имеют гражданство Германии. Опубликованный в ноябре 2020 г. прогноз рабочей силы, проведенный Федеральным статистическим управлением ФРГ, свидетельствует о том, что в начале следующего десятилетия (2030 г.) 1,5–2,4 млн человек будут в возрасте от 65 до 74 лет и только 1,1 млн – в возрасте от 15 до 19 лет. В 2019 г. обе группы в составе рабочей силы равнялись 1,2 млн человек. К 2060 г. общее число экономически активных людей в возрасте от 15 до 74 лет, в зависимости от исходных предположений, сократится с 43,6 млн в 2019 г. как минимум до 41,5 млн и максимум до 33,3 млн. По некоторым прогнозам, к 2050 году число мусульман в Германии составит 12 %.

Суммируя все выше сказанное, стоит отметить наличие существования мнения, что для стареющего немецкого общества приток молодой рабочей силы из-за рубежа является своего рода спасательным кругом, благодаря которому станет возможным обеспечение экономического роста и поддержание уровня социальных выплат гражданам Германии на имеющемся на данный момент уровне. При правильно спланированной стратегии адаптации новоприбывших беженцев и их дальнейшей интеграции на рынке труда правительству ФРГ удастся восполнить нехватку рабочей силы и в то же время спровоцировать предпринимательскую активность, что создаст дополнительные рабочие места и обеспечит приток средств в федеральный бюджет за счет налоговых отчислений. Подобного рода меры

также доказывают свою эффективность при сокращении межрелигиозного и межкультурного разрыва.

1) Германия продолжает оставаться для мигрантов благополучным и привлекательным для переселения государством с высоким экономическим и социальным уровнем жизни;

2) одной из важнейших связанных с миграционным кризисом проблем считают не столько масштабы притока беженцев, сколько отсутствие солидарности политических сил ФРГ и Евросоюза по вопросам единой миграционной политики;

3) государство и общество, долгое время, придерживавшееся идеи толерантности и мультикультурализма, перестало быть монохристианским, что требует переосмысления вопроса о национальной идентичности;

4) рост численности мусульманских сообществ в Германии ведет к усилению деятельности правых политических сил, что приводит, в свою очередь, к дестабилизации гражданского общества, усиливая негативное отношение немцев к мигрантам вообще и мусульманам в частности (Аршин, 2020).

Библиография

1. Аршин К.В. К вопросу о модели адаптации/интеграции мигрантов // Методологический аспект, 2020. – 13 с.
2. Вороненкова Г.Ф. Исланова Ю.Р. Освещение политики канцлера Германии в условиях миграционного кризиса 2013–2018 гг. // в материалах журнала «ШПИГЕЛЬ». Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8. № 3. С. 3–7.
3. Карнаухова Е.Е. Весельникова Л.И. Лобанова Н.С. Характер и динамика миграции в современной Германии: исторический и политический контексты. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2019, № 3. С. 17–22.
4. Сманцер В.Е. Первышева Е.А. «Эти люди чужды и опасны». Германия приняла миллионы мигрантов и беженцев. Как они меняют страну и немцев? URL: https://lenta.ru/articles/2021/08/01/migrants_germany/ (дата обращения: 06.01.2022).
5. Gerhards J. Hans S. Schupp J. German public opinion on admitting refugees. // DIW Economic Bulletin № 21. С. 131–139.
6. Jahn E.E. We will (not) succeed! The helplessness of German and European refugee // Мировая экономика и международные отношения 2016. Т. 60, № 10. С. 83–90.
7. Karolewski I.P. L'Harmattan R.B. EUROPE'S REFUGEE AND MIGRANT CRISIS Political responses to asymmetrical pressures // «Politique européenne» 2018, № 2. Vol. 60. P. 98–132.
8. Tomlison C. German Left Leader Slammed for Anti-Mass Migration Comments. 27 Jul 2016 URL: <https://www.breitbart.com/europe/2016/07/27/german-left-leader-slammed-anti-mass-migration-comments/> (дата обращения: 06.01.2022).

МИГРАЦИОННАЯ ТЕМАТИКА в ПРОГРАММАХ М. ЛЕ ПЕН И Э. ЗЕММУРА на ВЫБОРАХ 2022 г.: ОБЩЕЕ и ОСОБЕННОЕ

Чихачев А.Ю., к. полит. н., ассист., СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

В последние десятилетия Пятая республика оставалась центром притяжения для выходцев из многих государств мира, пережив несколько волн миграции, в первую очередь, из Африки и Ближнего Востока. По состоянию на конец 2021 г. во Франции насчитывалось около 7 млн мигрантов, что составляло 10,3 % от общей численности населения страны, тогда как еще два десятилетия назад эти показатели были на уровне 4,4 млн и 7,3 % соответственно (*L'essentiel sur...*). Постоянное увеличение количества приезжих, нередко отличающихся от коренных французов в культурно-религиозном отношении, все в более острой форме ставит вопросы совершенствования механизмов регулирования миграционных потоков, социальной адаптации и интеграции. В связи с этим миграционная повестка в обязательном порядке попадала в круг приоритетов всех последних президентов Пятой республики, каждый из которых предлагал собственные варианты действий, проводя все новые и новые реформы в данной сфере (Еремина, Чихачев, 2016).

Не стал исключением и период правления Эммануэля Макрона (2017–2022). Как обобщила российский исследователь Я.Р. Стрельцова, приоритеты его миграционной политики свелись, среди прочего, к повышению требований по знанию французского языка и государственного устройства для предоставления вида на жительство; упрощению процедуры прибытия квалифицированных мигрантов; введению профессиональных квот на привлечение трудовых ресурсов из-за рубежа; предоставлению дополнительных возможностей французским экспатриантам (Стрельцова, 2020). На уровне Европейского союза президент добился кадрового усиления пограничной службы Фронтекс (на 10 тыс. служащих к 2027 г.) и учреждения полноформатного Агентства по предоставлению убежища. Кроме того, миграционные вопросы вошли в повестку французского председательства в Совете ЕС на протяжении первой половины 2022 г., в рамках которого Париж вынес на обсуждение идею создания Шенгенского совета – нового руководящего органа Шенгенской зоны – и проект Пакта о миграции и убежище, ранее разработанный Еврокомиссией. По наблюдению О.Ю. Потемкиной, отдельный акцент на миграции в рамках французского председательства был сделан неслучайно, ведь в логике Э. Макрона от контроля над внешними границами зависит суверенитет ЕС, его способность принимать своевременные решения в случае кризисов (Потемкина, 2022, с. 9).

Тем не менее, даже весьма энергичная политика президента оказалась далека от того, чтобы разрешить комплекс проблем, прямо или косвенно связанных с регулированием миграционных потоков. Как отмечают исследователи, несмотря на крупные бюджетные траты (25 млрд евро в год), французские власти, особенно в больших городах, чаще всего не справляются с потоком приезжих, затягивая процесс рассмотрения их статуса или не успевая гарантировать хотя бы минимальный уровень социального обеспечения (Стрельцова, 2020).

В результате усиливаются коммуитаристские тенденции: присоединение мигрантов и беженцев к закрытым этнокультурным общинам, живущим по собственным правилам, – или возводятся стихийные лагеря наподобие т. н. «джунглей», существовавших в г. Кале до 2016 года (Годованюк, 2020). За время президентства Э. Макрона не потеряла актуальность и террористическая угроза, напомнившая о себе в октябре 2020 г., когда школьный учитель С. Пати был убит экстремистом, формально имевшим статус беженца. Подготовленный впоследствии законопроект о «противодействии сепаратизму» создал дополнительную напряженность в отношениях между французским государством и мусульманской общиной, поскольку резко усилил правительственный контроль над жизнью последней (ограничил зарубежное финансирование, установил однозначный приоритет светских республиканских принципов и пр.) (Шумилин, 2021). На этом фоне, как показывали социологические данные, вопросы миграций и внутренней безопасности неизбежно должны были стать одной из главных тем очередной президентской кампании 2022 года. Так, согласно январскому исследованию института IPSOS, 25 % респондентов называли миграции среди «наиболее беспокоящих тем», что было одним из самых высоких показателей в сравнении с другими сюжетами; притом эта цифра не изменилась и в феврале-марте, когда основную часть новостной повестки заняли события на Украине (Présidentielle 2022...).

Исходя из сказанного выше, в настоящей работе предполагается проанализировать, какое содержательное отражение миграционная тематика получила в ходе предвыборной борьбы во Франции. Видится целесообразным ограничиться изучением программных установок двух кандидатов на правом фланге идеологического спектра – М. Ле Пен и Э. Земмура – поскольку именно они уделяли в своих заявлениях повышенное внимание вопросам регулирования миграций по сравнению с другими участниками избирательной гонки. Представляется необходимым выделить наиболее знаковые предложения, сформулированные каждым из кандидатов, обнаружив общее и особенное между ними.

Марин Ле Пен: очередное смягчение программы

В современной французской политике «Национальное объединение» (RN, бывший Национальный фронт) не первый год известно как партия, делающая в своей программе особый упор на вопросах регулирования миграций. В те времена, когда RN возглавлял Ж.-М. Ле Пен, оно прочно занимало нишу внесистемной, крайне правой силы с весьма спорной репутацией, ведь высказывания лидера неоднократно квалифицировались французским правосудием как попытки отрицать Холокост, разжечь ксенофобию и вражду на расовой почве, дискриминировать отдельные категории населения и т. п. Идеологическую основу деятельности партии составляли резкий евроскептицизм (заинтересованность в скорейшем выходе Франции из Еврозоны и ЕС в целом), антиатлантизм (предложение покинуть НАТО), примат «сильного государства» и, самое главное, намерение практически полностью закрыть страну от иммигрантов. Хотя сам Ж.-М. Ле Пен был убежден в искусственном очернении партии парижским истеблишментом и СМИ, RN все же оставался нерукопожатным без реальных шансов прихода к власти, а в случае достижения

существенного результата на выборах немедленно сталкивался с коалицией всех сил против себя (как в 2002 г.).

В свою очередь, М. Ле Пен, сменившая отца на посту лидера партии, начала последовательно менять ее имидж, отказываясь от наиболее резких положений. Осознавая отсутствие у RN электоральных перспектив в прежнем виде, она стала позиционировать организацию в качестве не столько националистической, сколько «патриотической», консервативной силы, готовой отстаивать республиканские идеалы и интересы широкого круга соотечественников. Отсюда и смена названия, произошедшая в 2018 г.: мирное «объединение» вместо более поляризующего «фронта». Партия начала активнее работать над своей узнаваемостью не только среди различных протестных или маргинальных элементов французского общества, но и в глазах среднего класса и рабочих слоев (Новоженова, 2012). Изменилась медийная стратегия: вместо словесных провокаций крайне правые начали выстраивать для себя образ респектабельных политиков, не позволяющих себе нарочито шокирующих высказываний, – правых, но без крайностей.

В результате этого курса начали эволюционировать, хотя поначалу лишь в деталях, предложения RN по регулированию миграций. Так, в программе М. Ле Пен на выборах 2012 г. еще можно было найти прежние нотки: например, предложения запретить любые уличные манифестации в поддержку нелегальных мигрантов и ввести в юридический оборот понятие «антифранцузский расизм» (отягчающее обстоятельство при совершении преступлений) (Marine Le Pen. *La voix...*). Тогда как в 2017 г. кандидат от RN уже отказалась от этих идей и предлагала в первую очередь сосредоточиться на борьбе с преступностью и исламским фундаментализмом, усилив правоохранительные органы (144 engagements présidentiels...). Показательно, что в обоих случаях миграционный раздел приводился не на первых страницах программных документов, а также делалась привязка к более широкой экономической и социальной тематике, чем подчеркивалось нежелание RN быть «партией одного вопроса». В то же время стоит отметить, что наиболее значимые тезисы в миграционной программе М. Ле Пен и 2012, и 2017 гг. оставались достаточно жесткими, несмотря на попытки «камуфляжа»: 20-кратное (до 10 тыс.) снижение ежегодной квоты на легальную иммиграцию, ликвидация «права почвы», выход из Шенгенской зоны, установление принципа «национальной предпочтительности» при приеме на работу. По наблюдению российского эксперта Е.А. Захаровой, несоответствие между формой и содержанием сохранялось и на протяжении 2018–2020 гг., когда RN, участвуя в местных и европейских выборах, пыталось сместить фокус с миграционной повестки (в частности, меньше освещало ее на своем сайте в пользу иных проблем), не меняя базовые идеологические ориентиры (Захарова, 2020).

Однако анализ предвыборной программы М. Ле Пен, представленной перед выборами 2022 г., показывает, что при подготовке к избирательной кампании данный подход все же был скорректирован. Ключевой идеей в соответствующем разделе ее проекта стало намерение в течение шести месяцев после прихода к власти провести референдум о новой миграционной политике Франции. На голосование предлагалось вынести следующий пакет мер, который, по мнению кандидата, позволит сэкономить для госбюджета 16 млрд евро на социальном обеспечении приезжих:

- введение упрощенного порядка выдворения из страны нелегальных иммигрантов, а также иностранцев, совершивших тяжкое преступление или представляющих угрозу общественному порядку;
- блокирование денежных переводов и выдачи виз гражданам стран, чьи правительства не соглашаются принимать нелегалов обратно;
- прекращение «массовой» легализации незаконно прибывших на территорию Франции за вычетом особых случаев (будут определяться правительством);
- использование правила «национальной предпочтительности» на рынке труда, при обеспечении социальными выплатами и жильем;
- законодательное ограничение практики воссоединения семей;
- рассмотрение запросов на получение убежища не на собственной территории, а в посольствах и консульствах Франции;
- пересмотр Шенгенских соглашений в сторону укрепления внешних рубежей ЕС при сохранении свободного пересечения внутренних границ гражданами стран-членов Союза (M la France...).

Представленные предложения, с одной стороны, говорят о новом смягчении миграционной программы RN по форме: сам проект референдума предполагает поддержку решений М. Ле Пен большинством граждан, что контрастирует с почти ультимативным тоном требований в прежних редакциях партийной программы. С другой стороны, заметны изменения и по существу, ведь каждая идея, ранее способная отпугнуть избирателей, теперь сопровождается различными оговорками. В частности, практику ограничения семей предлагается именно ограничить по неким критериям, но не однозначно упразднить, а «национальная предпочтительность» подается как способ поддержать французские предприятия и снизить безработицу среди граждан Пятой республики. Наиболее резонансные предложения из 2012 и 2017 гг. оказались отброшены или серьезно приглушены – например, снижение миграционных квот или отказ от членства в Шенгенском пространстве. Более того, с началом российской спецоперации на Украине лидер RN положительно отнеслась к приезду украинских беженцев на территорию Франции, указав на необходимость «региональной солидарности» европейских стран (правда, посчитав ситуацию с ними априори отличающейся от прибытия беженцев из Сирии или Афганистана) (Ukraine: Marine Le Pen...). Важной новацией в программе М. Ле Пен стало появление отдельного раздела о заморских департаментах, на которые она в аналогичной степени рассчитывала распространить свои предложения в миграционной сфере (прежде всего, на Майотту, где проблема нелегальных мигрантов стоит наиболее остро), но одновременно самим жителям этих территорий обещала преференции при переезде в метрополию. Основным объяснением данных корректив видится сложившаяся ситуация в предвыборной гонке: необходимость М. Ле Пен бороться за более умеренный правоцентристский электорат («Республиканцев» В. Пекресс), в то время как «чистую» крайне правую риторику в значительной степени перехватил Э. Земмур.

Эрик Земмур: радикал, но не в изоляции?

Основатель новой политической партии «Реконкиста» и дебютант предвыборной гонки, к 2022 г. он был уже весьма хорошо известен французской общественности как яркий, но неоднозначный публицист, колумнист крупных изданий, постоянный участник телешоу по наиболее острым вопросам общественно-политической жизни и автор резонансных книг. Постоянным предметом его высказываний стала защита французской идентичности и традиционных ценностей от влияния леволиберальной идеологии глобального мира и распространения «чуждых» республиканскому строю Франции культурно-религиозных установок. В своих жестких, отчасти даже намеренно провокативных по тональности работах Э. Земмур указывал на чрезмерное, с его точки зрения, влияние феминизма на современное французское общество; пытался реабилитировать фигуру маршала Ф. Петена; констатировал упадок политических элит и их сосредоточенность на личном обогащении вместо национальных интересов (Чихачев А, 2021). Особое внимание он уделял проблеме растущего количества мигрантов и беженцев на территории Франции: в частности, в книге «Французская меланхолия» 2010 г. автор (сам являющийся потомком алжирских евреев) пророчил Пятой республике судьбу Древнего Рима, павшего под напором извне, а в эссе «Франция не сказала своего последнего слова» 2021 г. обозначил «исламское нашествие» в качестве причины большинства проблем страны. Как выявил российский специалист П.П. Тимофеев, мировоззрение Э. Земмура оказалось определено отношением к истории как к борьбе наций за выживание, в связи с чем тот предлагал вернуть государственный контроль над основными сферами жизни: стратегическими отраслями экономики, культурой, семьей – и, прежде всего, строго регулировать миграционные потоки (Тимофеев, 2021). Как и в случае Ж.-М. Ле Пена, высказывания в подобном ключе не раз стоили публицисту судебных разбирательств и штрафов, обвинений в нарушении элементарных норм толерантности и искусственном разжигании исламофобии. Вместе с тем, они позволяли Э. Земмуру неизменно сохранять популярность в медиасреде, что в конце 2021 г. было решено использовать как стартовый капитал для начала политической деятельности.

Стоит заметить, что риторика данного кандидата, при всей ее экстравагантности, удачно наложилась на выросшие в последние годы протестные настроения французских избирателей. Как отмечает Н.Ю. Лапина, неолиберальная социально-экономическая политика Э. Макрона во многом привела к углублению раскола между «победителями» и «проигравшими» от глобализации, когда одна часть граждан встретила в экономический уклад начала XXI в. и пользуется высоким уровнем жизни, а другая – стала жертвой закрытия старых промышленных отраслей, потеряв основные источники заработка (Лапина, 2021). Попытки президента реформировать рынок труда, пенсионную систему, образование, здравоохранение и пр. были восприняты наименее обеспеченными слоями в штыки как стремление добиться благоприятных макроэкономических показателей за счет их и без того скромных доходов. Одновременно к этому добавились поколенческие различия, разрывы между урбанизированной и сельской Францией, зажиточными районами крупных городов и криминогенными пригородами (*banlieues*), практикующими католиками и мусульманами, политическими деятелями и их избирателями и т. д. В результате французское общество стало

представлять собой «архипелаг» (Fourquet, 2019) из оторванных друг от друга социальных групп, потерявших ориентиры для совместной жизни, что не позволяет эффективно отвечать на вызовы глобального мира, а значит, подтачивает и внешнеполитический авторитет Франции. На этом фоне сложился запрос на новую политическую фигуру, которая могла бы поднять вопрос о сохранении французской идентичности или даже о возвращении «былого величия»: именно эту нишу и попробовал занять Э. Земмур.

Как и следовало из его прежней карьеры публициста, в своих предвыборных выступлениях он уделил значительное внимание миграционной тематике. В первую очередь Э. Земмур объявил себя сторонником теории т. н. «великого замещения» – известной конспирологической точки зрения, согласно которой трансатлантические элиты якобы намеренно «заменяют» коренное население Европы мигрантами из Африки и Ближнего Востока ради экономии на рабочей силе. Для противостояния этому процессу кандидат предложил, как и М. Ле Пен, вынести на референдум ряд шагов, среди которых:

- полная отмена «права почвы» и практики воссоединения семей;
- ограничение предоставления убежища на уровне не более 100 человек в год, рассмотрение их заявок за пределами страны;
- более строгий отбор иностранных студентов (в приоритете – специальности, которые могут пригодиться самой Франции);
- введение обязательного залога в 10 тыс. евро для получения французской визы гражданами стран, откуда приезжает наибольшее количество нелегальных иммигрантов;
- выход Пятой республики из Глобального пакта ООН о миграции 2018 г., а также разрыв всех двусторонних соглашений об облегчении иммиграции;
- отмена большинства социальных гарантий и выплат для иностранных граждан из неевропейских стран;
- ужесточение условий получения французского гражданства: увеличение ценза проживания с 5 до 10 лет, требование «превосходного» уровня владения языком, полное отсутствие судимостей;
- создание отдельного Министерства по делам реэмиграции (репатриации), обеспечивающего своевременную отправку нелегалов из страны;
- введение единой школьной формы вне зависимости от вероисповедания детей;
- полный запрет на ношение мусульманских одежд в общественных местах, а также на строительство новых минаретов и крупных мечетей (Pour que la France...).

Очевидно, что, формулируя эти предложения, Э. Земмур ориентировался, главным образом, на электорат М. Ле Пен – ту его часть, которая не была согласна с курсом на смягчение программы и предпочла бы сохранить прежний радикализм. Однако немалый интерес для публициста представляли и правоцентристские избиратели «Республиканцев», многие из которых продолжают ассоциировать себя с экс-президентом Н. Саркози, в свое время внесшим достаточно жесткие поправки в миграционное законодательство (законы 2003 и 2006 гг.) и тоже позволявшем себе высказывания «на грани фола». Характерно, что в ходе предвыборной гонки Н. Саркози так публично и не поддержал кандидатуру от своей партии В. Пекресс, но до известной степени встал на защиту Э. Земмура, упрекнув французскую прессу

в его преднамеренной дискредитации (Nicolas Sarkozy défend...). В качестве своеобразного ответа лидер «Реконкисты» завершил свою избирательную кампанию митингом на парижской площади Трокадеро – на том же месте и в том же стиле, как это делали сам Н. Саркози в 2012 и Ф. Фийон в 2017 годах. Довольно разнородной оказалась и команда Э. Земмура, в которую вошли представители различных правых сил – например, М. Марешаль (племянница М. Ле Пен), Ф. де Вилье (монархист-суверенист), Г. Пельтье (бывший «республиканец»). Как заключает Е.А. Осипов, все это говорило о том, что Э. Земмур рассчитывал, во-первых, «сделать из противостояния умеренных и радикальных идей новый стержень политической жизни Франции», а во-вторых, добиться формирования на своей антииммигрантской платформе «нового полюса французской политики – идентитарного, консервативного и католического, который сможет реально бороться за власть в следующем электоральном цикле» (Осипов, 2021, с. 28).

Сопоставление предвыборных программ М. Ле Пен и Э. Земмура в части миграционной проблематики показывает, что их воззрения содержали как схожие, так и специфические черты. С одной стороны, оба кандидата стояли на отчетливо правых позициях, видя будущее миграционной политики Франции в ограничении числа приезжих. В обоих случаях предлагалось решительно противодействовать религиозному экстремизму, упростить порядок выдворения нелегальных мигрантов, выстраивать более требовательный диалог со странами происхождения приезжих, утвердив новую версию миграционного законодательства путем референдума. С другой стороны, программа М. Ле Пен все же звучала несколько умеренно по сравнению с предыдущими годами, ведь многие предложения сопровождалось смягчающими оговорками, когда речь шла не о полном запрете тех или иных практик или принципов, но лишь об ограничении. В отличие от нее Э. Земмур рассчитывал разыграть «радикальную» карту, ставя вопрос о несовместимости с идеалами Республики не только исламизма, но и ислама вообще, и предлагая более строгие запреты и ограничения.

Следует заметить, что в итоге позиция М. Ле Пен оказалась более удачной, позволив ей выйти во второй тур и набрать там 41 % голосов, тогда как Э. Земмур, получил лишь 7 % в первом туре. В дальнейшем RN сумело развить успех и на июньских парламентских выборах сформировать крупнейшую фракцию за всю свою историю (89 мандатов), тогда как «Реконкиста» не провела в Национальное собрание ни одного представителя. Вследствие этого М. Ле Пен и ее партия закрепились в статусе главной силы на правом фланге, а политическая карьера публициста приостановилась, едва начавшись. Тем не менее, представляется, что само появление такого кандидата, как Э. Земмур, все же не было разовым эпизодом и говорит о сохраняющейся популярности антииммигрантской риторики в «дистиллированном» варианте, без попыток смягчения, у части французского общества. По всей видимости, некоторое ужесточение миграционной политики может стать приоритетом и переизбранного президента Э. Макрона, поскольку в его программе до 2027 г. также содержались отдельные идеи, близкие его оппонентам справа (создание новых пограничных сил, пересмотр правил работы Шенгенской зоны и пр.) (Emmanuel Macron...).

Библиография

1. Годованюк К. Проблема нелегальной миграции через Ла-Манш // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 5. С. 92–98.
2. Еремина Н.В., Чихачев А.Ю. От политики «открытых дверей» до миграционного кризиса: реформирование миграционной политики в коммунитарном и национальном измерениях на примере Великобритании и Франции // Сравнительная политика. 2016. Т. 7, № 4. С. 36–61.
3. Захарова Е.А. От «Национального Фронта» к «Национальному Объединению» во Франции: элементы ребрендинга партии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22, № 3. С. 475–486.
4. Лапина Н.Ю. Общество утраченных иллюзий // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 3. С. 85–112.
5. Новоженова И.С. Франция: Национальный фронт и проблемы иммиграции // Актуальные проблемы Европы. 2012. № 4. С. 97–122.
6. Осипов Е.А. Радикализация французских правых. От провала европейской конституции и «манifestации для всех» до Эрика Земмура // Мировая политика. 2021. № 4. С. 21–28.
7. Потемкина О.Ю. Председательство Франции в Совете ЕС: приоритеты европейские или национальные? // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. № 1. С. 7–16.
8. Стрельцова Я.Р. Современная миграционная политика Франции // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 8. С. 119–126.
9. Тимофеев П.П. К выборам во Франции 2022: Эрик Земмур – скрытая угроза? // ИМЭМО РАН. 09.11.2021. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/for-the-french-elections-2022-eric-zemmour-is-a-hidden-threat> (дата обращения 31.03.2022).
10. Чихачев А. «Феномен Земмура»: новый фактор президентской гонки во Франции // Обсерво. 17.11.2021. URL: <https://obsfr.ru/analytics/blogs/12274/> (дата обращения 31.03.2022).
11. Шумилин А. Франция: республика против «политического ислама» (часть II) // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 2. С. 117–124.
12. 144 engagements présidentiels. 2017. URL: <https://rassemblementnational.fr/pdf/144-engagements.pdf> (дата обращения: 30.03.2022).
13. Emmanuel Macron avec vous. 2022. URL: <https://avecvous.fr/wp-content/uploads/2022/03/Emmanuel-Macron-Avec-Vous-24-pages.pdf> (дата обращения 31.03.2022).
14. Fourquet J. L'archipel français. Naissance d'une nation multiple et divisée. Paris: Seuil, 2019. – 384 p.
15. L'essentiel sur... les immigrés et les étrangers // Insee. 01.03.2022. URL: https://www.insee.fr/fr/statistiques/3633212#Econtinent_radio1 (дата обращения 29.03.2022)
16. Marine Le Pen. La voix du peuple, l'esprit de la France. 2012. URL: https://www.rassemblementnational.fr/pdf/projet_mlp2012.pdf (дата обращения: 30.03.2022)
17. M la France. Mon projet présidentiel. 2022. URL: <https://mlafrance.fr/pdfs/manifeste-m-la-france-programme-presidentiel.pdf> (дата обращения 30.03.2022).
18. Nicolas Sarkozy défend Eric Zemmour face à «l'agressivité de certains journalistes» // Le Figaro. 11.12.2021. URL: <https://www.lefigaro.fr/elections/presidentielles/nicolas-sarkozy-defend-eric-zemmour-face-a-l-agressivite-de-certains-journalistes-20211211> (дата обращения 31.03.2022)
19. Pour que la France reste la France. 2022. URL: https://assets.nationbuilder.com/themes/61c071ce4764e8b1483d1a8c/attachments/original/1648220408/programme_eric_zemmour_presidentielle_2022.pdf?1648220408 (дата обращения 31.03.2022)
20. Présidentielle 2022. Le pouvoir d'achat, enjeu № 1 du scrutin présidentiel // IPSOS. 18.03.2022. Режим доступа: <https://www.ipsos.com/fr-fr/presidentielle-2022/enquete-electorale-vague-7> (дата обращения: 29.03.2022)

СПЕЦИФИКА ДОВЕРИЯ И ТОЛЕРАНТНОСТИ В РЯДУ «МЯГКИХ КУЛЬТУРНЫХ ПЕРЕМЕННЫХ»

Сычев В., студент

МГУ им. М.В. Ломоносова

Москва, Россия

Минаева З., студент

Самарский национально-исследовательский

ун-т им. акад. С.П. Королёва

Самара, Россия

Введение

До рубежа XX-XXI вв. в истории социальных наук продолжался процесс «размягчения» исследовательского инструментария в попытках учёных описать ряд эмпирически неощутимых культурологических феноменов (ценностей, лояльности, солидарности и др.) в этой пёстрой «теоретической мозаике» особое место занимают доверие и толерантность.

Почему же доверительный компонент становится ключевым исследовательским фокусом в современную эпоху? Зачастую, для наступления «этапа рефлексии», социально-исторический контекст должен измениться таким образом, чтобы человечество ощутило резкий дефицит какой-либо «мягкой культурной переменной». Это связано и с самим доверием, переживающим в XXI в. глубокий кризис. Как писал ещё Н. Луман: «В условиях возрастающей социальной комплексности человек может и должен развивать более эффективные способы сокращения сложности» (Luhman, 1979, p. 7). В нынешних условиях увеличения числа как компонентов социальных систем, так и связей между ними, происходит «эрозия доверия», призванного привнести в социальные интеракции долю определённости.

После завершения «холодной войны» и распада идеологических идентичностей на первое место выступили культурные различия отдельных этнических общностей. Если С. Хантингтон заявлял о том, что в возникающем мире отношения не будут тесными и зачастую будут антагонистическими (Хантингтон, 2020, с. 304), то Ф. Фукуяма видел в новом формирующемся мировом порядке потенциал для возникновения «кросскультурного доверия» (Фукуяма, 2004, с. 8-9).

Сегодня распространение недоверчивости, цинизма и беспокойства (Штомпка, 2012, с. 412) связывается с общим трендом глобализации. Так, опосредованное получение информации, анонимность источников, аксиологический плюрализм (Штомпка, 2012, с. 416-417) – всё это вынуждает нас избегать установления рискованных социальных связей с контрагентами. Такая амбивалентная взаимосвязь между прогрессирующими процессами глобализации и доверием была «вылита» У. Беком в концептуальную форму «общества риска» (Beck, 1992), в котором угрозы со стороны научно-технических революций начинают носить глобальный характер.

Нельзя обойти стороной и цифровизацию, несущую в себе ряд потенциальных угроз. Недавние исследования подтвердили наличие негативной корреляции между институциональным доверием и использованием шеринговыми платформами.

Ещё одним «шоковым вызовом» стал «коронакризис». В период пандемии новое звучание приобрела давно сформулированная «трилемма» Дж.М. Кейнса, в которую он включил свободу, справедливость и эффективность. Её смысл состоит в невозможности максимизировать несколько переменных этого уравнения за один раз (Keynes, p. 155–161). И, действительно, объявления демократическими правительствами о начале локдаунов, введение QR-кодов, «прицельная вакцинация» в ряде европейских стран (Австрии, Чехии и Франции) были направлены на поддержание социальной защищённости, которая с трудом пересекается с правом человека на свободу передвижения и экономической эффективностью фирм.

Однако, если ещё 2 года назад центральным инфоповодом в масс-медиа оставалась пандемия COVID-19, то последствия введения российских войск на территорию Украины очертили рамки нового «вызова», угрожающего всему человечеству разрушением и без того хрупких интерцивилизационных доверительных связей. В условиях санкционного бремени, асимметрично распределённого по всему земному шару, становится крайне популярной точка зрения, в соответствии с которой «экзогенный шок» сплотит население в пределах цивилизационных границ и, тем самым, повысит уровень межличностного доверия.

Мы полагаем, что эти взгляды ошибочны ввиду переоценки долгосрочного эффекта образования «негативных коалиций». Если до 1990-х гг. сознание людей определялось антагонизмом «капиталистического» и «социалистического» миров, то после распада Советского Союза и «деидеологизации» постсоветского пространства произошёл переход от «политики идей» к «политике недоверия». Интерперсональные связи, не подкреплённые общими интересами и выстраиваемые исключительно на духовной близости и антиномии «мы-они», распадутся так же быстро, как и сами «негативные коалиции» после «выцветания» образа «врага» в общественном сознании. В долгосрочной перспективе по мере нормализации международной обстановки и «растворения» внешнего мотива для консолидации стоит ожидать, скорее, не укрепления социальных контактов, установленных в кризисное время, а, наоборот, их разрушения как на межличностном, так и на межгрупповом уровнях.

Итак, четыре ключевых «вызова» XXI в. – глобализация, цифровизация, пандемия коронавируса и «украинский кризис-2022» – позволяют обозначить контуры для «экзогенной факторной карты» кризиса доверия на международном уровне, в то время как на «растворение» социальных связей оказывают воздействие и эндогенные факторы, программируемые принципами функционирования демократий. Ещё в 1975 г. Трёхсторонней комиссией был подготовлен доклад «The Crisis of Democracy», в котором развитие демократий описывалось как кризисное ввиду усложнения структуры общества и эрозии традиционных ценностей (Crozier, Huntington, Watanuki, 1975, p. 113).

При этом наибольшие сложности с формированием «культуры доверия» испытывают страны «транзитного периода», которые в условиях модернизации становятся подвержены «всплеску насилия» (Хантингтон, 2004, с. 59) и «глубокому недоверию граждан

к истеблишменту» (Лавриненко, 2014, с. 213). В современной России обостряется проблема «обманутого доверия», вызванного половинчатостью институциональных реформ 1990–2000-х гг. и усиливающимся социальным расслоением (Облонский, 2012, с. 109-110).

В условиях глобального кризиса доверия исследовательское внимание становится всё больше прикованным к негативным последствиям распространения интолерантного поведения в обществе. Сегодня толерантность рассматривается, в первую очередь, как ключевой принцип выстраивания интерперсональных и межгрупповых коммуникаций, который позволяет предотвратить конфликты между различными социальными группами. На наш взгляд, для того чтобы толерантность закрепились в человеческом сознании в качестве общемирового тренда конструирования морального сообщества, необходимо внести терминологическую ясность, теряющуюся в ряду «мягких культурных переменных».

В рамках текущего исследования мы постараемся выявить сущностные характеристики доверия и толерантности как взаимосвязанных социокультурных феноменов, но при этом отличающихся от других моральных категорий.

Топические взаимосвязи между «мягкими культурными переменными»

Несмотря на то, что теоретизация доверия произошла только в последней четверти XX в., о необходимости следовать обещаниям и соглашениям как о «протодоверии» писали Г. Гроций, Дж. Локк.

Уже И. Кант в своей «Метафизике нравов» говорил о существовании «общих норм», следование которым являлось моральной обязанностью каждого человека и закрепляло необходимые предпосылки для сотрудничества между людьми (Пороховская, 2018, с. 61). Таким образом, скорость движения человечества к состоянию «вечного мира», глобального мирового сообщества, напрямую зависит от качества соблюдения моральных обязательств. Э. Дюркгейм несколько позже назвал «кантовские общие нормы» «додоговорным элементом» (Селигмен А., 2002, с. 7-8) любых соглашений. Иными словами, моральные категории «a-priori» задают направление действию человеческих договоров, в которых выражается «согласие воле» сторон, его заключивших. С этим тезисом согласуются и теории «общественного договора» (Т. Гоббс, С. Пуфендорф, Дж. Локк и Ж.-Ж. Руссо), в которых сам конструкт соглашения «всех со всеми» является «додоговорным», определяя лишь базовые принципы взаимодействия между правящими и подвластными.

По всей видимости, одним из первых мыслителей, начавших размышлять не над абстрактными «общими нормами» или, как их называл А. де Токвиль, «интеллектуальными привычками», был Г. Гегель. Немецкий философ писал: «Человеку оказывают доверие, когда уверены в его готовности заниматься с чистой совестью моим делом как своим, прилагая к этому все свое знание» (Гегель, 1990, с. 348). Разумеется, понимание доверия как готовности человека реализовывать чужие интересы как свои сегодня воспринимается в качестве «гипертрофированной формы» моральных обязательств, но уже в XIX в. Г. Гегелем была предпринята попытка осмыслить этот феномен, обособив его от других нравственных категорий. И только в XX в. сущностное наполнение доверия начало приобретать привычную концептуальную форму. Правда, до 1970-х гг. научный термин «trust» ещё не стал расхоже

употребляем. Например, социолог Т. Парсонс, разработавший концепт «двойной контингентности», к которому я ещё обращусь, использовал в своей теории социального действия понятие «неуверенности», а политолог Х. Арендт в работе о человеческой деятельности «*Vita active*» называла «спасительными кругами» именно «обещания» (Арендт, 2000, с. 314–316).

Для понимания феномена доверия нужно расставить основные «понятийные барьеры» между родственными моральными обязательствами, группой других «мягких культурных переменных». Среди них наиболее частая тождественная подмена доверия на иную социальную добродетель происходит по нескольким «терминологическим разломам»: доверие – осведомлённость (*familiarity*), доверие – уверенность (*confidence*), доверие – вера (*faith*) и доверие – духовная близость (*spiritual intimacy*).

Доверие и осведомлённость

«Осведомлённость – это неизбежный факт жизни; доверие – это решение конкретных проблем, связанных с риском» (Luhman, 2000, р. 94-95), – пишет в одной из своих статей Н. Луман. Если учесть тонкости перевода, то у слова ‘*familiarity*’, использованного социологом, есть несколько значений, одно из которых будет звучать как «знакомство». Почему это так важно? Дело в том, что уже сам процесс познания мира растущим ребёнком происходит в терминах «знакомое-незнакомое». «Привыкая» к заботе, оказываемой родителями, ребёнок начинает постепенно их «узнавать» путём «отличения» от других людей, которые с ним часто не контактируют. При этом выработанная «привычка узнавать» с течением времени позволяет человеку не только взаимодействовать со своими близкими без высоких психологических издержек, но и адаптировать под себя «внешний мир», в который рано или поздно оказывается вовлечён ребёнок. По замечаниям Н. Лумана, именно «символы» становятся специфичными «формами самореференции» (Ibid, р. 96), позволяя человеку делать «знакомым» то, что раньше рассматривалось им как «инаковое».

Если раньше типичными «символическими системами» выступали мифы, религии и идеологии, то во II половине XX в. в связи с усложнением социальных систем их место заняли риски, оставляющие широкое пространство для неопределённости, чего себе, безусловно, не мог позволить средневековый фатализм. Это серьёзное обновление «символического инструментария» человечества уже не могло дать однозначных и устойчивых во времени гарантий исполнения любого рода обещаний. Другими словами, «осведомлённость», обращённая в прошлое и основанная на имеющихся знаниях о контрагенте, больше не выступала в роли базисной основы социальных отношений. В условиях существования колоссального числа потенциальных акторов, интересы которых даже при желании невозможно обратить из категории «инакового» в «знакомое», именно доверие стало «мостом» для установления социальных взаимодействий. При этом нельзя сказать, что, доверяя кому-то в определённом деле, мы с ним «не знакомы»: как выразился П. Штомпка, «репутация – как запись совершенных человеком в прошлом дел – является одним из базовых оснований, по которым мы определяем имманентную добросовестность адресатов доверия» (Штомпка, 2012, с. 182). А репутация, в свою очередь, в своей первооснове несёт «осведомлённость».

Доверие и уверенность

Не менее проблематичной для осознания является взаимосвязь «доверия» и «уверенности». Пожалуй, именно на тему различий и переплетений этих двух моральных обязательств написано наибольшее число зарубежных статей о доверии.

По мнению П. Штомпки, уверенность вместе с надеждой составляют «дискурс судьбы» (Штомпка, 2012, с. 80) по той причине, что сами по себе, как пассивные состояния психики, они не принуждают человека действовать. Мы можем быть уверены в том, что завтра наши ожидания не будут разочарованы: что фондовая биржа Лондона не потерпит крах, что ООН не будет ликвидирована странами-учредителями и так далее. Н. Луман назвал бы все данные примеры «надеждой», которая, по его мнению, никогда не требует от человека учёта непредвиденных обстоятельств – он подсознательно уверен в том, что они не произойдут (Luhman, 1979, p. 24). В этом случае у человека нет необходимости просчитывать все возможные риски по одной простой причине – он не может предпринять действий, для того чтобы непосредственно повлиять на ситуации, описанные выше. При этом у человека всегда имеется альтернатива в виде неуверенности, но она сопряжена с активизацией чувства страха за завтрашний день, которое потребует больших затрат психологических ресурсов, чем стратегия умеренно оптимистичного взгляда на жизнь.

Совершенно иная история возникает вместе с установлением межличностной коммуникации. Как показывают многочисленные исследования социологов, «доверие оказывается возможным только в том случае, если возможный ущерб от взаимодействия будет больше, чем преимущество, которое вы намерены получить» (Luhman, 2000, p. 97-98). В ином случае речь идёт о рациональном расчёте, которым общественные отношения не ограничиваются. При условии, что потенциальные потери могут быть значительнее потенциальных бенефиций, человек не будет испытывать уверенности в действиях контрагента. Этому утверждению противоречат слова А. Селигмена о том, что в отношении индивида можно испытывать уверенность, но только в том случае, если он будет следовать своей социальной роли (Селигмен А., 2002, с. 21). Позиция социолога справедлива в отношении средневекового общества, где большая часть социальных отношений зиждилась на нормах (прежде всего, религиозных) и регламентациях, которые необходимы для формирования «дискурса судьбы». Что же касается неопределённого мира современности, где существует множество социальных ролей и рисков, человек становится крайне уязвим и не защищён правилами.

Более спорен другой тезис А. Селигмена, касающийся квалификации «доверия на расчёте» как уверенности в действиях контрагента. Речь идёт о «притязательном доверии», которое мы оказываем чьим-либо действиям, вверяя ему собственную вещь либо обращаясь с просьбой (или требованием) выполнить какую-либо работу за материальное вознаграждение. Как считает А. Селигмен, работу сантехника по починке крана или приглашение няни для воспитания детей следует квалифицировать как уверенность, а не доверие по той причине, что в руках «заказчика» остаётся необходимый набор санкций для предотвращения нежелательного исхода действий (Быкова, 2020, с. 134).

В этом споре мы займём позицию Н. Лумана, Р. Левицки и Б. Банкера, которые считали, что доверительные отношения, не связанные с получением вознаграждения, также могут подкрепляться санкциями при неисполнении обещаний. Например, мы можем подать жалобу на деятельность сотрудников полиции в прокуратуру в том случае, если они будут длительное время бездействовать при наличии заявления о краже средств в особо крупных размерах. Этот случай отличается от классического примера с няней лишь тем, что применение санкций осуществляется не самим «потерпевшим», а внешним третейским органом, в то время как ключевой «идентификатор» доверия – принятие решения в условиях неопределённости – сохраняется. А. Селигмен, на наш взгляд, ограничивает спектр ситуаций, в которых уровень неопределённости чрезмерно высок, как и субъективно ощущаемая разница между всеми «marginal benefits and marginal costs».

Что же происходит с доверием при рассмотрении интеракций между институтами в рамках системы? Сейчас нам хотелось бы обозначить саму проблему сложности «геометрии доверия» при наличии нескольких «полиморфных вершин», с разной плотностью связанных друг с другом. О «системном доверии» писал ещё Н. Луман, понимая под ним уверенность в функционировании сложных систем, имеющих свои «коды» отбора информации, к которым причислял «Истину, Любовь, Власть и Деньги» (Luhman, 1979, p. 48). Однако в более поздних статьях социолог решил отказаться от использования термина «доверие» в отношении институтов и сложных систем, мотивировав это различной природой межличностного и системного типов доверия: если личное доверие содержит ярко выраженный эмоциональный компонент, позволяющий вступать во взаимодействие даже при высоких потенциальных издержках, то системное доверие его лишено и основано преимущественно на «презентационной базе» (Lewis, Weigert, 1985, p. 974).

Другими словами, человек, не обладая достаточной информацией о внутреннем устройстве сложных систем и алгоритме их функционирования (крупных компаний и банков, государственных органов, ТНК и мн. др.), вынужден «доверять» отдельно взятым институтам (университету, фирме, правительству, судам, СМИ и т. д.) или целым «техническим системам» (Гидденс, 2011, с. 67-68) в опоре на экспертное мнение, о чём писал Э. Гидденс, или на внешнюю видимость того, что структуры функционируют должным образом. «Информационный шум» повседневности и дезориентирующее «многоголосье» СМИ с каждым днём всё усиленнее провоцируют в человеке его «отречённую ориентацию» на имманентную эффективность «символических средств обмена», таких как политическая власть, деньги или истина (Lewis, Weigert, 1985, p. 974). В таких условиях доверие, требующее от человека принятия смелых и рискованных решений, поднимаясь на всё более высокий уровень усложнения своего адресата, трансформируется в пассивное ощущение того, что «всё идёт по плану». В свою очередь, потеря этой последней связующей нити между индивидами и системой приведёт ни к чему иному, как к её постепенному разложению и вырождению.

Доверие и Вера

Мы нередко встречаем в заголовках журналов, на рекламных постерах и листовках формулировку «Доверие и Вера». Помимо этого, очень часто приходится слышать, как люди используют в речи глагольные формы «доверять» и «верить» как взаимозаменяемые. Сегодня

большинство исследователей различают данные категории, характеризуя веру как «безоговорочное принятие информации», а доверие как «особое психическое состояние, в котором соединяются позитивная оценка качеств индивидов и уверенность в том, что эти свойства будут проявляться в потенциально возможных ситуациях» (Пушкарева, 2019, с. 154).

Тем не менее, генезис веры и доверия как двух специфичных психологических состояний человека позволил некоторым авторам сделать выводы о том, что определённый параллелизм всё же имеет место быть. Так, лингвист Э. Бенвенист писал о том, что, «когда мы верим, мы доверяем в акте взаимодействия другому нечто, что обычно не отдаётся просто так, и, значит, надеемся на благодарность» (Бенвенист, 1995, с. 127-128). Эту мысль в конце XX в. развил А. Селигмен, который обнаружил точку соприкосновения веры и доверия в «инаковом» характере их адресатов (Быкова, 2020, с. 134). В случае с верой мы сталкиваемся с трансцендентальным образом Бога, сущность которого познать мы не имеем возможности, в связи с чем именно вера становится единственным способом осознания «божественной инаковости».

Если же речь заходит о межличностном доверии, то модель отношений верующего и Бога переносится в «земную плоскость» с сохранением элемента непрозрачности мотивов другого человека и невозможности точно предсказать его действия. Но произошедшая в Новое время «трансформация веры как регулятора общественных отношений в доверие» (Селигмен, 2002, с. 11) до сих пор не позволяет ставить знак равенства между ними ввиду того, что человек, хоть и является в религиозной интерпретации «подобием Божьим», не безгрешен и, что важнее, потенциально познаваем. В отличие от чувственной природы веры, доверие всегда несёт в себе «рациональное зерно» и основывается на человеческой способности оценить «имманентную добросовестность» контрагента.

Доверие и духовная близость

Теперь перейдём к разговору о различии «доверия» и «духовной близости». Пытаясь разрешить этот «спор о терминах», А. Селигмен обращается к понятиям «слабых» и «сильных оценок» Ч. Тейлора: первая группа оценок помогает человеку отбирать желания по их приоритетности для удовлетворения «сиюминутных страстей», а вторая – ранжировать предпочтения в соответствии с моральными (и иными социальными) нормами, разделяемыми представителями определённой социальной группы (Селигмен А., 2002, с. 74-75). В условиях общности «сильных оценок» и возникает ощущение «духовной близости» с другим человеком, о котором писал и М. Оукшот, рассматривавший «идентификационное доверие», прежде всего, сквозь психические процессы эмпатии и чувства эмоциональной схожести партнёров (Оукшот, 2002, с. 114). Однако, на наш взгляд, в случае возникновения «духовной близости» более целесообразно говорить об усиливающей «уверенности» в действиях своего партнёра, поведение которого, скорее всего, будет соответствовать ролевым ожиданиям, сложившимся в конкретной социальной общности. В свою очередь, спрос на доверие появляется лишь в тех ситуациях, когда человек вынужден испытывать неуверенность в отношении действий социального агента, чей набор мотивов остаётся «чёрным ящиком» вплоть до установления интерперсональной коммуникации.

Доверие и толерантность

Итак, на основе сравнения феномена доверия с иными моральными обязательствами можно сделать вывод, что доверие актуализируется лишь при усилении неопределённости, вызванном неспособностью человека заглянуть за «мотивационную ширму» партнёра. Также сопоставление доверия с другими «мягкими культурными переменными» помогает выявить его многогранность как социального феномена. Доверие – сложный объект исследования с точки зрения социологического, психологического и культурологического подходов. Все перечисленные «методологические тактики» могут быть интегрированы в одну благодаря рассмотрению доверия при помощи трёх «срезов»: когнитивного, аффективного и культурного. Иными словами, доверие включает в себя рациональную оценку, личностную предрасположенность и «культуру доверия» (Штомпка, 2007, с. 290).

«Когнитивное измерение» доверия связано с рациональной оценкой «внушённой» и «имманентной» добросовестности партнёра, посредством которой социальный агент аккумулирует имеющиеся у него знания, но ввиду их ограниченности вынужден «активировать» «эмоциональный блок» доверия, «смягчающий» процесс вступления в интеракцию посредством «чувственной компенсации» имеющегося дефицита информации. В свою очередь «культура доверия», представляющая собой систему норм и ценностей, регулирующих исполнение ожиданий, связывает воедино «рациональную оценку надёжности» и «личностный импульс» доверия.

Каким образом с доверием связан феномен толерантности? Советский и российский философ В.А. Лекторский писал о четырех возможных способах проявления толерантности: «толерантность как безразличие», «толерантность как невозможность взаимопонимания», «толерантность как снисхождение» и «терпимость как расширение собственного опыта и критический диалог» (то есть, не только уважение к чужой позиции, но и изменение собственной). Последний подход рассматривается В.А. Лекторским как наиболее применимый к современной ситуации в мире (Лекторский, 1997, с. 14-15).

Помимо этого, такие проявления толерантности на межличностном уровне, как способность различать и признавать границы особого рода, умение конструктивно действовать в «пограничных» ситуациях (Заболотная, Шило, 2003, с. 102–105), ответственность за свои убеждения и поступки, самоуважение и чувство собственного достоинства, находят общие точки соприкосновения с условиями формирования культуры доверия в том или ином обществе.

По мнению польского социолога П. Штомпки, образованию культуры доверия способствуют стабильность общественного порядка (эволюционный характер институциональных изменений), «транспарентность» социальных процессов, привычность социальной среды, чувство социальной ответственности и, наконец, ощущение устойчивой нормативной связи, между такими моральными ориентирами, как добросовестность, порядочность и взаимность, и действиями социальных акторов (Штомпка, 2007, с. 300–305). Как можно заметить, без двух последних факторов становления «общества доверия» – социальной ответственности и нормативной связи – невозможно представить ни одну из существующих моделей толерантного поведения в социуме.

Заключение

В современном мире доверие активно проникает в каждую клетку общественного организма, «смазывая» многочисленные интеракции между субъектами и объединяя под своим «знаменем» родственные моральные обязательства, такие как осведомлённость, духовная близость, уверенность и веру.

С одной стороны, доверие, несмотря на свою специфичность, сочетает в себе многие признаки родственных категорий. Так, оценивая надёжность партнёра, человек опирается на имеющиеся знания о контрагенте, демонстрирующие его предварительную «осведомлённость». В то же время в любом акте доверия, совершаемом в условиях неопределённости и дефицита информации, социальному агенту приходится подсознательно «верить» в то, что его ожидания будут оправданы. Ну, и, разумеется, с наибольшей вероятностью индивид доверится партнёру, разделяющему те же «сильные моральные оценки», что и «доверитель», т. к. «нормативная связь» является базовой предпосылкой для формирования «культуры доверия».

Но, с другой стороны, в отличие от всех других психических состояний, доверие актуализируется лишь при усилении неопределённости, вызванном неспособностью человека заглянуть за «мотивационную ширму» партнёра. В свою очередь, толерантность встраивается в ряд «мягких культурных переменных» при помощи «культурного среза» доверия. Толерантность не просто выступает в роли продукта развитой культуры доверия, но и является одним из инструментов изменения «атмосферы доверия», с помощью которого удаётся преодолевать обострившуюся нетерпимость к этническим, религиозным и иным социокультурным различиям.

Если доверие – это неовеществлённый залог, принимаемый на будущее непредсказуемые действия других людей, то толерантность – это страховка, позволяющая хранить этот «залог» в условиях «общества риска», не нанося ущерб по уже установившимся хрупким доверительным связям.

Разумеется, происходящие процессы глобализации являются неотвратимыми, что погружает человечество в состояние всё большей обеспокоенности за завтрашний день. Тем не менее, у растущей глобальной взаимозависимости есть и обратная сторона. Увеличивающееся по экспоненте число межнациональных контактов и связей требует нашей готовности оказывать доверие как никогда раньше. Международная кооперация приобретает всемирный масштаб. «Экспертные системы» Э. Гидденса – транспорт, энергетика, медиакоммуникации – проникают фактически в каждый уголок земного шара. Помимо этого, новые глобальные вызовы – пандемия коронавируса и обострившаяся в 2022 г. угроза ядерной войны – требуют противостоять им при помощи создания альянсов нескольких государств, способных оказывать друг другу доверие.

Сегодня чрезвычайно важно задумываться над природой кризиса доверия, углубляющегося в обществе XXI в., для того чтобы хотя бы приблизительно определить возможные траектории формирования развитой культуры доверия и «глобального морального сообщества». И даже если этот проект слишком утопичен, это ещё не говорит нам о том, что размышления о глобальном обществе беспочвенны и излишни – наоборот, над этим идеалом можно и нужно

задумываться, предпринимая необходимые усилия для постепенного приближения человечества к идеальной модели «делиберативного мироустройства».

Библиография

1. Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни / Х. Арендт; пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина. СПб: Алетейя, 2000. – 437 с.
2. Бенвенист Э. Доверие и вера // Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. – 456 с.
3. Быкова О.Е. Феномен доверия в философии Адама Селигмена // Этическая мысль. 2020. Т. 20. № 1. С. 130–141.
4. Гегель Г. Философия права / Г. Гегель; пер. с нем. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
5. Гидденс Э. Последствия современности / Пер. с англ. Г.К. Ольховикова, Д.А. Кибальчича. М.: Праксис, 2011. – 352 с.
6. Заболотная Г.М., Шило И.Н. Толерантность и доверие – социальные ориентиры современного общества // Вестник ТГУ. 2003. № 1. С. 102–105.
7. Лавриненко А.А. Недоверие к политическим институтам как стимул к развёртыванию тенденций ретрадиционализации // Актуальные проблемы и перспективы инновационного развития современной России. 2014. С. 213–220.
8. Лекторский В.А. О толерантности // Философские науки. 1997. № 3-4. С. 14–17.
9. Оболюнский А.В. Гражданское недоверие как предпосылка политического развития // Общественные науки и современность. Гражданское общество и правовое государство. 2012. № 5. С. 101–111.
10. Оукшот М. Вавилонская башня // Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи. М., 2002. – 288 с.
11. Пороховская Т.И. Доверие как моральный феномен // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Том 4 (70). 2018. № 1. С. 56–64.
12. Пушкарева Г.В. Доверие в публичном пространстве государственного управления // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 76. С. 151–175.
13. Селигмен А. Проблема доверия / А. Селигмен; пер. с англ. М.: Идея-Пресс, 2002. – 256 с.
14. Токвиль А. де. Демократия в Америке. Книга вторая / Электронная библиотека «Гражданское общество в России». https://www.civisbook.ru/files/File/Tokville_Democracy_2.pdf (дата обращения: 19.03.2022).
15. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. М.: Издательство «АСТ», 2004. – 730 с.
16. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
17. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / [пер. с англ. Т. Велимеева]. М.: Издательство «АСТ», 2020. – 640 с.
18. Штомпка П. Доверие – основа общества. / Петр Штомпка; пер. с пол. Н.В. Морозовой. М.: Логос, 2012. – 440 с.
19. Beck U. Risk Society, Sage, London. 1992. – 272 p.
20. Crozier M., Huntington S., Watanuki J. The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. New York: New York University Press, 1975. – 272 p.
21. Keynes J.M. The dilemma of modern socialism // The Political Quarterly, 3, 2. P. 155–161.
22. Lewis J.D., Weigert A. Trust as a Social Reality // Social Forces. Volume 63:4. 1985. P. 967–985.
23. Luhman N. Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives, in Gambetta, Diego (ed.) Trust: Making and Breaking Cooperative Relations, electronic edition, Department of Sociology, University of Oxford, chapter 6. 2000. P. 94–107.
24. Luhman N. Trust and Power. Great Britain by Pitman Press, Avon. 1979. – 235 p.

ВЛИЯНИЕ ПОВЫШЕНИЯ ИНКЛЮЗИВНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА на МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ: ЕВРОПА и БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Рубцов В.А., Осокин А.В., студенты, СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

Сегодня миграционный вопрос является наиболее острым для европейского общества. Учитывая нынешние события, наплыв украинских беженцев в государства ЕС привел к серьезным обсуждениям внутри научных и политических кругов и поставил под вопрос нынешнюю миграционную политику. То же самое случилось и в 2015 г., в разгар миграционного кризиса, когда сотни тысяч беженцев с Ближнего Востока (Сирия, Йемен, Ирак, Афганистан и др.) прибыли в большинство европейских стран. Неоднозначная политика европейских правительств по отношению к беженцам стала одной из причин обострения ситуации внутри европейского общества.

Рост преступлений, активизация террористических групп (Излученко, 2017), наметившаяся популярность праворадикальных идей, казалось бы, должны были заставить граждан ЕС более критически относиться к проводимой политике по приему беженцев. Однако, несмотря на очевидное противодействие со стороны общества, большинство граждан приняло и даже поддержало подобные шаги собственных правительств. Главная причина – это распространение идей инклюзивности. Именно это явление создало такую ситуацию, в которой оказалась Европа. Поэтому изучение данной темы имеет важное значение, актуальность изучения обуславливается вышеперечисленными факторами.

Приведем один интересный факт. Согласно данным на 2020 г. от Центрального реестра иностранцев ФРГ, более 400 000 мигрантов с Ближнего Востока указали 1 января как свой день рождения в документах, выданных германским государством. Причина таких решений кроется в том, что некоторые мигранты либо потеряли собственные документы и соответственно не могут доказать свою дату рождения, либо намеренно указывают такую дату для получения необходимых денежных выплат в новом году. Перед тем как непосредственно перейти к основной части статьи необходимо проанализировать использованные при написании работы источники и литературу.

Авторы в ходе исследования использовали актуальную источниковую базу и библиографию. Особый интерес безусловно представляет монография Э. Саида «Ориентализм», принципы которой позволяют проследить процесс восприятия Западом восточной цивилизации, преимущественно Ближний Восток. Разбор ориенталистского дискурса важен для понимания толерантности и инклюзивности в европейском обществе на современном этапе. Не менее важными являются исследования В. Барановского и В. Наумкина, целью которых является исследование политического и экономического положения Ближнего Востока в XX и XXI вв. Особый акцент ставится на отношения с европейскими государствами и США, что позволяет выявить тенденцию принятия ближневосточными мигрантами идей толерантности и инклюзивности.

Научные работы Г. Монусовой и М. Савоскула предоставляют полезную информацию о реакции европейского общества на миграционные процессы. Так, в последней работе на примере ФРГ можно четко проследить как менялись предпочтения и приоритеты европейцев в миграционной сфере и тот результат, который мы наблюдаем сегодня. Работа Г. Монусовой, основываясь на социологических исследованиях в разных государствах-членах Европейского союза, тоже повлияла на данную статью.

Монография Т.В. Излученко «Неэтнические мусульмане как фактор радикализации ислама» разбирает вопросы безопасности, преступлений и терроризма в европейском обществе на фоне миграционного кризиса последнего десятилетия. Эти сведения в свою очередь опять-таки позволяют понять отношение обычных европейцев к мигрантам и ответить на важный вопрос: почему граждане ЕС смогли смириться с наплывом мигрантов и не выступили активно против политики своих правительств?

Говоря об источниках, сразу нужно сказать, что их огромное количество в информационном пространстве. Новости СМИ, сводки и отчеты различных государственных ведомств, рекомендации некоммерческих организаций – вот лишь небольшой список. В данной работе были использованы преимущественно официальные источники. Информация Европейской комиссии как главного исполнительного органа ЕС дает общее представление о сформировавшейся миграционной политике ЕС и принципах инклюзивности. Грубо говоря, определение понятия «инклюзивность» и ее составных частей, направлений содержится именно в официальных документах ЕС.

Lucía Salgado и Liam Patuzzi как авторы доклада о продвижении инклюзивности среди мигрантов проанализировали огромный массив информации за последние годы и более детально представили европейский взгляд на процессы инклюзивности и толерантности. Были затронуты образование, культура, спорт, социальная сфера, экономика, рабочие места. Немаловажную роль в докладе занимает место адаптация детей мигрантов в европейском обществе, вопрос их коммуникации с европейскими гражданами в этнически и культурно чуждых им условиях. Такие вопросы были рассмотрены и в отчете организации «European foundation for the improvement of living and working conditions», где представлены вопросы культурного разнообразия в социальной сфере. Сформулированы также методы по улучшению адаптации мигрантов и повышения их уровня жизни (зарплаты, пенсии, льготы).

Статья государственного информационного агентства РИА Новости позволила ознакомиться с темой демократизации в странах Ближнего Востока. Вопрос демократизации безусловно играет важную роль в миграционных процессах и зачастую определяет выбор многих ближневосточных граждан покинуть родину и переехать в европейские государства. Статья содержит актуальную информацию об исторических этапах развития данного явления на Ближнем Востоке, затрагивает Арабскую весну как катализатора масштабных процессов в 2011–2013 гг. Присутствует здесь и собственная оценка автора текста о причинах провала демократии и роли Запада на Ближнем Востоке.

В совокупности вышечисленные источники и литература дают уникальную возможность провести собственный анализ и достичь цели данной работы.

Инклюзивность является важной частью социально-культурной политики Европейского союза. Под инклюзивностью следует понимать включение в общество кого-либо или чего-либо. Понятие используется как в гендерном, так и этническом смысле. В нашем случае речь идет как раз о культурно-этнической составляющей, то есть вовлечении, а затем и становлении частью европейского общества ближневосточных мигрантов.

Популярность инклюзивности напрямую зависит от процесса глобализации. В Европе данный принцип глубоко укоренился в сфере образования, культуры, экономики и т. д. (Exploring the diversity of NEETs, 2016). Высшие органы власти ЕС, включая Еврокомиссию, сами публично поддерживают этот тренд, утверждая, что инклюзивность – это путь к благополучию и сплоченности европейских государств (European Commission, 2020).

На уровне общеевропейских структур разработано большое количество проектов по включению в европейское общество мигрантов. Созданы специальные комиссии, фонды, оказывается и консультационная помощь беженцам (Salgado, Patuzzi, 2022). Более того, само население терпимо относится к приезжим иностранцам, что косвенно подтверждает популярность идей инклюзивности. Так, например, в Германии 46 % жителей выступают за прием мигрантов (Монусова, 2017). Конечно, есть группа стран, в которых большая часть граждан негативно настроена, однако на общеевропейском уровне говорить о такой тенденции не представляется возможным.

Принцип инклюзивности в полной мере проявил себя как раз во время миграционного кризиса 2015 г. Через Средиземное море в Европу прибыло рекордное количество мигрантов. Несмотря на то, что ЕС в целом справился с наплывом беженцев, идея инклюзивности столкнулась с серьезными препятствиями, включая сопротивление отдельной группы стран. Венгрия, Австрия и Греция оказались противниками идеи неконтролируемой миграции через свои границы, приняв ряд ограничительных мер в виде закрытия границ и выдворения беженцев.

Более того, сама миграционная политика Европы оказалась фактически в парализованном состоянии. Европейские стандарты миграционных процедур не были готовы к подобному повороту событий. Отсутствие политической воли и единого плана действий заставили страны действовать самостоятельно, исходя из собственных национальных интересов.

Однако вопросы, связанные с миграцией, все же удалось благополучно решить, а точнее принять сложившуюся реальность. Реформирование системы, заключение договоров о размещении мигрантов в Турции, выделение дополнительных финансовых средств оппозиционной группе стран смягчили ситуацию, дав шанс на жизнеспособность принципу инклюзивности (Toute l'Europe, 2016). Надо понимать также, что без многолетней работы по распространению инклюзивных идей и их укоренению в сознании европейца достигнутый результат не был бы возможен.

Глобализация, научно-технический прогресс, следование принципу толерантности на уровне общества и власти привели фактически европейское общество в такую ситуацию, при которой мысленные конструкты «Я-Другие» становятся менее значимыми факторами в установлении межличностных отношений с мигрантами.

В этом контексте следует упомянуть ориентализм, который был, пожалуй, главным научным направлением, определяющим отношения Запада с Востоком. Книга Эдварда Саида «Ориентализм» заложила основы ориенталистского дискурса (Саид, 2006, с.311). Ориентализм – это определенный образ мышления, согласно которому Запад занимает руководящую роль для Востока. Сам Восток, по интерпретации Саида, является лишь репрезентацией западного цивилизованного общества и не может претендовать на самостоятельность и эксклюзивность как в политике, так и в культуре. Подобная дихотомия между Западом и Востоком привела к созданию таких мысленных конструкций как «Я-Другие».

Однако ориентализм не проявляет себя лишь в дискурсе. Европа до недавнего времени была подвержена и ориентально-колониальному образу мышления. Мигранты в соответствии с данным образом рассматривались не как полноценные участники общественных процессов, но как люди, которые «просят милостыню» у развитых государств. Это нашло отражение в негативном и предвзятом отношении ко всем жителям Ближнего Востока, что послужило причиной маргинализации мигрантов в европейском обществе. Им было сложнее получить достойную оплату за свой труд, сложнее ассимилироваться. Однако в последнее десятилетии ситуация изменилась коренным образом.

Ограниченность ориенталистского дискурса и невозможность объяснить и встроить в свою концепцию современные явления снизили популярность ориентализма. Отрицать факт самостоятельного развития азиатских государств, их экономический подъем не представляется возможным. Те же государства Ближнего Востока на сегодняшний день продемонстрировали колоссальные успехи в экономике (Катар, ОАЭ, Кувейт, Саудовская Аравия) и способность организовать собственные региональные организации, например, Лигу арабских государств.

Другими словами, используя терминологию сторонников ориентализма, Восток перестал быть репрезентацией цивилизованного Запада. Следовательно, это обозначает несостоятельность концепции «Я-Другие», а совокупности с идеями инклюзивности сам ориентализм становится порицаемым как в научном сообществе, так и среди граждан европейских стран. Ориентализм потерял свою актуальность и значимость.

Идеи инклюзивности безусловно не ограничиваются лишь европейским обществом. Процессы вестернизации и глобализации увеличили масштабы этого явления и на Ближний Восток. На протяжении всего XX века западное присутствие на Ближнем Востоке занимало определяющее место. Участие в создании самих государств, финансовые инвестиции, торгово-экономические отношения предоставили гражданам Ближнего Востока познакомиться с западными ценностями, о которых раньше они и не знали. Важную роль сыграл и научно-технический прогресс, создавший новую систему коммуникаций между ближневосточными странами и Европой.

Примечателен и тот момент, что имел место эффект привыкания к присутствию иностранных игроков в ближневосточном регионе. В области безопасности Ближний Восток в основном полагался на тот же самый Запад, а именно на США. Ближневосточные государства имели постоянный запрос на обеспечение собственной безопасности, а значит мы говорим и о зависимости региона от Запада (Барановский, Наумкин, 2018). Когда США

запустили процесс свертывания своего военного присутствия, государства Персидского залива выразили серьезное недовольство по поводу этих шагов.

Можно утверждать, что ключевой особенностью ближневосточных государств было наличие сильной зависимости от внешних акторов в области и культуры, и образования, и безопасности. Все это в совокупности логическим образом привело к усвоению идей инклюзивности самими гражданами ближневосточных стран. Сформировался образ привлекательной для жизни Европы, в которой ближневосточных граждан примут с радушием и их будет ждать успех в жизни. В свою очередь, этот фактор мотивирует людей к эмиграции.

Основными мотивами переселения граждан на европейский континент являются отсутствие значимых демократических реформ в собственных странах и вооруженные конфликты. Последний аспект, конечно, не вызывает никаких вопросов. Люди бегут от войны и голода, спасаются от многочисленных террористических организаций, что, собственно, и стало причиной разразившегося миграционного кризиса в 2015 г. (война в Сирии). Вопрос о демократизации на Ближнем Востоке более сложен, так как, несмотря на проблемы, определенные успехи на этом пути государства достигли.

Очень много обсуждалась тема расширения прав женщин в Саудовской Аравии на фоне разрешения властей Эр-Рияда получать женщинам водительские права. Подобные дискуссии велись вокруг и других стран. Однако говорить о полноценной демократизации очевидно не представляется возможным.

Большое количество попыток проведения преобразований было предпринято либо при посредничестве, либо под давлением Запада, что привело к неэффективности сложившейся конструкции (РИА Новости, 2007). «Арабская весна» как волна свержений диктаторских режимов не привела к установлению прочных демократических институтов как на Западе. Яркими примерами являются Ирак и Тунис. Упустим причины подобных неудач. Важен сам факт – демократизация провалилась. При этом само население очень хорошо знакомо с подобными принципами политического устройства через опять-таки процесс вестернизации и глобализации. Единственным вариантом оказаться в таком обществе выступает эмиграция.

Не менее важным аспектом выступает и само отношение европейского общества к мигрантам. Отношение изменялось на протяжении многих десятилетий до тех пор, пока инклюзивность не стала краеугольным камнем общественной жизни. На примере той же Германии видно, что в 1980-е гг. мигранты воспринимались совершенно по-другому. Не предпринимались попытки встроить их в европейскую общность, обладание политическими правами вообще не обсуждалось (Савоскул, 2020, с. 91). Более того, сама процедура приема беженцев не была должным образом разработана. Отсутствовали единые европейские стандарты в области миграционной политики.

В настоящее время таких ограничений фактически нет. Инклюзивное общество европейских государств принимает мигрантов охотнее, чем несколько десятков лет назад.

Таким образом, из вышеперечисленного можно сделать следующий вывод – повышение уровня инклюзивности европейского общества способствует активизации миграционных процессов Ближний Восток – Европа. Главными факторами-ускорителями выступают

вестернизация и глобализация, вооруженные конфликты и провал демократизации на Ближнем Востоке. Осознанный выбор европейским обществом принципа инклюзивности и превращения его в главный пункт европейской политики сам привел к той ситуации, в которой оказалась Европа в миграционном плане. Несет ли в себе негативные риски или позитивные изменения? Однозначного ответа на этот вопрос на данный момент нет.

Библиография

1. Барановский В., Наумкин В. Ближний восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62, № 3. С. 5–19.
2. Излученко Т.В. Неэтнические мусульмане как фактор радикализации ислама // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neetnicheskie-musulmane-kak-faktor-radikalizatsii-islama> (дата обращения: 13.11.2022).
3. Монусова Г. Что думают о мигрантах в Европе // НИУ ВШЭ. 2017 г. URL: <https://iq.hse.ru/news/204070771.html> (дата обращения: 12.11.2022).
4. РИА Новости. Демократизация и реформы на Ближнем Востоке – взгляд из России, 18 октября 2007. URL: <https://ria.ru/20071018/84371310.html> (дата обращения: 10.11.2022).
5. Савоскул М.С. Иммиграция в ФРГ во второй половине XX века. // *Вестник Московского Университета*. 2020. Серия 5. № 6. С. 91.
6. Саид Э.В. *Ориентализм*. Санкт-Петербург: Изд-во «Русский Миръ», 2006 – с. 311.
7. European Commission. Inclusion of migrants and refugees in cities. URL: https://commission.europa.eu/eu-regional-and-urban-development/topics/cities-and-urban-development/priority-themes-eu-cities/inclusion-migrants-and-refugees-cities_en (дата обращения: 14.11.2022).
8. Exploring the diversity of NEETs / European foundation for the improvement of living and working conditions. – Dublin, 2016. – 63 p.
9. Salgado L, Patuzzi L. Promoting the Inclusion of Europe’s Migrants and Minorities in Arts and Culture // European Commission. 2022 г. URL: https://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/mpie_europe-art-culture-inclusion_final.pdf (дата обращения: 13.11.2022).
10. Toute l’Europe: Migrations: le borbier européen // *Toute l’Europe, Open diplomacy*. – 2017. URL: <https://www.touteleurope.eu/societe/migrations-le-borbier-europeen/> (дата обращения: 09.11.2022),

ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ И НАЦИОНАЛИЗМ в ИЗРАИЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОЯВЛЕНИЯ, ПРИЧИНЫ и РОЛЬ РЕЛИГИИ

Корочкина В.А., к. пед. н., ст. препод., СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

В 1995 г. ЮНЕСКО утвердила «Декларацию принципов терпимости», в которой 16 ноября было провозглашено Международным днем толерантности. На следующий год Генеральная Ассамблея ООН предложила государствам-членам ежегодно проводить день толерантности, приурочивая к нему тематические мероприятия, направленные на развитие межкультурного диалога, расового взаимопонимания и межнационального мира. Международный день толерантности почти совпадает с Международным днем против фашизма, расизма и антисемитизма, который был учрежден в память о трагических событиях «Хрустальной ночи» в нацистской Германии в 1938 г., когда в ночь с 9 на 10 ноября произошел еврейский погром, положивший начало Холокосту – системному уничтожению еврейского народа. Вячеслав Кантор, президент Европейского еврейского конгресса и Европейского совета по толерантности и примирению, Фонда «Всемирный форум памяти Холокоста» и др. организаций, считает, что Катастрофа случилась не в вакууме, а стала «логическим исходом манипулируемой атмосферы антисемитизма, нетерпимости и ксенофобии». В 2011 г. он опубликовал книгу «Манифест о безопасной толерантности», в которой рассматривает причины многочисленных системных кризисов современного мира и предлагает способы их разрешения на основе разработанной им глобальной концепции безопасной толерантности. В частности, он считает необходимым «увековечить память о Холокосте, которая должна стать предметом не только учебников истории, но и свода законов, запрещающих отрицание Катастрофы и итогов Второй мировой войны в каждой стране Европы и остального мира» (Толерантность..., 2012).

Историческая канва и осознание трагедии еврейского народа тем более контрастирует с ситуацией в современном Израиле, который периодически на протяжении многих лет выступает в качестве объекта критики в связи с периодами эскалации не только межэтнического конфликта (с палестинцами на оккупированных территориях и в секторе Газа, а также с израильскими арабами внутри страны), но и этнической нетерпимости внутри еврейского общества, проведением правыми правительствами политики и принятия законодательства, нередко повышающего градус интолерантности в обществе.

В 2011 г. Великобритания выразила обеспокоенность тем, что законодательство Кнессета, направленное против меньшинств и правозащитников, отражает «растущую атмосферу нетерпимости в израильском обществе». В своем первом ежеквартальном отчете по Израилю за 2011 г. (Отчет по Израилю дополняет ежегодный документ под названием «Права человека и демократия: отчет Министерства иностранных дел и по делам Содружества за 2010 г.», который частично посвящен 26 странам, вызывающим озабоченность в отношении прав человека, включая Израиль).

Великобритания раскритиковала закон Кнессета об изъятии средств у НПО, участвующих в мероприятиях, посвященных Дню Накбы (ежегодно отмечается палестинцами 15 мая, на следующий день после даты основания Государства Израиль). Критике подвергся прошедший на тот момент в первом чтении законопроект, предусматривающий штрафы для израильских граждан, которые участвуют или поощряют бойкот Израиля, включая еврейские поселения на Западном берегу реки Иордан. Поднимались вопросы о задержании палестинских детей в возрасте до 12 лет и о сносе Израилем бедуинских домов и деревень в Негеве. В отчете Израиль подвергся критике за действия в секторе Газа (который с 2007 г. контролируется движением ХАМАС), Восточном Иерусалиме и на Западном берегу реки Иордан (частично управляется Палестинской национальной администрацией), включая продолжение там строительства еврейских поселений. Озабоченность британцев вызвала также неспособность палестинцев отказаться от насилия и злоупотреблений в палестинских тюрьмах. ХАМАС был обвинен в несоблюдении прав человека в секторе Газа и в продолжающихся ракетных обстрелах территории Израиля (UK worried by 'Israeli intolerance', 2011).

Наиболее резонансным внутри и за пределами страны стало принятие Кнессетом в 2018 г. Основного закона, провозгласившего то, что «Израиль – национальное государство еврейского народа, в котором он реализует свое естественное, культурное, религиозное и историческое право на самоопределение», причем реализация этого права в Государстве Израиль «принадлежит исключительно еврейскому народу» (Основной закон..., 2018).

Критики считают, что закон является не иначе как расистским, недемократическим и апартеидным, еще более раскалывает израильское общество и нарушает права национальных меньшинств. Сторонники настаивают на своевременности и важности закона для будущего еврейского государства. Йоаз Хендель, руководитель Института стратегии сионизма (The Institute for Zionist Strategies), поддержал закон как естественный сионизм: «В первые десятилетия существования государства не было необходимости определять, кем мы являемся. Когда вы находитесь под постоянной угрозой, слова бессмысленны. Теперь мы больше не находимся под угрозой существования, страна процветает, но демография меняется. Опасность в будущем: если мы не определим, кто мы есть сейчас, будущие поколения начнут сражаться друг с другом» (Reasons to affirm Israel's Jewish character, 2018).

По состоянию на 2021 г. евреи составляют 74,2 % (или 6 943 000 чел.) в стране, в которой всего проживает 9 391 000 чел. Израильскими гражданами являются 1 982 000 арабов – 21 % от общего количества населения, и около 466 000 чел. или 5 % «других» (не евреев и не арабов) (Израиль в цифрах..., 2021).

Сегодня для иудеоцентричного Израиля характерны следующие тенденции: столкновения по многим вопросам между светскими евреями и ортодоксальной частью общества; споры по поводу того, кого считать евреем – тех, кто является таковым по Галахе, нормативному праву в иудаизме, или по Закону о возвращении от 1950 г.; противостояние между разными течениями иудаизма; разница в занимаемом положении в еврейском социуме и противоречия между ашкеназами, сефардами, мизрахим, фалаша, выходцами из стран бывшего СССР, т. н.

«русскими»; между «еврейским сектором» в целом и тем, что называется «другими» и «арабским сектором», включающим представителей разных народов.

Все это негативным образом сказывается на жителях иммигрантской страны. В качестве иллюстрации государственной политики в сфере межэтнических отношений можно упомянуть экс-главу МВД Израиля (2016–2021) и лидера ультраортодоксальной партии ШАС Арье Дери. В 2019 г. в ходе предвыборной кампании он заявил, что «ШАС с Божьей помощью будет продолжать сохранять еврейский [по Галахе – авт.] характер Государства Израиль». Помимо этого, он назвал репатриантов из бывшего СССР «недостаточными евреями» и «свиноедами», обвинил их в попытках незаконного проникновения в Израиль, а также в том, что они мешают жить религиозным сефардам – традиционному электорату его партии. Тогда же он сделал еще одно заявление, которое получило широкий резонанс в Израиле, но осталось совершенно не замеченным на официальном уровне в России (невозможно представить молчание в Израиле, если бы подобное произошло в отношении евреев в нашей стране). Он признал, что МВД проверяет репатриантов из России и стран СНГ на еврейство с помощью ДНК-тестов (Дери дает задний ход, 2019).

Националистическая сущность государственной политики, проявляющаяся, в частности, в деятельности (регулирующего и отслеживающего иммиграционные потоки, решающего вопросы гражданства и въезда/выезда из страны) МВД на протяжении десятилетий, и принятии Кнессетом законодательства, придающего исключительный статус одной этно-религиозной группе, привела к беспрецедентной по степени эскалации межэтнической напряженности внутри страны в мае 2021 г.

О привилегиях по этническому принципу и растущей в Израиле религиозной нетерпимости шли дискуссии, и звучала критика на протяжении многих лет, в том числе из других стран. В частности, Пол Р. Пиллар, аналитик Центрального разведывательного управления (ЦРУ) по Ближнему Востоку и Южной Азии (Paul Pillar) сравнил религиозную нетерпимость среди израильских ультрарелигиозных общин с мусульманскими фундаменталистами, в том числе в окружающих Израиль арабских странах. По его мнению, «они так же прилагают усилия по навязыванию широкой общественности своих конфессиональных предпочтений и дискриминируют по половому признаку с целью ограничения и порабощения женщин».

Растущую нетерпимость в Израиле Пол Р. Пиллар объясняет очень высокой рождаемостью среди ортодоксальных общин и, как следствие, ростом их политического веса в стране. К тому же это происходит в государстве, которое определяет свое существование с учетом лишь одной религии и этнической принадлежности. Это подразумевает второсортный статус последователей других религий и даже направлений иудаизма, а также наделяет властными полномочиями представителей господствующего в стране ортодоксального иудаизма. В качестве примера американский аналитик приводит инциденты у Западной Стены (Стены плача) в Иерусалиме. Дело в том, что, согласно ортодоксальному толкованию, Галахи, женщинам запрещено там молиться вместе с мужчинами, а во время молитвы – читать вслух свитки Торы. Молиться женщинам, даже раввинам, «на мужской манер» (то есть накладывать тфилин, трубить в шофар) также запретил своим постановлением раввин Стены Плача

Шмуэль Рабинович. Представители (и представительницы) реформистского течения иудаизма с таким толкованием Торы не согласны. Несмотря на то, что женщинам для молитвы выделен отдельный участок Стены, свитков Торы там нет, поэтому они пытаются пронести свои, что неоднократно приводило к столкновениям с ультраортодоксами (Новая угроза коалиции, 2021).

Тревожным бывший аналитик ЦРУ считал то, что за этим стоит сила государства, и поведение полицейских, получающих государственную зарплату, способствует распространению такой нетерпимости. Таким образом, «ирония заключается в схожести поведения религиозных фундаменталистов в Израиле и в странах с мусульманским большинством. В то время, когда израильтяне опасаются усиления политической роли исламских фундаменталистов в соседних странах, их собственная государственная власть, как правило, поддерживает или одобряет похожее поведение». Такой «наиболее нетерпимый аспект жизни на Ближнем Востоке является частью отклонения Израиля от ценностей, которых придерживается его сверхдержавный покровитель, Соединенные Штаты. Принятие общих ценностей всегда было главным аргументом в пользу исключительного покровительства, оказываемого Израилю» (Israel's Growing Intolerance, 2013).

Продолжая сравнение с США, Пол Р. Пиллар отмечает в Израиле наличие проблемы свободы прессы. Израильская военная цензура сильно ограничивает то, что может быть сообщено широкой общественности. Для справки, в последнем индексе свободы прессы (World Press Freedom Index 2021) организации «Репортеры без границ», Израиль занимает 86 место из 180 стран мира, а Соединенные Штаты – 44-е место (World Press Freedom Index 2021).

Что касается гендерного равенства, «влияние религиозного фундаментализма в Израиле может ухудшить положение женщин», – считает П.Р. Пиллар. Наиболее серьезной проблемой называется отсутствие политических прав для всех, независимо от этнической принадлежности или религии, т.к. «целые этно-религиозные группы на территории, контролируемой Израилем, ограничены в политических правах» (World Press Freedom Index 2021).

Израильские мыслители и ученые, признавая наличие нетерпимости и национализма в израильском обществе, анализируют его истоки и характерные проявления.

Д-р Шломо Фишер (основатель и директор «Йесодот» – Центра изучения Торы и демократии), руководил выпуском учебников по еврейской истории для израильских средних школ. Он преподает в Еврейском университете в Иерусалиме и в колледжах для учителей религии (Бейт Мораша). Он является членом Форума исследований израильской культуры и общества в Иерусалимском институте Ван Лира (The Van Leer Jerusalem Institute). Среди его наиболее известных книг: «История евреев в исламских странах в современный период» (Иерусалим, 1990 г.); Коллективное изгнание и индивидуальное искупление: хасидизм и еврейское просвещение (Иерусалим, 1988 г.); Еврейское общество в период Второго Храма (Иерусалим, 1985).

из Еврейского университета в Иерусалиме (The Hebrew University of Jerusalem) исходит из того, что еврейский сектор израильского общества в целом можно разделить на две группы, противостоящие друг другу по вопросам политики, культуры, самоопределения и самой

природы израильского социума. Одна из них – светская, либеральная (с момента образования государства в 1948 г. до 1977 г. являлась государственнической с социал-демократической направленностью), «левая» в контексте арабо-израильского конфликта, состоит преимущественно из ашкеназов, лиц европейского происхождения, характеризуется высоким уровнем образования и дохода, и принадлежностью к высокостатусным профессиям. Другая – традиционалистская и (ультра)ортодоксальная, «правого» толка, в основном представлена выходцами и их потомками из североафриканских или ближневосточных стран, отличается гораздо более низким уровнем образования и дохода, а также занятостью в менее престижных профессиях (Fisher, 2003).

По его мнению, «основания для нетерпимости коренятся в природе Завета, организующего общество святости и справедливости. Нетерпимость направлена на отдельных лиц или группы, которые нарушают заветные принципы библейского или еврейского общества и тем самым мешают ему реализовать природу, данную ему БОГОМ. В Библии заветное общество является всеобъемлющим; оно не признает того, что называется публичной и частной сферами».

Согласно Ш. Фишеру, корни конфликтных взаимоотношений в израильском обществе уходят в модель секуляризации, характерной для евреев Восточной Европы и их палестинского ответвления. Революционный «светский» сионизм в Восточной Европе в 19 в. предложил традиционному галахическому еврейскому образу жизни различные реконструкции еврейской цивилизации, тем самым запустив динамику конфронтации. В результате того, что революционному сионизму удалось создать в Палестине еврейское национальное Государство Израиль, в котором «левые» обладали светской монополией до 1977 г. (хотя и в более или менее демократическом государстве), ортодоксальный иудаизм занял оборонительно-консервативную позицию. «Однако сионизм, – продолжает Ш. Фишер, – имел двойственную природу. Помимо свершения социокультурной революции в еврейской жизни, это также национальное движение, которое стремилось защитить целостность еврейского общества и продвигать еврейские национальные интересы в условиях противостояния внешним врагам, будь то арабским антисемитам или антисионистам. Таким образом, как в случае с Польшей и Ирландией, религия и национализм идут рука об руку. Следовательно, сионизм (в его узконационалистической форме) пользуется религиозной и националистической кумулятивной легитимацией в широких кругах традиционалистско-ортодоксальной общественности. Вследствие конфликтной биполярной природы израильского общества религия в Израиле имеет оборонительный и консервативный характер с непроницаемыми границами. В то же время из-за непрекращающегося противостояния внешним врагам значительная его часть готова легитимировать националистическую активность, даже если в ней участвуют светские элементы. Однако по большей части эта легитимация, которую можно назвать терпимостью, достаточно условна; она сильно зависит от таких факторов как ощущение первородства (духовного превосходства) и националистических настроений» (Fisher, 2003).

Напомним, что в Израиле религия (ортодоксальное направление иудаизма) не отделена от государства. Более того, учитывая, что секуляризм и религиозность – своего рода

идеологические доктрины, выполняющие политические функции и зачастую превращающиеся в нечто более глубокое и всепроникающее, что называется идентичностью, последнее десятилетие свидетельствует о том, что концепция секуляризма в этой стране провалилась.

Ш. Фишер отмечает, что в силу наличия в иудаизме культурных кодов, с их упором на «святое общество», публичная сфера становится главной ареной еврейского культурного и религиозного самовыражения, а частная – ареной светского или нерелигиозного бытия. Публичная сфера построена на религиозных символах и правилах. Все чаще формулируется требование относительно того, что государство должно разрешить и даже способствовать личным свободам, особенно в вопросах равенства или справедливости. Таким образом, полагает Ш. Фишер, Израиль все больше стремится к модели терпимости, но не в протестантском и особенно в американском стиле. По его мнению, еврейское государство никогда не будет одинаково относиться ко всем религиям и конфессиям, и некоторые индивидуальные свободы останутся ограниченными, в отличие от ситуации в тех же США. С другой стороны, в Израиле легче поддерживать республиканские или коммунитарные формы солидарности. Наконец, Израиль в вопросе толерантности представляется ему интересным примером «интерактивной» модели развития и модернизации (Fisher, S., 2003).

Согласно Ури Раму из израильского Университета им. Бен-Гуриона (Ben-Gurion University of the Negev), если до 1967 г. (до Шестидневной войны, в результате которой Израиль, помимо Синайского полуострова и Голанских высот, оккупировал Западный берег реки Иордан и сектор Газа) или начала 1970-х гг. связь между национализмом и религией в сионизме была в лучшем случае неявной, то после ситуация изменилась. Их слияние в политической сфере проявилось в 1977 г., когда левая партия «Авода» была отстранена от власти правоцентристским «Ликудом» (во главе с Менахемом Бегинном). Основными избирателями этой новой политической силы были ашкеназские религиозные националисты из среднего класса, которые в то время были в значительной степени представлены национально-религиозной партией МАФДАЛ (в 2008 г. была реорганизована в партию «Еврейский дом»), а также традиционно и националистически настроенные избиратели-мизрахим (выходцы из ближневосточных арабских стран, Ирана, Афганистана, Грузии, Азербайджана, Дагестана, Индии, Эфиопии и даже Китая) из низшего класса. В течение 1980-х гг. многие мизрахим и сефарды (потомки изгнанных из Испании и Португалии в 1492 г.) усилили или, скорее, политизировали традиционалистские, а также «этнические» аспекты своей идентичности и стали приверженцами представлявшей их интересы ультрарелигиозной партии ШАС.

Еще одним важным изменением стало сближение государства и ортодоксальных религиозных сил. Партии, представляющие ультрарелигиозный сектор, сочли необходимым войти в коалицию с «Ликудом», чего они избегали, пока «Авода» находилась у власти. В 1990-х гг. Биньямин Нетаньяху, новый лидер «Ликуда», проводил кампанию под лозунгом «Нетаньяху – это благо для евреев». Его «коалиция меньшинств» представляла все антилевые маргинальные группы в Израиле, за исключением арабов: евреев-мизрахим, новых репатриантов из России, религиозных националистов и харедим (членов

ультраортодоксальных еврейских общин). Таким образом, общепринятым стало отождествление «левых» с секуляризмом, а «правых» с еврейскими религиозными силами.

Связь между этнической принадлежностью и религиозностью в Израиле ярко выражена и имеет важное политическое значение. Мизрахим, как правило, значительно более религиозны, чем ашкеназы. Пятьдесят процентов мизрахим – «традиционалисты», по сравнению с 19 % ашкеназов; только 9 % мизрахим являются «нерелигиозными», «несоблюдающими» или «антирелигиозными» по сравнению с 34 % ашкеназов; 78–86 % мизрахим верят в Бога по сравнению с 49–52 % ашкеназов (Ram, 2008).

Важное с политической точки зрения убеждение в том, что «еврейский народ» является «избранным народом», поддерживают 62–69 % мизрахим по сравнению с 35–36 % ашкеназим.

«Русских» У. Рам выделяет в категорию, которая не подчиняется обычным «социологическим правилам» израильского общества, согласно которым национализм и определенные формы иудаизма имеют тенденцию к смешиванию. В то время как обычно «левые» или либерализм и секуляризм ассоциировались друг с другом, в случае с «русскими» возник новый феномен в виде тенденции к правому национализму в сочетании с убежденным секуляризмом. Семьдесят процентов «русских» являются «нерелигиозными» по сравнению с 47 % израильских старожил.

У. Рам делает вывод, что «в Израиле еврейство превратилось в националистический территориальный культ. Такие понятия как «земля» и «нация» стали первичными принципами новой еврейской религиозности, отодвигающей БОГА и религиозную веру как таковую на третье место. Наблюдается процесс не сакрализации национализма, а, наоборот, национализации религии. Еврейство в Израиле полностью преобразовалось из «религии определенной нации» в «национальную религию» (за исключением некоторых небольших ультраортодоксальных анклавов, которые все еще цепляются за свое традиционное неприятие сионизма)» (Ram, 2008).

Таким образом, если 70 лет назад считалось, что сионистский национализм предложил жизнеспособную современную светскую альтернативу традиционному религиозному еврейскому коммунизму, то в современном Израиле религия тесно переплетена с национализмом. Поэтому гипотетически секуляризация этой страны возможна при условии ее денационализации или трансформации этнического национализма в гражданский национализм, то есть, при условии отказа от еврейской сущности государства и превращения его в государство всех его граждан. Иными словами, пока Израиль является еврейским (что зафиксировано в упомянутом выше Основном законе о нации), он не станет светским государством (Ram, 2008, p. 58).

Учитывая, что концепция национализма со временем видоизменялась, представляется целесообразным исходить из того, что национализм как таковой определяется чувством гордости и общей идеологией, которая объединяет людей в этно-религиозную группу или национальное государство. Однако национализм может принять разрушительную форму в случае культивирования чувства национального превосходства по отношению к представителям других этносов и обоснования права на одностороннее навязывание другим своих политических и прочих ценностей, а также религиозных убеждений. Израиль является

одним из примеров того, что современный глобализированный мир не избавился от национализма и нетерпимости. Националистические настроения используются в политических целях как внутренними, так и внешними силами, что чревато конфликтами и препятствованием развитию общества. В условиях иудеоцентричной и одновременно иммигрантской по сути страны это может привести к межэтнической и социальной напряженности внутри сложносоставного и основанного на шатком балансе израильского общества.

Тем не менее, мейнстримовские деятели и представители академического сообщества обосновывают неизбежность для Израиля его националистической сущности. В этом контексте следует упомянуть книгу израильского философа Йорама Хазони «Добродетель национализма» (The Virtue of Nationalism, 2018), ставшей «Консервативной книгой года 2019». Отметим, что Й. Хазони – президент Института им. Герцля (The Herzl Institute), иерусалимского научно-исследовательского и учебного центра, который стремится внести свой вклад в возрождение еврейского народа и Государства Израиль. ¹Институт пытается достичь поставленной цели путем обновления, разработки контента и развития ряда научных областей: еврейская политическая мысль, еврейская философия и теология, история еврейских идей в христианском и исламском мире, история сионизма и государства. Израиль (The Herzl Institute, 2020). Израиль в ближневосточном и азиатском контексте, природа человека и философская психология, философия науки, еврейско-христианский альянс, новый антисемитизм, высшее образование и университетский учебный план, еврейское образование и учебная программа. Он приводит доводы в пользу национализма, «проблемы нашего времени», рассказывая о том, как «английские, голландские, шотландские и американские протестанты возродили любовь Ветхого Завета к национальной независимости, и как национализм оградил их от видения мировой империи, продвигаемого германокатолическими императорами Священной Римской империи. Именно протестантское конструирование политического мира принесло национальную свободу народам от Польши до Индии и от Израиля до Эфиопии». «Однако с 1960-х гг. ситуация начала развиваться не в пользу идеала национальной независимости. «Глобалисты» в Америке и Европе теперь возлагают ответственность за две мировые войны и Холокост на неограниченное национальное самоопределение. Они утверждают, что «глобальное управление» в своей основе имеет благие намерения. Продвигая его, они вызвали ненависть, на которую не рассчитывали: старая война между протестантскими националистами и католическими универсалистами, которая разрушила большую часть Европы в 17 веке, вспыхнула вновь». Й. Хазони утверждает, что «ввиду возобновившегося столкновения между национализмом и универсализмом придется сделать выбор: либо мир независимых государств, либо обновление идеала универсальной империи, что неизбежно означает американскую империю». Автор сравнивает имеющиеся варианты и предполагает, что для достижения свободы необходима борьба за сохранение мира независимых наций (The Virtue of Nationalism, 2018).

В свою очередь отметим, что в идеале национализм противопоставляется глобализации как нечто негативному и «захватническому». В этом смысле его функция заключается в защите от чужеродного проникновения в национальный организм с целью его физического и духовного

порабощения. Израиль при этом в лице консервативно настроенной и (ультра)религиозной части общества, формирующей политический истеблишмент, ставит национализм выше глобальных ценностей понимаемых универсально. Если благодаря этому и удалось сплотить значительную часть еврейского общества, то уж точно не позволило сблизиться с 21 % населения страны – израильскими арабами, не считая 5 % т. н. «других». Для сравнения в России такие националистические настроения и тем более политика на государственном уровне с наделением одной этно-религиозной группы исключительным статусом невозможна по определению, так как это приведет к разрушению страны. В России делается упор на величии страны как многонациональной общности во всем ее многообразии.

Библиография

1. Новая угроза коалиции: компромисс Либермана по Стене Плача разозлил религиозные партии // Детали. 09.11.2021. <https://detaly.co.il/novaya-ugroza-koalitsii-kompromiss-libermana-po-stene-placha-razozlil-religioznye-partii/> (дата обращения: 28.03.2022).
2. Израиль в цифрах накануне Рош а-Шана 5782: Отдельные данные за 2021 г. (השנתיים מהלוחות נבחרים נתונים 2021). URL: <https://www.cbs.gov.il/he/mediarelease/Pages/2021/-ראש-ערב-במספרים-ישראל-2021-השנה-תשפכ-נתונים-נבחרים-מהלוחות-השנתיים.aspx> (дата обращения: 28.03.2022).
3. Основной закон: Израиль – национальное государство еврейского народа. URL: <https://knesset.gov.il/laws/ru/yesodru16.pdf> (дата обращения: 29.03.2022).
4. Толерантность: как сделать совместное существование безопасным? // МК.Ru. Израиль. 16.11.2012. URL: <https://mkisrael.co.il/articles/2012/11/16/775448-tolerantnost-kak-sdelat-sovmestnoe-suschestvovanie-bezopasnyim.html> (дата обращения: 29.03.2022).
5. Fisher, S. Intolerance and tolerance in the Jewish tradition and contemporary Israel. March 2003. *Journal of Human Rights* 2(1):65–80. DOI: 10.1080/1475483032000054969
6. Israel's Growing Intolerance // Consortium News. 14.02.2013. URL: <https://consortiumnews.com/2013/02/14/israels-growing-intolerance/> (accessed March 29, 2022).
7. Paul Pillar. URL: <https://nationalinterest.org/blog/paul-pillar> (accessed March 31, 2022).
8. Ram U. Why Secularism Fails? Secular Nationalism and Religious Revivalism in Israel / *International Journal of Politics Culture and Society*. December, 2008. P. 69. DOI 10.1007/s10767-008-9039-3 (accessed March 29, 2022).
9. Reasons to affirm Israel's Jewish character // *The JC*. 26.07.2018. URL: <https://www.thejc.com/comment/columnists/reasons-to-affirm-israel-s-jewish-character-1.467722> (accessed: 28.03.2022).
10. The Herzl Institute – <https://herzlinstitute.org/en/> (accessed June 2, 2020).
11. The Virtue of Nationalism (2018) // The Herzl Institute – <https://herzlinstitute.org/en/publications/the-virtue-of-nationalism/> (accessed March 29, 2022).
12. UK worried by 'Israeli intolerance' / *Jerusalem Post*. 01.04.2011. URL: <https://www.jpost.com/international/uk-worried-by-israeli-intolerance> (accessed March 29, 2022).
13. World Press Freedom Index 2021. URL: <https://rsf.org/en/ranking#> (accessed March 31, 2022).

РОЛЬ ЯЗЫКОВОГО АСПЕКТА В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В ЛИТВЕ

Старовойтова С., аспирант, СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

Интеграция национальных меньшинств в современном многонациональном мире является одной из наиболее актуальных тем, особенно для государств, где проживают различные национальные меньшинства. Таким государством является Литовская Республика. Национальные меньшинства в Литве играют немаловажную роль, так как по данным переписи населения 2021 года 13,6 % населения Литвы идентифицируют себя как представители национальных меньшинств и лица нелитовского происхождения; 84,6 % населения Литвы считают себя литовцами (Lietuvos Respublikos gyventojų ir būstų surašymo rezultatai, 2021). На протяжении последних 10–15 лет литовские социологи подчеркивают важность существования культурного многообразия и анализируют проблемы, которые могут возникнуть ввиду отсутствия терпимости «к другому» (Марцинкявичюс, 2017).

Согласно концепции мультикультурализма У. Кимлики, все индивиды заинтересованы в том, чтобы прожить хорошую жизнь, и права у них на это одинаковые. Особой важностью, по мнению У. Кимлики обладает наличие (и концентрация) «социетальной культуры» (под социетальной культурой У. Кимлика понимает культуру, которая обладает свойством воспроизводства и является общей для этнокультурной группы, более или менее организованной институционально и занимающей некую территорию (считающуюся «родиной»), имеющую общую историю и язык). Чем больше у группы проявляется социетальная культура и меньше добровольное пребывание в отличной в культурном плане среде, тем на более широкие права она может рассчитывать (Kymlicka, 2009).

В современных исследованиях по социальной интеграции большое внимание уделяется интеркультурализму. Интеркультурализм воспринимается как концепция, возникшая в центре постмультикультуральной дискуссии. Такие организации как Совет Европы, ЮНЕСКО и Европейская комиссия провозгласили интеркультурализм в качестве нового дискурса социальной интеграции (Voikova, 2017). Интеркультурализм ставит перед собой целью создать общесоциальные модели интеграции, в которых основной ценностью обладают уважение прав человека и демократии. Концепция интеркультурализма характеризуется наличием дискурсивной практики изменений, которая ставит перед собой целью достижение результата и его сохранение в долгосрочной перспективе. По мнению А. И. Куропятник и М.С. Куропятник, «признавая культурное разнообразие, ценность культурного наследия, интеркультурализм, тем не менее, отказывается от определения социального статуса на основе культуры, когда «право быть равным» обращается в «право быть другим», а взаимная сегрегация этнокультурных сообществ приводит к актуализации культурного, а не социального капитала» (Куропятник, Куропятник, 2018). Поэтому, интеркультурализм следует воспринимать как набор дискурсивных практик, в соответствии с которыми основной упор делается на открытый диалог в обществе. С помощью диалога решаются вопросы

трансформации общества, а также использования форм культуры и социальности, выраженных в деятельности различных акторов (культурных, этнических).

В современных исследованиях, рассматривающих вопросы интеграции национальных меньшинств, большое внимание уделяется историческому контексту, а именно, взаимодействию различных культур и идентичностей, начиная с существования Великого Княжества Литовского (Bumblauskas, 2010). Современные исследования подчеркивают изменения отношения исследователей к юго-восточному региону Литвы, в котором сконцентрирован большой процент представителей других национальностей. Ранее данный регион рассматривался как источник межэтнического напряжения, однако, на данный момент все больше исследователей пишут о регионе как об уникальной по культурному разнообразию территории Литвы (Марцинкявичюс, 2017). Таким образом, современные исследования способствуют пересмотру укоренившихся в политическом и общественном сознании стереотипов, создают почву для рассмотрения многокультурности Литвы как уникального явления.

Важно отметить, что национальный вопрос в Литве стал особенно актуальным в начале 1990-х годов. Это произошло благодаря восстановлению независимости литовского государства после распада СССР. Литовское государство не заинтересовано в ассимиляции национальных меньшинств и не преследует этого. Много делается для того, чтобы представители национальных меньшинств сохранили свою национальную самобытность, культуру и обычаи. Так, политика государства в области защиты прав национальных меньшинств направлена на: финансирование ремонта памятников и культовых сооружений национальных меньшинств; организацию дней культуры для различных национальных меньшинств в целях сохранения их культуры и доведения ее до сведения большинства населения; финансирование различных проектов учреждений национальных меньшинств; подготовку учителей литовского языка для школ меньшинств; проведение различных языковых исследований и др. Однако, несмотря на помощь государства в сохранении культурных особенностей национальных меньшинств, литовские политики неоднократно подчеркивают, что представители национальных меньшинств являются гражданами Литвы, поэтому, независимо от национальности, все граждане страны должны быть полноправными членами общества, следовательно, хорошо владеть государственным языком, а также с уважением относиться к символам литовской государственности и литовской культуре.

Одним из главных факторов успешной социальной и экономической интеграции в Литве является свободное владение литовским языком. Государственный литовский язык рассматривается литовскими властями как один из основных факторов, который способствует социальной и экономической интеграции. Согласно А. Ашмантасу, государственный язык был и останется одной из самых важных вещей, большая часть которых, как ожидается, станет реальным материалом для образования молодого поколения (Ašmantas, 2005). Литовский язык является основным инструментом интеграции, поэтому система образования национальных меньшинств нацелена на то, чтобы выпускники школ с языком преподавания национальных меньшинств свободно владели литовским языком. Анализируя ситуацию комплексно, в большей степени делается акцент на том, чтобы все представители

национальных меньшинств свободно владели литовским языком. Поэтому, чаще всего представители других национальностей прекрасно владеют литовским, следовательно, редко испытывают трудности в общении на литовском языке.

Чаще всего национальные меньшинства, проживающие в крупных городах Литвы, интегрируются в литовское общество через общение со сверстниками на литовском языке еще в детстве или подростковом возрасте. Это происходит посредством посещения дополнительных кружков, в которых общение и преподавание происходит на государственном языке. В данном случае, концентрация в крупных городах Литвы большой численности литовско-говорящего населения позволяет национальным меньшинствам в детстве без проблем выучить язык. Однако, следует отметить, что представителям национальных меньшинств, которые переселились в города, в которых преобладает литовско-говорящее население, из населенных пунктов, в которых превалирует то или иное национальное меньшинство, интеграция удастся при наличии определенных трудностей. Чаще всего данные сложности заключаются в наличии акцента при общении на литовском языке, что создает определенные комплексы.

Важно отметить, что стремление государственных структур обеспечить национальным меньшинствам хорошее владение государственным литовским языком создает другую проблему, а именно, проблему плохого знания своего родного языка. Особенно эта проблема наблюдается у представителей польского меньшинства. Это происходит ввиду нехватки педагогов, а также ввиду отсутствия правильной польской речи вокруг. У представителей русского меньшинства данная проблема не наблюдается. Некоторые представители национальных меньшинств отдают своих детей в литовские школы, где они успешно интегрируются. Однако результатом данной интеграции становится факт, как данным детям потом удастся сохранить свои культурные особенности (например, читать, писать на их родном языке или знать историю развития их культуры). Чаще всего такие представители польского меньшинства пользуются современными технологиями: интернет-ресурсами, а также средствами массовой информации на польском языке в Литве, принимают участие в культурных мероприятиях на своем родном языке, чтобы поддерживать и сохранять свои культурные и языковые особенности.

Рассматривая вопрос интеграции в литовский рынок труда, М. Рамонене отмечает «Рабочая среда является важным и разнообразным социальным контекстом, в котором раскрываются отношения между языком и обществом через повседневное общение, устную интеграцию и другие аспекты. Язык играет все более важную роль в рабочей среде постиндустриального общества, где распространено использование прямого общения между собеседниками с разными социальными ролями, например, работодатель-сотрудник, руководитель-подчиненный, работник-клиент, а также знание и использование определенного языка является обязательным» (Ramonienė, 2011). Таким образом, языковые навыки и коммуникативные способности становятся наиболее важными в современном обществе совместно с развитием сферы услуг, где правильное общение с людьми всегда было и остается одним из важнейших требований к работникам. Кроме того, исследования демонстрируют, что литовский язык является основным языком в литовском бизнесе, однако, знание других

языков также является преимуществом (Klimanskis, Ivanauskas, Kazėnas, Keršanskas, Legatas, 2017). В целом, в Литве применяются серьезные требования к владению литовским языком при трудоустройстве. Если в частном секторе по решению работодателя еще можно трудоустроиться без знания литовского языка, то в государственном секторе это невозможно.

Несмотря на улучшение ситуации в вопросе владения государственным языком (20 лет назад данная проблема была наиболее остро выражена), все же одной из главных трудностей при интеграции в литовский рынок труда исследователи называют недостаточное знание литовского языка (Okunevičiūtė-Neveauskienė, Gruževskis, Moskvina, 2007). Молодые люди (до 29 лет) и лица, обладающие высшим образованием, оценивают свои знания литовского языка оптимистичнее, нежели чем лица со средним и более низким уровнем образования. Лица старшего возраста (50 лет и старше) явно видят в этом проблему интеграции в рынок труда, поэтому, они более ограничены, например, им сложно эмигрировать в другие города Литвы с целью трудоустройства. У таких людей возникает вопрос о личной безопасности. Они часто не реализуют имеющийся у них потенциал, так как не хотят покидать безопасное для себя сообщество.

Важно отметить, что на территории юго-восточной Литвы существуют города и районы, в которых преобладает польское или русское меньшинство. К таким городам и районам можно отнести город Шальчининкай и Шальчининкайский район, где компактно проживает польское национальное меньшинство. Немалый процент представителей польского меньшинства проживает в Вильнюсском районе. В городе Висагинас компактно проживают представители русского меньшинства. Исходя из этого, важно учитывать, что для интеграции в определенной местности юго-восточной Литвы необходимо знание как государственного языка, так и местных традиций общения и языковых компетенций. Следовательно, важность многоязычия определяется как структурным контекстом, так и реальностью местного контекста, т. е., многокультурность.

Следует отметить, что представители национальных меньшинств, которые проживают в городах или районах, где превалирует то или иное меньшинство, более предрасположены к одной культуре, отражающей их национальные особенности. Однако, представители национальных меньшинств, проживающие в крупных городах Литвы, где сконцентрирован высокий процент литовско-говорящего населения, сочетают в себе две разные культуры, например, литовскую и польскую и при этом, чувствуют себя комфортно в данном состоянии. Данный аспект носит положительный окрас, так как проживая в Литве, люди могут быть частью двух культур.

Таким образом, языковой аспект играет весомую роль в интеграции национальных меньшинств применительно к кейсу Литвы. В стране созданы условия для сохранения культурной идентичности национальных меньшинств, однако главным фактором успешной интеграции в различных сферах является владение литовским языком. Языки, используемые национальными меньшинствами также необходимы для интеграции в юго-восточном регионе Литвы. Следовательно, в Литве созданы условия для проявления культурного разнообразия, которое необходимо рассматривать как ценность, способную обогатить культурную составляющую государства.

Библиография

1. Куропятник А.И., Куропятник М.С. Интеркультурализм: постмультикультуральный дискурс социальной интеграции // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2. С. 250–261.
2. Марцинкявичюс А. Интеграция этнических меньшинств в контексте современной этнополитики Литвы (2010–2015 гг.). // Этнографическое обозрение. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН. 2017. № 2. С. 39–53.
3. Ašmantas A. Tautinis ugdymas ir tautos kultūra. Spauda, 2005. – 198 p.
4. Bokova I. Foreword. Interculturalism at the Crossroads. Comparative Perspectives on Concepts, Policies and Practices. Ed. by F. Mansouri. Paris: UNESCO Publishing, 2017.
URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000248066> (дата обращения: 02.10.2022).
5. Bronusaite J. Lietuvių ir lenkų tautinių mazumų integracijos procesas Lietuvoje ir Lenkijoje: 1990 – 2010 m. Lyginamoji analizė. Magistro baigiamasis darbas. 2010. URL: <https://gs.elaba.lt/object/elaba:1831530/> (дата обращения: 02.10.2022).
6. Bumblauskas A. Lietuvos Didžioji Kunigaikštija ir jos tradicija. – Vilniaus universiteto leidykla, 2010.
URL: <https://etalpykla.lituanistikadb.lt/object/LT-LDB-0001:B.03~2010~1367174479524/B.03~2010~1367174479524.pdf> (дата обращения: 03.10.2022).
7. Frejūtė-Rakauskienė M. The Role of voluntary organisations in constructing the common identity and mobilising of Polish community in Southeastern Lithuania // Polish Political Science Review. 2015. Т. 3. P. 17–34.
8. Kymlicka W. Multicultural odysseys: Navigating the new international politics of diversity // Contemporary Political Theory. 2009. Т. 8. № 1. P. 106–110.
9. Klimanskis S., Ivanauskas V., Kazėnas G., Keršanskas V., Legatas Š. Tautinės mažumos Lietuvoje: studija / Rytų Europos studijų centras. V. 2017.
URL: https://tmde.lrv.lt/uploads/tmde/documents/files/Tautines%20mazumos%20Lietuvoje_papildyta%20studija.pdf (дата обращения: 03.10.2022).
10. Lietuvos Respublikos 2021 metų gyventojų ir būstų surašymo rezultatai [Электронный ресурс] URL: <https://storymaps.arcgis.com/stories/d7ac6efa3e99480992e956f440a1b3ec> (дата обращения: 01.10.2022).
11. Okunevičiūtė-Neverauskienė L., Gruževskis B., Moskvina J. Tautinių mažumų nedarbas bei jo mažinimo prielaidos Lietuvoje // Filosofija. Sociologija. 2007. V. 18. N. 4. P. 23–36.
12. Ramonienė M. Kalbų vartojimas darbe didžiuosiuose Lietuvos miestuose // Lietuvių kalba. 2011. N. 5.
URL: <https://www.zurnalai.vu.lt/lietuviu-kalba/article/view/22804/22046> (дата обращения: 04.10.2022).
13. Šliavaitė K. Kalba, tapatumas ir tarptautiniai santykiai Pietryčių Lietuvoje: daugiakultūriškumo patirtys ir iššūkiai kasdiniuose kontekstuose // Lietuvos etnologija. 2015. P. 27–51.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90025.

**РОССИЯ и ЗАПАД:
СОВРЕМЕННОСТЬ
и УРОКИ ИСТОРИИ**
**RUSSIA and THE WEST:
MODERNITY
and THE LESSONS
of HISTORY**

РОССИЯ и ЗАПАД: СОВРЕМЕННОСТЬ и УРОКИ ИСТОРИИ *RUSSIA and THE WEST: MODERNITY and THE LESSONS OF HISTORY*

SOFT-TECHNOLOGIES КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ТОЛЕРАНТНОСТИ в ПОЛИТИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ (на примере курса ООН «Цели устойчивого развития»)

Пруель Н.А., проф. д. соц. н., СПбГУ,
Рубцова М.В., д. социол. н., СПбГУ,
Меньшикова Г.А., к. экон., н., СПбГУ,
С.-Петербург, Россия

Введение

Немного о дефинициях

Бесспорно, всех радует возросшая культура поведения современных людей. Толерантность и доброжелательность стали паттерном поведения для большинства, включая россиян. Хотелось бы распространения этого свойства современного взаимодействия и на другие виды коммуникации.

Не вдаваясь в обзор подходов древних философов, прежде всего из-за его слишком широкого подхода, т. е. готовности ученых включить в него слишком широкий спектр этических норм: любовь к людям (Ж.Ж. Руссо), уважение к законам и государству (Ш. Монтескье), признание прав и свобод других людей (М. Вольтер). Бесспорно, они важны и близки по социальной роли и формам проявления к толерантности, но думается, что для «чистоты понимания» лучше выделить конкретный, узкий подход. При этом нужно помнить, что в различных языках термин толерантность/терпимость содержит разное наполнение в виде того, что терпеть и когда. Так, исходя из переводов, арабский язык предполагает широкую трактовку, обозначающую общее терпение отличий другого, испанский – акцентирует внимание на признании правомочности других мыслей и взглядов, французский – право на другие поступки и манеру поведения и т. д.

Приведем трактовку термина, предлагаемую в социологическом словаре: «Толерантность (от лат. *tolerantia* – терпение) – англ. *tolerance; toleration*; нем. *Toleranz*.

1. Терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям. 2. Выносливость по отношению к неблагоприятным эмоциональным факторам. 3. Отсутствие или ослабление реагирования на к.-л. неблагоприятный фактор в результате снижения чувствительности к его воздействию» (Большой Толковый социологический словарь).

Рост гуманизации современного общества серьезно подкорректировал распространение этого свойства межличностного общения. Во-первых, он сделал его массовой нормой поведения, дополнив его обязательным сопровождением вежливостью, доброжелательностью.

Во-вторых, переориентировал с пассивных форм проявления на активные, выражающуюся в готовности помочь, подсказать. В-третьих – инициировал распространение этих норм на другие сферы, включая политику. Цель нашей статьи, оценить готовность к применению норм терпимости в международных отношениях, используя факты и данные, агрегируемые аналитиками курса ООН «Цели устойчивого развития» (ЦУР).

Напомним, что ЦУР – это третий этап курса на устойчивость. Как общее направление социально-экономической политики стран мира, его идеи стали формироваться благодаря работам Римского клуба. Сам термин «устойчивое развитие», предполагающий такой рост экономики, который одновременно обеспечивает удовлетворение разумных потребностей людей, но при этом не нарушает природного равновесия, впервые был использован комиссией ООН по окружающей среде и развитию (руководимой Гру Брудтланд) в 1983 г.

На начальном (первом) этапе – его можно идентифицировать как общую линию на устойчивое развитие – рекомендации ООН не оказывали существенного влияния на социально-экономическую политику стран, но способствовали созданию ряда международных организаций, которые инициировали включение экологических проблем в область управления и научного (общественного) обсуждения.

Второй этап или «Цели развития тысячелетия (ЦРТ) (2000–2015)» стал более конкретным, имплементированным в механизм управления и контроля. Были сформулированы 8 целей: ликвидировать нищету, обеспечить всеобщее начальное образование, содействовать равноправию полов, сократить детскую смертность, улучшить материнское здоровье, бороться с ВИЧ и другими заболеваниями, способствовать преодолению экологического кризиса. Согласно опубликованному отчёту, удалось добиться значительных успехов и многие поставленные цели были выполнены.

Третий этап начался в 2015 году, что было декларировано в резолюции Генассамблеи «Повестка дня на период до 2030 года» и в итоговом документе «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Он предлагает всем странам мира изменить траекторию своего развития с экономики на более широкий спектр задач, включая социальные, экологические и др. Договор с ООН подписали 166 государств, т. е. подтвердили готовность переориентировать свои национальные цели на 17 целей ООН, о чем ежегодно отчитываться. В основу составления отчета положен формат сопоставления плана и достигнутых результатов по единым для всех (сначала 169, а потом – 234) показателям.

Думается, что анализ соответствующих показателей, и динамика их реализации дают основание оценивать реальность успехов по формированию взаимопомощи между странами – проявлению принципа активной толерантности.

Реализация лозунга ЦУР “Leave no one behind” как маркер успешности проявлений активной толерантности

Лозунг “Leave no one behind” является основополагающим для всего курса на устойчивость.

В параграфе 4 декларации Саммита по ЦУР записано (от имени руководителей Правительств): «Отправляясь в это великое коллективное путешествие, мы обещаем, что никто не будет забыт. Признавая, что достоинство человеческой личности имеет

основополагающее значение, мы желаем, чтобы цели и задачи были достигнуты для всех отстающих» (Цели развития тысячелетия, 2015).

Многие государства активно включились в его реализацию, описав в 2018 году свои успехи в добровольных Обзорах. Ведущие межправительственные и неправительственные организации, не входящие в ООН, также опубликовали основные отчеты LNOB (например, OECD 2018; Samman and others, 2018), а соответствующие союзы организаций гражданского общества в 2016 запустили 2 платформы: одна – общая, вторая (открыта в 2017 г.) – для инклюзивных групп населения. Многие страны создали свои национальные платформы для обмена опытом и полезной информацией. Например, студенты Мельбурна (Австралия) начали обучать желающих социальному бизнесу и предпринимательству.

При этом, как зафиксировано авторами авторитетной коллективной монографии (McArthur, Ohno, 2020) пока успехи не очевидны. В 1-й главе они пишут следующее: «Число людей, страдающих от хронического недоедания, растет четыре года подряд, начиная с 2018 года. Совокупный объем официальной помощи в целях развития наименее развитым странам сокращается. Не уменьшается число проблем абсолютной лишенности и социальной изоляции в странах с высоким уровнем доходов. И хотя рост антиэлитных политических движений во многих странах повысил политическую заинтересованность в обеспечении того, чтобы все общества работали на всех, по-прежнему слишком мало признаков решительных успехов в решении проблем людей, чувствующих себя маргинализированными или брошенными» (Homi et al, 2020, p. 1). Приведем некоторые данные из этой монографии, имея в виду, что они собирались по итогам прохождения половины курса ЦУР (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1

**Мировые показатели достижения ЦУР в области жизни и смерти
в соответствии с текущей тенденцией к 2030 году**
(«World Performance on SDG Life-and Death Targets under Current Trend Out to 2030»)

Критерий	N	Критерий	N
Детская (до 5 лет) смертность	65	Суициды	15
Материнская смертность	37	Убийства	10
Смертность от неинфекционных заболеваний (до 70 лет)	30	Смерть от ДТП	0

N – достижение запланированных показателей в % » (Homi K., 2020 p. 5).

Авторы приводят и конкретные значения самих показателей: ежегодно умирают 29 миллионов человек от неинфекционных заболеваний, 9,4 млн детей и 1,3 млн матерей в процессе родов, а 1,9 – кончает жизнь самоубийством. Не удается выполнить план – сократить на 50 % число смертей от ДТП, оно по-прежнему превышает 1 млн. чел. в год.

Таблица 2

Мировые показатели удовлетворенности людей в базовых потребностях
 («World Performance on Basic SDG Needs Targets by 2030, under Current Trends»,
 где N – достижение запланированных показателей в %)

Показатели	№	Показатели	№	Показатели	№
Обеспеченность электричеством	55	Число глухих	29	Представленность женщин в управлении	17
Обеспеченность водой	45	Живут в анти-санитарных условиях	27	Применение насилия против женщин	15
Проживают в нищете	43	Больны туберкулезом	25	Загрязнение воздуха	13
Окончили начальную школу	35	Не доедают	23	Избыточный вес детей	-125
Больны ВИЧ	31	Контроль рождаемости	20		
Имеют регистрацию о рождении	30	Дошкольное обучение	18		

Эти данные, по свидетельству авторов монографии, отражают достижение запланированного уровня удовлетворенности на 2030 год, то есть кроме показателя «обеспечения электричеством» по другим – необходимо усиливать темпы, чтобы достигнуть поставленных целей. В абсолютных значениях картина такая: скорее всего 3,6 млрд людей будут страдать от загрязнения воздуха, 2 млрд женщин – лишены возможности участвовать в управлении, 470 млн женщин не получают возможность предохраняться от нежелательной беременности, а 380 – будут подвергнуты сексуальному насилию; в антисанитарных условиях останется проживать 2 млрд людей (Homi et al, 2020, p. 5-6).

Странами с наиболее трудными условиями для жизни называются Чад, ЦАР, Южный Судан, Сомали, Конго, Новая Гвинея, Гвинея-Биссау, Эритрея, Замбия и Нигер. При этом авторы монографии отмечают огромные изменения, которые здесь произошли, но указывают на крайне плохие начальные условия, обращая внимание на то, что свои обязательства по отношению к странам Юга полностью не выполнила ни она страна ОЭСР.

Цель монографии – показать положительные практики по реализации лозунга ЦУР “leave no one behind” с целью преодоления сложившихся трудностей. Однако, представляется неправильным оценка авторами результатов помощи как недостаточные. Думается, что они проявятся, но не одномоментно. Опять же страны «севера» накапливают опыт по выявлению наиболее эффективных видов помощи, например, инвестируя средства в экономику и образование, равно как организуя контроль за их расходованием, имея в виду предотвращение коррупционных схем как в странах-донорах, так и получателях.

В целом реализация ЦРУ, а тем более учтя опыт двух предыдущих этапов, показывает формирование норм (институтов) активной толерантности, но эти практики находятся на начальной стадии: продолжается поиск конкретных для каждой страны видов эффективного

международного вспомоществования, не найден действенный механизм контроля, что, в свою очередь, ставит под сомнение необходимость такой помощи.

Показатели толерантности в международных отношениях

Если в предыдущей части нами брались за основу данные и выводы монографии «Leave No One Behind», а предметом анализа была эффективность современных действий государств в рамках активной толерантности, то здесь акцент будет сделан на оценку уровня помощи и описание инструментария, его характеризующего, применительно к рекомендуемым ООН показателям. Базой для анализа стали официальные статистические данные (Доклад о целях, 2021). Так, в табл.3 приведены отобранные нами показатели, которые можно рассматривать как отражение прямой помощи. Они выбирались из перечня ООН, т. е. из всех 17 целей и имеют цифровую (буквенную) идентификацию. Для полноты изложения в таблице (левый столбец) представлена формулировка конечной цели по каждому из них. Применительно к первому показателю формулировка оставлена в редакции ООН, в последующих – они сокращены.

Таблица 3

Показатели ООН, характеризующие виды возможной помощи «Север-Юг»

Критерий и задачи на реализацию к 2030 г.

1.5. К 2030 году повысить жизнестойкость малоимущих и лиц, находящихся в уязвимом положении, и уменьшить их незащищенность и уязвимость

1.а Обеспечить мобилизацию значительных ресурсов из разных источников, в том числе на основе активизации сотрудничества в целях развития

5.6 Обеспечить всеобщий доступ к услугам в области охраны сексуального и репродуктивного здоровья в соответствии с Пекинской платформой действий.

5.с Принимать и совершенствовать разумные стратегии и исполнимые законы в целях поощрения гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин

7.а к 2030 году активизировать международное сотрудничество в области экологии

8.а Увеличить поддержку, оказываемую в рамках инициативы «Помощь в торговле»

Перечень показателей

1.5.3 Число стран, принявших и осуществляющих национальные стратегии снижения риска бедствий в соответствии с Сендайской программой

1.а.1 Суммарный объем субсидий, полученных от всех доноров на искоренение нищеты как доли от НД стран-получателей

5.6.2 Число стран, где действуют законы, гарантирующие доступ к услугам по охране сексуального и репродуктивного здоровья и просвещению в этой сфере

5.с.1 Доля стран, обладающих механизмами отслеживания государственных ассигнований на обеспечение гендерного равенства

7.а.1 Объем финансовых потоков, поступающих в развивающиеся страны на экологические исследования

8.а.1 Объем обязательств и выплат в рамках названной инициативы

- 9.a Содействовать развитию экологически устойчивой и стойкой инфраструктуры
- 10.6 Обеспечить большую представленность и право голоса развивающихся стран в глобальных международных учреждениях
- 10.7 Содействовать упорядоченной, безопасной, законной и ответственной миграции и мобильности людей
- 10.a Проводить в жизнь принцип особого и дифференцированного торгового режима для развивающихся стран
- 10.b Поощрять выделение разного вида финансовой помощи
- 13.a Выполнить взятые на себя развитыми странами финансовые обязательства по мобилизации 100 млрд. долл. до 2025 г.
- 14.6 к 2020 году запретить некоторые формы субсидий, препятствующие мелкому рыбному промыслу; усилить контроль за его законностью и регулируемостью.
- 16.10 Обеспечение свободного доступа к информации
- 16.a. Укреплять национальные правозащитные учреждения
- 17.2. Обеспечить условия выполнения развитыми странами обязательств по оказанию помощи
- 17.3. Мобилизация других источников для помощи
- 17.4. Оказание помощи в выплате долгов стран Юга
- 17.5. Поощрение инвестиций в страны Юга
- 17.6. Расширять формы международного сотрудничества «Север-Юг»
- 17.7. Передача экологически безопасных технологий
- 9.a.1 Совокупный объем официальной международной поддержки, направляемой на цели инфраструктуры
- 10.6.1 Доля развивающихся стран в членском составе международных организаций и удельный вес их голосов
- 10.7.2 Число стран с упорядоченной миграционной политикой
- 10.7.4 Доля беженцев от общей численности населения в разбивке по стране происхождения
- 10.a.1 Доля товарных позиций наименее развитых стран, к которым применяются нулевые тарифы
- 10.b.1 Совокупный объем финансовых потоков и ресурсов в целях развития в разбивке по типам, странам-получателям и странам-донорам.
- 13.a.1 Суммы (в долларах США), выделяемые и мобилизуемые ежегодно
- 14.6.1 Степень соблюдения международно-правовых документов по борьбе с незаконным, несообщаемым и нерегулируемым рыбным промыслом
- 16.10.1. Число подтвержденных случаев убийств журналистов
- 16.10.2. Наличие законов, защищающих свободу СМИ
- 16.a.1. Их наличие в стране
- 17.2.1. Доля помощи в ВВП (рекомендуемое значение – 0,7 %)
- 17.3.1. Доля получаемой помощи стран Юга в валовом доходе
- 17.3.2. Доля денежных переводов в ВВП
- 17.4.1. Доля поступлений от экспорта, засчитываемая в счет погашения долга
- 17.5.1. Реализация мер по организации инвестиций в страны Юга
- 17.6.1. Число стационарных абонентов сети Интернет
- 17.7.1. Общая сумма их финансирования в странах Юга

17.8. Максимальное развитие сети Интернет в мире	17.8.1. Доля населения, использующего интернет
17.9. Ускорить поддержку наращивания экономического потенциала стран Юга	17.9.1. Объем финансовой и технической помощи странам Юга
17.15 Уважать имеющееся пространство для стратегического маневра, нужного для решения проблем и борьбы с нищетой на Юге	17.15.1 Степень использования донорами планов самой страны
17.16 Укреплять Глобальное партнерство в интересах устойчивого развития	17.16.1 Число стран, сообщающих о наличие механизмов контроля за эффективностью их развития

Нельзя не согласиться с разнонаправленностью и в целом продуманностью помощи странам юга. В принципе эксперты ООН агрегируют данные по трем источникам: информация от стран Юга, данные стран-доноров, а также международных институтов. Видны три очевидных детерминирующих направления: финансовая помощь, содействие миграции и инициация институтов (законодательства), ускоряющих экономический прогресс и защищающих права личности. Вызывает недоумение отсутствие показателей, характеризующих помощь в развитии образования, не считая возможности пользования сетью Интернет.

Приведем данные из отчета ООН, отражающие объем помощи и достигнутые успехи, утя, на что обращается внимание, огромные негативные последствия пандемии (Доклад о целях, 2021):

- «В ответ на Ковид-19 правительства во всем мире провели 1600 краткосрочных мер социальной защиты. Однако такой защитой не охвачено еще 4 млрд. человек» (Доклад о целях, с. 8);

- «Чистый объем официальной помощи на развитие (ОПР) достиг рекордного показателя в 1161 млрд долл. в 2020 году, что составило 0,32 % ВВП доноров, что тем не менее ниже целевого показателя 0,7 %. Объем денежных переводов в страны с низким и средним уровнем дохода достиг 540 млрд долл.» (Доклад о целях, с. 24).

- в 2020 году чистый объем средств, выделенных по линии ОПР странами – членами Комитета содействия развитию ОЭСД, составил 161 млрд долл. США, что на 7 процентов превышает уровень 2019 г. Чистый объем двусторонней помощи странам с низким уровнем дохода составил 25 млрд долл. США, что на 3,5 процента уступает в реальном выражении показателю 2019 года. Чистый объем двусторонней ОПР, предоставленной странам с уровнем дохода ниже среднего, вырос на 6,9 процента (33 млрд долл. США), а помощь странам с уровнем дохода выше среднего – на 36,1 процента (18 млрд долл. США) (Доклад о целях, с. 60).

Курс ЦУР как отработка новых – мягких технологий взаимодействия между странами

Думается, что наиболее полно принципы толерантности воплощены в механизмах управления курсом ЦУР ООН. Речь идет об очевидном уважении, проявленном ООН к странам, их интересам и населению. Выделим три проявления «вежливой политики» и кратко опишем их.

Прежде всего, это выбор главного органа управления – Форум Высшего политического руководства (UN High-level Political Forum on Sustainable Development или HLPF), состоящего из трех уровней: руководителей/представителей национальных правительств (1), экспертов комитетов ООН и региональных филиалов (2), а также широкой общественности (3). Они собираются раз в год (в июле) в Нью-Йорке для решения общих проблем. Форумы продолжаются 8 дней, в течение первых трех – руководители стран представляют свои Национальные Добровольные Обзоры (ДНО), в оставшееся время обсуждаются проблемы ЦУР по заранее оговоренной тематике, формулируются проекты Коммюнике по итогам года.

Таблица 4

Документы, отражающие направления активности Форумов

Год	Принятый документ	Общий итог
24.10 2013	«Проект глобального отчета об устойчивом развитии. Создание общего будущего, которого мы хотим»	Подвел итог 2-му этапу и принял декларацию о намерениях по подготовке нового курса.
2014	«Отчет о первой встрече руководителей государств в рамках их готовности к участию в новом курсе»	Присутствовали руководители/представители всех 108 стран-членов ООН. Обсудили трудности в ходе реализации задач 2-го этапа
2015	«Укрепление интеграции, внедрения и обзора – HLPF после 2015 г.»	Обсудили процедуру координации усилий в ходе нового курса. Под руководством ECOSOC были сформированы его департаменты – исполнительные органы
2016	Первый сбор участников в рамках нового курса. Заслушаны 22 первых ДНО, приняты 2 декларации – Форума национальных руководителей и Комитетов ООН. Открыта регистрация для других стейкхолдеров.	
2017	«Искоренение нищеты и содействие процветанию в меняющемся мире»	Актуализировались проблемы решения целей 1–3, 4, 9 и 14.
2018	«Преобразование в направлении устойчивого и жизнестойкого общества»	Основные обсуждаемые цели – 6,7,11, 12,15 и 17
2019	«Расширение прав и возможностей людей, обеспечение равенства и преодоления инклюзивности»	Обсудили итоги по целям 4, 8, 10, 13 16.
2020	«Ускоренные действия и пути преобразований: реализация десятилетия действий и обеспечение устойчивого развития» при параллельном обсуждении проблем пандемии»	
2021	Устойчивое восстановление после пандемии COVID-19, способствующее экономическим, социальным и экологическим аспектам устойчивого развития: создание всеобъемлющего и эффективного пути для достижения Повестки дня на период до 2030 года.	

Текст таблицы 4 отражает, во-первых, быстроту перехода от второго этапа к третьему. Начиная с 2013 года на Форумах стал обсуждаться переход, а главное – учитывая неудовлетворенность достигнутыми результатами поскольку прогресс в преодолении нищеты и бедствий не был достигнут в запланированном объеме, – необходимые преобразования в механизме управления действиями стран. Во-вторых, она фиксирует основные темы Форумов, идентифицируя их с ЦУР.

В таблице 5 представлены количественные характеристики, обобщающие ситуацию на Форумах.

Таблица 5

Количественные характеристики, оценивающие ситуацию на HLPF

Показатели участия	2017	2018	2019	2020	2021
ДНО	43	46	47	47	42
Число официальных лиц (министров, депутатов парламентов и др.).	77	125	125	137	10/160
Стейкхолдеров (организованной общественности)	2458	>2000	>2000	1123	-*
Составлено общих обзоров	7	6	6	-	9
Проведено встреч (meetings)	36	25	33	18	24
Общих мероприятий (Events)	143	260	156	194	276
Закрытых мероприятий (Special events)	3	8	8	9	10
Выступило докладчиков (General debate speakers)	167	158	130	134 12 5	180 75
Проведено семинаров и workshop (VNR labs)	10	8	17	17	17

*Количество зарегистрированных участников не приводится, но указано количество опубликованных статей по всему миру – 4542. В других публикациях указывается, что на виртуальных площадках участвовало более 6000 участников.

Данная таблица раскрывает масштабы Форумов, соотношение между присутствующими официальными руководителями и стейкхолдерами. В ней видны изменения, произошедшие в регламенте проведения в связи с Ковидом. На сайте каждого форума представлены все принятые документы и протоколы прошедших мероприятий, что отражает открытость ЦУР – своего рода «вежливость организации коммуникации».

Если Форумы представляют «законодательные инициативы», то исполнительная власть поручена департаменту Комитета социального и экономического развития ООН (UN DESA), возглавляемому А. Трепелковым (РФ). Департамент ООН действует в содружестве с другими функциональными и региональными Комитетами ООН. В нем имеются подразделения (Units): программного управления, представительство малых островов (SIDs Unit), а также комиссии (Branches): анализа совместных действий, пропаганды и партнерства (Outreach and Partnership), природных ресурсов и кооперации (Natural Resources and Interlinkages), национальных стратегий и наращивание потенциала (National Strategies and Capacity Building).

Как любая Программа ООН, ЦУР взаимодействует с 5 региональными представительствами: европейским, Азии и Тихого Океана, Западной Азии, Африки и Латинской Америки. Параллельно с ними для обсуждения, постановки и решения научных проблем действует "Knowledge Hub".

Приведем официальную оценку ООН роли своих органов: «Одна из основных причин, по которой ПРООН (Программа развития ООН) является надежным партнером в области развития во всем мире, заключается в том, что она действует в соответствии с принципами и ценностями ООН. Это означает уважение контроля каждой страны над своим будущим, объединяя страны для совместной работы над общими целями и задачами. Исполнительный совет ПРООН состоит из представителей 36 стран мира, работающих на ротационной основе. Через свое бюро, в состав которого входят представители пяти региональных групп, Совет наблюдает и поддерживает деятельность ПРООН, обеспечивая, чтобы организация по-прежнему реагировала на изменяющиеся потребности стран, в которых осуществляются программы».

Присутствие в исполнительных органах представителей разных стран и континентов делает возможным широкое обсуждение проблем, учет многообразия национальных интересов, постоянное взаимодействие политиков, экспертов и широкой общественности.

Третьим проявлением толерантности, по-нашему мнению, является гибкий механизм контроля за активностью стран-участников, что воплощается в сочетании обязательных и свободных процедур. Так, главным отчетным документом является Добровольный обзор, но страны могут представлять его так часто, как считают возможным, правда, не менее двух раз за весь срок. Европейские страны предоставляют их практически ежегодно, в то время как страны Юга, а их им помогают составлять, – реже, но практически все страны представили уже по одному отчету. РФ сделала это впервые в 2020 году.

Оценивая положительно терпимость к составлению отчетов – отбору показателей и их оценке, нельзя не опасаться, что такая свобода позволяет странам делать акцент на своих успехах, пряча проблемы. Частично, это сглаживается из-за работы экспертов ООН и представителей INTOSAI – крупнейшей аудиторской компании, проверяющей представленные данные, однако, их оценочная информация направлена в большей мере на составление обобщенных докладов ООН и мало известна общественности внутри стран.

Важным проявлением гибкости (толерантности) в управлении является право каждого государства, по максимуму соблюдая рекомендованные ООН 234 показателя, отказаться от проведения мониторинга одних, заменив их на другие – более привычные для себя. Приведем итоговые данные, представленные нами для конференции по статистике в СПб, 2022. Проанализировав показатели (не все, а только те, которые касались управленческой тематики) российской отчетности (Перечень показателей, 2020), нами было выявлено 39. Из них оказались сопоставимыми с мировыми результатами – 17. Остальные 22 были добавлены российскими статистиками. Сопоставляя российскую отчетность и перечень, рекомендованный ООН, было обнаружено 40 показателей, по которым сбор данных не налажен или он вообще признан ненужным.

Бесспорно, такой подход воплощает принципы политической гибкости и терпимости, но позволит ли такая мягкость контролировать процессы в стране – оценить сложно. Думается, что и третий этап курса на устойчивость не будет полностью выполнен, частично из-за предоставленных свобод. При этом идеи ЦУР проникают в сознание людей и деятельность организаций, движение вперед все равно имеет место, изыскиваются и находятся новые механизмы регулирования.

Заключение

Толерантность, украшающая поведение современного человека, распространяется и на сферу политики. Она преодолевает традиционное недоверие во взаимоотношениях между странами, усиливающееся личностными амбициями лидеров государств, чье поведение часто лишь незначительно контролируется населением.

Думается, что пока доминирует общая толерантность, выражаемая в готовности уважать культуру других стран, создавая возможность их представителям участвовать в международных организациях и мероприятиях. Что касается активной толерантности, то она находится на начальной стадии распространения. Переход к активным мерам, начатый ООН, был замедлен Ковидом, хотя, по признанию экспертов ООН, и без него многие показатели как в программе «Leaving no one behind», так и по принятым обязательствам по оказанию помощи не были бы выполнены.

При этом принцип «Leaving no one behind» распространяется, идеи внедряются в сознание. Готовность помогать странам (людям) с низким уровнем дохода воспринимается уже как норма, хотя и высказываются сомнения в ее эффективности. Думается, что причины здесь две. Первая – нельзя желать достижения перемен слишком быстро. Вторая – необходимо совершенствовать механизм контроля за вспомоществованием, борясь не только с коррупционными схемами при финансировании, но и с неэффективными формами помощи и участия.

Библиография

1. Большой толковый социологический словарь, https://gufo.me/dict/social_dict/Толерантность (дата обращения 06.02.2022).
2. Доклад о целях в области устойчивого развития и выполнения задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, ООН, 2021. https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework%20after%20refinement_Rus.pdf (дата обращения 06.02.2022).
3. **Homi K., McArthur J.W., Ohno I.** Leave No One Behind: Time for Specifics on the **Sustainable Development** Goals, Washington, D.C: Brookings Institution Press. 2020
4. Перечень национальных показателей ЦУР, <https://rosstat.gov.ru/sdg/national> (дата обращения 07.01.2022)
5. Система глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития и выполнения задач в области выполнения задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года <https://unstats.un.org/sdgs/indicators/>
6. [Global%20Indicator%20Framework%20after%20refinement_Rus.pdf](https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework%20after%20refinement_Rus.pdf) (дата обращения 06.02.2022).
7. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development, 2015. <https://sdgs.un.org/2030agenda> (дата обращения 06.02.2022).
8. Цели развития тысячелетия, ООН, 2015. <https://www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf> (дата обращения 06.02.2022).

РОЛЬ БРИКС В УСТАНОВЛЕНИИ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ и БОРЬБЕ с МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

Лиджиев О.Д., Емельянова А.В., студенты СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

Введение

Сегодня терроризм является большой угрозой для международной безопасности. Ни одно из государств не может не считаться с этой угрозой. Как заявляют некоторые эксперты, терроризм в современном мире представляет собой «социальную чуму», которая может повлечь разрушительные последствия для общества и государства. В контексте распространения террористической угрозы и нарастающей деятельности различных террористических группировок государства не только выстраивают свою собственную контртеррористическую политику, но и проводят совместные операции, активно обмениваясь разведывательными данными и распределяя цели и задачи, что, в свою очередь, способствует установлению безопасности на планете.

Однако в процессе установления мирового порядка задействованы не только отдельные государства, но и различные международные институты, такие как Организация Объединенных Наций, Большая двадцатка, Большая семерка, Шанхайская организация сотрудничества, Европейский Союз и др. В этом плане не стал исключением и БРИКС.

БРИКС как актер мировой политики все более вовлекается в процессы выработки антитеррористической политики. Вопросы, связанные с проблемой распространения терроризма и ослабления международной безопасности, приобретают большее значение и выходят на первый план в повестке дня для государств.

Пять стран БРИКС имеют огромный потенциал, чтобы в будущем стать центром мировой политики, к которому будут тяготеть и другие государства. В отдаленной перспективе БРИКС может стать той самой основой формирования нового мирового порядка, где не будет перевеса сил в одну сторону, в сторону Запада, что позволяло ему на протяжении многих лет действовать в угоду своих интересов. Результатом такой предвзятой и отличающейся двойными стандартами политики стран Запада стало появление конфликтов и войн на территориях стран африканского континента, Ближнего Востока и постсоветского пространства.

На данный момент можно с уверенностью заявить о том, что за 16 лет существования БРИКС государствам удалось сделать значительные шаги на пути к установлению многополярного мира, отличающегося широким разнообразием способов, возможностей, режимов и форматов формирования экономического уклада. Однако формирование единой политики в сфере международной безопасности в рамках межгосударственного объединения и необходимость предпринятия решительных действий насущным вопросом стало лишь в последние годы.

Остается важным проследить эволюцию взаимоотношений между странами в вопросах сферы международной безопасности и проанализировать их состояние на современном этапе

развития, что, в свою очередь, позволит дать четкий прогноз того, как страны БРИКС будут координировать политику против терроризма, каким образом они будут налаживать сотрудничество в этой области и какие шаги они могут предпринять в ближайшем будущем. Также станет возможным дать ясную оценку перспектив сотрудничества стран БРИКС в вопросах международной безопасности.

БРИКС: ключевые вопросы в первые годы работы

БРИКС – это межгосударственное объединение, состоящее из пяти государств: Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики. Оно появилось в 2006 г. как форум государств с развивающимися экономиками и тогда носило название БРИК.

Важно отметить, что БРИКС является не политическим блоком, а объединением, участников которого связывает схожее отношение к вопросу устройства мирового порядка. Страны-участницы БРИКС выступают за многополярное мировое устройство, которому будут присущи экономическое и культурное разнообразие, а также отсутствие монополизации, в первую очередь исходящей из стран Запада, в различных вопросах.

Привычное же название объединение получило в 2011 г., когда к БРИК присоединилась Южно-Африканская Республика. Тогда Ху Цзиньтао, на тот момент занимающий пост Председателя Китайской Народной Республики, выступил с официальным заявлением, в котором предложил ЮАР присоединиться к деятельности стран БРИК. После китайское предложение поддержал бывший Президент Российской Федерации Д. Медведев. По окончании саммита G-20, который прошел в столице Южной Кореи Сеуле, выступая на пресс-конференции, он заявил, что все страны БРИК выступают за присоединение ЮАР к объединению развивающихся экономик мира и ни одна из сторон не возражает.

В начальные годы образования для государств БРИКС первое место по значимости в повестке дня занимали вопросы, связанные с экономическим мироустройством, во многом ввиду начавшегося в 2008 г. финансового кризиса, который охватил глобальную экономику.

Анализ первых саммитов БРИКС

Начиная с самого первого саммита, в рамках объединения наблюдается тенденция увеличения заинтересованности вопросами проблемы международной безопасности и терроризма.

Важно проследить, как менялась повестка саммитов стран БРИКС и какие вопросы выходили на первый план. Это можно выполнить с помощью текстового анализа совместных заявлений, сделанных лидерами государств.

Саммит в Екатеринбурге в 2009 г.

В 2009 г. на саммите большая часть внимания было посвящена способам противодействия деструктивным экономическим последствиям глобального кризиса, произошедшего годом ранее (Попова, 2017). Страны БРИК отводят ведущую роль в этом процессе Группе двадцати, которая посредством координации политики и совместной работы сторон сможет бороться с финансовым кризисом.

Вторым по значимости обсуждаемым вопросом стала проблема, связанная с продовольственной безопасностью. Проблема терроризма же была упомянуть вскользь. Об этом свидетельствует тот факт, что такие понятия, как «терроризм», «безопасность» или «террористический» упоминаются минимальное количество раз по сравнению с терминами: «экономический», «финансовый» или «рыночная экономика», – присущими экономической науке. Так, например, понятие «терроризм» было произнесено всего лишь три раза.

Саммит в Бразилиа в 2010 г.

Встреча глав государств БРИК в 2010 г. была посвящена вопросам экономической безопасности. Страны приняли на себя обязательство «оказывать противодействие любым формам торгового протекционизма и вести борьбу со скрытыми торговыми ограничениями».

На бразильском саммите по сравнению с екатеринбургским понятия «терроризм» и «террористический акт» упоминались в 3 раза чаще (3 против 9 соответственно).

Саммит в Санье в 2011 г.

В повестку китайского саммита более активно входят вопросы международного терроризма. Так, стоит отметить, что страны-участницы приняли обязательство по укреплению сотрудничества в вопросах противодействия глобальному терроризму, однако обеспечение международной безопасности опять же не являлось ключевой темой для обсуждения.

Саммит в Нью-Дели в 2012 г.

Делийская декларация, может считаться более продуктивной в упомянутом выше вопросе. В ней БРИКС подтвердил приверженность идеи становления Афганистана как государства демократического и стабильного, а также свободного от терроризма.

Вдобавок, страны сошлись во мнении, что стабилизация ситуации в Афганистане напрямую связана с ликвидацией угрозы терроризма в этом регионе (Старчак, 2014). Подчеркивается и необходимость создания конвенции по борьбе с международным терроризмом, которая будет создана с помощью Генеральной Ассамблеи ООН. Таким образом, Делийский саммит можно назвать отправной точкой в заинтересованности БРИКС в борьбе с терроризмом и обеспечении международной безопасности. Это подтверждает и само название саммита: «Партнерство стран БРИКС во имя мировой стабильности, безопасности и процветания».

Саммит в Дурбане в 2013 г.

Повестка саммита, прошедшего в ЮАР, в основном касается проблем Африканского региона: в частности, ухудшение гуманитарной обстановки в Мали, применение насилия в отношении мирного населения в ЦАР и др.

Однако проблема терроризма как в Афганистане, так и за его пределами также затрагивается. Важно отметить, что борьба с терроризмом признается способом обеспечения международной безопасности. ООН признается главным органом, координирующим действия по противодействию этой глобальной угрозе.

Последующие саммиты также тем или иным образом затрагивали проблемы международной безопасности, однако поворотным моментом в отношении этого вопроса стал 2017 год. Если до этого времени вопросу международной безопасности уделялось не так много внимания, то в 2017 г. он приобретает совершенно иное значение.

Наибольшее стремление к установлению глобальной безопасности показывала Индия, которая хотела добиться уничтожения в основном региональных группировок, которые, как правило, базировались в Пакистане. Однако к данному вопросу отношение государств БРИКС было двойственным, потому что Китай, в свою очередь, зачастую блокировал решения Индии (Богданов, 2019), т. к. поддерживал позицию Исламабада. В 2017 г. на саммите в Китае в г. Сямэнь было зафиксировано желание стран создать все подходящие условия для улучшения международных стандартов Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), что позволит успешнее бороться с финансированием террористических лиц и группировок и распространением оружия массового поражения.

Говоря о безопасности, то стоит отметить, что БРИКС принял решение уделять особое внимание осуществлению принципов честности и справедливости. Это позволит обеспечить мир не только на международном уровне, но и на региональном. Лидеры государств выразили поддержку исполнения мер, направленных на урегулирование конфликтов в Конго, Ливии, Сомали, Южном Судане и Афганистане.

В целом, страны подтвердили решимость в противодействии распространения терроризма и установлении безопасности на планете. Таким образом, с уверенностью можно заявить о том, что обсуждение данных проблем с 2017 г. стало важным вопросом в повестке дня саммитов.

Формирование общей позиции по вопросам международной безопасности

Как было уже сказано ранее, в первые годы функционирования БРИКС первостепенное значение имели экономические вопросы. Вопросы, связанные с международной безопасностью, не занимали центральное место в повестке дня.

Однако начиная с 2011 г. страны БРИКС начинают все более участвовать в формировании системы международной безопасности и вырабатывать общую позицию по вопросам глобальной безопасности. Так, в 2011–2014 гг. в рамках БРИКС стороны заняли общую позицию по:

- Необходимости в 2011 г. решить ливийский вопрос мирным путем, посредством дипломатического процесса и дипломатического решения.
- Разрешению сложившейся ситуации в Афганистане в 2012 г., что, в свою очередь, включило в себя: полноценную поддержку обязательств мирового сообщества в отношении Афганистана; общую приверженность идеи развития Афганистана как демократического государства; решительное стремление бороться с нелегальным оборотом опиатов, произведенных на его территории.
- Осуждению насилия в отношении мирного населения в Центральноафриканской Республике и Демократической Республике Конго в 2012 г. и незамедлительному прекращению военных действий.

- Озабоченности распространением нестабильности в 2013 г. в Северной Африке, в частности в таких регионах, как Сахель и Гвинейский залив, увеличением количества случаев похищения девушек-школьниц и детей в нигерийском городе Чибок исламистской группировкой «Боко Харам».

- Вооруженному конфликту в Южном Судане, который начался в декабре 2013 г.

- Ситуации на Украине в 2014 г.: страны БРИКС на шестом саммите в бразильском городе Форталезе призвали все вовлеченные в конфликт стороны проявлять сдержанность.

Отдельный интерес вызывает саммит 2015 г., который прошел в Уфе. На нем страны-члены решительно осудили грубые нарушения прав и свобод человека и теракты, совершаемые международной исламистской террористической организацией «Исламское государство», Фронтом ан-Нусра и другими ассоциированными группировками. Государства БРИКС с тревогой и озабоченностью отметили возрастание террористической активности, вызванное политическим кризисом в странах Ближнего Востока: Сирии и Ираке (Иларионова, 2015).

Уфимская декларация подчеркивает приверженность БРИКС разрешать споры и конфликты мирным путем, как это предполагают принципы, обозначенные в Уставе ООН, осуждает экономические санкции, нарушающие общепризнанные нормы международных отношений и мешающие функционированию международного права, и военные интервенции, осуществляющиеся в одностороннем порядке. Также Уфимская декларация отмечает особую важность «неделимого характера безопасности».

Немалая часть документа посвящена развитию информационно-коммуникационных технологий и их возможному использованию с целью осуществлять террористические акты и преступные операции. Государства большое внимание уделяют вопросам безопасности в сфере цифрового и интернет-пространства, так называемой кибербезопасности (Пелевина, 2016). В связи с этим государства намерены проводить регулярные встречи, консультации и обсуждения, обмениваться актуальными сводками новостей в рамках данной тематики и совместно координировать усилия по борьбе с киберпреступностью. Все эти задачи взяла на себя специально созданная Рабочая группа по вопросам безопасности в сфере использования ИКТ, в которую вошел ряд экспертов из пяти стран БРИКС.

Деятельность стран БРИКС по вопросам безопасности в последние годы

Антитеррористическая стратегия БРИКС 2020 г.

В 2020 году совместными усилиями стран альянса была разработана «Антитеррористическая стратегия БРИКС». Она провозглашает, что страны признают международный терроризм – серьезная угроза международной безопасности. При этом он не должен ассоциироваться с какой-либо религией, этносом, национальностью или цивилизацией. Терроризм – деятельность, которая подрывает основы демократии, противоречит концепции прав человека и создает угрозу безопасности и целостности государства как такового.

В этом документе также сформулированы цели, которых хотят достигнуть страны. Первостепенной задачей является не просто противодействие терроризму как таковому, но и

любому его финансированию. Важным для БРИКС является и принятие согласованных мер против лиц, которые вовлечены в организацию, подстрекательство, содействие или проявления терпимости по отношению к террористическим действиям. Еще одной задачей сотрудничества этих стран является совершенствование спецслужб и правоохранительных органов с целью своевременного обмена информацией для предотвращения террористических действий. Борьба с терроризмом также является основой сотрудничества стран БРИКС, потому что для борьбы с этой проблемой необходимо обмениваться информацией об экстремистских организациях, при том оперативно. Сотрудничество должно быть усилено и в деле борьбы с угрозой терроризма во всех его формах и проявлениях.

Также нельзя не отметить тот факт, что в 2020 г. по итогам саммита, прошедшего в Москве, страны приняли на себя 34 обязательства в сфере терроризма, 7 в сфере преступности и коррупции и еще 7 в сфере региональной безопасности, что значительно превосходит показатели предыдущих лет. Это показывает, что анализируемые нами проблемы становятся все более и более актуальными для БРИКС.

Российское председательство в БРИКС в 2020 г.

Председательство России в БРИКС выпало на непростой период времени, когда распространялась пандемия коронавируса, которая повлияла на привычные способы проведения политики как внешней, так и внутренней. Однако, несмотря на все эти сложности, страны БРИКС сделали многое в 2020 г. Под председательством России БРИКС провел более 100 различных мероприятий, большинство из которых прошли в онлайн-формате.

Во время российского председательства ключевыми направлениями в деятельности в рамках БРИКС стали стабильность и безопасность. Лидеры стран неоднократно подчеркивали важность и необходимость решения военных конфликтов мирными путями.

Также стоит отметить, что странам удалось сформировать общую позицию по многим вопросам: насущная необходимость в создании многостороннего инструмента, вводящий запрет на развертывание оружия в космическом пространстве, эксплуатация технологий ИКТ в военных целях, использование биологического оружия и т. д. Немаловажное значение имеет тот факт, что стороны заняли общую позицию в отношении конфликтов на территории Афганистана, Сирии, Нагорного Карабаха и Ливии (Абылгазиев, Васецова, 2021).

Также достижением председательства России является то, что государства БРИКС углубили свое сотрудничество в вопросах, связанных с распространением терроризма и активизации деятельности террористических группировок. Лидеры стран договорились о том, что специально назначенные лица, которые будут представлять государства БРИКС и курировать вопросы безопасности, будут обязаны отчитываться в своей деятельности: процессе разработки стратегии по борьбе с терроризмом, принятых мерах по борьбе с пропагандой террористических идей и др. – непосредственно перед главами государств.

Пекинская декларация 2022 г.

Пекинская декларация провозгласила важность содействия международному и региональному миру и безопасности, а также экономическому и социальному развитию. При этом в ней осуждается терроризм во всех формах, независимо от того, когда, где и кем

совершаются террористические акты. На пекинском саммите БРИКС страны определились, что они подтверждают неизменную приверженность дальнейшему содействию глобальных усилий по предотвращению и противодействию терроризму. Двойные стандарты в борьбе с этой проблемой также отвергаются.

Пекинская декларация провозглашает приоритетной задачей содействовать установлению мира и безопасности, урегулировать споры мирным путем. Отдельный блок посвящен урегулированию ситуации на Украине: страны БРИКС считают необходимым возобновление переговоров.

Говоря о терроризме, страны осуждают это явление в любой форме и осознают его опасность. По их мнению, необходимо принять все возможные меры по решению этой проблемы.

Таким образом, с момента создания БРИКС место вопросов терроризма и безопасности значительно изменилось: из второстепенных положений повестки они стали одними из наиболее обсуждаемых.

Прогноз расширения повестки БРИКС по вопросам безопасности и мирового терроризма

Перечисленные выше саммиты тем или иным образом затрагивали вопросы региональной безопасности и международного терроризма. Можно констатировать факт, что важность сотрудничества стран в этих направлениях, несомненно, растет.

Причинами роста интереса БРИКС к международной проблематике безопасности и терроризма являются следующие факторы:

- Всплеск террористической активности в Афганистане.
- Обострение ситуации на Украине.
- Необходимость выстраивания нового международного порядка в связи с изменениями, происходящими в мировой политической системе в последние годы.

Очевидно, что тенденция к повышению интереса в этих областях будет прослеживаться и на последующих саммитах. По нашему мнению, активное обсуждение в контексте проблемы международной безопасности получают такие вопросы, как:

1. Продовольственная безопасность, связанная с проблемой вывоза зерна из Украины и его последующим распределением
2. Энергетическая безопасность стран БРИКС
3. Экономическая безопасность, которая может находиться под угрозой из-за введенных странами Запада санкций

Говоря о проблематике международного терроризма, то первоочередными задачами могут стать:

1. Уменьшение уровня террористической угрозы на Ближнем Востоке и в Средней Азии. К этой области можно отнести и урегулирование ситуации на территории Афганистана.
2. Учреждение более эффективного, чем ООН, международного органа по борьбе с терроризмом.
3. Поиск и уничтожение источников финансирования мирового терроризма.

Заключение

Проблема международной безопасности и терроризма за последние годы стала одной из важнейших в повестке саммитов БРИКС. Стоит отметить, что помимо заявлений о неприемлемости терроризма в любых его формах и проявлениях страны предпринимают реальные шаги по его искоренению, например, в 2020 году была разработана «Антитеррористическая стратегия». Этот документ разъясняет, каких результатов хочет достичь БРИКС, и какие методы могут быть использованы для их достижения.

Несмотря на актуальность упомянутых выше вопросов, они вошли в повестку далеко не сразу. Однако на сегодняшний день количество тем, касающихся этих проблем, лишь возрастает. По нашему мнению, такая тенденция сохранится в ближайшие годы. Это связано с нарастанием угроз продовольственной и экономической безопасности из-за ситуации на Украине, а также обострения проблемы терроризма на Ближнем Востоке, в частности на территории Афганистана.

Стоит отметить, что положительная динамика в сохранении стабильного мирового порядка и борьбы с терроризмом может наблюдаться лишь в случае, если входящие в альянс страны смогут преодолеть разногласия. В особенности это касается приграничных конфликтов Китая и Индии, которые мешают как минимум экономической интеграции государств. На примере первых саммитов мы можем увидеть, что противоречия КНР и Индии в Средней Азии мешают построению эффективного диалога о борьбе с терроризмом. С осторожностью следует выстраивать и отношения Китая и России, т. к. экономико-политические проблемы между странами, вызванные санкциями коллективного Запада, могут негативно сказаться на решениях внутри БРИКС.

Библиография

1. Абылгазиев И.И., Васецова Е.С. Итоги председательства Российской Федерации в ШОС и БРИКС в 2020 г. // Век глобализации. 2021. № 2. С. 109–117.
2. Богданов С.В. Проблемы формирования стратегического нарратива БРИКС // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. № 2. С. 173–190.
3. БРИКС, ШОС и терроризм в Кашмире. URL: <https://nkibrics.ru/posts/show/5c9e3a2462726930c4270000> (дата обращения 18.10.2022).
4. В БРИКС заявили, что усилия СБ ООН по борьбе с терроризмом не должны ослабляться. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14675781> (дата обращения 19.10.2022).
5. Иларионова Т. В динамике глобальных изменений. О саммитах БРИКС и ШОС в Уфе // Государственная служба. 2015. № 4. С. 6–12.
6. Итоги председательства России в БРИКС в 2020 году и перспективы дальнейшего сотрудничества. URL: <https://globalcentre.hse.ru/data/2021/02/24/1393207497/BRICS%20hse.pdf> (дата обращения 20.10.2022).
7. Пекинская декларация XIV саммита БРИКС. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5819> (дата обращения 19.10.2022).
8. Пелевина Е.С. Проблемы информационной безопасности стран БРИКС в контексте современных международных угроз // Terra Linguistica. 2016. № 2. С. 45–51.
9. Попова Н.В. Страны БРИКС в формирующемся многополярном мире // Россия и современный мир. 2017. № 4. С. 155–162.
10. Саммит в Бразилиа, Бразилия, 15 апреля 2010. URL: <https://www.ranepa.ru/ciir/briks/obyazatelstva/sammit-v-brazilia-braziliya-15-aprelya-2010/> (дата обращения 17.10.2022).

11. Саммит в Москве, Россия, 17 ноября 2020. URL: https://www.ranepa.ru/ciir/briks/obyazatelstva/sammit-v-moskve-rossiya-17-noyabrya-2020-g/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения 19.10.2022).
12. Саммит в Нью-Дели, Индия, 29 марта 2012. URL: <https://www.ranepa.ru/ciir/briks/obyazatelstva/sammit-v-nyu-deli-indiya-29-marta-2012/> (дата обращения 18.10.2022).
13. Саммит в Санье, КНР, 14 апреля 2011. URL: <https://www.ranepa.ru/ciir/briks/obyazatelstva/sammit-v-sane-knr-14-aprelya-2011/> (дата обращения 17.10.2022).
14. Совместное заявление лидеров стран БРИК. URL: <http://kremlin.ru/supplement/209> (дата обращения 17.10.2022).
15. Старчак М.В. БРИКС: общие и частные угрозы международной безопасности // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. № 4. С. 160–176.
16. Key points of 14th BRICS Summit Beijing declaration. URL: <https://tass.com/world/1470585> (дата обращения 20.10.2022).

ОБРАЗ КРАЙНЕ ПРАВЫХ «ПОПУЛИСТСКИХ» ПАРТИЙ в СМИ НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ и ФРАНЦИИ

Смирнов Е.В., Барабанова Е.М., студенты, СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

Введение

Настоящая статья посвящена определению того, какой образ правых консервативных партий формируют средства массовой информации на примере Франции и Германии. В работе были изучены публикации периодических изданий в Германии и во Франции, которые посвящены партиям, считающимся в обществе правыми радикальными. Это «Альтернатива для Германии» и «Национальное объединение» во Франции. На основании материалов избранных средств массовой информации был сделан вывод о том, формируется ли газетами целенаправленно образ партий, которые являются радикальными, авторитарными и популистскими и с которыми нельзя сотрудничать другим политическим партиям. То есть фактически имеет ли место демонизация этих партий с целью их исключения из политической жизни и политического давления на их возможный электорат.

В работе были рассмотрены публикации в средствах массовой информации в преддверии парламентских выборов в Бундестаг в 2021 г. в Германии и президентских/парламентских выборов во Франции в 2022 г. Настоящая работа строится на предположении, что именно в период перед выборами политические партии активизируют свою агитацию и деятельность, так как основная цель большинства партий – это победа на выборах и завоевание власти. Это означает, что идеологические сторонники и противники партий в лице средств массовой информации также запускают свою пропаганду, чтобы наклеить на партию определённые ярлыки и лозунги, которые должны увеличить или сократить её электорат.

Актуальность исследования заключается в том, что сегодня мы наблюдаем усиливающаяся фрагментацию и слом партийных систем Германии и Франции из-за существования значительного влияния так называемых праворадикальных сил. Их особенное положение в партийно-политической системе обусловлено тем, что фактически их мандаты и их электорат выключаются из обычной политической борьбы, так как депутаты праворадикальных партий в Германии и во Франции не участвуют в формировании правительства. Таким образом, чем больше мандатов получают праворадикальные партии, тем меньше остаётся возможностей для коалиционного строительства у традиционных партий.

Такая трансформация более актуальна для изучения распределения сил в парламенте Германии, где ни одна другая политическая сила не готова идти на соглашение с «Альтернативной для Германии» даже на уровне земельных правительств. В контексте же Франции важно понимать, что фактор популярной влиятельной партии «Национальное объединение» также оказывает влияние на распределение мест в парламенте, так как если в 1 туре на выборах побеждает член партии, то все остальные кандидаты автоматически призывают поддержать альтернативу праворадикальному кандидату, чтобы только он/она не

победил. Это показывает избирателю, что праворадикальная партия не является удобной для истеблишмента, и если избиратель не доверяет традиционной элите, то он поддержит именно «Национальное объединение», с которым никто не будет сотрудничать на национальном уровне, так что усиление такой внесистемной силы может сломить традиционную партийно-политическую систему.

Во Франции также важную роль играют президентские выборы. В 2002 и 2017 гг. во второй тур вышел кандидат от «Национального объединения», и все остальные партии призывали своих сторонников проголосовать за другого кандидата. Однако, если наблюдатель может видеть высокий уровень поддержки кандидата «Национального объединения» ещё в первом туре, это означает, что во втором туре ему должен противостоять некий системный кандидат, который устроит все традиционные политические силы, чтобы не было раскола в ответственный момент. И эта ситуация автоматически ослабляет тех кандидатов, у которых нет шансов противостоять кандидату от «Национального объединения», так как за них не проголосуют те, для кого приоритет на выборах именно поражение праворадикальных сил.

Именно такое особенное положение для себя сформировало «Национальное объединение», став партией, формирующей повестку дня перед выборами. В Германии же считается, что риск победы «Альтернативы для Германии» невелик и что партия достигла своего максимума на выборах 2017 г., когда пришла третьей и получила 12,6 %, так как основной избиратель партии сосредоточен в восточных регионах, или «новых землях», в связи с чем «Альтернативу для Германии» даже иногда сравнивают с региональной партией (*Endlich wieder Flügelkämpfe*, 2021). Однако даже само участие этой партии в выборах уже отнимает голоса у Христианско-демократического союза и Свободной демократической партии, сокращая их электоральную базу, что приводит к тому, что сокращаются возможности для коалиционного строительства. В 2017 г. Христианско-демократический союз не мог рассчитывать на двухпартийную коалицию с СвДП из-за недостатка мандатов, и тогда пришлось договариваться с Союзом 90/Зелёные, хотя в итоге переговоры провалились, и только в марте 2018 г., спустя почти 6 месяцев удалось сформировать «большую коалицию» ХДС и Социал-демократической партии.

Именно с точки зрения такого особенного влияния «Альтернативы для Германии» и «Национального объединения» авторы настоящего исследования определили, каким образом внесистемность праворадикальных партий формируется в средствах массовой информации Франции и Германии. В статье были рассмотрены публикации конкретных газет, которые посвящены именно этим двум партиям и в которых предположительно прямо или косвенно можно выделить определённую целенаправленную демонизацию в сравнении с другими партиями. Можно сделать вывод, что это подчёркивается особенно обращением к радикальному популизму, к правому популизму, к ценностям авторитаризма, к игнорированию демократии, к агрессивным высказываниям политиков и другим элементам, которые будут раскрыты в статье.

«Альтернатива для Германии» – «Лига Востока»

Партийно-политическая система Германии с 2017 г. является многопартийной, так как до этой избирательной кампании систему можно было охарактеризовать как двухпартийную с половиной, потому что, хотя существовали две крупные «народные партии» – Христианско-демократический союз и Социал-демократическая партия, собирающие суммарно всегда больше половины или даже двух третей электората, они не были способны сформировать однопартийное правительство большинства. Так что малые партии, такие как Свободная демократическая партия, а затем Союз 90/Зелёные, были партнёрами правящих «народных партий» по коалиции. Однако с появлением Партии демократического социализма в 1990-е гг. на политическом ландшафте Германии и в целом в результате объединения Германии, когда западногерманские партии развернули свою деятельность в «новых землях», где существует другая политическая культура, партийно-политическая система Германии стала размываться. Опция коалиционного правительства с Партией демократического социализма (позднее – объединённая партия левых сил «Левые») не рассматривались «народными партиями», поэтому эти мандаты были выключены из коалиционного строительства.

С появлением же «Альтернативы для Германии» в 2013 г., которая также претендовала на роль внесистемной силы и на привлечение электората в первую очередь в «остальгирующей» восточной Германии, где существует электорат, недовольный результатами объединения Германии, доля голосов, которые были выключены из коалиционного строительства, растёт. В 2013 г. это было 13,3 % вторых голосов избирателей (*Zweitstimme*), в 2017 г. их было уже 21,8 %, а в 2021 г. произошло падение из-за кризиса в партии «Левые» – общий результат 15,2 %, однако это значительное число мандатов в Бундестаге: 163 в 2017 г. (23 %) и 122 в 2021 г. (16,6 %). Показательно также, что в 2017 г. потеряли голоса избирателей именно «народные партии», а выросли все парламентские малые партии и «Альтернатива для Германии», то есть фрагментация усиливается, и с каждым избирательным циклом процент мандатов «народных партий» сокращается, так что вес малых партий увеличивается (*Der Bundeswahlleiter*, 2021).

В этой связи растёт интерес к партии «Альтернатива для Германии», которая позиционирует себя как внесистемная сила. Внутри партии существует раскол относительно того, необходимо ли пытаться сотрудничать с традиционными правыми партиями и сближать политическую повестку с ними, либо необходимо оставаться в оппозиции, чтобы не растерять традиционный радикальный электорат (*Ruhose*, S. 7, 2020). Этому вопросу был посвящён партийный съезд в декабре 2020 г., когда столкнулись позиции умеренного сопредседателя партии Йорга Мойтена и оппозиционно настроенного сопредседателя Тино Хрупаллы, который пользуется поддержкой правого крыла «*Flügel*» («Крыло»), считающееся идейным ядром партии (*Jörg Meuthen stellt die Existenzfrage*, 2020). После того, как на выборах 2021 г. «Альтернатива для Германии» потеряли голоса избирателей (2,3 %), сопредседатель Йорг Мойтен объявил о своей отставке (*Ex-AfD-Chef Meuthen zu seinem Austritt: „Keine Zukunft mehr“*, 2022), что, видимо, говорит о том, что курс на попытку трансформации партии завершился, и идейную победу одержало радикальное крыло.

Принимая во внимание существовавший раскол в партии относительно будущего позиционирования партии, авторы исследования проанализировали образ партии в средствах

массовой информации, которые считаются в Германии левыми, леволиберальными или центристскими и которые можно прочесть в свободном доступе. Исследование построено на предположении, что консервативные СМИ Bild и Frankfurter Allgemeine Zeitung не демонизируют «Альтернативу для Германии», так как эти газеты потенциально могут читать их сторонники. Более очевидно, что противники «Альтернативы для Германии» читают левую и центристскую прессу: Tageszeitung, Tagesspiegel, Süddeutsche Zeitung, die Welt, поэтому на примере этих изданий можно изучить, как именно формируется негативный образ «Альтернативы для Германии». Однако на момент написания статьи авторам не удалось получить доступ к полным текстам газеты Süddeutsche Zeitung, поэтому её материалы не были рассмотрены.

В период до выборов в Бундестаг 2021 г. немецкими левыми средствами массовой информации, которыми можно назвать Tageszeitung и Tagesspiegel, целенаправленно формировался образ «Альтернативы для Германии» как расистской („Rassismus“), праворадикальной („Rechtsradikal“), правоэкстремистской („Rechtsextrem“), правопопулистской („Rechtspopulismus“) партией, которая управляется небольшим кругом людей из группы „Flügel“. Политические действия партии построены на постоянной оппозиционности правящему курсу и на создании скандалов („Skandalisierung“). Партия противоречит правительству по вопросам миграционной политики, защиты окружающей среды и коронавирусных ограничений именно по той причине, что она нуждается в скандалах и нуждается в постоянной оппозиционности. И опасность, которую транслирует газета Tageszeitung, заключается в том, что такая оппозиционность приводит к растущей поляризации общества: „Die AfD etabliert ihre Fundamentale Ablehnung von Klimaschutzmaßnahmen in der Gesellschaft und damit könnte eine Polarisierung vorantreiben“ (АдГ проецирует в общество свой фундаментальный отказ от мер по защите климата и таким образом может провоцировать поляризацию) (Warten auf die Spaltung, 2021).

Обеспокоенность левой прессы также вызывает то, что у партии есть официальный фонд научных исследований (Desiderius-Erasmus-Stiftung), который после выборов станет получать значительное государственное финансирование (больше 50 миллионов евро за четыре года), хотя партия транслирует радикальные и антидемократические идеи, и, соответственно, её фонд будет развивать эти идеи в науке, что не должно финансироваться за государственный счёт, к чему обращаются Tageszeitung и Tagesspiegel: „Das Stiftung könnte mit dem Staatsgeld Personal einstellen, rechte Karrieren ermöglichen und dabei helfen, extrem rechte Positionen gesellschaftsfähig zu machen und so die AfD weiter zu normalisieren“ (Фонд может за бюджетные деньги нанимать персонал, способствовать продвижению правых по карьерной лестнице и помогать сделать радикально правые позиции приемлемыми в обществе, чтобы дальше так образ АдГ нормализовать) (Steuergeld für politische Unbildung, 2021). Важно понимать, что такие фонды есть и у других парламентских партий: Konrad-Adenauer-Stiftung (CDU), Friedrich-Ebert-Stiftung (SPD), Hans-Seidel-Stiftung (CSU), Friedrich-Naumann-Stiftung (FDP), Heinrich-Böll-Stiftung (die Grünen), Rosa-Luxemburg-Stiftung (Die Linke). Но именно фонд «Альтернативы для Германии» позиционируется как опасный для развития науки в стране из-за «нормализации» того, что говорят и делают представители партии.

Именно словом «денормализация», как нам кажется, можно назвать целенаправленный речевой паттерн левой немецкой прессы вокруг восприятия в обществе «Альтернативы для Германии» в преддверии выборов 2021 г. в Бундестаг. Оно более точно можно отразить этот паттерн, чем «демонизация». Немецкая левая пресса будто рассказывает своим читателям то, что они должны знать о партии, чтобы не поверить в какой-то момент, что она нормальная. Интересно будет заметить, что газета Tageszeitung также использует паттерн «Лига Востока» (сравнивая с итальянской сепаратистской партией «Лига», которая раньше называлась «Лига Севера»), то есть позиционирует «Альтернативу для Германии» в качестве региональной партии: „die AfD im Osten ist eine regionalistische Partei“ (АдГ на Востоке является региональной партией) (Endlich wieder Flügelkämpfe, 2021).

В этой связи примечательно, что «Альтернатива для Германии» вышла на выборы в Бундестаг в 2021 г. с лозунгом „Deutschland, aber normal“ (Германия, но нормальная), и левая газета Tageszeitung пытается разбить это представление о том, что Германия станет нормальной, если «Альтернатива для Германии» придёт к власти, или что сама партия является нормальной: „Wenn man nur diese Spots und Plakate sieht, könnte man für einen Moment vergessen, dass die AfD sich in der Schmutzdecke von finsternem Rassismus, Hatespeech und böartigem Rechtsradikalismus selbst häuslich eingerichtet hat“ (Когда видят только эти плакаты и телерекламу, можно забыть на момент, что партия в политических телешоу сама выставляла себя как расистскую, злобно праворадикальную, ненавистническую силу) (Leider gut, 2021). Газета Tagesspiegel пошла ещё дальше и опубликовала подробный анализ расизма и правого экстремизма программных пунктов и высказываний партии «Альтернатива для Германии», выполненный Немецким институтом по правам человека (DIM): „Die AfD wurde als ernste Bedrohung für den sozialen Frieden und für den Fortbestand der Nation als kulturelle Einheit betrachtet“ (АдГ рассматривалась как серьёзная угроза социальной свободе и культурному единству нации) (Die AfD – bürgerlich und populistisch rechtsextrem und rassistisch, 2021). Наконец, обе газеты также в негативном свете описали событие, когда фактический лидер партии и руководитель фракции „Flügel“ Бьёрн Хёке встретился со сторонниками движения Pegida в преддверии выборов: „Der demonstrative Schulterschluss zwischen AfD und Pegida im Wahlkampf ist ein Indiz für eine Radikalisierung der AfD“ (Демонстративное братание между АдГ и ПЕГИДА в период избирательной кампании это доказательство радикализации АдГ) (Gemeinsame Wahlfront, 2021).

Таким образом, в освещении деятельности партии «Альтернатива для Германии» левой немецкой прессой можно заметить целенаправленную «денормализацию» партии, которая, как можно предположить, имела место под влиянием курса Йорга Мойтена на трансформацию партии. Стоит также упомянуть, что центристская газета die Welt из использованных в статье сюжетов обратилась только к дискуссии о необходимости запрета финансирования фонда Desiderius-Erasmus-Stiftung, и газета подчеркнула, что юридически это сделать практически невозможно, посвятив статью именно юридической стороне вопроса. То есть «денормализацией» занимается именно левая пресса.

«Национальное объединение»

Как было замечено ранее, применительно к Франции нас интересует опыт партии «Национальное объединение», традиционно относимой к правому краю в спектре политических идеологий. В качестве временного отрезка, в рамках которого исследовалась выпускаемая либеральная пресса, был выбран период с начала февраля (1 февраля) по 30 марта. Причиной, по которой был выбран данный период, является то, что он напрямую предшествует первому туру президентских выборов 2022 года, который состоится 10 апреля. Таким образом, интерес для нас представляло то, каким образом партии, относимые к «правым» (в рамках настоящей статьи – «Национальное объединение»), воспринимаются СМИ (в рамках настоящей статьи – печатной прессой), относимыми к категории «либеральных» в предэлекторальный период. Прежде чем представить основные выводы, сделанные на основе осуществленного анализа, необходимо отразить некоторые особенности партийной системы Французской Республики, а также внутривыборной конъюнктуры, характеризующей предвыборный период во Франции.

Заметим, что особенностью французской политической системы является то, что выборы президента Республики, депутатов и сенаторов парламента проводятся в один электоральный цикл друг за другом. Так, в 2022 году выборы президента Французской республики пройдут в апреле (первый тур назначен на 10 апреля), а выборы в парламент – в июне. В контексте настоящего исследования, подобная особенность представляет интерес, поскольку большинство кандидатов в президенты, представленных в 2022 году, не являются независимыми и выступают в тесной взаимосвязи со своими партиями, следовательно, даже во время предвыборной кампании для президентских выборов происходит формирование общественного мнения в отношении представляемых кандидатами партиях. Таким образом, приобретает актуальность исследование паттернов восприятия правых партий (в рамках данной статьи – «Национального объединения») со стороны леволиберальных французских СМИ.

«Национальное объединение» в таксономии политических партий Франции

На данный момент политический ландшафт Франции представлен партиями различного толка: от «левой» до «правой» политической ориентации.

В частности, среди 12 кандидатов в президенты 4 представляют лагерь «левой антикапиталистической идеологии»: Жан Люк Меланшон («Непокоренная Франция»), Натали Арто («Рабочая борьба»), Филипп Путу («Новая антикапиталистическая партия»), Фабьен Руссель (Коммунистическая партия Франции). В свою очередь, более умеренная левая идеология представлена двумя кандидатами: Янником Жадо («Европа экология-зеленые») и Анн Идальго (Социалистическая партия Франции). Центр политического спектра представлен действующим президентом Франции Эммануэлем Макроном и его партией «Вперед, республика!». Правый лагерь, в свою очередь, представлен Валери Пекресс из «Республиканцев», Эриком Земмуром из «Реконкисты» и, безусловно, Марин Ле Пен из «Национального объединения». Поскольку партия «Реконкиста» была создана Эриком Земмуром лишь незадолго до начала предвыборной кампании, а партия «Национальное

объединение» является системным и давним участником политической конкуренции в рамках французской системы, в качестве объекта исследования нами была выбрана последняя. Прежде чем перейти к основной части исследования, необходимо отразить основные этапы эволюции партии «Национальное объединение», обусловившие особенности партии, характеризующие ее на современном этапе.

История «Национального объединения» началась в 1972 году с созданием Жан-Мари Ле Пенем партии «Национальный фронт» (Front national (1917–2017), 2017), преемницей которой впоследствии стала партия «Национальное объединение». Так, «Национальный фронт» на начальном этапе своего существования характеризовался достаточно радикальными взглядами по различным вопросам общественного характера, в связи с чем многими характеризовался как крайне правая, или радикально-правая политическая сила. В частности, идеология партии характеризовалась антисемитизмом, стремлением к возврату к традиционным ценностям и полному запрету «аберрантных» проявлений культуры (модерн, нетрадиционная сексуальная ориентация и т. д.), выступлением против иммиграции из мусульманских стран. Радикализм в партии проявлялся, в том числе, в незаконных действиях со стороны некоторых из членов партии, неоднократно привлекавшихся к ответственности за нападения на мусульман, а также смягчением риторики в отношении, например, немецкой оккупации Франции в период Второй мировой войны и т. д. (L'occupation allemande pas "inhumaine": Jean-Marie Le Pen débouté par la CEDH, 2016). Присутствие подобных элементов радикализма и крайне правой политической ориентации обуславливало достаточно долгий период неуспеха партии на выборах: первые относительно успешные выборы пришлось на 1986 год, то есть, лишь 14 лет спустя создания «Национального фронта», когда партия получила 35 мест в Национальном собрании (French parliamentary elections 1986, 2022). Подобный результат, помимо прочего, объяснялся если не смягчением позиции в отношении традиционно спорных проблем социального характера, то смещением внимания на иные вопросы, представлявшие интерес для большинства электората: усиление законности и правопорядка.

На президентских выборах 2002 года Ж.М. Ле Пену удалось выйти во второй тур, где он набрал 17 % голосов (Décision Proclamation présidentielle 2002 du 08 mai 2002, 2022). Однако индивидуальный успех лидера партии не был экстраполирован на партийный результат в рамках парламентских выборов: ввиду радикальной позиции партии в отношении евреев, мусульман, представителей сексуальных меньшинств против «Национального фронта» была развернута массовая пропагандистская кампания, направленная на предотвращение прохождения депутатов от этой партии в парламент, что в итоге и произошло. Последовавшие электоральные результаты как на национальном, так и на европейском уровнях не принесли успеха, вследствие чего Ж.М. Ле Пен покинул пост лидера партии, а его преемницей на данной должности стала его дочь, Марин Ле Пен.

Характерной особенностью политики внутрипартийной реорганизации, преследуемой М. Ле Пен, стало постепенное смягчение риторики в отношении ряда вопросов, традиционно составлявших предмет радикальной критики со стороны «Национального фронта». Хотя на выборах 2017 года «Национальному фронту» удалось получить лишь 8 мест в нижней

палате парламента (Résultats des législatives 2017: revivez la soirée électorale, 2017), подобный результат представляет собой улучшение по сравнению с электоральными результатами партии в некоторые из периодов эпохи председательства Жан-Мари Ле Пена, когда партия вовсе не получала мест в парламенте. Кроме того, Марин Ле Пен удалось выйти во второй тур президентских выборов, где она получила практически 34 % голосов (Résultats de l'élection présidentielle 2017, 2017). Подобный прогресс в результатах политика объясняется, помимо прочего, относительной дерадикализацией партийной повестки. Пожалуй, апогеем трансформации партии на данный момент является 2018 год, когда по предложению М. Ле Пен «Национальный фронт» был переименован в «Национальное объединение» с целью положительного качественного изменения облика партии и особенностей общественного восприятия (Marine Le Pen propose de renommer le FN «Rassemblement national», 2018). Так, своей задачей Марин Ле Пен видела прекращение восприятия партии в качестве радикально/крайне правой политической силы, поскольку подобный образ партии, безусловно, оказывал прямое воздействие на электоральные предпочтения французских избирателей, не желавших ассоциироваться с партией, продвигающей идеи дискриминации по национальному и/или конфессиональному признаку, сексуальной ориентации и т. д. В частности, М. Ле Пен неоднократно заявляла в интервью о том, что ее партия «не является радикально-правой» (MARINE LE PEN: "Ce terme d'extrême droite est péjoratif", 2013). Таким образом, употребление терминов «радикально-правая», «крайне правая», «радикальная» в отношении партии может рассматриваться в качестве «демонизации» партии со стороны леволиберальных СМИ.

Образ «Национального объединения» в представлении леволиберальных СМИ Франции

Напомним, что в рамках концепции исследования нами были изучены публикации леволиберальных французских медиа, посвященные партии «Национальное объединение» и/или содержащие упоминания о ней, на предмет выявления признаков «демонизации» партии, то есть, представления ее в негативном, радикальном качестве, которое призвано оттолкнуть потенциальных избирателей от голосования за данную партию.

Примечательно, что во Франции леволиберальная ориентация СМИ (в том числе, печатных) является весьма распространенной. Так, к категории леволиберальных печатных изданий можно условно отнести следующие:

- L'Opinion
- Les Echos
- Libération
- Le Monde
- L'Obs / Le Nouvel Observateur
- Courrier international
- Charlie Hebdo (Orientations politiques des journaux français et étrangers, 2022)

В рамках настоящей статьи нами были исследованы публикации двух из данных изданий: Le Monde, L'Obs / Le Nouvel Observateur. Причиной, по которой были выбраны именно данные

издания, является охват указанных газет по количеству читателей: Le Monde обладает наибольшим количеством читателей среди всех французских газет (~450 тыс. читателей (Orientations politiques des journaux français et étrangers, 2022)), в то время как охват L'Obs / Le Nouvel Observateur составляет порядка 200 тыс. читателей (Orientations politiques des journaux français et étrangers, 2022). Газета Charlie Hebdo, охват которой составляет 260 тыс. читателей (Orientations politiques des journaux français et étrangers, 2022), была сознательно исключена нами из исследования ввиду направленности ее деятельности: будучи сатирическим изданием, газета публикует критические очерки обо всех политических силах и кандидатах, в связи с чем априори не представляется возможным ожидать от публикаций Charlie Hebdo не критических положительных статей о «Национальном объединении» и Марин Ле Пен лично.

Механизм исследования. Нами были изучены все публикации обозначенных изданий, посвященные или содержащие упоминания о «Национальном объединении» (фр. “Le Rassemblement national”) и/или Марин Ле Пен и выпущенные в период с 1 февраля до 31 марта 2022 года, то есть, на протяжении двух месяцев, напрямую предшествующих президентским выборам во Франции. В то время как статьи были проанализированы на предмет определения общих качественных характеристик, уделяемых леволиберальными СМИ рассматриваемой партии, они также были исследованы на предмет выявления использования в них слов «радикально правая» (фр. “droite radicale”) и/или крайне правая (фр. “extrême droite”) применительно к «Национальному объединению» и/или Марин Ле Пен.

Le Monde

Исследование публикаций ежедневной французской газеты «Le Monde» позволило сделать несколько основных выводов применительно к образу правых партий (на примере «Национального объединения») в представлении леволиберальных СМИ Франции.

Так, из 203 публикаций, выпущенных за исследуемый период в отношении «Национального объединения» и Марин Ле Пен, в 121 публикации «Национальное объединение» и/или Марин Ле Пен характеризовались либо в качестве «крайне правых», либо в качестве «радикально правых». Притом, в большинстве статей подобная характеристика применялась систематически, повторно: в среднем, каждая статья содержала 3 употребления указанных характеристик. Одновременно отметим, что ни в одной статье партия не характеризовалась как «опасная»/ «потенциально опасная», а призывы игнорировать партию на выборах и не голосовать за нее не содержались. В целом, риторика журналистов в отношении партии в указанных статьях может быть охарактеризована как умеренная, однако не нейтральная, учитывая столь частое и множественное употребление характеристики, отрицаемой самой партией и ее лидером Марин Ле Пен. Однако наше внимание привлекла опубликованная газетой 31 марта статья под названием «Марин Ле Пен: абсолютно крайне правая программа, скрывающаяся за смягченным образом» (Marine Le Pen: un programme fondamentalement d'extrême droite derrière une image adouci, 2022). Данная статья стала, пожалуй, единственной из всех исследованных, в которой содержалась откровенная критика предложенных Марин Ле Пен идей, охарактеризованных автором статьи как

«ведущих к авторитарному государству» (Marine Le Pen: un programme fondamentalement d'extrême droite derrière une image adouci, 2022).

L'Obs / Le Nouvel Observateur

В свою очередь, в рамках газеты «L'Obs / Le Nouvel Observateur» за исследуемый период нами было обнаружено 76 статей, соответствующих заданным критериям поиска. Примечательно, что речевые паттерны, характеризующие отношение авторов данной газеты к «Национальному объединению» и Марин Ле Пен, значительно отличались от тех, что были представлены в газете «Le Monde». Так, из проанализированных статей лишь 5 публикаций содержат упоминание «радикально правой» и/или «крайне правой» партии применительно к «Национальному объединению». При этом общее восприятие партии характеризуется достаточной умеренностью и сбалансированностью, отсутствием сколько-либо заметной «денормализации» или «демонизации» партии, ее политики и лидера. Отметим также, что в одной из статей, в рамках которой партия все же характеризуется как «крайне правая», содержится примечание о том, что, в сравнении с «Реконкистой» Земмура, «Национальное объединение» и Марин Ле Пен являются существенно менее радикальными («Vous faites plus jeune qu'avant»: Marine Le Pen comme à la maison chez Hanouna, 2022).

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволило установить, что основным паттерном интерпретации французскими нелиберальными СМИ партий правого толка является их искусственная речевая радикализация, отображение в качестве политических сил, располагающихся на краю идеологического спектра. Так, несмотря на неоднократное подтверждение лидерами партии «Национальное объединение» стремления отойти от радикальных взглядов и решительный отказ от представления себя в качестве крайне правых сил французские леволиберальные печатные издания по-прежнему используют подобные паттерны риторики в отношении к указанной партии. Заметим, при этом, что несмотря на преследование данной линии по внешней радикализации «Национального объединения» леволиберальные СМИ, тем не менее, не преследуют политику «демонизации» или «денормализации» партии, отказываясь открыто заявлять о необходимости ее бойкотирования на выборах и/или опасности, которую несет потенциальный электоральный успех партии. Так, можно предположить, что причиной, обуславливающей преобладание указанного паттерна риторики леволиберальных СМИ, является успешная реорганизация и ребрендинг партии, инициированные Марин Ле Пен. Думается, что сокращение количества вопросов, в отношении которых партия занимает радикальную позицию, наряду с общей политикой смягчения партийной риторики все же сделали образ партии менее агрессивным и радикальным, что обусловило отказ либеральных СМИ от представления и/или освещения партии в подобном ключе.

Что касается немецкого кейса, авторами исследования был выведен речевой паттерн «денормализации» в левой прессе Германии в отношении партии «Альтернатива для Германии», то есть СМИ целенаправленно деконструируют образ предпринимающей попытки

«нормализоваться» партии, чтобы напомнить избирателям перед выборами, что партия ассоциируется в первую очередь с праворадикальными взглядами и антидемократическими ценностями. Причиной является стремление не допустить роста голосов партии на парламентских выборах и увеличения фракции в условиях, когда один из сопредседателей партии Йорг Мойтен попытался взять курс на трансформацию и «нормализацию» партии (“Deutschland, aber normal”).

Таким образом, в нашем исследовании в результате анализа образов «Национального объединения» и «Альтернативы для Германии» в СМИ были выявлены разные речевые паттерны, определяющие образы партий в общественном дискурсе: это паттерны внешней радикализации во Франции и денормализации в Германии. Есть основания предполагать, что и в том, и в другом случае речевые паттерны, используемые СМИ, оказывают воздействие на электоральные предпочтения населения.

Библиография

1. Décision Proclamation présidentielle 2002 du 08 mai 2002// Conseil constitutionnel. URL : <https://web.archive.org/web/20110613000953/http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/les-decisions/acces-par-date/decisions-depuis-1959/2002/proclamation-presidentielle-2002/decision-proclamation-presidentielle-2002-du-08-mai-2002.693.html> (дата обращения 30.03.2022).
2. Der Bundeswahlleiter – URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/bundeswahlleiter.html> (дата обращения 01.03.2022).
3. Die AfD – bürgerlich und populistisch rechtsextrem und rassistisch / Der Tagesspiegel 07.6.2021 – URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/national-voelkische-positionen-die-afd-buergerlich-und-populistisch-nein-rechtsextrem-und-rassistisch/27260246.html> (дата обращения 28.03.2022).
4. Endlich wieder Flügelkämpfe / Tageszeitung 27.9.2021 – URL: <https://taz.de/Die-AfD-nach-der-Bundestagswahl/!5800245/> (дата обращения 29.03.2022).
5. Ex-AfD-Chef Meuthen zu seinem Austritt: „Keine Zukunft mehr“ / WDR 29.1.2022 – URL: <https://www1.wdr.de/nachrichten/parteichef-joerg-meuthen-verlaesst-die-afd-100.html> (дата обращения 18.03.2022).
6. French parliamentary elections 1986. Archive. URL: http://archive.ipu.org/parline-e/reports/arc/France_1986_E.PDF (Дата обращения: 30.03.2022).
7. Front national (1971-2017) //Le temps. URL: <https://www.letemps.ch/monde/front-national-19712017> (дата обращения 30.03.2022).
8. Gemeinsame Wahlfront / Tageszeitung 14.9.2021. URL: <https://taz.de/AfD-und-Pegida-in-Dresden/!5800925/> (дата обращения 27.03.2022).
9. Jörg Meuthen stellt die Existenzfrage / Zeit Online 28.11.2020. URL: https://www.zeit.de/politik/deutschland/2020-11/afd-joerg-meuthen-corona-politik-sozialpolitik-parteitag-kalkar?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения 15.03.2022).
10. L'occupation allemande pas "inhumaine": Jean-Marie Le Pen débouté par la CEDH//L'express. URL: https://www.lexpress.fr/actualite/l-occupation-allemande-pas-inhumaine-jean-marie-le-pen-deboute-par-la-cedh_1838240.html (дата обращения 30.03.2022)
11. Leider gut / Tageszeitung 14.9.2021 – URL: <https://taz.de/Wahlkampagne-der-AfD/!5797212/> (дата обращения 28.03.2022).
12. MARINE LE PEN: "Ce terme d'extrême droite est péjoratif"//BFM TV.URL: https://www.bfmtv.com/politique/front-national/marine-le-pen-ce-terme-d-extreme-droite-est-pejoratif_AN-201310040102.html (дата обращения 30.03.2022).

13. Marine Le Pen : un programme fondamentalement d'extrême droite derrière une image adouci //Le Monde. URL: https://www.lemonde.fr/election-presidentielle-2022/article/2022/03/31/presidentielle-2022-derriere-la-normalisation-de-marine-le-pen-un-projet-qui-reste-d-extreme-droite_6119942_6059010.html (дата обращения 30.03.2022).
14. Marine Le Pen propose de renommer le FN « Rassemblement national »// Le Monde. URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2018/03/11/marine-le-pen-propose-de-renommer-le-fn-rassemblement-national_5269188_823448.html (дата обращения 30.03.2022).
15. Orientations politiques des journaux français et étrangers // Intégrer Sciences Po. URL: <https://www.integrersciencespo.fr/orientations-politiques-de-la-presse-etrangere-et-francaise> (дата обращения 30.03.2022).
16. Résultats de l'élection présidentielle 2017// Ministère de l'intérieur. URL: [https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult__presidentielle-2017/\(path\)/presidentielle-2017/FE.html](https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult__presidentielle-2017/(path)/presidentielle-2017/FE.html) (дата обращения 30.03.2022).
17. Résultats des législatives2017: revivez la soirée électorale// Le Monde. URL: https://www.lemonde.fr/elections-legislatives-2017/live/2017/06/18/legislatives-2017-retrouvez-les-resultats-a-20-heures_5146603_5076653.html (дата обращения 30.03.2022).
18. *Ruhose F.* Die AfD vor der Bundestagswahl 2021. Wirkung – Perspektiven – Strategien / F. Ruhose. Springer VS. 2020. – 50 p.
19. Steuergeld für politische Unbildung / Tageszeitung 13.9.2021 – URL: <https://taz.de/AfD-nahe-Erasmus-Stiftung!/5799973/> (дата обращения 29.03.2022).
20. « Vous faites plus jeune qu'avant»: Marine Le Pen comme à la maison chez Hanouna// Le Nouvel Observateur. URL: <https://www.nouvelobs.com/election-presidentielle-2022/20220316.OBS55772/vous-faites-plus-jeune-qu-avant-marine-le-pen-comme-a-la-maison-chez-hanouna.html> (дата обращения 30.03.2022).
21. Warten auf die Spaltung / Tageszeitung 24.9.2021 URL: <https://taz.de/Studie-zur-Klimapolitik-der-AfD!/5798257/> (дата обращения 29.03.2022).

TOLERANCE as AN IDEOLOGY of THE WESTERN LEFT

Myasnickov A.I., student, SPSU
Saint-Petersburg, Russia

The idea of tolerance has its roots in Antiquity but the English philosopher John Locke finally formulated this principle in his book "The Message of Toleration". In his opinion, a person's faith is his personal ideas and the state should not interfere in this area. Locke advocated the separation of spiritual and secular authorities. If the state and the church are tolerant of each other, then this will be the best option for everyone. People and churches may consider their faith to be the right one, but it is possible to propagate their values only through persuasion, not through violence.

It was in this form that this principle continued to exist until the second half of the XX century. Initially, the new meaning of this term was brought by the struggle with the legacy of nazism after its defeat in World War II, the struggle against apartheid and racial discrimination. In the 50–60s of the XX century, protests against the segregation of the population by skin color under the leadership of Martin Luther King. At the same time, the development of women's movements (the second wave of feminism) began in the same years. Based on these factors, tolerance now became not only a principle of religious tolerance, but also racial and sexual.

In the second half of the 20th century, left-wing political movements continued to be popular, and the peoples of Europe still remembered the nazi crimes during World War II, and remembered the resistance movements, which often included communists. The whole world followed the unjust war in Vietnam, in which the United States helped its allies in the fight against the communist government. The youth of the whole world still remembered the death in Bolivia of revolutionary Ernesto Che Guevara, who for many years to come became an idol for her. In the 1960s, the left turn in politics.

The ideas of the Frankfurt School became especially popular. One of the most famous ideologues of the left in the west was the philosopher Herbert Marcuse, who in 1965 wrote an essay "A Critique of Pure Tolerance". In his work, the author notes that tolerance is one of the great achievements of liberalism, which continues to be relevant. At the same time, Marcuse believes that the modern capitalist era distorts real tolerance and turns it into an instrument of the ruling class. The philosopher believes that tolerance is a truth that serves for universal progress.

Marcuse believes that there are two types of violence (terror): progressive and regressive. To the first he refers the Red terror, and to the second – the White terror of the Civil War in Russia. From a moral point of view, any violence is evil, but, as the philosopher notes, history rarely follows moral and ethical principles. Therefore, it is possible to justify terror aimed at protecting progressive ideas from reactionary terror (Marcuse, 2011, p. 11).

Marcuse believes that only the left has the right to liberating tolerance, which means intolerance of right-wing conservative movements leading their anti-democratic ideas in order to preserve a repressive society. At the same time, the philosopher notes that liberating tolerance (progressive terror) can be both in the form of direct actions and discussions. The author hypothesizes that it

would have been possible to avoid the spread of nazism in Europe if political leaders had conducted their campaign using their words in a different way (Marcuse, 2011, p. 13).

Another ideologist of the left turn from the representatives of the Frankfurt school can be called Theodor Adorno. In his work "The Authoritarian Personality", the philosopher describes ideological ideas that are typical features of an authoritarian personality, including: anti-Semitism, racism, conservatism in economic and political issues (Adorno, 2012, p. 228). The philosopher also states that the authoritarian personality is a product of the patriarchal family, and this idea was developed by F. Engels, which he wrote in his famous work "The Origin of the Family, Private Property and the State".

The new left took part in many mass actions of the 1960 and 1970-s – in defense of the rights of blacks, in defense of the rights of sexual minorities, for university freedoms. At the same time, the most massive actions of left-wing protesters were associated with the events of May 1968 in France and protests against the Vietnam War.

After the decline of the protest wave after the end of the Vietnam War, the ideas of the Frankfurt School began to spread in Western cultural organizations (primarily in universities and the media) ('Cultural Marxism',... 2015). This could look like the promotion of a previously radical leftist ideology for the broad strata of society, but this in no way led to the political popularity of the left. Yesterday's revolutionaries have adapted to life within the existing political system. The most striking example is one of the leaders of the May 1968 protests in France, Daniel Cohn-Bendit, who later became a systemic member of the European Parliament for many years. Now the source of authority was not the support of the workers, but the recognition of their worthy leaders by the bourgeois elite.

This unity has led to the fact that previously radical ideas of the rights of sexual minorities and the rights of blacks have become part of the official ideology. However, anti-capitalist slogans were relegated to the background. This policy was carried out by De Gaulle's successors (he resigned a year after the 1968 protests) in France, who in the 1970s began to carry out left-liberal reforms. For example, the divorce procedure was simplified in the country, marital and illegitimate children were equalized in rights, as well as artificial termination of pregnancy and the use of contraceptives, previously prohibited (Arzakanyan, 2003, p. 66).

The modern left refused the class struggle within the framework of capitalism, now their policy was reduced to caring for the rights of oppressed social groups (gender, race, religion, etc.) within the existing system. If for classical Marxists the main force of support was the workers, then according to neo-Marxists, in the second half of the XX century the proletariat ceases to be a revolutionary class. The ruling class, fearing possible socialist protests, strives in every possible way to improve the lives of workers. The proletariat becomes part of the corrupted capitalist system and loses its revolutionary potential. The driving force of revolutionary transformations are minorities who could not become part of the existing system.

At the same time, supporters of the new left are trying to combine classical class analysis with the currently dominant discourse (protection of sexual minorities, feminism, etc.). Political scientist B. Kagarlitsky notes that modern left-liberals are not trying to overcome the ideological crisis in their movement. Moreover, they come up with more and more new forms of the oppressed. This approach turns left-liberals into the cultural avant-garde of neoliberalism (Kagarlitsky, 2017, p. 85).

In May 2020, after the murder of George Floyd in the United States, the Black Lives Matter movement, created with the participation of the new left, became more active, speaking out against violence against the black population.

The Black Lives Matter movement appeared in the summer of 2013 in the form of a hashtag on social networks as a reaction to the acquittal of a policeman who killed African Americans teenagers in February 2012, which caused nationwide protests. The movement became more widespread in 2014 during street demonstrations caused by the deaths of two African Americans. After that, he continued to play an important role in protests against police violence and racism. The 2020 protests differ from previous BLM actions in that they quickly spread across the United States. Floyd's brutal death changed public opinion in the United States in favor of the BALM movement and drew attention to racism in American society (Medusa's absolutely comprehensive guide,..., 2020).

The protests in the United States continued for a long time, one of the most interesting moments of this time was the proclamation of the Capitol Hill Occupied Protest in the city of Seattle. This autonomy lasted a little less than a month, but already some of the new left managed to compare it with the Paris Commune of the XIX century. Among their slogans were, as well as progressive demands – the redistribution of funds to the health sector, and the classic demands of the left liberals – amnesty for drug distribution, the ability to serve the african american population only by african americans, priority in studying the history of the black population in educational institutions (Free Food, Free Speech and Free of Police..., 2020).

These protests against racial discrimination, supported by some left-liberal activists, were not limited to the United States of America, they spread to Europe. Mass rallies were held in the UK, France and Germany. In Europe, as in the USA, programs and desecration of monuments to "racists who insult the entire human race" have begun (In Europe, the USA and Australia,..., 2020).

The idea of justified violence by the black population as a response to oppression by the white population was voiced by the philosopher F. Fanon in the book "The Wretched of the Earth". The politician is trying to theoretically comprehend social relations and revolutionary processes on the African continent. The author comes to the conclusion that the violence of the oppressed is a legitimate response to the violence of the oppressor, and the most consistent form of this violence is armed struggle (Anarchy, 2003, p. 21).

Protests against racist policies in Europe and the United States have even been compared by some experts to the level of the 1968 protests (In terms of the level of violence at mass protests,..., 2020). The 2020 Black Live Matters protests were used by Joseph Biden to his advantage in favor of his 2020 presidential campaign. The protesters criticized the then-president Donald Trump for his racist policies, and Biden retained the image of the vice president under Obama. Biden expressed his support and sympathy to the protesters, and the candidacy of Kamala Harris was supposed to testify to Biden's commitment to the policy of equality. Kamala Harris herself, being of asian descent, stated that the BLM movement is necessary for the development of countries (Kamala Harris,..., 2020). The Democratic Party of the USA began to express support for the protesters and, for example, proposed for consideration a bill on the dismantling of monuments to Confederates in congressional buildings, and at the beginning of the pre-election congress of the Democratic Party itself in August 2020, delegates offered to honor the memory of George Floyd with a minute of silence.

After his victory in the presidential election, Biden continues to support the Black Live Matters movement and repeals Trump's decree on the protection of monuments that protesters demolished as monuments to racists. Biden promised to pass a law on police reform in honor of George Floyd. On the anniversary of Floyd's murder, Biden invites his family to visit the presidential White House. In June 2021, Biden declared June 19 a national holiday in honor of the abolition of slavery in the United States in 1863. The Biden administration also supported the introduction of a Critical Racial Theory in American schools and universities, according to which the entire history of the white race was the history of the oppressor race (What Is Critical Race Theory,..., 2021). This is how Biden, as one of the representatives of the American elite, was able to use the left-liberal policy of Black Lives Matters at the level of rhetoric, while excluding the anti-capitalist ideas of the movement.

The coronavirus pandemic in 2020 once again pointed out the shortcomings of the current capitalist system. Even in the center of the modern capitalist system in the United States, they began to recognize the fact that the left-wing program of Bernie Sanders, who lost the primaries of the Democratic Party for the post of presidential candidate, was necessary especially in the conditions of a pandemic (Bernie Sanders,... 2020). In the UK, some researchers began to admit that if the Labour Party under the leadership of the neo-Marxist Jeremy Corbyn won the elections in 2019, most likely, the country would be able to avoid such serious consequences of the coronavirus pandemic in 2020 and 2021 (Coronavirus: Labour would have acted,... 2020).

The defeat of Corbin and Sanders in their main electoral battles led to a significant blow for the radical left movement in the West. Both politicians were able to satisfy both many "old" and most "new" leftists. Both politicians did not abandon the protection of sexual and racial minorities (both politicians supported the progressive intentions of Black Lives Matter), but at the same time resumed anti-capitalist discourse. It is very difficult to predict the future of the left in the West, the coronavirus pandemic has actualized the issues of left-wing ideas in politics, primarily about healthcare. At the same time, the left's lack of an opportunity to successfully combine the ideas of the "old" and "new" leftists is likely to lead to further failures.

References

1. Adorno T. *The Authoritarian Personality*. – Saint Petersburg.: Astrel, 2012. – 473 p. (in Russian).
2. *Anarchy. The anthology of modern anarchism and left-wing radicalism*. In two volumes. Volume Two: *Flirting with Anarchism. Left-wing radicals*. – Moscow: Ultra.Kultura, 2003. – 368 p. (in Russian).
3. Arzakanyan M. *The political history of France of the XX century*. – Moscow: The Higher School of Economics Publishing House, 2003. – 157 p. (in Russian)
4. Bernie Sanders's campaign made Democrats' ambitious covid-19 relief plan possible // *The Washington Post* – URL: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2020/05/13/democrats-covid-19-relief-plan-shows-charges-socialism-have-lost-their-bite/> (accessed November 1, 2022).
5. Coronavirus: Labour would have acted more quickly to curb outbreak if I was PM, says Corbyn // *The Independent*. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/coronavirus-corbyn-labour-leadership-election-nhs-tests-china-latest-a9443016.html> (accessed November 1, 2022).
6. 'Cultural Marxism': a uniting theory for rightwingers who love to play the victim. // *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/jan/19/cultural-marxism-a-uniting-theory-for-rightwingers-who-love-to-play-the-victim> (accessed November 1, 2022). Free Food, Free Speech and Free of Police: Inside Seattle's

'Autonomous Zone' // The New York Times – URL: <https://www.nytimes.com/2020/06/11/us/seattle-autonomous-zone.html> (accessed November 1, 2022).

7. In Europe, the USA and Australia monuments of the colonial past are being destroyed – even monuments to Queen Victoria have suffered. Isn't that barbaric? // Meduza. URL: <https://meduza.io/feature/2020/06/19/v-evrope-ssha-i-avstralii-krushat-monumenty-kolonialnogo-proshlogo-postradali-dazhe-pamyatniki-koroleve-viktorii-razve-eto-ne-varvarstvo> (accessed November 1, 2022) (in Russian).

8. In terms of the level of violence at mass protests in the United States, 2020 is catching up with the record 1968. Demonstrations have been going on for the third month – and are unlikely to end in the near future // Meduza – URL: <https://meduza.io/feature/2020/07/27/po-urovnyu-nasiliya-na-massovyh-protetah-v-ssha-2020-god-dogonyaet-rekordnyy-1968-y-demonstratsii-idut-uzhe-tretiy-mesyats-i-vryad-li-zakonchatsya-v-blizhayshee-vremya> (accessed November 1, 2022) (in Russian).

9. Kagarlitsky B. Between Class and Discourse: Left Intellectuals in Defence of Capitalism. – Moscow: The Higher School of Economics Publishing House, 2017. – 280 p. (in Russian).

10. Kamala Harris is branded 'ignorant' for praising BLM protests and calling them 'essential' just three days after two cops were shot during Louisville riots // Daily Mail Online. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-8774681/Kamala-Harris-slammed-claims-BLM-protests-violent-unrest-essential-keeping-police-check.html> (accessed November 1, 2022). Marcuse G. A Critique of Pure Tolerance. – Saint Petersburg.: Astrel, 2011. – 382 p. (in Russian).

11. Medusa's absolutely comprehensive guide to the new world that the Black Lives Matter movement has changed // Meduza. URL: <https://meduza.io/feature/2020/08/04/absolyutno-ischerpyvayuschiy-putevoditel-meduzy-po-novomu-miru-kotoryy-izmenilo-dvizhenie-black-lives-matter> (accessed November 1, 2022) (in Russian).

12. What Is Critical Race Theory? // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2021/07/09/podcasts/the-daily-newsletter-critical-race-theory.html> (accessed November 1, 2022).

ПОНИМАНИЕ РАВЕНСТВА ПОЛОВ в СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Резвая Е.В., аспирант, СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

Эмпирические и сравнительные исследования гендерной политики и гендерного аспекта в международных отношениях и внешней политике государств, а также разработки методики оценки потенциала гендерного равенства в странах, продолжают быть актуальными. В данной статье рассмотрим теоретические обоснования для позиционирования равенства полов как важной ценности в политике Европейского Союза как гаранта прав человека на международной арене.

В начале июля 2021 года на Форуме равенства поколений в Париже был представлен Глобальный План Акселерации ООН по достижению гендерного равенства в мире 2021–2026 (Global Acceleration Plan, 2021, дата обращения: 02.02.2022). План опирается на принципы устойчивого развития ООН и Пекинскую декларацию о правах женщин от 1995 года (Пекинская декларация, 1996, дата обращения: 02.02.2022). Согласно Плану, достижение равноправного положения женщин в государстве и обществе должно быть реализовано по шести направлениям: 1) прекращение насилия против женщин и девочек на основе предвзятости к полу/гендеру; 2) достижение экономической справедливости для женщин; 3) достижение полной свободы женщины распоряжаться собственным телом и иметь доступ к защите и средствам управления своим репродуктивным здоровьем; 4) поддержка феминистского движения в контексте защиты прав женщин, ограниченных климатическими условиями; 5) поддержка технологий и инноваций, способствующих достижению гендерного равенства; 6) поддержка феминистских движений и женского лидерства.

Согласно Стратегии Европейского Союза по гендерному равенству 2020-2025 гг., «целью является Союз, в котором женщины и мужчины, девочки и мальчики во всем их разнообразии, могут свободно следовать выбранному ими жизненному пути, имеют равные возможности для процветания и могут на равной основе участвовать в жизни <...> европейского общества и руководить им» (Gender Equality Strategy, 2020). В качестве приоритетных целей гендерной политики ЕС обозначаются: искоренение насилия, вызванного гендерными предрассудками и неприязнью, преодоление гендерных стереотипов, устранение гендерного разрыва на рынке труда, достижение равного участия женщин и мужчин в различных секторах экономики, устранение гендерного разрыва в оплате труда и пенсионном обеспечении, достижение гендерного баланса в политике и на руководящих должностях. Кроме того, в Стратегии формулируется формат политических действий, который, по мнению авторов документа, способствует ускоренным темпам решения проблемы неравенства полов: сочетание гендерного мейнстриминга и интерсекционального подхода.

Идея гендерного мейнстриминга определена объединением «ООН Женщины» в 1997 году как «стратегия превращения дискриминирующего опыта женщин, а также мужчин,

в неотъемлемый аспект разработки, реализации, мониторинга и оценки политики и программ во всех политических, экономических и социальных сферах, чтобы женщины и мужчины получали равные выгоды, и чтобы неравенство не увековечивалось» (Gender Mainstreaming, 1997). Идея приоритетности гендерного мейнстриминга является распространенной среди европейских философов, социологов и политологов. Тем не менее, она подвергается критике от специалистов по оценке равенства полов в различных сферах на уровне государства. Автор труда «Обеспечение равенства с помощью анализа политики? : Реализация оценки гендерного воздействия в Европейском союзе и гендерного анализа в Канаде» Арн Т. Зауэр отмечает, что, покуда а) «юридические, философские, социологические и политические концепции равенства нигде четко не определены с точки зрения политических результатов и целей» и б) «истинное» равенство требует длительного изменения парадигмы в гендерных отношениях и перераспределения ответственности и власти в общества и его институты, инструменты оценки гендерной политики не принесут желаемых, прогнозируемых результатов. Соответственно, гендерный мейнстриминг, понимаемый и приоритезируемый странами ЕС по-разному, будет осуществляться неравномерно (Sauer, 2018, p. 15).

В статье 2 Конвенции Организации Объединенных Наций о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW) 2010 определены основные обязательства государств-участников и идея интерсекционального подхода. Дискриминация женщин по признаку пола и гендера неразрывно связана с другими факторами, влияющими на женщин, такими как этническая принадлежность, религия или убеждения, здоровье, статус, возраст, класс, сексуальная ориентация и гендерная идентичность. Дискриминация по признаку пола или гендера может затрагивать женщин, принадлежащих к таким группам в разной степени или иначе, чем мужчин. Государства-участники должны юридически признать такие пересекающиеся формы дискриминации и их комплексное негативное воздействие на женщин и запретить их (Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, 1979).

Проиллюстрируем позиционирование приоритетности гендерной политики на примере Германии договором коалиции ФРГ на 2021–2025 годы. Тема «Равноправие» выделена отдельной главой в тексте документа и декларирует одну из государственных целей – достижение равенства мужчин и женщин к концу десятилетия, проверки имеющихся и вступающих в силу законов на наличие учёта фактора равенства полов, скорейшего нивелирования процента разницы половой репрезентации в различных сферах, составляющих государство и общество (Koalitionsvertrag, 2021). Договор коалиции акцентирует внимание на трех аспектах защиты прав женщин из рекомендованных вышеупомянутой стратегией ЕС, требующих особого внимания со стороны политики: защите уязвимых групп женщин от насилия, в том числе появившегося на почве гендерных предрассудков, экономическом равенстве полов и защите репродуктивного здоровья женщины и ее права им распоряжаться.

Пол и гендер: проблемы терминологии и понимания

Перед размышлениями о концепте равенства полов важно оговорить, что мы понимаем под терминами «пол» и «гендер».

В Российской Федерации, согласно конституции, государством признаются два пола – женский и мужской. Термин «гендер» крайне редко фигурирует в официальных документах РФ. Примеры трактовки термина в а) Письме Минобрнауки РФ от 06.10.2005 "О Концепции превентивного обучения в области профилактики ВИЧ/СПИДа в образовательной среде": гендер – культурно-специфический набор признаков, определяющих социальное поведение женщин и мужчин и взаимоотношения между ними (Письмо Минобрнауки РФ, 2005); б) неутвержденном Проекте Федерального закона "О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации": "гендер", "гендерный" – социальный аспект отношений между мужчинами и женщинами, который проявляется во всех сферах общественной жизни, включая политику, экономику, право, идеологию, культуру; "гендерное равенство" – равный правовой статус женщин и мужчин и равные возможности для его реализации, позволяющие лицам обоего пола свободно развивать свои потенциальные способности, умения и навыки для участия в политическом, экономическом, социальном и культурном процессах и освоении их достижений (Федеральный Закон № 284965-3, 2018). Следовательно, в официальном российском дискурсе мы говорим о термине «равенство полов», который акцентирует внимание на концепте бинарной оппозиции (женщина и мужчина), и, используя его в нашей работе, мы подчеркиваем нашу заинтересованность вопросом прав, проблем и свободы реализации возможностей и гендерной роли биологической женщины в мире.

Вернемся к примеру Германии. Термин «гендер» также отсутствует в Основном законе ФРГ, в документе используется слово «пол» (Geschlecht) (Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland). Однако, как в официальных протоколах, опубликованных на веб-сервисе Бундестага, так и в вышеупомянутом договоре новой коалиции частотен термин «гендер», «гендерная политика», «гендерный мейнстриминг» и «гендерное равенство». Интересно, что, наряду с закреплением ценности достижения равенства между мужчиной и женщиной в бинарной оппозиции, в договоре коалиции публикуется отдельная глава «Квир-жизнь», в которой закрепляется равенство прав и свобод реализации для людей, чей биологический пол и гендер не совпадают (Koalitionsvertrag, 2021, p. 119). Следовательно, говоря о «гендерном равенстве» здесь, мы не ставим во главу вопроса биологию пола, но то, что человек собой представляет как социальный актор.

Для того, чтобы обозначить документально целью гендерное равенство с акцентом на биологический пол, авторы Плана Акселерации ООН используют наряду с ним понятие «женщины во всем их многообразии». Тем не менее, фиксации данной терминологии в документации ООН предшествовали дебаты исследователей о понимании концептов «пол», «гендер», приемлемости их использования, целесообразности их существования и отрицания одного из них. Цель про-феминистских исследователей и деятелей – противостоять биологическому детерминизму или мнению, что биология – это судьба. Среди влиятельных мнений в споре о понимании пола и гендера можно отметить канадскую феминистку Шуламит

Фаерстоун, американскую философию Джудит Батлер, нидерландскую философию Мари Миккола, антрополога Гейл Рубин, профессора философии Хантерского колледжа Линду Алькоф, и других.

В нашей работе мы отказываемся от идеи избегания биологического пола и признаем его одним из важных характеристик для а) самоидентификации человека и б) оперирования концептом «женщина» в рамках исследования проблемы неравенства полов и гендерной политики на государственном и международном уровнях, пользуясь определением ООН «женщины во всем их многообразии».

Обзор политико-философских подходов к равенству полов

Попытки систематизации и оценки политико-философских подходов к вопросам гендера и проблемам равенства полов были предприняты как отечественными, так и зарубежными исследователями. Примечательно диссертационное исследование выпускника Российского университета дружбы народов К.С. Квон «Социально-философский анализ проблемы равенства полов и положения женщины в семье и обществе (на примере России)» (Квон, 2001, с. 13), представляющее собой масштабный обзор идей философов, писателей и общественно-политических деятелей России (и мира, сыгравших важную роль в развитии русской философской мысли), которые на протяжении всей истории страны ковали представление русского / советского человека / россиянина о равенстве полов и положении женщины. Кроме того, автор исследует аборт как *индикатор*, показывающий, «в какой мере женщина является объектом или субъектом социальных отношений, государственной политики, идеологии и права и в какой степени признается ее автономия как гражданина и человека» (Квон, 2001, с. 6). Позволим себе перенять у Квон термин «индикатор» с целью поиска при обзоре современной Европейской мысли о равенстве полов других возможных индикаторов.

На данный момент подробно изучено и описано развитие феминистской мысли в Европе. Познавательный обзор зарождения про-феминистской философской мысли составлен В.С. Трофимовой в статье «Философские подходы к «женскому вопросу» в XVII веке: у истоков современного феминизма» (Трофимова, 2013). Наглядной и качественной обзорной работой по теме является публикация профессора философии Н. МакАфи «Феминистская политическая философия» в Стэнфордской Электронной библиотеке по философии (McAfee, 2009). Говоря о феминистской философской мысли, нельзя не упомянуть основополагающие работы, манифестирующие ее: «Мужское и женское» (1949) М. Мид, «Второй пол» (1949) С. де Бовуар и «Политика пола» (1970) авторства К. Миллет. Работа С. де Бовуар «Второй пол», несомненно, оказала значительное влияние на развитие философской мысли о поле / гендере в Европе и мире. Отдельную ценность представляет «Введение» к данному эссе, являющееся обзором на философскую мысль о равенстве полов в диахронии и их критикой на основе эмпирических данных автора (де Бовуар, 1949, с. 7–17).

Считается, что определяющей идеей выхода вопроса равенства полов в сферу политики является тезис «личное есть политическое», высказанный американской журналисткой К. Хэниш в 1769 году и озаглавивший ее статью (Хэниш, 2013, с. 16–21). Следуя данному утверждению, автор статьи придерживается мнения, что, при изучении действий акторов

международной арены в контексте гендерной политики и работы над достижением равенства полов, например, работы международных организаций, важно также опираться на социологические исследования, пересекающиеся с политической сферой.

М. Фуко является философом, неоспоримо повлиявшим на феминистскую теорию. Идея Фуко о том, что тело и сексуальность являются культурными конструктами, а не только явлениями природы, легла в основу анализа структуры власти и способов управления для фем-исследователей. Фуко вводит категорию «стандарт нормальности» как прием управления человеком. «Нормальность» определяется системно, с помощью оценочных, диагностических и нормативных знаний, через институты криминологии, медицины, психологии и психиатрии. Сами индивиды подчиняются установленной власти в той степени, в которой они проникаются категорией «нормальности», распространяемой научными и административными дискурсами. Феминистки переняли идеи Фуко о контроле над телом для анализа механизмов управления женщиной на микрополитическом уровне, исследования способов социального контроля над женщинами через их тела и сексуальность, целью которых являлось определение возможностей для сопротивления и социальных изменений. Кроме того, философия Фуко натолкнула фем-исследователей разработать теорию исследования процессов, помогающую избегать обобщения опыта женщин как объектов и субъектов исследования, что привело к формированию теории интерсекциональности.

Новые идеи о происхождении и устойчивости неравенства мужчин и женщин предлагает французская антрополог Ф. Эритье. Исследовательница вводит понятие «дифференциальная валентность полов», что означает различие между женским и мужским полами/началами, а именно более высокое положение мужского пола над женским, которое «универсально все времена и во всех местах» (Lamougeux, 2003, p. 214). Причиной возникновения данного положения полов Эритье считает способность женщины к деторождению и материнству, и, как высказывается сама исследовательница, «непомерная привилегия рожать» подвигла мужчин, неспособных к деторождению, контролировать воспроизводство населения, и женщины были ограничены в контроле над собственным телом (Lamougeux, 2003, p. 214). Эритье указывает в своих наблюдениях, в частности, в книге «Мужское/женское II: растворение иерархии» (2002), что корни данного распределения ролей уходят в эпоху палеолита, и, предположительно, ввиду исторически глубоко укорененной традиции иерархичности полов истинное равенство между мужчинами и женщинами никогда не будет достигнуто. Данная идея исторического обоснования неравенства полов и перекликается с фундаментальным исследованием Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Однако, Эритье дополняет свои измышления тем, что считает появление контрацепции и доступа к ней («противозачаточная революция») значительным шагом к равноправному положению женщины, так как «закрепление права женщин на противозачаточные средства в законе меняет правила социальной игры» в пользу расширения женских возможностей самореализации (Françoise, 2002, p. 250). Данная идея воплотилась в актуальном Плане Акселерации ООН по достижению гендерного равенства. Важно отметить, что во Франции с начала 2022 года действует государственная программа

по предоставлению разнообразия видов противозачаточных средств для девушек и женщин от 18 до 25 лет (Интернет-издание, 2022).

В 1994 году британская профессор европейских исследований К. Хоскинз опубликовала статью «Гендерный вопрос в международных отношениях на примере Европейского Союза», с целью изучить и позиционировать гендерную политику и ведение программ по защите прав женщин в уникальном контексте: Европейский Союз представляет собой международную организацию, которая обладает пересекающимися и взаимодействующими характеристиками внутриполитической системы и сущности международной политики (Hoskyns, 1994, p. 225). В статье Хоскинз публикует наблюдения на примере двух случаев: интерпретацию Европейским Судом концепта «женщина» в конкретном деле (в 1990-е годы все судьи были мужчины) и репрезентативность женщин различных групп в политических процессах ЕС.

Хоскинз рассматривает гендер как еще одну перспективу для исследования и раскрытия особенностей международных отношений международных организаций или коалиций, наряду с вопросами о национальности и территории. Хоскинз поддерживает мнение, что политические взаимоотношения между странами играют важнейшую роль в формировании и ограничении политической самоидентификации женщины. Положение неравенства возможностей для женщин на момент публикации статьи проиллюстрировано позицией Европейского Суда – разделение сфер жизни на «публичное», входящее в компетенции Суда и общественно-политических институтов, и «личное» (образ жизни и обязанности женщины вне работы). Неучет «личного» в судопроизводстве Хоскинз расценивает как «непрямую дискриминацию». По ее мнению, подобное деление усугубляет положение женщины: «закон, основанный на равенстве принимает образ жизни мужчин как норму; закон, основанный на различиях увековечивает стереотипы и традиционные роли» (Hoskyns, 1994, p. 227–229).

Таким образом, представлен срез политико-философской теоретической базы для понимания взглядов ЕС на проблему неравенства полов и выбора приемов по его преодолению.

Понимание равенства полов в Европейском Союзе

С ценностями и пониманием равенства полов в контексте Европейского Союза мы можем ознакомиться в собрании эссе философов и специалистов современности, опубликованных под началом Европейской Комиссии (Visions for Gender Equality, 2015). Через эссе социологов, политиков и ученых мы постараемся определить *индикаторы* равенства полов в европейском контексте.

В 2015 году, в период завершения первой пятилетней стратегии Европейского Союза по достижению гендерного равенства, профессор феминистской политической экономики Лондонской школы экономики Диана Перронс в своем аналитическом эссе предложила следующие приемы, которые, должны применить страны Европейского Союза для скорейшего достижения гендерного равенства:

- быть в своей политике открытыми к научным изысканиям фем-экономистов и учитывать результаты их исследований;
- поддерживать политику гендерного мэйнстриминга;

– расширить анализ успешности политических действий с учетом социальных факторов (интерсекциональный подход) (Visions for Gender Equality, 2015, p. 17).

Главный исследователь института демократии Центрального Европейского университета Андреа Кризан определяет государство, не имеющее на данный момент времени гендерную политику как центральную или одну из приоритетных в своей государственной программе, как отстающее от международных стандартов и как неавторитетного, противоречивого игрока на международной арене: «Хотя гендерное равенство является основополагающим принципом ЕС, отсутствие согласованной политики или даже четкого определения насилия на уровне ЕС в отношении женщин, кроме как по отношению к другим международным субъектам, наносит ущерб к идентичности ЕС как политической единицы и международного актора. Кроме того, учитывая свою роль как крупная организация, оказывающая помощь в целях развития, она рискует быть обвиненной в двойных стандартах, настаивая на насилии в отношении норм женщин в контексте развития» (Visions for Gender Equality, 2015, p. 61).

Решение гендерных проблем и гендерного насилия по мнению Кризан должны быть лидирующим фактором, определяющим ведение политики страны, иначе решение проблем при нейтральном отношении к ней теряет свою эффективность и рискует раствориться в других, «более приоритетных» политических проблемах. Второй принцип хорошей гендерной политики государства по Кризан – своевременные меры для повышения эффективности политики и защита жертв недобросовестного отношения по признаку пола. Третий принцип – мультисекторальный (многоплановый, комплексный) подход к достижению равенства на всех социальных и политических сферах с помощью «интервенции», или так называемого гендерного мэйнстриминга (Visions for Gender Equality, 2015, p. 61).

Софи Жако, профессор политических наук в университете Снт-Луи в Брюсселе, предлагает оценивать гендерную политику государств и государственных объединений типа ЕС по степени соответствия пяти столпам:

- 1) наличие антидискриминационного закона (anti-discrimination law);
- 2) данный закон или комплекс законов своевременно развивается, расширяется и дополняется, например, от закона о защите прав женщины в профессиональной среде до защиты любой женщины от харрасмента и сталкинга (positive action);
- 3) гендерный мэйнстриминг как главенствующая модель гендерной политики государства (gender mainstreaming);
- 4) «мягкая сила», наличие программ действий, поддерживающий гендерный вектор политики (action programmes);
- 5) значительное финансирование (funding) (Visions for Gender Equality, 2015, p. 72–74).

В контексте международных отношений, по нашему мнению, государство также можно оценивать по признаку активности в международных кооперациях и внешнеполитических проектах, направленных на достижение гендерного равенства в других странах и обществах, например, проекты миссии стран НАТО и ООН в Афганистане по поддержке профессиональной деятельности и просветительских кампаниях среди афганских женщин и девушек, поддержание их инициативы и акций, направленных на привлечение внимания

общественности к проблеме неравенства возможностей реализации для женщин в стране (Горбунова, 2020).

Сю Жако также отмечает, что при применении данных «столпов» в государственной практике страны должно ориентироваться на культурно-исторический опыт и степень подготовки общества к политическим изменениям, поэтому на данный момент времени в странах Европы наблюдается дисбаланс пяти столпов, например, в Швеции успешно применение анти-дискриминационных законов, в странах восточной и южной Европы – финансирование и «мягкая сила» (Visions for Gender Equality, 2015, p. 72).

Подход Жако к оптимизации политики по достижению равенства полов заключается в следующих тезисах:

1) При составлении политических программ рассматривать концепт гендерного неравенства и применять принципы равенства полов комплексно, не концентрироваться на решении отдельно взятых проблем дискриминации.

2) Принять на уровне государства / объединения государств единое понимание пола / гендера, которое поможет преодолеть дисбаланс возможностей женщин и мужчин. Например, на данном этапе развития общества и государственной безопасности, следует отложить дискуссии о сомнениях в реальности существования биологического пола.

3) Активное привлечение феминистских исследований к изучению сильных и слабых сторон нынешней гендерной политики в государстве и мире с целью оптимизации ее применения (Visions for Gender Equality, 2015, p. 74).

Французская политик Бю Греси считает, что, какой бы усиленной и целенаправленной ни была политика государства и международных организаций, поведение человека все равно остается архаичным и, следовательно, сильно тормозящим процесс достижения равенства полов (Visions for Gender Equality, 2015, p. 28). Данное «торможение» по Греси обеспечивается наличием гендерных стереотипов, отраженных через «застывшее» поведение мужчин и женщин, которое они выбирают в зависимости от того, что ожидается от них в государстве и обществе. В контексте «ожидания» гендерная роль по Греси есть не способ самоидентификации, а выбор поведения, а также навыков и компетенций, тесно связанный с биологическим полом и интерпретацией пола/гендера государством и обществом. Греси дополняет идею о причинах появления нарратива «женщина-жертва» в начале политико-философской мысли о гендере и поле: «все, что нас окружает, говорит нам о гендерных ролях», что также подкрепляет устойчивость предубеждений женщин о самих себе. Греси называет это «конфликтом легитимности» – они [женщины] либо чувствуют, что отказываются от своих обязанностей дома (т. е. в частной сфере), либо играют роль узурпаторов в публичной сфере, в то время как мужчины наслаждаются глубоко сидящей исторической законностью» (Visions for Gender Equality, 2015, p. 29).

Брижит Греси предлагает идентифицировать степень равенства полов на четырех уровнях:

1) Забота о детях – качественная, мобильная, доступная.

2) Поддержка равенства родительской ответственности институтами власти и общественными структурами, поддержание идеи lifelong parenting, борьба со стереотипами о материнстве и отцовстве.

3) Поддержка проектов, направленных на борьбу с явлением «стеклянный потолок» (невозможность занять руководящие должности женщинами) и «стеклянные стены» (ограничения в профессиях для женщин).

4) Выведение из всех возможных структур (начиная со школы) разделения на гендерные роли, на мужское и женское, поддержка развития эмоционального интеллекта у мужчин (Visions for Gender Equality, 2015, p. 30-31).

Главным индикатором равенства полов, по мнению профессора Стокгольмского университета Лю Фрайденваль, является равная репрезентация женщин и мужчин в сфере государственного управления. Исследовательница ориентируется на определение гендера по американскому социологу П.Х. Коллинз. Коллинз определяет гендер через интерсекциональный подход и закладывает в него идею управления по умолчанию: гендер – это «совокупность идей и социальных практик, которые исторически расположены внутри и которые взаимно создают множественные системы угнетения» (Visions for Gender Equality, 2015, p. 56).

Фрайденваль предложила комбинированный анализ кандидаток на руководящие должности при приеме на работу, состоящий из двух подходов:

1) нормо-критический подход, заключающийся в тщательном изучении влияния существующих общественных норм на более эффективную инклюзию одних и отчуждение других людей. Целью подхода является системное изменение норм, способствующих дискриминационным практикам. Инструментом является вопрос «кого считают нормальным?», при ответе на который думающий фокусируется не на том, что считается девиантным, а на существующих нормах и властных структурах, влияющих на восприятие действительности, таким образом, ставя их под сомнение. Исследовательница полагает, что данный подход к равенству полов отличается от подхода о толерантности и разнообразии, который фокусируется на правах и свободах «уязвимых» и «жертв» положения и упускает из внимания акторов, поддерживающих наличие маргинализованного и уязвимого положения первых.

2) интерсекциональный подход. Согласно Фрайденваль, говоря о равной репрезентации политических лиц в парламенте, важно задумываться не только об их количестве, но и качестве (например, общие с государством и Европейским Союзом ценности, опыт работы и прочее) (Visions for Gender Equality, 2015, p. 55).

Следовательно, для достижения равенства полов в репрезентативности необходимо применять комбинацию данных подходов с учетом демократических принципов. Подобный подход критикуется как ориентированный на инклюзию малопредставленных групп, но не на системное решение проблемы неравенства. Например, норвежская политик Дж. Кристоферсен утверждает, что ведение политики по достижению равенства полов через репрезентацию женщин как жертв культурно-исторического контекста в современном мире недопустим (Visions for Gender Equality, 2015, p. 21). Жертву и слабую личность трудно идентифицировать с концептом ответственности человека за свою жизнь и, более того, за жизни других. Кристоферсен убеждена, что политика влияет на общество в гораздо большей степени, нежели наоборот, поэтому, если Европейские страны желают добиться

равной репрезентации женщин и мужчин в политике, следует поддерживать репрезентацию женщины как сильной личности.

Индикатором гендерного равенства по мнению американской феминистки и социолога Н. Чодроу является родительство (parenting practices) (Mikkola, 2008). Через родительство также выражается определение гендера, который может быть изменен с помощью систематической и направленной политики государства и международных установок. Примером трансформации концепта родительства, по мнению Чодроу, является Швеция с системой отпусков по уходу за ребенком для родителей обоих полов. В дополнение к идее равного распределения ролей женщин и мужчин в воспитании детей Чодроу полагает следующую трудность: отношения матери и дочери отличаются от отношений матери и сына, потому что матери чаще идентифицируют себя со своими дочерьми, чем с сыновьями. Это бессознательно побуждает мать поощрять своего сына психологически индивидуализироваться от нее, тем самым побуждая его развивать четко определенные и жесткие границы эго. Однако мать бессознательно отговаривает дочь от индивидуализации, тем самым подталкивая дочь к развитию гибких и размытых границ эго. Чодроу уверена, что данная трудность может быть исправлена с помощью вектора воспитания, поддерживаемого государственной идеей.

Определение важности воспитательного аспекта не чуждо и американскому политологу К. МакКиннон, которая также акцентирует внимание на гендерных стереотипах, а именно на уровне допустимости и частоты сексуализации женщины. По МакКиннон, допустимость, приемлемость и поддержка как нейтрального существования, так и эротизации дихотомии «мужественность суть доминантность, а женственность суть подчинение» способствует укоренению иерархичности полов, а, следовательно, соответствующего ей положения женщин и мужчин на предприятии, в государстве (Mikkola, 2008). Наиболее серьезными проблемами, связанными с эротизацией тела человека и стереотипами гендерного поведения, считаются сексуальное насилие, а также его тяжелые формы типа торговли людьми. Стоит отметить, что Европейским Союзом были разработаны директивы о харрасменте (действует с 2006 года) (Directive 2006/54/EC, дата обращения: 02.02.2022), торговле людьми и защите жертвы насилия (с 2011 года) (Directive 2011/36/EU).

Заключение

Глобальный План Акселерации ООН по достижению гендерного равенства от 2021 года определил тенденции для международных проектов и государственной политики: приоритетом становятся предотвращение насилия по отношению к женщине, достижение экономического равноправия и автономия права женщины на контроль собственного тела. Решение данных проблем способствует активному участию женщины и женской перспективы в политике. На смену подхода по защите прав угнетенных групп приходят гендерный мейнстриминг и интерсекциональный подход.

Существуют разногласия среди исследователей вопроса равенства полов по поводу определений "пол" и "гендер", а также того, чем данные понятия обусловлены. В основополагающих законах стран, ценящих равенство полов и стремящихся к нему,

отсутствует законодательно закрепленный термин "гендер" (примеры – Российская Федерация и Федеративная Республика Германия). В документах ООН, посвященных защите прав женщин, используется формулировка "женщины во всем их многообразии". Дискуссия об определениях отразилась на ныне утвержденных ценностях Европейского Союза и Организации Объединенных Наций, которые ставят «личное» в международную повестку.

Многообразие размышлений о равенстве мужчин и женщин – от дифференциальной валентности полов Франсуазы Эритье, присутствующей на всех уровнях устройства государства и сообществ до теории биологической власти и управления нормальностью Мишеля Фуко – иллюстрирует междисциплинарный характер данного вопроса и его несомненное влияние на жизнь государства, общества и взаимодействия стран.

Исследователи гендерной политики в странах Европейского союза выделяют следующие *индикаторы* гендерной политики, которые способствуют установлению равного положения женщин наряду с мужчинами: количество осознанно политически активных женщин на государственных постах, высокий приоритет закона против гендерной / половой дискриминации на всех уровнях жизни общества и государства, родительство с государственной поддержкой и равным разделением разных обязанностей без их стигматизации и стереотипизации, равная количественно и качественно репрезентация мужчин и женщин (с поддержкой государственной идеи), защита неприкосновенности тела, равное распределение власти и ответственности, доступная защита от крайне негативных последствий сексуализации (например, договоренности и системное противостояние торговли людьми). Следует также добавить "индикаторы", такие *индикаторы* как право на аборт (Кван К.С.), свободный и равный доступ к контрацепции (Ф. Эритье). Деятельность современных государств по достижению равенства по данным индикаторам оценивается международным сообществом и государствами-соседями и может быть использовано в дипломатии и политическом взаимодействии (Андреа Кризан).

Библиография

1. Горбунова О. В. Гендерная политика НАТО. СПб., 2020. – 86 с.
2. Де Бовуар С. Второй пол. М.: Азбука Аттикус, 2017. – 137 с.
3. Квон Ки Сук. Социально-философский анализ проблемы равенства полов и положения женщины в семье и обществе (на примере России). М.: РУДН, 2001. – 175 с.
4. Трофимова В. С. Философские подходы к «женскому вопросу» в XVII веке: у истоков современного феминизма // Диалог со временем. 2013. Вып. 42. С. 271–280.
5. Франция сделала контрацепцию бесплатной для женщин до 25 лет // Deutsche Welle (на момент формирования статьи данное СМИ выполняет функции иностранного агента). 2022. 1 янв. URL: <https://p.dw.com/p/452dF> (дата обращения: 02.02.2022).
6. Хэниш К. Личное есть политическое (февраль 1969 года) // Женщины в политике: новые подходы к политическому. Феминистский образовательный альманах. 2013. Вып. 2. С. 16–21.
7. A Union of Equality: Gender Equality Strategy 2020–2025. EUR-Lex: Access to European Union Law. 2020. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0152> (дата обращения: 02.02.2022).
8. Action Coalitions Global Acceleration Plan 2021. The Generation Equality Forum. 2021. URL: <https://forum.generationequality.org/sites/default/files/2021-06/UNW%20-%20GAP%20Report%20-%20EN.pdf> (дата обращения: 02.02.2022).

9. Armstrong A. Michel Foucault: Feminism. The Internet Encyclopedia of Philosophy (IEP). 2022. URL: <https://iep.utm.edu/foucfem/#H6> (дата обращения: 02.02.2022).
10. Directive 2006/54/EC of the European Parliament and of the Council of 5 July 2006 on the implementation of the principle of equal opportunities and equal treatment of men and women in matters of employment and occupation (recast). The EU, 2006. URL: <https://eur-lex.europa.eu/> (дата обращения: 02.02.2022).
11. Directive 2011/36/EU Of The European Parliament And Of The Council of 5 April 2011 on preventing and combating trafficking in human beings and protecting its victims, and replacing Council Framework Decision 2002/629/JHA. The EU, 2006. URL: <https://eur-lex.europa.eu/> (дата обращения: 02.02.2022).
12. Françoise H. Masculin / Féminin II. Dissoudre la hiérarchie. Odile Jacob, 2002. – 250 p.
13. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. The Bundestag Official Web-page. 2022. URL: <https://www.bundestag.de/gg> (дата обращения: 02.02.2022).
14. Hoskyns C. Gender Issues in International Relations: the Case of the European Community Review of International Studies // Review of International Studies. 1994. V. 20, N. 3. P. 225–239.
15. Lamoureux D. Compte rendu de [Françoise Héritier, Masculin / Féminin II. Dissoudre la hiérarchie. Paris, Odile Jacob, 2002, 433 p.] // Anthropologie et Sociétés. 2003. V. 27, N. 2. P. 214–215.
16. McAfee N. Feminist Political Philosophy. Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2009. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/feminism-political/#Rel> (дата обращения: 02.02.2022).
17. Mikkola M. Feminist Perspectives on Sex and Gender // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2008. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/feminism-gender/> (дата обращения: 02.02.2022).
18. Sauer A. T. Equality Governance Via Policy Analysis?: The Implementation of Gender Impact Assessment in the European Union and Gender-based Analysis in Canada. Bielefeld, 2018. – 568 p.
19. Visions for Gender Equality. Publication Office of the European Union, 2015. – 113 p.

**СОЦИАЛЬНЫЕ
ИНСТИТУТЫ
и ТОЛЕРАНТНОСТЬ:
СЕМЬЯ, ШКОЛА,
ГОСУДАРСТВО, РЕЛИГИЯ
SOCIAL INSTITUTIONS
and TOLERANCE: FAMILY,
SCHOOL, THE STATE
and RELIGION**

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ: СЕМЬЯ, ШКОЛА, ГОСУДАРСТВО, РЕЛИГИЯ

*SOCIAL INSTITUTIONS and TOLERANCE:
FAMILY, SCHOOL, THE STATE, and RELIGION*

ГРУППОВАЯ ДИНАМИКА СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ, как ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ-ИНТОЛЕРАНТНОСТИ

Бриль М.С., к. психол. н., доц., СПбГУ

Бекренева Ю.С., ст. препод., СПбГУ

Белоколодов В.В., к. психол. н., ст. препод., СПбГУ

Фельсендорфф О.В., к. психол. н., ст. препод. СПбГУ

Санкт-Петербург, Россия

Значение перевода термина *tolerance* (англ.), встречающееся в англо-русском психологическом словаре: приобретенная устойчивость; устойчивость к неопределенности; этническая устойчивость; предел устойчивости (выносливости) человека; устойчивость к стрессу; устойчивость к конфликту; устойчивость к поведенческим отклонениям (Асмолов, 2000, с. 6). Толерантность, как способность личности, характеризующая терпимость человека к иному мировоззрению, обычаям, образу жизни и поведению, зависит от ряда факторов в онтогенетическом развитии индивида и его актуальной жизненной ситуации.

В настоящей статье мы предлагаем обратить внимание на отношения взрослых в родительской семье индивида, как переменную, оказывающую влияние на формирование его отношения к образу жизни в широком смысле отличающегося от привычного. Иными словами, логично предположить, что способ реагирования человека на модель поведения, отличающуюся от его собственной, в значительной мере зависит от того, какие реакции он наблюдал в своей семье, будучи ребенком.

Важно отметить, что материал, представленный в статье, строится на практическом опыте специалистов Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ». В числе направлений деятельности учреждения одними из основных являются: индивидуальное регламентное сопровождение несовершеннолетних и лиц, не достигших возраста 19 лет, склонных к совершению правонарушений; организация процедуры альтернативного урегулирования конфликтов, в которых затронуты интересы лиц до 35 лет; а также мониторинг неформальной молодежной активности в уличном пространстве и Интернете, включающий выявление материалов, носящих признаки экстремистских.

В данной работе мы предлагаем обсудить гипотезу о влиянии родительских взаимоотношений на восприятие их ребенком образа жизни и моделей поведения, отличных от его собственных. Обозначенное влияние выражается в двух видах:

прямая демонстрация – копирование объектов для выражения напряжения и агрессии, которые выбирает родитель;

нормализация реакций – копирование способов выражения напряжения и разрешения проблем, которые демонстрирует родитель.

Если прямая демонстрация отвечает на условный вопрос «в отношении чего можно злиться», то нормализация реакций призвана дать ребенку ответ «как можно злиться». Помимо предложенных видов влияния, безусловно, влияет общий уровень напряжения ребенка. В конце статьи мы уделим отдельное внимание этому аспекту и обсудим, какие именно факторы способствуют нормативному росту напряжения в подростковом и раннем юношеском возрасте.

Прямая демонстрация родителями агрессии в адрес людей, демонстрирующих образ жизни и поведение, отличные от привычного, легко считывается и усваивается детьми практически на всем периоде взросления вплоть до совершеннолетия. Этот процесс является частью более общей тенденции, в рамках которой дети получают от родителей информацию: на кого стоит негодовать, на кого позволительно злиться и как относиться к тем или иным группам людей, к числу которых относятся религиозные и национальные объединения, политические партии и т. д. Наблюдая за поведением родителя в различных социальных ситуациях, ребенок получает важную для собственного взросления информацию. Так негодующий возглас родителя при просмотре новостного сюжета привлекает внимание ребенка к материалу и вызывает потребность в определении потенциального источника раздражения взрослого. Ребенок человека, не любящего очереди, также будет не любить очереди. Аналогичным образом взрослеющая личность будет уделять внимание негативным реакциям родителя в отношении тех или иных групп людей, стремясь определить критерии, по которым значимый взрослый эти группы определяет. Чаще всего, это просто, поскольку родитель сам называет отличительные признаки сообщества, зачастую их стигматизируя: «не люблю я этих черных» или «понаехавшие всю работу себе забрали». В некоторых случаях ребенок стремится выстроить обоснование сам, что, в отсутствии обсуждения, может привести его к неверным выводам, на основе которых он построит свое поведение в будущем. Так острую ненависть папы к их соседу ребенок может объяснить цветом кожи соседа, в то время как истинным поводом для агрессии служит ревность отца.

В этих случаях мы видим разительные примеры того, что отчетливо сказывается и во всех остальных ситуациях с ребенком, главнейший результат их заключается в том, что в решении задачи у ребенка на первый план выступают законы смыслового, т. е. то, каким образом ребенок осмысливает ситуацию и свое к ней отношение (Эльконин Б. Д. 1994, с. 24).

Безусловно, на разных этапах взросления прямая демонстрация от родителей усваивается ребенком по-разному. До раннего подросткового возраста в отсутствии развитого критического мышления и только формирующейся способности определять главенство абстрактных признаков категоризации над наглядными примерами родителей воспринимается непосредственно и с большим доверием. Взрослеющий подросток, в свою очередь, уже более самостоятелен в оценке родительского поведения и, наоборот, может быть подвержен его преувеличенному отрицанию. Такой вариант может развиваться на фоне разворачивающейся

борьбы ребенка за собственную независимость и, как правило, приводит к сложной системе амбивалентных установок, где бессознательно усвоенное отношение к социальной группе противоречит когнитивным убеждениям. Здесь стоит упомянуть, что когнитивный компонент социальной установки более пластичен в сравнении с эмоциональным и поведенческим, что нередко порождает возникновение внутренних противоречий.

Еще одним фактором, влияющим на усвоение ребенком прямой демонстрации от родителей, является степень согласованности социальных установок родителей. Так интолерантные установки в отношении конкретной группы людей могут быть свойственны только одному из родителей. В этом случае у ребенка будет выбор между стигматизирующими установками, к примеру, матери и более нейтральным отношением отца. Тогда, даже если предпочтенной реакцией будет интолерантное отношение, сформированная установка будет более пластичной, поскольку с детства ребенок наблюдал альтернативное отношение со стороны значимого взрослого. Отсюда следует, что в вопросах формирования толерантного-интолерантного отношения неполные семьи также являются менее сбалансированными, поскольку ребенок в своем взрослении отталкивается от воспринимаемой им установки только одного родителя.

Отдельно стоит рассмотреть пример неполной семьи, в которой оба родителя живы, однако столкнулись с болезненным разрывом отношений, после которого один из них практически не общается с детьми. В подобной семейной ситуации ребенок вынужден ради собственного выживания присоединиться к одному из родителей (с которым он остался жить) в его отношении ко второму родителю и всему, что с ним связано. При этом более ранний возраст переживания разрыва родителей соответствует более искренней вере в то, что родитель, с которым ребенок остался, прав, а второй, «ушедший» – ошибается. Мы употребляем определение «ушедший» условно, поскольку, даже если ребенка забрал с собой родитель, принявший решение уйти из семьи, именно отсутствующий родитель с большей вероятностью будет восприниматься ребенком, как покинувший его. Однако, возвращаясь к теме статьи, заметим, что в описанной выше семейной ситуации поддержка социальных установок родителя, с которым остался ребенок, может иметь для последнего доминирующее значение, обусловленное потребностью в выживании и безопасности. В число подобных установок может входить и интолерантное отношение к различным группам людей. Отмечается, что в иерархии отношений толерантность и интолерантность играют роль базисных. Толерантность как отношение порождает отношение доверия, готовность (установку) к компромиссу и сотрудничеству, а также радость, общительность, дружелюбие. Соответственно, интолерантность как отношение порождает негативизм, недоброжелательность, тенденцию «возникать» по поводу и без повода, а также негативные эмоции – гнев, досаду, злобу и злость (Бондырева, Колесов 2011, с. 5).

В некоторых случаях подобные установки могут быть сформированы для объяснения и усвоения в картине мира произошедшего краха семейных отношений. К примеру, мужчины, исходя из нашего опыта, часто объясняют уход женщины из семьи ее ментальным расстройством – «все было хорошо, а потом у нее помутнело сознание, она все чаще стала закатывать истерики, от нее всего можно ожидать»; влиянием матери-мужененавистницы –

«у нее мать такая же, своего мужа из семьи выгнала, и дочь теперь науськивает»; или, в принципе, особенностями мышления женщин – «все они такие, никогда не знаешь, что им взбредет в голову». Женщины для подобных целей используют аналогичные механизмы, чаще отмечая собственное длительное терпение – «давно надо было уйти, но я все терпела, думала: вдруг он изменит свое отношение». В данном случае терпимость к негативному опыту отношений играет с супругами злую шутку, способствуя накоплению между ними напряжения, которое, в итоге, приводит к острому, эмоционально насыщенному конфликту. Иронично также что женщины и мужчины склонны формировать сообщества по гендерному признаку, в рамках которых обсуждается недопустимость того или иного поведения со стороны их актуальных или бывших партнеров. Внутри этих сообществ происходит усиление интолерантных установок в отношении представителей противоположного пола и планируются конкретные агрессивные действия, направленные на нарушение прав отдельных их представителей. В своей работе мы сталкивались с сообществами специальных «мужских» юристов, которые в своем продвижении использовали лозунги, дискриминирующие бывших жен; а также ссылки на женские сообщества, в которых «разоблачались» истинные намерения мужчин-самцов и обсуждались модели поведения, чтобы их победить.

Отдельного упоминания заслуживает тот факт, что конфликтный развод сопровождается крайне высоким уровнем стресса для всех членов семьи. Это, в свою очередь, актуализирует потребность в канализации этого напряжения на доступные и безопасные объекты, которыми могут стать определенные социальные группы. По этой причине интолерантные установки, формируемые и усваиваемые в этот период жизни, крайне устойчивы и сопровождаются не только размышлениями, но и конкретными действиями. К сожалению, приходится констатировать, что многие подростки, активно поддерживающие националистические или иные стигматизирующие идеи, пережили или переживают в своей семье острый конфликт между родителями. Успешная работа специалистов, направленная на нормализацию их семейных отношений, приводит, как правило, к снижению интенсивности агрессии и ненависти таких молодых людей и девушек в отношении стигматизируемых ими групп.

Это можно объяснить, обратившись к феномену формирования социальных стереотипов, весьма полезному для начатого нами обсуждения. Чем выше у индивида потребность в экономии ментальных усилий, тем в большей степени он будет склонен воспринимать окружающий его социальный мир в терминах больших групп, а не набора отдельных индивидов с их личностными качествами и жизненными ситуациями. Таким образом, проблемная семейная ситуация, требующая значительных когнитивных и эмоциональных усилий от всех ее участников, в том числе и вовлеченных в нее детей, провоцирует использование ими упрощенных формул восприятия окружающей действительности, где меньшее количество параметров сможет объяснить большее количество явлений. Для этой цели описание общества и включенных в него больших групп с помощью стереотипов отлично подходит.

Подводя промежуточный итог нашего обсуждения, сформулируем следующие тезисы относительно влияния прямой демонстрации со стороны родителей на уровень толерантности растущего ребенка:

- Негативные высказывания родителей побуждают ребенка искать им причины. По ошибке или оправданно, ребенок может находить их в отношении к тем или иным социальным группам.

- В раннем возрасте дети копируют социальные установки родителей, в то время как в подростковом возрасте отношение родителей к тем или иным социальным группам может подвергаться критике или даже побуждать формирование у ребенка противоположных установок.

- Полная семья оставляет ребенку больше шансов сформировать гибкие социальные установки, нежели семья, потерявшая одного из родителей или пережившая деструктивный конфликт с последующим разрывом отношений между родителями.

- Эмоционально накаленная и конфликтная обстановка в семье с большей вероятностью приведет к формированию стереотипного мышления у растущих в ней детей.

Выдвинутые нами предположения описывают механизмы влияния семейной ситуации на выбор ребенком объектов для негативного отношения. Обратимся теперь к процессам, влияющим на выбор человеком способов выражения собственного отношения. В этом аспекте детские впечатления человека важны даже в большей степени, нежели при усвоении прямой демонстрации. Так если для определения предпочитаемых групп стигматизации или выражения в их адрес вербальной или физической агрессии ребенок должен обладать сформировавшейся способностью к социальной категоризации, то способы переживания и выражения задействуют более отделы центральной нервной системы, которые формируются ранее. Ребенок может усваивать и впоследствии воспроизводить поведенческие модели родителей, минуя механизмы сознательной селекции и контроля использования усвоенной информации.

В каких ситуациях ребенок может в раннем возрасте увидеть искренние проявления агрессии и гнева? Предположим, прогуливаясь с родителем в магазине или ином общественном месте, маленький ребенок в возрасте до 6 лет замечает, как его значимый взрослый негодует и сердится. Безусловно, психика ребенка отметит этот эпизод, но усвоена данная реакция может быть только в результате многократного повторения. Иными словами, гуляя с родителями и наблюдая постоянно за их реакциями, ребенок формирует для себя границы возможного поведения вне дома. Подобный способ конструирования норм социального поведения, к слову, более устойчив, нежели вербализация взрослыми желаемых правил, если она не подкрепляется реальным поведением значимой модели взрослого. Так или иначе, взрослые в социуме ведут себя более сдержанно. Всплески искреннего выражения эмоций вне дома ребенок может наблюдать у своих родителей не так уж и часто. Другая ситуация – выражение напряжения и агрессии в семейном кругу.

Разные люди в различной степени сдерживают свое раздражение и агрессию по отношению к близким людям. Можно, однако, с уверенностью сказать, что в той или иной степени каждый человек до определенного момента стремится сдерживать собственные негативные эмоции. Это сдерживание приводит к накоплению напряжения, которое, не выражаясь открыто, прорывается в отдельных фразах, колких замечаниях, невербальном поведении и других косвенных действиях. Поскольку семья – это замкнутая социальная система, в которой

элементы очень тесно взаимосвязаны друг с другом, накопленное напряжение со временем становится заметным всем членам семьи. К сожалению, безопасная разрядка подобного напряжения происходит крайне редко. Для этого недовольному члену семьи необходимо осознать источник собственного раздражения, принять решение обсудить проблему и спланировать разговор таким образом, чтобы он не привел к острому эмоциональному конфликту. Значительно чаще люди стараются игнорировать и подавлять собственное растущее напряжение. Для этого они переключаются на другие проблемы, проводят больше времени вне дома, обсуждают ситуацию с друзьями или другими родственниками. Иногда это приводит к постепенному снижению напряжения, как правило, под влиянием какого-либо внешнего изменения ситуации – болезнь одного из членов семьи, изменение финансового благосостояния или нечто подобное. Однако в другом массиве случаев накопленное напряжение рано или поздно приводит к нахождению повода для его прямого выражения.

Выражение накопленного напряжения в семейном конфликте сопровождается эмоционально насыщенной ссорой, сопровождаемой нетипичными для каждодневного существования способами выражения эмоций. Так мы вежливо называем крики, битье предметов, оскорбления и применение различных форм насилия. Уже на этой стадии ребенок видит различные формы выражения агрессии, причем нередко они включают в себя тотальную дискредитацию родителями друг друга. То есть, обвинения следуют не по существу проблемы, а относительно человека вообще. «Испортит лучшие годы моей жизни», «ничтожество и вообще ни на что не способна», «любишь только себя» – в этих фразах отражена тотальность негативного восприятия партнера. Если конфликт не ограничится одной ссорой, то на последующих стадиях его развития ребенок неизбежно познакомится с большим количеством примеров демонизации членами семьи друг друга.

Словесные ссоры и сопровождающая их физическая агрессия оказывают на ребенка психотравмирующее воздействие. Часто в родительских конфликтах он видит свою вину и сам ищет решение семейной проблемы. Постоянно наблюдаемые споры, пререкания, жалобы взрослых друг на друга приводят к тому, что дети усваивают подобный стиль взаимоотношений между людьми (особенно это касается мальчиков) (Целуйко, 2004, с. 23).

Стадия эскалации конфликта характеризуется конструированием в сознании тотального образа врага и наполнением его исключительно негативными, отталкивающими характеристиками. Этот механизм помогает нашей психике искать новые способы борьбы в конфликте и не испытывать при этом сожалений и раскаяния. Поскольку ребенок на протяжении всего семейного конфликта является как минимум свидетелем процесса, он многократно наблюдает действия, которые его родители используют для урегулирования конфликта. Если эти действия носят агрессивный, насильственный характер, то ребенок невольно принимает их в собственный поведенческий репертуар, как приемлемые.

На ранних этапах развития, как мы уже упоминали, усвоение происходит в отсутствии критического анализа. Позднее, ближе к подростковому возрасту, ребенок при наблюдении острого конфликта между родителями сталкивается с когнитивным диссонансом, где наблюдаемые проявления жестокости и ненависти вступают в противоречие с образом любящих родителей, который каждый ребенок стремится сохранить во имя ощущения

внутренней безопасности. Приведем несколько примеров из практики, чтобы отразить возможные сценарии развития событий.

В одном случае медиаторов пригласили помочь в урегулировании конфликта между подростком и его родителями. Ситуация находилась на стадии конфликтного взаимодействия и сопровождалась регулярными ссорами между родителями с одной стороны и их ребенком – с другой. Объектом конфликта, как это часто бывает, служили пропуски несовершеннолетним учебных занятий в школе. Каждый раз, как молодой человек пропускал уроки, учителя звонили его матери, та уведомляла мужа о поведении сына, и при их ближайшей встрече происходила очередная ссора. В ходе индивидуальной конфликтологической консультации с медиатором подросток сообщил, что начал прогуливать школу, когда его родители начали часто ссориться между собой. Он неоднократно слышал эмоциональные угрозы развода, и это глубоко потрясло его. В школе стало невозможно сосредоточиться, и он стал пропускать уроки, гуляя по округе в попытке отвлечься. Когда учителя обратили внимание родителей на прогулы, семейная ситуация изменилась: оба родителя объединились, чтобы вразумить сына. В восприятии подростка каждый раз, когда он возвращался к регулярному посещению школы, конфликт между родителями разгорался с новой силой. Таким образом, он начал использовать собственное поведение в качестве средства избежать развода между родителями. Включение темы ссор между родителями в переговорную повестку детско-родительского конфликта в этом случае позволило продвинуться участникам вперед и разделить проблемы потенциального развода и посещения сыном школы между собой. В данном случае мы видим, как острый конфликт между родителями подтолкнул молодого человека к нарушению социальных норм. Частично эти действия привели к сохранению его психических ресурсов, которых не хватало для обучения; частично – к временному урегулированию ситуации, когда родители оставили собственные разногласия, чтобы оказать влияние на сына. В нашей практике нередки случаи, когда в подобных ситуациях подростки обращаются к более деструктивным формам девиантного и делинквентного поведения: употребление алкоголя и наркотических веществ, кражи, побеги из дома, участие в агрессивно настроенных молодежных объединениях.

В другом случае молодой человек пережил конфликтный развод своих родителей, в результате которого его общение с родным отцом практически полностью прекратилось. Оставшись жить с матерью, он бессознательно был вынужден принять ее сторону, что привело к формированию между ними взаимовыгодной коалиции – женщине поддержка сына придавала уверенность в собственной правоте, а сын сохранял безопасные отношения с единственным оставшимся родителем. Ситуация сохраняла равновесие до появления в жизни мальчика отчима, что нарушило баланс отношений, сформировавшийся после развода. Вступив в подростковый возраст, молодой человек начал исследовать границы возможного поведения, что привело к острым конфликтам с матерью и отчимом. Ссоры между мужчинами часто перерастали в физическое столкновение, несколько раз молодой человек применял силу и в отношении матери. Как он сообщал в последствии, работая со специалистом, подобное поведение, хоть и с меньшей интенсивностью, он наблюдал в ссорах между родителями в период, предшествовавший разводу. Вступив в конфликт

с матерью, подросток пересмотрел свои взгляды на поведение отца и использовал наблюдаемые в детстве модели поведения для решения возникшей проблемы. Мама, со своей стороны, призвала отца для оказания влияния на сына, однако подтекстом их взаимодействия оставался неразрешенный конфликт, в следствии чего вместо консолидации позиции бывшие супруги продолжили взаимные обвинения и перекладывание ответственности за происходящее друг на друга. К моменту включения в данную ситуацию специалиста молодой человек уже регулярно употреблял алкоголь, был замечен в нескольких кражах и демонстрировал насильственное поведение в ссорах как с матерью, так и со сверстниками. В настоящее время свое внутреннее напряжение он в большей степени реализует в текстах песен, которые сочиняет – музыка стала для него серьезным источником сил, чтобы справляться с возникающими трудностями.

Приведенные примеры отражают влияние семейных конфликтов на поведение наблюдающих их детей. Среди практики, с которой мы ежедневно сталкиваемся в рамках работы учреждения – угрозы убийства, суицидальные попытки, массовые драки, побег из дома, употребление наркотических средств, межгрупповая вражда, угрозы массовой расправы в учебных заведениях и др. Все эти действия совершают или угрожают совершить несовершеннолетние, справляясь таким образом с возникающими в их жизни трудностями. В 2018ом году нами было проведено пилотное исследование связи асоциального поведения несовершеннолетних с опытом подобного поведения в подростковом периоде их родителей. Качественный анализ результатов показал, что в большинстве случаев характер асоциального поведения подростка повторял поведение, демонстрируемое в детстве одним из родителей. Интересным оказалось наблюдение, что подросток зачастую даже не знал о подобном опыте родителей, но, нередко, в своих проявлениях шел дальше, нежели в свое время это делал его родитель. Аналогичным образом этот эффект наследования моделей асоциального поведения характерен и для проявления агрессии и насилия.

Остановимся на этом, чтобы сформулировать тезисы о влиянии нормализации реакций на развитие интолерантности и ксенофобии у ребенка в семье:

1. Агрессия и насилие, проявляющиеся в ссорах между родителями, с большей вероятностью будут усвоены ребенком в силу их эмоциональной значимости и многократности предъявления.
2. Развитие конфликта между родителями сопровождается феноменом демонизации партнера, который также усваивает ребенок.
3. Оставаясь с родителем после развода, ребенок вынужден присоединиться к его суждениям и поведению, поскольку от этого зависит его безопасность.
4. Стремясь сбросить эмоциональное напряжение в кризисный для себя или семьи период, подросток может обратиться к асоциальным формам поведения. Это происходит с большей вероятностью, если один из родителей в своей жизни также был склонен к подобным формам поведения.

В нашей теоретической статье мы постарались обосновать значимость семейной среды в формировании у ребенка установок на толерантное или интолерантное отношение к людям и моделям поведения, отличающимся от ему привычных. В центре рассмотрения оказались

два предполагаемых процесса: прямая демонстрация объектов для формирования стигматизирующих социальных установок и нормализация реакций, позволяющих выразить внутреннее напряжение и раздражение. Тезисы, представленные в данной статье, требуют дополнительного изучения и могут лечь в основу будущих эмпирических исследований, в том числе, с привлечением доступной нам базы исследования. С другой стороны, мы надеемся, что внимание к семейной среде позволит сделать шаг вперед в работе с проблемой интолерантности и ксенофобии, поскольку, согласно нашему убеждению, корень этой проблемы лежит глубже осознанных социальных установок и социальных представлений в отношении тех или иных групп людей.

Библиография

1. Асмолов А.Г. Толерантность: от утопии к реальности. На пути к толерантному сознанию. М.: Смысл, 2000. – 255 с.
2. Бондырева С.К., Колесов Д.В. Толерантность (ведение в проблему). М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011. – 239 с.
3. Кричать нельзя договариваться. Где твой запятая? // СПб ГБУ «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ»». – Н. Новгород: Союзполиграф, 2020 г. – 194 с.
4. Целуйко В.М. Психология неблагополучной семьи: Книга для педагогов и родителей. М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004. – 272 с.
5. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития. М.: Школьная пресса, 1994. – 168 с.

ВОПРОСЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПРАВОСЛАВНОЙ ЭТИКЕ КАК ОСНОВЫ МИРОТВОРЧЕСТВА И МИРОСТРОИТЕЛЬСТВА

Нагайчук А.Ф., к. социолог. н., ст. препод., СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

Современное научное выражение проблем урегулирования масштабных и опасных социально-политических конфликтов и поддержания мирных отношений находит себя, прежде всего, в рамках концепций миротворчества и миростроительства. Однако эти концепции имеют привязку преимущественно к сфере политики и уровню международных отношений, мало обращая внимание на регуляцию многообразных форм и уровней социального конфликта, требующего примирения. Вместе с тем, практически все авторы концепций миротворчества и миростроительства (П. Сорокин, Й. Галтунг, Дж. Ледерах и др.) отмечают значимость актуализации мирных стратегий и практики взаимодействия на базовом уровне социального действия и взаимодействия отдельных индивидов и социальных групп во всех сферах социальных отношений. Мирные отношения по мнению указанных авторов должны стать значимой ценностью и нормой социального взаимодействия. Основой этих мирных способов коммуникации является достаточная степень терпимости к мнениям и действиям противоположной стороны, иных субъектов отношений в социальном пространстве. Отличительные признаки толерантности и специфика их восприятия в рамках различных подходов существенны. Так, коммуникационный и психологический подходы значительно отличаются от социологического, в рамках которого толерантность понимается как терпимое отношение к иному действию и образу мысли, что вовсе не предполагает согласие с ними, восприятие и поддержание, подражание им.

Основная проблема, связанная с выстраиванием общей концепции миротворчества и миростроительства, состоит в том, что мирные отношения и сами ценности и нормы таких отношений, особенно в современных условиях формирующегося многополярного мира, не имеют внятной единой идейной базы (идеологии), что приводит к шаблонам применения и воспроизводства (зачастую навязывания) лишь либеральных ценностей, основанных на реализации преимущественно частных узкоэгоистичных интересов (об этом пишут М. Олсон, Дж. Бьюкенен, Ж. Блондель и многие другие). В связи с чем актуализируется вопрос о ценностно-нормативных основаниях данного мирного восприятия и сосуществования, а также о критериях и допустимых «порогах» толерантности. Так, например, П. Сорокин в качестве своеобразного идеологического основания мирозидания предлагает концепцию «созидательного альтруизма» (Sorokin P., 2002), а Й. Галтунг – философию «позитивного мира» (Galtung J., 1996). Так каковы же границы толерантности и на каком уровне она перестает быть допустимой и конструктивной? в какой ситуации должна проявляться интолерантность и каковы ее допустимые формы проявления? в этих вопросах постараемся разобраться в этом материале.

Как пишет апостол Павел в своем «Послании к Коринфянам» – «Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничего не должно обладать мною...» (Библия,

с. 1194). Возможно, именно этот критерий полезности и истинной свободы в проявлении воли может стать основанием для разграничения «tolerance» и «intolerance», по сути, речь идет о способности человека, любой социальной общности, общества в целом к рассуждению о том, что из воспринимаемых идей, материальных ценностей, интересов, будучи воспринятыми, будет полезным, а что – нет; что будет поработать волю, а что оставит человека свободным в выборе. Как писал Ф.М. Достоевский: свобода не в том, чтоб не сдерживать себя, а в том, чтобы владеть собой (Достоевский, 1991). Восприятие – это интернализация на основе специфической интерпретации факта и формирование определенной социальной установки, мировоззренческой картины мира и происходящих событий, отношений к ним, основа деятельности. Само понятие терпимости к иным убеждениям, потребностям, мнениям – это евангельская категория. Но только не в вопросах явных заблуждений, отхождения от истины. Допускается многообразие мнений и подходов, разногласий в незначимых вещах, но на основе единства мысли в главном, принципиальном. И здесь встает вопрос об умении отделить главное от второстепенного, принципиальное от незначительного. Субъективность восприятия не позволяет это делать, особенно в условиях отсутствия единой системы ценностей и норм, а главное – единства в их интерпретации. Наивысшая добродетель христианства – способность к рассуждению, умение отличать «доброе» (полезное) и «злое» (вредное, опасное).

В итоге, в рамках либеральной идеологической модели, «свободная игра» интересов, ценностей и норм приводит к обострению взаимоотношений, не дает единых установок и идейных оснований для мирных форм взаимодействия. Все это приводит зачастую к дискредитации миротворчества и самой идеи мирного урегулирования конфликта, обостряя силовые формы разрешения накопившихся проблем и напряжения на практике, не смотря на декларирование мирных усилий. В этой связи актуализирован поиск альтернативных идейных оснований для социальных технологий, направленных на регуляцию конфликтного взаимодействия с целью миротворения. Особенно этот поиск значим в российской действительности, поскольку либеральные ценности здесь во многом находят сопротивление традиционных коллективистских идей и «консервативных стереотипов» и установок сознания. Кроме того, нарастающая поляризация цивилизации Западной идеологии (в усилении ее проявлений «двойных стандартов», русофобии, культурной отмены) и Евразийской, актуализирует вопросы о приемлемых границах и формах терпимости, необходимости поиска и утверждения идейных оснований самобытной самостоятельности, отчасти даже самодостаточности и суверенитета.

Православная этика как концепция ценностей и норм в рамках ортодоксального христианства определяет «дух» миротворчества в традиционном для российской научной мысли понимании данного термина в тенденции миростроительства (выстраивания и поддержания мирных отношений), о чем свидетельствует не только сами базовые положения концепции православия, но и многовековой исторический опыт мирного сосуществования многообразных этнических и религиозных групп Российского государства, идеология которого была основана на основных положениях этой концепции.

В противовес отталкиваемся от идеи Макса Вебера о «духе» капитализма, основанном на протестантской этике (Вебер, 2021), где победа рационализма, прагматичного подхода, подчиняющего не только целеполагание, но и ценностный аспект, приводит к верховенству материальных интересов и ценностей над духовными, моральными. По факту, во многом принимается/оправдывается все, что приносит выгоду и отторгается, даже дискредитируется то, что маловыгодно или не выгодно вовсе. Что получается в итоге – господство лицемерной идеологии «двойных стандартов» во всем, в аспектах политики толерантности, прежде всего. Так, например, активизируется терпимость к явно порочным практикам, не соответствующим моральным принципам и нормам, даже тем формам проявления, которые относятся к девиантным моделям поведения, с другой стороны, проявляется абсолютная нетерпимость к инакомыслию, реальной свободе слова и выбора как в моральном, религиозном, так политическом и идеологическом смыслах.

Основные положения православной этики выражены в заповедях христианства (рекомендациях и духовных законах, определяющих причинно-следственные связи явлений) и их интерпретации святыми отцами православной церкви. Центральная заповедь – «о любви к Богу и к ближнему как к самому себе» (Библия, 2018, с. 1043) – не требует разъяснений и говорит сама за себя с одним лишь уточнением, которое предлагает Ф.М. Достоевский, рассуждая о том, что человек не может любить других, если не имеет к ним уважения, а уважение к другим невозможно без истинного уважения к себе, его легко потерять, если лгать себе самому. Новый завет неоднократно предлагает критерии истинности любви, которые выражены и в «Гимне любви» апостола Павла – «... Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит...» (Библия, 2018, с. 1199). И в его же посланиях к Галатам, где любовь раскрывается через ее духовность, с одной стороны, а с другой – через практическую рекомендацию исполнения: «Не будем тщеславиться, друг друга раздражать, друг другу завидовать...Если и впадет человек в какое согрешение, исправляйте такового в духе кротости... **Носите бремена друг друга**, и таким образом исполните Закон Христов» (Библия, 2018, с. 1215). Здесь проявляется истинный смысл толерантности и терпимости к недостаткам других, основанный на отсутствии стремления к тщеславию, поскольку оно порождает раздражение, зависть, ненависть. Дается образец для подражания – сам Христос, который говорит: «... научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим...» (Библия, 2018, с. 1031).

Истинная терпимость строится на духе кротости и смирении в сердце (внутренний мир и спокойствие, безгнебие, желание добра всем, как основная мотивация), а не столько внешнее проявление одобряемых форм поведения ради похвалы, что порождает лицемерие и те самые «двойные стандарты» на основе выгоды, когда правильным признается то, что выгодно и главное внимание придается внешней атрибутике, изображению себя «хорошим», что есть самообман. Итак, мы видим обратное либеральной модели, на ценностях которой основано современная практика миротворчества в международных отношениях, когда в рамках политического управления происходит масштабное навязывание узкоэгоистичных интересов

под видом миротворения, а на практике реализуется концепция политического реализма, исходящая из позиций «выгодно-невыгодно» наиболее сильной заинтересованной стороне.

Следующая, актуальная для миротворчества и миростроительства заповедь «о прощении врагов»: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих и гонящих вас...» (Библия, 2018, с. 1025) и «о хранении мира с соперниками»: «... прежде примиришься с братом твоим... Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним...» (Библия, 2018, с. 1024). Заповедь «о хранении мира» разъясняет святитель Игнатий Брянчанинов – «не трудись над разбором, кто прав, и кто виноват, ты или ближний твой: постарайся обвинить себя и сохранить мир с ближними при посредстве смирения» (Брянчанинов И., 2014, с. 510). Здесь применима и идея игумена Никона Воробьева, которую можно выразить таким образом: «пусть лучше пострадает дело, но важнее мир с ближним сохранить» (Воробьев, 2011) – прямое противоречие западной идеи прагматичной выгоды, главенствующей целерациональности, основанной на протестантской этике, особенно в эпоху постпотребления глобального капитализма.

Новый Завет дает нам подробное разъяснение этого положения: «Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми... не будь побежден злом, но побеждай зло добром» (Библия, 2018, с. 1188). При этом речь не идет о ложной толстовской идеи «непротивления злу насилием», вовсе нет, речь идет именно о внутренней мотивации. Соответственно, не занимаясь гармонизацией внутреннего мира каждого отдельно взятого человека, как базовой клеточки единого социального «организма», невозможно найти эффективной внешней миротворческой технологии, способной искоренить это «зло», которым во многом является острый и масштабный конфликт, особенно войны и вооруженные конфликты. С точки зрения социально-политической стратегии интерпретация понятия мир, это не простое отсутствие войны, а его длительное стратегическое выстраивание с помощью целого ряда институционально-технологических элементов и соответствующей политики поддержания мирных отношений – миростроительства. Это комплекс усилий, направленных и на нормализацию отношений, и на восстановление инфраструктуры, и гуманитарной помощи, и институционализации/социализации стратегий мирного сосуществования в духе посредничества, который должен иметь базовую идейную основу. Именно внутренняя мотивация действий и взаимодействия, по «духу, а не по «форме» определяет содержание ортодоксальной идеи миротворчества.

Эта идея наиболее подробно раскрывается в «заповедях блаженства», изложенных в Нагорной проповеди Иисуса Христа, представляющих собой некий восходящий алгоритм действий, осуществляемый последовательно, переходя от одной ступени к другой. В самом свернутом виде данный алгоритм может быть представлен так: понимая свою греховность (порочность, испорченность), человек/сообщество/общество начинает сокрушаться о своем плачевном состоянии, таким образом очищает образ своих мыслей, ищет истину (а не добивается своей правды, настаивая на своем), став свободным от навязчивых идей и страстных побуждений, приобретает стремление к неложному милосердию, становится способным к истинному миротворчеству. При этом истинный миротворец не ищет выгоды

для себя, он знает действие духовного закона – «будете гонимы... правды ради..., но радуйтесь и веселитесь» (Библия, 2018, с. 1024). Все святые отцы, например, Марк Подвижник, Иоанн Лествичник, Игнатий Брянчанинов и многие другие говорят, что нужно быть готовыми к «искушениям» (скорбям), которые всегда предвосхищают или последуют за любым настоящим добрым делом, а не совершаемого ради тщеславия, которое всегда сопровождается лукавым «изображением» толерантности в рамках манипулятивного подхода.

Православная идея миротворчества в научном аппарате соответствует скорее миростроительству (peacebuilding), нежели поддержанию мира и миротворческим операциям (peacekeeping). Данные категории в научный аппарат введены в 30-х годах XX века Питиримом Сорокиным (автор концепции «созидательного альтруизма», где суть состоит в идее альтруизации любви на нересипрокных началах) и закреплены в концепции Йохана Галтунга в 70-х годах того же столетия. Он говорил о структурном, опосредованном насилии, когда современная культура закрепляет и пропагандирует искажения, суть конфликта, писал он, есть болезнь (Galtung, 1996). И здесь встает вопрос о «враче» и о способах «лечения» и профилактики. В этом смысле важно понимать, что отправной точкой всегда является обращение внимания на себя самого, видение причин проблем и конфликтов в себе, поэтому «блаженны нищие духом» (Библия, 2018, с. 1024), т. е. способные видеть свои недостатки, заблуждения, искажения и смиряться по этой причине, т. е. разумно определять меру своей ответственности и способностей, поэтому проявлять готовность не раздражаться на других, как таких же «больных» пороками, концентрируя усилия на «исцелении» прежде всего себя, а не других: «Лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего» (Библия, 2018, с. 1080). Однако современные люди все больше склонны акцентировать внимание на недостатках других, обвинять их, стремимся к исправлению их, а не себя, себя же склонны оправдывать, занимаясь, по сути, самообманом.

Православная этика учит замечать и признавать свою роль в конфликте, Христос говорит: «...не здоровые имеют нужду во враче, но больные; Я пришел призвать не праведников (считающих себя правыми – прим. авт.), но грешников (считающих себя таковыми – прим. авт.) к покаянию» (Библия, 2018, с. 1053). Смысл в том, что пока люди себя считают праведными (правыми), «здоровыми» они не нуждаются во «враче» – в посреднике (включая Бога, медиатора, психолога, конфликтолога). «Горе тем, которые мудры в своих глазах и разумны пред самими собою» (Библия, 2018, с. 691) – находим в книге пророка Исаии. Действительно, оправдание себя и порока в себе и себе подобных есть наивысшая опасность для современного человека и общества, которая по факту и проявляется в западной модели ложной толерантности. В итоге чего происходит наиболее опасное порабощение человека греховным страстям, когда «всякий, делающий грех, есть раб греха» (Библия, 2018, с. 1115), но при этом порабощенный греху человек считает себя истинно свободным, правым.

Здесь большое значение имеет разъяснение уже упомянутой выше заповеди о кротости, которую И. Брянчанинов определяет так: «Кротость есть состояние души, при котором устранены из нее гнев, ненависть, памятозлобие, осуждение... Кроткие наследуют землю, и наслаждаются о множестве мира... Будучи землею, я вместе с тем и лишен владения этой землею:

похищают у меня ее различные страсти, в особенности насилующий и увлекающий меня лютей гнев. Я лишен власти над собою. Кротость возвращает мне эту власть, вводит меня во владение моим наследием, моею землею, мною, моею плотью, моею кровью, моими порывами» (Брянчанинов, 2014, с. 519). Таким образом, состояние кротости ведет к наследованию «земли», а «земля» есть сам человек, созданный изначально из нее Богом. Поэтому речь идет о важном психологическом аспекте, о самообладании, когда человек владеет собой, имеет власть над проявлением своих чувств и эмоций, только такой человек может быть терпимым к внешним негативным обстоятельствам, другим людям и их поступкам, что, по сути, есть истинная толерантность. Именно поэтому истинная толерантность, ограниченная в принципиальных вопросах интолерантностью, позволяет мирно сосуществовать субъектам, актуализирующим свои пороки, а не чужие.

Помимо выделения оснований конфликта, православная этика напрямую говорит о технологии примирения с оппонентом как напрямую, так и с участием посредников: «Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, возьми с собой еще одного или двух (*наблюдателей – прим авт.*), дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово; если же не послушает их, скажи церкви (*институт посредничества – прим. авт.*)...» (Библия, 2018, с. 1038). И эта практика истинного примирения имеет опытное подтверждение. Сегодня этим посредническим институтом выступает не только церковь, но и многообразные общественные силы и структуры примирения, профессиональные посредники – медиаторы, модераторы, арбитры, фасилитаторы и консультанты-конфликтологи, включая международные институты. Также задается важный вопрос: «А сколько раз прощать брату моему, до семи ли раз?». Ответ – до бесконечности, но при условии, что есть покаяние и признание своей ответственности, если этого нет, то допустимо дистанцирование и изоляционизм с таковыми.

Критерием для определения границ толерантного поведения выступает следующая заповедь: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Библия, 2018, с. 1026) – эту заповедь часто рассматривают «от обратного» – «как не хотите, чтобы поступали по отношению к вам люди, так и вы не поступайте в отношении других». Это золотое правило современной психологии. Действительно, мы часто не хотим, чтобы нас ругали, критиковали, контролировали и поучали, хотя сами делаем это постоянно. И наоборот, мы хотим, чтоб нас любили, понимали, жалели, были терпимы к нашим недостаткам, нам помогали, для этого сами должны использовать такую модель поведения. Проблема здесь в том, что многие люди не способны иметь истинное уважение и любовь даже к себе, поэтому им трудно понять то, что нужно делать по отношению к иным. Нетерпимость к себе превращается в еще более нетерпимое отношение к другим.

В связи с этим важно помнить и о такой заповеди: «Не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую... И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду, и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два» (Библия, 2018, с. 1025). Это самая спорная заповедь для людей, далеких от понимания христианской этики, да и для многих практикующих христиан. Но, по сути,

смысл этой заповеди состоит в запрете на месть, поскольку в ветхозаветной парадигме действовал закон «око за око», что означало право на месть, но ограниченное объемом нанесенного ущерба. Говоря современным конфликтологическим языком, действовала модель «нападение – защита», направленная на предупреждение перерастания конфликта в эскалационную модель «нападение-нападение», когда ответная мера на нападение превосходит значительно. В данной заповеди присутствует новый подход о том, чтобы против зла люди боролись посредством прощения, терпения и смирения, как пишет апостол Павел «не будь побежден злом, но побеждай зло добром» (Библия, 2018, с. 1188). Основание, позволяющее не отвечать злом на зло – «левая щека», которая напоминает о собственных пороках и несправедливых злодеяниях, помогает побеждать врага великодушием и незлобием. Поэтому люди призваны любить (не желать зла, не испытывать ненависти), прощать врагов своих и помогать им со всем терпением и пониманием по мере сил, быть миротворцами. Мотивом выступает память о своих пороках.

Как мы можем наблюдать, в современной глобальной социально-политической практике существует реальная проблема искажения самой идеи и духа миротворчества. Так называемые миротворческие операции и миссии чаще эскалируют конфликт, чем его умиротворяют. Американский исследователь И. Кенде (Лебедева, 1999, с. 53-54) обнаружил, что в 63 % случаев вмешательство «третьей стороны», на примере США, лишь эскалирует конфликт, что в итоге ведет к обратному эффекту влияния миротворческих миссий. Международное миротворчество, зачастую действуя в духе политического реализма по Г. Моргентгау. В то время как миротворческая операция приобретает характер нового образа вооруженного конфликта XXI века благодаря механизму коммерциализации войны, как отмечает Г. Мюнклер (Мюнклер, 2003, с. 7–14), серьезно дискредитируя саму идею примирения. Это происходит и потому, что нет единых нормативно-ценностных оснований, позволяющих определить необходимость, конструктивность, содержание и форму такого вмешательства. Лишь в рамках трансформационного подхода в миростроительстве, сформулированного Дж. Ледерахом (Lederach, 1995) наблюдается относительная толерантность и учет традиционных ценностей общества, в котором осуществляется миротворчество. В остальных подходах преобладающего на практике подхода политического менеджмента сама категория «ценности» зачастую не учитывается, речь идет максимум об интересах, прежде всего, экономических.

Итак, какие выводы можно сделать. Во-первых, у толерантности есть свои границы, они определяются необходимой интолерантностью, основанной на способности к рассуждению о допустимом на основе определенного знания и критериев полезного. Во-вторых, необходима разработка четких критериев допустимых форм и моделей толерантности. В-третьих, границы и формы толерантности определяются нормами и ценностями конкретного типа общества, поэтому можно говорить о специфике страновых моделей толерантности. Наконец, для российской социально-политической практики наиболее подходит базовая идеология на основе православной этики миростроительства. Кроме того, в современной российской практике регуляции конфликтов заметен перевес в ориентации на западные традиции альтернативных средств урегулирования конфликтов (alternative dispute resolution). Они,

не смотря на всю относительную эффективность, имеют определенную ментальную особенность, объективные ограничения и уровень спроса общества конкретного типа, поэтому в России они не всегда эффективны, что актуализирует поиск иных оптимальных способов регуляции опасных, массовых форм конфликта. Востребован более продуктивный подход с расширением средств регулирования, ориентацией на предупредительные, во многом морально-нравственные и педагогические способы выявления, учета и согласования социально-политических, этнонациональных и религиозно-нравственных интересов и ценностей в рамках сбалансированной социальной политики государства и разнообразных институтов гражданского общества: семьи, образования, религии, СМК, которые и могут выступать в качестве институциональных элементов мирной стратегии ее выстраивания.

Ортодоксальная модель христианства имеет наиболее миротворческое содержание, богатейший многовековой эффективный опыт профилактики и урегулирования конфликтов в нашей стране. Поэтому необходимо развивать идеи православной этики, которая наилучшим образом подходит для формирования идеологии толерантной среды российского общества. Для этого наряду с православной психологией требуется включение как в научно-общественный дискурс, так и в образовательную практику подготовки специалистов в области регуляции конфликтных форм взаимодействия православной конфликтологии, структурными компонентами которой могут стать: 1. Духовные законы и ценности ортодоксального христианства; 2. Морально-нравственные основания и причины социальных конфликтов в православной этике; 3. Христианско-аскетические способы профилактики конфликтов, самоанализа и борьбы с пороками; 4. Православные технологии урегулирования конфликта: миротворческая технология и традиции; 5. Альтернативная ориентированность православных способов разрешения конфликтов: православная этика и культура взаимодействия как основа поддержания мира.

Предполагаемая научно-просветительская модель может стать основанием разработки и осуществления уникальной российской ментально ориентированной на традиционные духовные ценности комплексной технологии регуляции сложного современного конфликта. Нужна комплексная социально-политическая технология, направленная на выстраивание, внедрение и воспроизводство оптимальных способов миротворчества и миростроительства на всех уровнях взаимодействия и разных этапах этого процесса – от профилактики до разрешения и согласования конфигуративных моделей интересообразования, целеполагания и ценностных ориентаций на основе четких и единых нормативно-ценностных критериев определения оптимальных границ и форм по истине толерантного взаимодействия, имеющего внятные границы допустимого (интолерантности).

Библиография

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Эксмо, 2018. –1296 с.
2. Брянчанинов Игнатий Полное собрание творений и писем: в 8 томах. М.: Паломник, 2014. Т. 1. – 656 с.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: АСТ, 2021. – 352 с.
4. Воробьев Н. Как жить сегодня. Письма о духовной жизни. М.: Терирем, 2011. – 432 с.
5. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. М.: Аспект Пресс, 1999. – 271 с.
6. Мюнклер Г. Войны 21 века // Международный журнал Красного Креста, 2003, № 849. С. 7–24.
7. Galtung J. Peace by Peaceful Means. Peace and Conflict, Development and Civilization. Oslo, 1996. – 280 p.
8. Lederach J.P. Preparing for Peace. Conflict transformation Across Cultures. New York, 1995. – 146 p.
9. Sorokin P. A. The Ways and Power of Love: Types, Factors, and Technique of Moral Transformation. Philadelphia: Templeton Foundation Press, 2002. – 552 p.

НОВЫЕ ГРАНИ ИНТОЛЕРАНТНОСТИ: ТРУД В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Вершинина И.А., д. социол. н., доц.,
МГУ им. М.В. Ломоносова

Мартыненко Т.С., к. социол. н., доц.,
МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

История всей трудовой деятельности человека связана с постепенным, но весьма уверенным внедрением различного рода технологий в эту сферу. От несовершенных орудий первобытного человека до новейших роботов, способных к коммуникации с людьми – все это раз за разом трансформировало (иногда даже революционно) не только особенности производства товаров, но и производственные отношения. Внедрение новейших технологий на протяжении большей части истории проходило под девизом не только улучшения качества жизни, но и создания более объективной, толерантной и свободной от человеческой предвзятости среды взаимодействия.

В настоящее время изменение сферы труда (как и многих других сфер общественной жизни) связано с широким внедрением технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ). Особенностью интеграции этих технологий в трудовую сферу является их универсальный характер. В отличие от технологий прошлого, которые могли быть использованы чаще всего лишь в отношении производственных задач, например автоматизации конвейерных линий, технологии искусственного интеллекта являются во многом универсальными. В то же время их способность решать некоторые задачи, которые раньше были свойственны сугубо человеку, делает их применимыми во многих видах деятельности: от изготовления деталей, где происходит взаимодействие с неодушевленными предметами, до предоставления банковских услуг человеку. Все это ставит перед государством и общественностью множество вопросов, связанных с необходимостью регулирования современных трудовых отношений, возникающих в связи с развитием цифровых технологий и внедрением технологий искусственного интеллекта. Несмотря на то, что сегодня все реже ученые говорят о том, что современные технологии лишат всех работы и переместит в новый мир без необходимости продавать свой труд на рынке, тем не менее, эти технологии действительно способны существенно сократить количество профессий, особенно тех, которые связаны с рутинными, одномерными функциональными обязанностями и не требуют наличия, например, эмоционального интеллекта. При этом важно отметить, во-первых, не стоит преувеличивать текущие способности и возможности технологий ИИ: довольно часто компаниям по-прежнему дешевле использовать «живую» рабочую силу, в том числе в условиях глобализации и для подготовки данных для обработки новейшими технологиями (Мартыненко, 2022). Во-вторых, технологии не только сокращают количество профессиональных позиций, но и создают новые, что, конечно, требует эффективного функционирования системы непрерывного образования.

Несмотря на то, что технологии ИИ стали разрабатываться еще в середине XX века (термин был конкретизирован в 1956 году), тем не менее, лишь в начале XXI века начались попытки его концептуализировать, отделив при этом их от других цифровых технологий. В то же время сегодня не существует единого общепринятого определения и до сих пор продолжают споры о том, что же в целом можно называть «интеллектом». В законодательстве Российской Федерации встречается следующее определение: искусственный интеллект – это «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Такой комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, а также процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» (Федеральный закон..., 2020). Значительный вклад в определения вносят и специалисты, занимающиеся разработкой технологий ИИ, например, компания Оракл, которая определяет искусственный интеллект как систему или машину, «которая способна имитировать человеческое поведение для выполнения определенных задач и может постепенно обучаться, используя полученную информацию» (Что такое ИИ..., 2023). Таким образом, когда сегодня идет речь о технологиях искусственного интеллекта, то чаще всего говорят о широком спектре сложных алгоритмов, способных решать комплексные задачи, обычно свойственные человеку. Тем не менее, речи о создании сверхума, который будет превосходить человеческий интеллект, сегодня не идет.

Поскольку именно в последние десятилетия эти технологии более активно стали внедряться во все сферы общественной жизни, то представители различных социальных наук стремятся выявить особенности их интеграции в трудовую сферу и социальные последствия подобной интеграции. В контексте анализа трудовой сферы важно подчеркнуть специфику технологии ИИ, их отличие от других технологических решений. Многочисленные исследователи, среди которых, например, Л. Амур, отмечают, что особенности функционирования алгоритмов ИИ связаны с непрозрачностью, изменчивостью и специфической рациональностью (Amoore, 2020, p. 160–172). Непрозрачность технологии ИИ предполагает вероятностный характер получаемых результатов. То есть технологии искусственного интеллекта часто представляют своего рода «черный ящик», устройство которого теоретически понятно, но процессы, проходящие внутри этой системы, являются сложно просчитываемыми. Изменчивость технологий ИИ связана с их способностью к обучению. Это обучение предполагает, что путем многократного повторения алгоритмические системы способны «понимать», какой выбор в том или ином случае является наиболее приемлемым. Тем самым можно сказать, что созданная один раз алгоритмическая система самостоятельно модернизирует себя в ходе своей деятельности, а потому часто сложно понять, какой результат будет в итоге. Наконец, особое внимание следует уделить приписываемой алгоритмическим системам рациональности. Поскольку человеку свойственно рассматривать технологии в качестве чего-то объективного, чему не присущи, например излишняя человеческая эмоциональность и чувствительность. Тем не менее, при этом часто забывается, что технологии создаются человеком, следовательно, люди

с необходимостью наделяют их рядом своих качеств. Несмотря на то, что алгоритмические системы действуют на основе системы последовательных шагов, те критерии, на основе которых они обучаются или принимают конкретные решения, иницируются людьми. Потому говорить об однозначной рациональности технологий искусственного интеллекта не представляется возможным.

В силу своей универсальности, сравнимой разве что с электричеством, технологии искусственного интеллекта широко применяются в различных аспектах трудовой деятельности от отбора сотрудников до оценки качества их деятельности. Выделим несколько ключевых направлений их использования. Во-первых, применение технологий ИИ при отборе и приеме сотрудников на работу. В этом отношении технологии не заменяют специалиста по человеческим ресурсам, но существенно упрощают и автоматизируют его работу. Технологии искусственного интеллекта осуществляют отбор среди большого массива резюме соискателей. Их работа ведется на основе заранее заданных человеком критериев отбора, при этом количество критериев и их сочетание может быть любым. Могут учитываться не только профессиональные характеристики, но и социально-демографические, а также связанные с личными качествами потенциальных работников. Во-вторых, технологии ИИ широко применяются в системах контроля трудовой деятельности и ее мониторинга. Алгоритмические системы способны отслеживать распорядок дня рабочего, фиксировать отсутствие, а также собирать обобщенную и персонализированную информацию об основных результатах деятельности и автоматически давать ее оценку. В-третьих, технологии искусственного интеллекта широко используются в качестве посредников в различных коммуникационных системах. В связи с наличием этой функции социологи периодически приписывают этим технологиям свойства субъекта общественных отношений. Это лишь несколько направлений, в которых сегодня используются эти технологии. Их внедрение, несомненно, имеет ряд преимуществ. Как минимум, сложные алгоритмические системы почти мгновенно позволяют обрабатывать большие объемы информации. Кроме того, цифровые технологии могут располагаться и собирать информацию там, где может быть опасно для человека. Технологии ИИ позволяют эффективно использовать ресурсы, например, снижать нагрузку на одних сотрудников и переводить ее на других, а также выступать основой для систем поддержки принятия управленческих решений.

Широкое распространение новых технологий неизбежно порождает серьезные экономические и социальные перемены и может провоцировать возникновение новых проблем. История знает немало подобных примеров, когда технический прогресс способствовал утрате рабочих мест и делал безработными целые профессиональные группы. Их обучение с целью занять другие, востребованные на рынке труда рабочие места далеко не всегда возможно, поскольку в постиндустриальном обществе это зачастую требует довольно высокой квалификации. Не случайно именно дискурсы о «конце труда» и «конце трудового общества» фиксируют начало нового этапа социального развития, где труд не только становится, сферой деловых и профессиональных услуг, своеобразной «индустрией знаний», но и не рассматривается более как главный организующий принцип социальных структур

(Полякова Н.Л., 2015, с. 33-34), открывая просторы для новых форм неравенства и дискриминации.

Сегодня все чаще технологии искусственного интеллекта рассматриваются в контексте социального неравенства, поскольку они широко используются в самых разных сферах. Вопреки мечтам о реализации потенциала алгоритмических моделей (например, для предотвращения преступлений или прогнозирования распространения заболеваний), специалисты в области социальных и гуманитарных наук все чаще отмечают риски, которые скрываются за на первый взгляд объективными математическими моделями, ставшими частью современного общества. Так, по мнению австралийского исследователя Р. Хассана, в новейших цифровых технологиях, в том числе в работе алгоритмических систем и искусственном интеллекте, угроз для человечества даже больше, чем в экологическом кризисе (Hassan, 2020). Эти опасения вполне понятны, поскольку современные общества становятся все более зависимыми от искусственного интеллекта и автоматизированных систем принятия решений, которые активно внедряются как коммерческими компаниями, так и государственными учреждениями.

Искусственный интеллект и алгоритмические системы подвергаются серьезной критике из-за опасности усиления имеющихся форм социального неравенства и перспективы появления новых. Очевидно, что новые технологии, которые должны были обеспечить непредвзятость в принятии решений, зачастую становятся причиной дискриминации, воспроизводят и закрепляют уже сложившееся неравенство. Например, некоторые компании в США столкнулись с тем, что алгоритмы при отборе претендентов на работу исключали соискателей с латиноамериканскими фамилиями (вне зависимости от их квалификации) (O'Neil, 2016), однако обвинять в этом исключительно искусственный интеллект неверно.

В частности, в 2021 году компания Amazon была вынуждена провести внутреннее расследование после того, как несколько сотен сотрудников подписали петицию, в которой говорилось о сложившейся культуре системной дискриминации и предвзятости, основанной на цифровых технологиях. Однако алгоритмы, на основе которых принимаются решения, как правило создаются людьми, с их представлениями о том, как необходимо поступить в той или иной ситуации и кому стоит отдавать предпочтение. Искусственный интеллект обучается на основе не только собственного опыта, но и того, который существовал до его появления. Так стоит ли удивляться, что новые технологии воспроизводят расовое, гендерное и другие формы неравенства, которые существовали и до их появления, например, при устройстве на работу отдавая предпочтение мужчинам.

В американском городе Балтиморе в 2015 году были довольно серьезные беспорядки после смерти афроамериканца в полицейском участке. Среди арестованных и задержанных в Балтиморе на фоне этих событий оказались сорок девять школьников-афроамериканцев, потому что алгоритмы, на которые опирались представители правоохранительных органов, признали их потенциально опасными и сообщили о высоком риске, связанном с их пребыванием в толпе (Amoore, 2020, 4). Очевидно, что в данном случае речь идет о расовом неравенстве, которое воспроизводится алгоритмами, но появилось задолго до их создания,

поэтому проблема заключается не только в технологиях, но благодаря им можно достичь большего масштаба, нежели прежде.

Поскольку все больше подобных кейсов получает огласку и становится предметом общественного обсуждения, то все чаще ставится вопрос о необходимости разработки этических правил для цифрового мира. Этические и социально приемлемые решения требуют, чтобы агенты оценивали желательность различных вариантов действий, которые представляют конфликт между интересами вовлеченных сторон, что далеко не всегда возможно в случае автоматического принятия решений, ответственность за которые фактически возлагается на программистов (Mittelstadt et al., 2016). Более того, между разработкой алгоритмов и их работой зачастую возникает разрыв, который может иметь серьезные последствия для отдельных лиц, групп и даже сфер общественной жизни. В частности, оценка потенциала людей и их жизненных шансов может происходить не на основе их фактического поведения, а на основании связей с другими людьми, идентифицированных алгоритмом. Более того, в качестве атрибутов, на основе которых алгоритмы функционируют, могут быть использованы характеристики индивидов, на которые последние не могут повлиять или которые не отражают их реальные достижения и социальные связи.

В жизни современного общества есть множество вопросов, где этика и мораль играют очень важную роль при принятии решений, в частности это касается таких сфер, как здравоохранение, миграция и кредитоспособность. И многие алгоритмы основаны на выборе, сделанном людьми, исходящими из своих собственных представлений о том, что собой представляет общество и различные социальные группы. Поэтому неудивительно, что сущность алгоритмов во многом является дискриминационной: они обеспечивают ценность одним моделям поведения (или характеристикам) и исключают другие. Об этой проблеме уже писали другие исследователи, указывавшие на существование «алгоритмов угнетения» (Noble, 2018) и превращение математики в «оружие математического поражения» (O'Neil, 2016). Однако сама суть алгоритмов состоит в том, что они отдают предпочтение одним свойствам перед другими на основе той информации, которая была заложена в них изначально, и той, которую они получили уже в процессе своей работы.

Беспристрастность алгоритмического разума должна гарантироваться принятием решений на основе выбора тех данных, которые представляются ему наиболее достоверными (Amoore, 2020, p. 167), то есть в ряде случаев устранение дискриминационных моделей возможно за счет корректировки информации. Таким образом, в тех случаях, где неравенства закодированы в алгоритмах, проблема может быть решена довольно легко. Фактически, исследования, посвященные справедливости и предвзятости в цифровом мире, уже пытаются изменить ситуацию, уменьшая предвзятость и предлагая новые способы настройки, проектирования и структурирования общества (Zajko, 2022). Очевидно, что распространение новых технологий остановить невозможно, поэтому гораздо более конструктивно задаваться вопросами о том, как можно управлять алгоритмами и искусственным интеллектом, чтобы решения, принимаемые ими и на их основе были более справедливыми.

Исследования свидетельствуют о том, что существующие национальные стратегии в отношении искусственного интеллекта демонстрируют уязвимые места, прежде всего, в сфере создания рабочих мест и переквалификации безработных, однако гендерное неравенство также вызывает серьезные опасения (Caradaică, 2020, p. 26). Данные, которых собирается все больше, не должны быть основанием для стигматизации отдельных людей или социальных групп, поэтому необходимы дальнейшие исследования социальных угроз цифрового мира для предотвращения распространения неравенства и дискриминации на основе новых технологий.

Библиография

1. Мартыненко, Т.С. Цифровая утопия: труд в эпоху искусственного интеллекта. Рецензия на книгу: Jones Ph. 2021. *Work Without the Worker: Labour in the Age of Platform Capitalism*. London; New York: Verso. 144 p // *Экономическая социология*. 2022. Т. 23. № 2. С. 129–140. DOI 10.17323/1726-3247-2022-2-129-140.
2. Полякова Н.Л. Новые теоретические перспективы в социологии начала XXI в. // *Вестник Московского университета*. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 29–46.
3. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 N 123-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/ (дата обращения: 10.01.2023).
4. Что такое ИИ? Подробнее об искусственном интеллекте. Oracle. URL: <https://www.oracle.com/cis/artificial-intelligence/what-is-ai/> (дата обращения: 10.01.2023).
5. Amoore L. *Cloud Ethics: Algorithms and the Attributes of Ourselves and Others*. Durham: Duke University Press, 2020. – 232 p.
6. Caradaică M. *Artificial Intelligence and Inequality in European Union* // *Europolity*. 2020. Vol. 14. No. 1. P. 5–31.
7. Hassan R. *The Condition of Digitality: A Post-Modern Marxism for the Practice of Digital Life*. London: University of Westminster Press, 2020. 212 p.
8. Noble S. *Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism*. New York: NYU Press, 2018. – 248 p.
9. O’Neil C. *Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy*. New York: Crown Publishers, 2016. – 272 p.
10. Zajko M. Artificial intelligence, algorithms, and social inequality: Sociological contributions to contemporary debates // *Sociology Compass*. 2022. Vol. 16. No. 3, e12962. (accessed: 10.01.2023).

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Некоммерческого Фонда развития науки и образования «Интеллект».

БЛАГОДАРНОСТЬ КАК ЛИЧНОСТНЫЙ РЕСУРС в ПЕРИОД СОЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА

Синельникова Е.С., к. психол. н., доц.
Петербургский гос. ун-т путей сообщения
императора Александра I
Санкт-Петербург, Россия

В период социальных трансформаций, смены мирохозяйственных укладов и сопровождающих их социальных и экономических кризисов возрастает роль психологических ресурсов, которые позволяют личности сохранять устойчивость и успешно справляться с жизненными трудностями. Одним из важнейших психологических ресурсов, малоисследованных в России, является благодарность. Благодарность – моральное чувство, которое возникает в ответ на добро со стороны другого. Благодарность может также переживаться по отношению к внеличностным силам, например, по отношению к жизни, когда человек размышляет о том хорошем, что есть в его жизни, о тех возможностях, которые дает ему жизнь, а также о невзгодах, которых ему удалось избежать. М.Е. Маккалоф и его коллеги, стоявшие у истоков научных психологических исследований благодарности, определили благодарность как моральное чувство, специфической ситуацией переживания которого является ситуация, когда кто-то делает добро по отношению к человеку, переживающему это чувство (McCullough et al, 2001). Рассматривая благодарность как моральное чувство М.Е. Маккалоф и др. обращают внимание на то, что человек испытывает благодарность в ответ на поступок, который является благом для него, а не абсолютным благом (McCullough et al, 2001).

О.А. Полюшкевич определяет благодарность как форму морального поведения, вписанного в социокультурные рамки (Полюшкевич, 2017). Благодарность еще в 1984 году была включена Де Риверой в список наиболее часто переживаемых эмоций (McCullough et al., 2001). Однако специфика ее переживания (в частности, то, в каких ситуациях и по отношению к кому переживается благодарность) и выражения имеет культурные особенности. Например, с нашей точки зрения, предложенное М.Е. Маккалофом и его коллегами (McCullough et al, 2001) определение благодарности в контексте российской культуры нуждается в небольшом уточнении: благодарность может переживаться также в ситуации, когда кто-то делает добро значимому для нас другому человеку. Эта форма благодарности, по-видимому, в большей степени свойственна представителям коллективистических культур.

В результате экспериментальных исследований Маккалоф и его коллеги (McCullough et al, 2001) выявили несколько факторов, влияющих на переживание благодарности: добровольность, ценность для принимающего, цена для дающего. Людям свойственно в большей степени испытывать благодарность, если сделанное другим человеком было проявлением его доброй воли, а не результатом давления других людей, группы или обстоятельств. Мы в большей степени испытываем благодарность, когда то, что дал нам другой человек, является ценным для нас. Наша благодарность тем больше, чем выше была

цена слов или поступка для дающего. Выявленные закономерности позволяют осмыслить и феномен неблагодарности. Не желая испытывать благодарность, человек нередко, порой не вполне осознавая это, снижает ценность того, что сделал для него другой человек и преуменьшает затраченные им усилия. Нередко можно встретить и утверждения о том, что сделанное является долгом, обязанностью человека или социальной нормой. Также проведенные исследования позволяют объяснить, почему люди порой не испытывают благодарности, не смотря на вложенные другим человеком силы или ресурсы, т. к. то, что дает другой, может не иметь для них субъективной значимости. В исследовании, проведенном нами с участием студенческой выборки, (Синельникова, 2020) были выявлены моральный, эмоциональный, экспрессивный, деятельностный и социально-нормативный аспекты благодарности. Моральный аспект благодарности включает, с одной стороны, ценностный аспект – признание значимости и ценности того, что сделал другой человек, а с другой стороны – чувство долга и признательности, обязательства благодарного по отношению к тому, кто сделал ему добро. Эмоциональный аспект благодарности – переживание благодарности по отношению к другому. Респонденты отмечают положительную эмоциональную окрашенность переживания благодарности. Экспрессивный аспект благодарности – выражение своей признательности по отношению к другому человеку. Деятельностный аспект – ответная помощь и поддержка благодарно по отношению к тому, кто сделал ему добро. Социально-нормативный аспект благодарности – выражение благодарности как этикетная форма поддержания социальных взаимоотношений, соблюдение социальных норм.

Роль благодарности как личностного ресурса, особенно в трудных жизненных обстоятельствах, достаточно активно исследуется в США и Европе, а в последние годы – и в других регионах мира. Зарубежные исследования свидетельствуют о том, что благодарность позитивно влияет на здоровье и благополучие личности. В частности, анализ результатов эмпирических исследований, проведенный Алкозеи и его коллегами (Alcozei et al, 2018), показал, что благодарность связана с лучшим физическим здоровьем и психологическим благополучием. Благодарные люди в меньшей степени испытывали симптомы психопатологии (Alcozei et al, 2018), были менее склонны к суицидальному поведению, употреблению алкоголя и наркотиков (Kaniuka et al., 2020). Благодарность способствовала большему психологическому и социальному благополучию французских студентов в период карантина во время пандемии COVID-19 (Pellerin & Raufaste, 2020), который стал для многих серьезным стрессором, вызывавшим негативные эмоции и фрустрировавшим целый спектр различных потребностей.

Согласно данным Петерсона и Селигмана благодарность была более тесно связана с удовлетворенностью жизнью, чем другие факторы, за исключением оптимизма и энтузиазма. Благодарность в большей степени связана с удовлетворенностью жизнью, чем любовь, прощение, социальный интеллект и юмор (Peterson, Seligman, 2004). Лонгитюдные исследования, в которых участники по указаниям исследователей в течение нескольких недель обращали внимание на хорошее в своей жизни, показали, что респонденты стали чувствовать себя более счастливыми, у них улучшилось здоровье и снизились симптомы депрессии (Lyubomirsky, Sheldon, Schkade, 2005; Seligman, Steen, Park, & Peterson, 2005).

В исследовании Мак Квайера и его коллег (McGuire et al, 2019) было показано, что актуально переживаемая благодарность опосредует положительное влияние благодарности как черты личности на качество жизни, связанное со здоровьем. Отечественные исследования также подтверждают позитивную роль благодарности как внутриличностного ресурса. В исследовании С.К. Нартовой-Бочавер и Г.К. Кислицы было показано, что благодарность снижает переживание депрессии, связана с более высокой самооценкой и жизнестойкостью (Нартова-Бочавер, Кислица, 2017).

Благодарные люди, обращающие внимание на хорошее в своей жизни, в большей степени удовлетворены ею, больше верят себя. Благодарность является внутренней опорой личности, позволяющей ей справляться с жизненными трудностями. Одним из возможных механизмов позитивного влияния благодарности на психологическое и физическое здоровье личности является ее роль в регуляции эмоциональной сферы личности. Благодарность связана с переживанием позитивных эмоций (Нартова-Бочавер, Кислица, 2017; Balgiu, 2019). Она способствует переоценке ситуации, которая, в свою очередь снижает симптомы депрессии (Lambert et al., 2012). Переосмысление ситуации является одним из наиболее конструктивных способов регуляции эмоционального напряжения и позволяет не только снизить интенсивность негативных эмоций, но и не имеет негативных последствий для физического и психологического здоровья личности.

Еще одним возможным психологическим механизмом, объясняющим роль благодарности как внутриличностного ресурса, является ее взаимосвязь с копинг-стратегиями личности – стратегиями совладания с трудными ситуациями. В исследовании А.М. Вуда и его коллег (Wood et al., 2007) было показано, что благодарность позитивно взаимосвязана с поиском социальной поддержки, как эмоциональной, так и инструментальной, позитивной переоценкой событий, активным совладанием и планированием. Благодарность была негативно связана с дезорганизацией деятельности, употреблением психоактивных веществ, отрицанием и самообвинением. Люди, которым в большей степени свойственно переживать благодарность, также в большей степени склонны активно справляться с жизненными трудностями, адекватно оценивая ситуацию и вырабатывая план решения возникших проблем, опираясь на и активно актуализируя имеющиеся у них личностные и социальные ресурсы. Успешная и конструктивная эмоциональная регуляция с помощью переосмысления ситуации и поиска эмоциональной поддержки помогает им не впасть в панику, которая могла бы дезорганизовать их деятельность, лишить возможности думать и принимать адекватные решения. Эмоциональная регуляция в сочетании с отказом от саморазрушающего поведения в трудных ситуациях также объясняет позитивное влияние благодарности на физическое и психологическое здоровье и благополучие личности. Результаты исследования также косвенно свидетельствуют о том, что благодарность свойственна зрелой и здоровой личности, способной принимать на себя ответственность. Благодарность также была связана с личностным ростом после жизненных трудностей (Wood et al., 2007).

По данным отечественных исследований (Полюшкевич, 2017; Синельникова, 2020), переживание благодарности связано, прежде всего с трудными жизненными ситуациями. По данным О.А. Полюшкевич (Полюшкевич, 2017), в ответах респондентов практически

отсутствовали упоминания о повседневной благодарности, описываемые респондентами ситуации нередко были кризисными, и даже критическими. В трудных жизненных ситуациях человек испытывает особенную потребность в помощи, и наиболее благодарен тому, кто оказывает ее. В проведенном нами исследовании (Синельникова, 2020) трудные жизненные ситуации также преобладали среди ситуаций переживания глубокой благодарности, описанных респондентами (46.7 %). Описанные респондентами трудные ситуации включали как витальную угрозу или серьезные проблемы со здоровьем и связанное с ними чувство страха, беспомощности и обостренную потребность в другом человеке («благодарна маме, за то, что она была рядом со мной 24/7, когда я попала в тяжелую аварию»), так и кризисные ситуации, связанные с психологическими и социально-психологическими трудностями («когда брат помог выйти из трудной ситуации, где, как мне казалось, выхода нет»), в том числе ситуацией социального отвержения. Респонденты испытывали благодарность за помощь в совершении жизненного выбора и за поддержку их решений. В исследовании благодарности лучшему другу/подруге, проведенном в Турции (Erdugan, Araz, 2019) респонденты также испытывали благодарность друзьями за материальную и психологическую поддержку в трудных ситуациях.

Благодарность выступает также и соединяющим фактором в длительных межличностных отношениях, способствуя их укреплению и развитию. Результаты исследования, проведенного в Турции, показали, что респонденты, которым была свойственна благодарность, как черта личности, не только испытывали большую благодарность к своим друзьям и в большей степени выражали ее. Они в большей степени обращали внимание на те усилия, затраты и издержки, которые понес друг, помогая им. По сравнению с респондентами, имевшими более низкий уровень благодарности, они более ценили помощь друга и считали ее более искренней (Erdugan et al., 2019).

S. Um (Um, 2019) обращает внимание на то, что благодарность близким людям имеет иной, более обобщенный и интегративный характер по сравнению с благодарностью людям, не входящим в наше близкое окружение. Своим близким людям мы благодарны просто за то, что они есть в нашей жизни, за их поддержку, участие, помощь на нашем жизненном пути. Эта форма благодарности была выявлена и в нашем исследовании. Респонденты сообщали о благодарности родителям и членам семьи за длительное участие в их жизни, помощь поддержку и терпение на протяжении их жизненного пути (Синельникова, 2020). Эта форма благодарности была выявлена и в исследовании, проведенном в ЮАР. Студенты были благодарны за отношения, материальные ресурсы, возможность обучения в университете, за жизнь и здоровье (Plessis et al, 2020).

По данным отечественных исследований (Полюшкевич, 2017; Синельникова, 2020), в России люди в большей степени испытывают благодарность по отношению к близким. В нашем исследовании (Синельникова, 2020), проведенном с участием респондентов юношеского возраста, основными адресатами благодарности были родители, члены семьи, друзья и любимый человек. Как в исследовании Е.С. Синельниковой (Синельникова, 2020), так и в исследовании О.А. Полюшкевич (Полюшкевич, 2017) в ответах респондентов практически не встречаются проявления социальной благодарности, что снижает потенциал

благодарности как объединяющего фактора на уровне общества и требует дальнейших исследований и осмысления.

Результаты исследований подтверждают роль благодарности как значимого личностного ресурса совладания с трудными жизненными ситуациями, что делает ее особенно важной в период нестабильности, который неизбежно сопровождается индивидуальными трудностями в различных сферах жизни. Роль благодарности обусловлена как ее вкладом в конструктивное совладание со стрессом и удовлетворенность жизнью, так и ее объединяющей ролью в отношениях между людьми.

Библиография

1. Нартова-Бочавер С.К., Кислица Г.К. Переживание благодарности как личностный ресурс: к постановке проблемы. // Психологический журнал. 2017. Т.38, № 6. С. 42–51.
2. Полюшкевич О. А. Философия благодарности // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 1. С. 67–74.
3. Синельникова Е.С. Благодарность как психологический феномен. // Вопросы психологии. 2020. № 5. С. 25–33.
4. Alcozei A., Smith R., Killgore W. Gratitude and subjective wellbeing: a proposal of two causal frameworks. // Journal of Happiness studies. 2018. V.19, Is.5. P. 1519–1542.
5. Balgiu B.A. (2019) Possible mechanism of the influence of gratitude on life satisfaction. // Journal of psychological and educational research. 2019. V.27, Is. 2. P. 75–78.
6. Erdugan C., Araz A. The Cognitive, Emotional and Behavioral Indicators of Dispositional Gratitude in Close Friendship: The Case of Turkey. // Studies in psychology – psikoloji calismalari dergisi. 2019. V.39, Is.2. P. 321–344.
7. Kaniuka A.R., Rabon J.K., Brooks B.D., Sirois F., Kleiman E. Hirsh J.K. Gratitude and suicide risk among college students: Substantiating the protective benefits of being thankful. // Journal of American college health, 2020. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/31944902/> (дата обращения: 25.07.2022)
8. Lambert N.M., Fincham F.D., Stillman T.F. Gratitude and depressive symptoms: The role of positive reframing and positive emotion // Cognition & Emotion. 2012. V.26, Is. 2. P. 615–633.
9. Lyubomirsky, S., Sheldon, K. M., & Schkade, D. Pursuing happiness: The architecture of sustainable change. // Review of General Psychology. 2005. V. 9. P.111–131.
10. McCullough, M.E., Kilpatrick, S.D., Emmons R.A Is gratitude a moral affect? // Psychological bulletin. 2001. V. 127, Is.2. P. 249–266
11. McGuire, A. P., Yvette Z., Karly M. M., Thane M. E. Direct and Indirect Effects of Trait and State Gratitude on Health-Related Quality of Life in a Prospective Design. // Psychological reports. 2019. V.123, Is. 6. P. 2248–2262.
12. Pellerin N., Raufaste E. Psychological resources protect well-being during the COVID-19 pandemic: a longitudinal study during the French lockdown. //Frontiers in psychology. 2020. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.590276/full> (дата обращения: 25.07.2022).
13. Peterson, C., & Seligman, M. E. P. Character strengths and virtues: A handbook and classification. New York: Oxford University Press, 2004. – 800 p.
14. Plessis Du C.F., Guse T, Plessis Du G.A. “I Am Grateful That I Still Live Under One Roof With My Family”: Gratitude Among South African University Students. // Emerging Adulthood. 2020. URL: <http://hdl.handle.net/2263/79851> (дата обращения: 25.07.2022)
15. Seligman, M. E., Steen, T. A., Park, N., & Peterson, C. Positive psychology progress: Empirical validation of interventions. // American Psychologist. 2005. V.60. P. 410–421.
16. Um S. Gratitude for being. // Australian Journal of Philosophy. 2019. V.98, Is.2. P. 223–233.
17. Wood A.M., Joseph S., Linley P.A. Coping style as a psychological resource of grateful people. // Journal of Social and Clinical Psychology. 2007. V. 26, No. 9. P. 1076–1093.

ПРИЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В РАБОТАХ СТУДЕНТОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ШКОЛЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Андреева М.А. (Грищенко), ст. препод.,
Воронежский гос. ун-т,
Воронеж, Россия

Средства массовой информации являются одним из социальных институтов, призванных влиять на формирование толерантности в обществе, и, что еще более важно, способных на это. Для этого у СМИ есть множество возможностей: доступ к широкой аудитории, ее массовый охват, широкий арсенал технических средств, понимание потребностей и интересов своего читателя/зрителя/слушателя и умение говорить с ним на одном языке, а значит, и влиять на него. Но не менее важно и понимание журналистом своей социальной ответственности, необходимости налаживать в обществе диалог между представителями разных социальных групп, бороться с нетерпимостью и враждой. Однако именно это зачастую является наибольшей сложностью.

Как отмечает И.М. Дзялошинский, «многие обвиняют российскую прессу в том, что эпидемия нетерпимости обрушилась на общество именно по вине журналистов. ...В последнее время интерес общества к теме «Участие СМИ в формировании толерантных установок в обществе» по сравнению с 2000-ми годами заметно упал. Былой энтузиазм сменился плохо скрываемым раздражением, возникающим каждый раз, когда при руководителях СМИ и некоторых журналистах заходит разговор о толерантности и мультикультурализме. Появилось множество публикаций, авторы которых – иногда вполне именитые – довольно откровенно иронизируют над этими категориями» (Дзялошинский, 2022). По оценкам исследователя, «интолерантные высказывания содержатся примерно в 40 процентах текстов, публикуемых в федеральных и региональных СМИ. Причем эта величина колеблется очень незначительно» (Дзялошинский, 2022). Одним из объектов интолерантных высказываний традиционно являются представители различных народов и религий.

Так, В.Ю. Буткевич и О.В. Тихонова, исследовав контент с этнической окраской ведущих российских телеканалов в 2010–2016 гг., пришли к выводу, что для них «журналистика войны» характерна в гораздо большей степени, чем «журналистика мира» (Буткевич В. Ю., Тихонова О.В., 2018, с. 15). Журналисты часто используют этнически окрашенную информацию, негативные слова и высказывания с этническим подтекстом, проявляют избирательность в освещении и подаче информации, гораздо чаще обращаются к конфликтам и столкновениям, чем к позитивной повестке. Утверждать, что с 2016 года на российском телевидении (да и в журналистике в целом) произошли кардинальные изменения, было бы слишком смело.

Все это делает актуальным вопрос о профессиональном образовании и, может быть, даже воспитании журналистов, в том числе специальном. Очевидно, что образование в рамках вуза далеко не всегда может охватить все нюансы практической деятельности. Помочь ликвидировать пробелы могут различные образовательные проекты, в том числе

общественных организаций. Одним из таких проектов можно назвать Школу межэтнической журналистики.

Автор и главный организатор Школы – Гильдия межэтнической журналистики, общественная организация журналистов, освещающих в СМИ тему межнациональных и этноконфессиональных отношений. Была основана в 2015 году в качестве курсов для школьников и студентов, с 2016 года проводится для тех, кто уже окончил школу (максимальное ограничение по возрасту составляло до 2021 года – 28 лет, с 2021 года – 30 лет). С 2020 года проводится в партнерстве с Федеральным агентством по делам национальностей и при поддержке Общественной палаты РФ, получила название Всероссийского наставнического проекта. Его цель – научить молодых журналистов и блогеров освещать в СМИ тему межнациональных отношений.

Проект проходил в разных регионах России (число Школ-участников составляло от 9 в 2019 до 27 в 2021 году), но по единой программе с учетом регионального компонента. Программа включает в себя освоение знаний, необходимых для работы с темой межнациональных отношений: этнокультурное многообразие РФ и региона, кодекс этножурналиста, освещение конфликтов на бытовой и национальной почве, «язык вражды», работа этнокультурных НКО, миграционная политика, Стратегия государственной национальной политики и пр. Однако главная особенность проекта – его практическая направленность. Руководит работой региональной Школы журналист-практик, имеющий опыт деятельности в сфере межэтнической журналистики (именно поэтому проект называется наставническим). Обязательным условием для каждого слушателя является создание и публикация журналистских материалов.

В Воронеже Школа межэтнической журналистики работает с 2017 года на базе факультета журналистики Воронежского госуниверситета. Ее слушателями в разные года становились студенты не только факультета журналистики, но и других – исторического, романо-германской филологии, социологического, международных отношений, экономического и юридического (проект допускает участие всех, кто интересуется журналистикой и межнациональными отношениями). Всего обучение в воронежской Школе межэтнической журналистики прошли более 50 человек, опубликовано более 200 работ.

Большинство работ, подготовленных студентами, так или иначе связаны с формированием толерантности по отношению к представителям различных народов, культур и религий. Анализируя этот контент, можно выделить несколько механизмов.

Первый – это рассказать об этнокультурных особенностях того или иного народа и тем самым формировать уважение к нему, а заодно и к разнообразию различных культур народов страны и мира. Как правило, это рассказ о праздниках (национальных и религиозных) того или иного народа, быте, кухне, литературе и искусстве. Например, в 2017 году студентка Школы Зифа Хакимзянова подготовила материал «В Воронеже праздник Навруз объединил диаспоры народов Средней Азии» (Хакимзянова З., 2017). В нем она подробно рассказала о том, как прошло празднование Навруза – праздника, который довольно редко широко отмечается и освещается в Центральной России. Материал рассказывает о традициях и смысле Навруза, содержит комментарии представителей диаспор и дает представление о празднике

даже тому, кто слышит о нем первый раз. Видеоработа Виктории Черниковой «Еврейская община в Воронеже» рассказывает об истории и современности пребывания евреев в Воронежской области, деятельности синагоги как центра жизни общины (Черникова, 2017). В 2019 году Надежда Бех опубликовала текст «Кобзарь напомнил о дружбе» – о вечере памяти Тараса Шевченко и о том, как сегодня в регионе сохраняется украинская культура (Бех, 2018). Эта работа показывает тесную связь воронежцев с украинской культурой, сложившуюся веками, современное бытование украинского языка и культуры, работу педагогов и диаспоры по их сохранению. В 2020 году одной из главных тем стало освещение бытования сербской культуры в Воронеже – ей были посвящены четыре материала разных жанров (от новости до интервью и репортажа). Одна из самых привлекательных тем для работы журналиста – национальная кухня. В 2020 году вышел материал Эллады Дурнаковой «Пахлава в Воронеже: найти и …» (Дурнакова, 2020). Автор исследовала феномен популярности этой сладости и попыталась понять, можно ли приготовить это традиционное кушанье кавказских народов на обычной воронежской кухне. В 2021 году студенты снова обратились к теме Навруза: Арина Белозерцева опубликовала работу «Традиции в современном городе» (Белозерцева, 2021). Она рассказала о том, как в городе-миллионнике Воронеже современные азербайджанцы сохраняют свои традиции и отмечают один из своих любимых праздников.

Еще один вариант этого приема – рассказать о традициях сразу нескольких народов, указав на их общность, схожесть, родство. Например, студентки Школы-2017 Юлия Ковалева и Анастасия Картавцева рассказали о череде весенних праздников, пришедшихся на одну неделю: Пейсахе, Пасхе православной, католической, протестантской и армяно-христианской (работа «Пасха похожая и разная: кто и как отметит праздник в Воронеже») (Картавцева, Ковалева, 2017). В описании истории и традиций этих праздников нельзя не отметить схожие черты. Так читатель приходит к мысли, что при всей разнице религии имеют много общего, и главное в этом – добрые светлые чувства и эмоции, вера в лучшее и стремление следовать традициям своих предков. В 2018 году вышла работа с говорящим названием «Что общего у евреев, мусульман и христиан, или лекция Сергея Кавтарадзе «Храм, город и град небесный» Анны Березовской – о том, что «несмотря на множество различий в иудаизме, исламе и христианстве, существует столько же пересечений и взаимодействий в архитектурном и культурном их следе» (Березовская, 2018).

Таким образом, рассказывая о культуре того или иного народа с симпатией, описывая заслуги его представителей или показывая в его повседневной жизни что-то и уникальное, и обычное/родственное, авторы делают этот народ ближе и понятнее. Тем самым формируется уважительное отношение к этому народу, принятие его культур и традиций.

Еще один объект «узнавания», познания – собственная, родная культура или культура этнического большинства региона (для Воронежской области – русская). При этом необходимо отметить, что внимание студентов к родной культуре с годами растет: если в 2017 году работы на «русскую» тему составляли меньшинство (только те, что посвящены Масленице), то в 2021 году таковых было около 50 %. Темами для исследования становятся русский язык и его диалекты, быт крестьянина русско-украинского пограничья, фольклор, песенная традиция региона. Авторы начинают обращаться к истории собственной семьи и

искать в ней этническую идентичность. Одной из самых успешных в этом отношении стала работа Анны Березовской «Ти лили олей у бульбу?», или с ардонского на русский» (Березовская, 2018). В ней студентка рассказывает о говорах своего родного села, соединивших в себе элементы русской, белорусской и украинской речи. Кроме того, она признается, что в детстве стеснялась своего необычного диалекта, а теперь, когда она покинула малую Родину, ей не хватает возможности пообщаться на нем. Теплая, искренняя работа с нотками ностальгии вызывает большую симпатию, прежде всего, у ровесников автора, заставляет их задуматься о связи с предками, их культурой и традициями. А это можно, помимо прочего, назвать и выполнением некой воспитательной функции.

Еще один популярный прием создания этнического портрета и знакомства с культурой и менталитетом, обычно своим собственным, – взгляд «иног». Часто молодых авторов интересует, какой их жизнь, быт и культуру видят иностранцы. Так, студент Школы-2017 Александр Абрамов подготовил работу с говорящим названием «Россия глазами иностранцев» (Абрамов, 2017). В ней он опросил студентов из Мексики, Аргентины, Бурунди, Вьетнама и Испании на предмет того, что они знают/знали ранее о России. Респонденты рисуют очень привлекательный портрет России, что, в свою очередь, вызывает симпатию и к ним самим. Они рассказывают о сходстве и отличиях национальных культур, делятся интересными наблюдениями, развенчивают стереотипы из серии «что они думают о нас». В 2021 году Екатерина Дыгало сузила тему исследования до «Насколько гостеприимными мы выглядим со стороны», попытавшись понять, в какой степени мнение россиян о себе соответствует действительности (работа «Душа – потёмки?») (Дыгало Е., 2021). Такое познание, причем зачастую особенностей нескольких культур одновременно, позволяет понять что-то важное и о себе, и о тех, кто приезжает из-за рубежа и очень не похож на «нас» в обобщенном смысле, и осознать, что при всех отличиях представители разных народов во многом схожи.

Отдельным направлением в работе, которая способствует формированию толерантности, можно назвать освещение темы мигрантов в России и миграционной политики. Посвященные ей материалы студенты воронежской Школы межетнической журналистики готовят ежегодно. Один из основных форматов работы – опрос. Студенты проводят его среди разных групп населения и даже в разных городах. Формулировки вопросов каждый раз звучат по-разному, но всегда направлены на то, чтобы выяснить не только собственно отношение к мигрантам, но и его причины. Работы других форматов служат тому, чтобы показать мигранта как «обычного» человека и объяснить причины, побудившие его приехать в Россию. Таков материал Эллады Дурнаковой «Розовые очки и готовность к переменам» (Дурнакова, 2020). Историю мигранта она раскрывает на примере своей ровесницы, студентки из Туркменистана: рассказывает, зачем девушка приехала в Воронеж, с какими трудностями ей пришлось столкнуться, как она училась русскому языку. Такой образ можно назвать близким и понятным молодой аудитории, а значит, он будет скорее положительным. Кроме того, автор дополняет личную историю мигранта статистикой миграционного потока в регион, комментарием эксперта (в данном случае это руководитель некоммерческий центра содействия мигрантам «Искусство жить» Юлия Никифорова), а также опросом на тему

отношения воронежцев к мигрантам. Она выясняет, что «большинство воронежцев относятся к мигрантам положительно» (Дурнакова Э., 2020). Можно сказать, что в своей работе Эллада Дурнакова продемонстрировала комплексный подход к освещению проблем мигрантов, придала ему «человеческое» лицо, а разговор с аудиторией (прежде всего, молодежной) на простом и понятном ей языке заставит дочитать материал и задуматься над поставленными в нем вопросами. Безусловно, такие публикации можно считать способствующими формированию толерантности, в том числе, в молодежной среде.

Отдельным блоком можно выделить работы о собственно толерантности. Как правило, это событийные материалы о мероприятиях, проводимых при участии общественных молодежных организаций, этнокультурных НКО, органов власти: репортаж «День толерантности в ВГТУ» (Черникова В., 2017), «Не застрахован никто» (Ашыров, 2018), «Молодежь и межнац» (Молодежь и межнац..., 2020) и др. Однако несколько публикаций представляют собой неформальные размышления автора о собственно толерантности и принятии/непринятии иного, чужого. Так, Анастасия Картавцева подготовила работу «Несколько слов о хиджабах» (Картавцева, 2017). Это монолог-размышление, но на самом деле он очень диалогичен и построен как ответ автора на вопросы, которые, наверняка, задавали себе многие: «Хиджаб – это атрибут религии, так почему он должен быть запрещен? Потому что женщина выставляет напоказ свою принадлежность к исламу? Но с таким же успехом можно запретить всем христианам появляться на пляже с крестиком на шее. Представляете, каким это могло бы быть всех людей, которые чувствуют себя без креста незащищенными, подверженными опасности? А ведь таких много. Так же и мусульманки, привыкшие носить хиджаб, будут чувствовать себя не просто незащищенными, а раздетыми» (Картавцева, 2017). Обращается автор и к существующим стереотипам, развенчивая их собственными размышлениями на фоне исторических фактов: «Не менее важной проблемой является то, что хиджабы, как и ислам в целом, многие люди ассоциируют с терроризмом. Да, к сожалению, от этого никуда не денешься. Самая известная террористическая организация называется «Исламское государство». Но хочу заметить, что не ислам выбирал террористов, это террористы выбрали ислам в качестве прикрытия своей жестокости. На месте ислама могла быть любая другая религия, ведь в Коране нет такого места, где Бог призывает людей убивать неверных. А если обратиться к истории, то можно вспомнить, сколько преступлений совершалось под Христовым знаменем. Чего стоят одни только крестовые походы» (Картавцева, 2017). Таким образом, в своей работе Анастасия Картавцева в яркой и эмоциональной форме привлекает внимание к существующим религиозным стереотипам и старается развенчать их, делает это в яркой, эмоциональной и понятной молодежной аудитории форме. Анна Шубитидзе задалась другим вопросом – «Почему «позитивная» стереотипизация – это плохо?» (Шубитидзе, 2021). Свои рассуждения она заканчивает выводом: «Никакую стереотипизацию нельзя считать позитивной. Каждая вносит свою лепту в разрозненность общества и дальнейшее продвижение обезличивания расовых групп» (Шубитидзе, 2021). Этот текст не настолько эмоциональный, в нем гораздо больше социологических терминов, однако он интересен именно своим вниманием к актуальным

проблемам – избавлению от стереотипов, борьбе за равенство и права различных социальных групп, в том числе по признаку расы, национальности и религии.

Таким образом, анализируя контент, созданный молодыми журналистами – участниками проекта «Школа межэтнической журналистики в 2017–2021 гг.», можно сделать следующие выводы:

1) Контент на этническую тему интересен молодежи. Молодые журналисты активно подключаются к освещению проблем этнической самобытности, взаимодействия различных народов, существования стереотипов и пр.

2) Практически все материалы, созданные слушателями Школы межэтнической журналистики, могут служить формированию толерантности, прежде всего, в молодежной среде. Этим целям служат: познание различных культур народов страны, развенчание стереотипов о культуре и традициях того или иного народа/религии, демонстрация взаимосвязи различных культур, их общности при признании уникальности каждой, объективный рассказ о существующих проблемах (например, миграции) с объяснениями возможных их причин. Именно на основании всего этого и формируется уважение к «чужой» культуре, ее принятие.

3) Для рассказа о культуре, быте или менталитете того или иного народа авторы могут использовать несколько точек зрения: свой взгляд на культуру этнического меньшинства региона, свой взгляд на культуру этнического большинства региона (чаще всего это родная культура автора) и взгляд иностранцев на культуру России в целом. При этом в последнем случае журналисты стремятся указать не только культурные различия, но и нечто похожее, общечеловеческое.

4) Молодые журналисты не избегают разговора об острых проблемах, так или иначе связанных с этническими факторами. Чаще всего это проблемы миграции и значимости толерантности в обществе.

5) Социально-значимый контент подается авторами в доступной форме, на простом и понятном молодежной аудитории языке.

Необходимо констатировать, что обращение к столь сложной и социально важной теме, как этническая, требует специальных знаний и подготовки. Базой для такой подготовки могут стать специальные курсы (как Школа межэтнической журналистики) или дисциплины в рамках обучения на факультетах журналистики. В этом смысле опыт Гильдии межэтнической журналистики может быть полезен для дальнейшего изучения и использован в самых разных регионах Российской Федерации, а не только среди непосредственно участников проекта «Школа межэтнической журналистики».

Библиография

1. Абрамов А. Россия глазами иностранцев// https://nazaccent.ru/school_content/572/ (дата обращения 24.03.2022).
2. Ашыров Б. Не застрахован никто// https://nazaccent.ru/school_content/1225/ (дата обращения 24.03.2022).
3. Белозерцева А. «Традиции в современном городе»// https://nazaccent.ru/school_content/4010/ (дата обращения 24.03.2022).
4. Березовская А. «Ти лили олей у бульбу?», или с ардонского на русский//https://nazaccent.ru/school_content/1234/ (дата обращения 24.03.2022).
5. Березовская А. Что общего у евреев, мусульман и христиан, или лекция Сергея Кавтарадзе «Храм, город и град небесный»// https://nazaccent.ru/school_content/1042/ (дата обращения 24.03.2022).
6. Бех Н. «Кобзарь напомнил о дружбе»// https://nazaccent.ru/school_content/1764/ (дата обращения 24.03.2022).
7. Буткевич В.Ю., Тихонова О.В. Тема социальных проблем в межэтническом ракурсе на современном отечественном телеэкране//Этническая журналистика: история и современность. Ежегодник № 11. М.: Фак журн. МГУ, 2018. С. 13–30.
8. Дзялошинский И.М. Роль СМИ в формировании образа «Другого»// <https://mic.org.ru/phocadownload/1-dzyaloshinskiy.pdf> (дата обращения 24.03.2022).
9. Дурнакова Э. «Пахлава в Воронеже: найти и»//https://nazaccent.ru/school_content/2693/ (дата обращения 24.03.2022).
10. Дурнакова Э. Розовые очки и готовность к переменам// https://nazaccent.ru/school_content/3205/ (дата обращения 24.03.2022).
11. Дыгало Е. Душа – потёмки? // https://nazaccent.ru/school_content/3706/ (дата обращения 24.03.2022).
12. Картавцева А. Несколько слов о хиджабах// https://nazaccent.ru/school_content/413/ (дата обращения 24.03.2022).
13. Ковалева Ю., Картавцева А.. Пасха похожая и разная: кто и как отметит праздник в Воронеже//https://nazaccent.ru/school_content/384/ (дата обращения 24.03.2022).
14. Молодежь и межнац// https://nazaccent.ru/school_content/1988/ (дата обращения 24.03.2022).
15. Хакимзянова З. В Воронеже праздник Навруз объединил диаспоры народов Средней Азии// https://nazaccent.ru/school_content/443/ (дата обращения 24.03.2022).
16. Черникова В. День толерантности в ВГТУ// https://nazaccent.ru/school_content/441/ (дата обращения 24.03.2022).
17. Черникова В. Еврейская община в Воронеже//https://nazaccent.ru/school_content/570/ (дата обращения 24.03.2022).
18. Шубитидзе А. Почему «позитивная» стереотипизация – это плохо? // https://nazaccent.ru/school_content/4040/ (дата обращения 24.03.2022).

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В МЕДИЙНОЙ СРЕДЕ: ПРЕОДОЛЕНИЕ ИЛЛЮЗИЙ

Сидоров В.А., д. филос. н., проф., СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

Толерантность – не идеал, а политически актуальный символ, его содержание известно и неизвестно в одно и то же время. В Политологическом словаре (1993) толерантность разъясняется как позиция политической силы, готовой допускать инакомыслие, прислушиваться к мнению оппонента (Политология, 1993, с. 375). В новой философской энциклопедии ИФ РАН (2010) феномен утверждается как необходимое условие общественного единения людей различных верований, культурных традиций, политических убеждений (Толерантность, 2010). Правда, есть и другие философские словари, в которых для толерантности отдельная статья не предусмотрена. Добавим, что в литературе нередко встречается понимание толерантности в качестве способности какого-либо организма – биологического, социального – без фатальных последствий испытывать воздействие извне.

В эволюционно-биологическом смысле понятие толерантности опирается на представление о «норме реакции» – безопасном, то есть допустимом диапазоне реагирования организма на чужеродную инъекцию. Поэтому у толерантности и родственного ей политического плюрализма тоже есть свои пределы. Толерантность без границ не только невозможна, но и опасна, толерантность – это знание, чего следует и чего не следует бояться (Мелихов, 2007). Нечто похожее утверждает и Г. Померанц: «Существует какой-то оптимум индивидуальной свободы, неуравновешенная свобода – губительна» (Померанц, 2008, с. 49).

В свете этих высказываний более понятно, почему в современном сообществе принято противостоять как идеологии фашизма, так и любым проявлениям неонацизма, экстремизма в целом – проявлять к ним политическую, идеологическую и нравственную *нетерпимость*. Но как же в таком случае рассматривать нетерпимость? Вынести за скобки толерантности – тогда толерантность нельзя трактовать как универсальный принцип. Отнести к частному представлению о толерантности, тогда не универсальна сфера применения принципа. Всё это указывает на уязвимость предпринятых к настоящему времени определений толерантности: когда закономерность установлена, то не нужны оговорки, а если нужны, то несостоятельно толкование. В связи с чем установим, что толерантность – не идеал, а некий политически актуальный ценностный символ, содержание которого непрерывно дискутируется. Однако, при этом является ли толерантность ценностью? Воспринимается ли таковой в прессе?

Анализ медийной сферы показывает, что толерантность в СМИ традиционно сопрягается с идеями о правах человек, нравственно-этическими заповедями, а также установлением «общего поля говоримого» как базиса для возникновения толерантных отношений. Можно сказать, в журналистике толерантность осваивается и вырисовывается исключительно интуитивно. Всегда ли успешно? – это вопрос. Но вопрос актуальный, который всякий раз, как только случается очередное чрезвычайное происшествие, самой жизнью ставится заново.

Под толерантностью обычно подразумевают соответствующее поведение человека, которое выражается в строе его мысли, речах, поступках. Строго говоря, все наши чувства известны –

любовь, ненависть, радость, печаль, наслаждение, страдание... Чувства и разум дают человеку основания во что-то верить, чего-то бояться. Развитое представление о толерантности отодвигает дурные чувства и настроения, позволяет преодолеть фобии, страхи. Заметим, что чувство страха особенное. Древнее его не придумать – человек еще не стал человеком, а чувством страха обладал. Обладал, но не владел. Это чувство среди людей самое живучее. Несмотря на всю глубину и богатство создаваемой в истории человеческой культуры. Так что толерантность возможно рассматривать как преодоление страха.

В эпоху глобализации и цифровизации информационных отношений в обществе проблема толерантности наполняется новым содержанием. Обусловлено это в первую очередь растущей взаимозависимостью людских сообществ. Вступать в контакты друг с другом приходится самым различным народам, а значит и разным культурам. Причем именно на рубеже XX – XXI веков межкультурное взаимодействие интенсифицируется в связи с бумом информационных технологий и делается практически повсеместным, а «толерантность к культурным отличиям становится необходимым условием диалога различных групп людей. И, несмотря на трудность реализации этого условия, на данный момент не существует какой-либо практически значимой альтернативы толерантности» (Клейберг, 2012, с. 330).

Рассматривать толерантность вне дихотомии «толерантность – интолерантность» бессмысленно. Первая часть ценностного противопоставления выступает как указание на диалог культур (Пиотровский, 2008, с. 4). В связи с чем формирование журналиста и любого другого медийного актора в качестве «человека культуры» требует применения принципа диалога, то есть закрепления навыков толерантного отношения к «другому» (Новикова, 2006, с. 4). Если диалог культур (диалог с Другим) и есть ядро толерантности, то интолерантность вызывает обрыв диалога, состояние фрустрации, культурного шока. И как результат повышение политического напряжения, обострение градуса идеологической борьбы в медийной среде.

Каждый погружен во внешнюю среду, которая и есть объективная данность, и мы должны приспособиться к ней. Во внешней среде человек всегда находится в сложной композиции позитивных и негативных ее проявлений. Он обладает качеством целостности до той поры, пока способен сопротивляться воздействию идущих извне негативных факторов. И в этом смысле толерантность – есть соответствие порогового значения неблагоприятного для организма воздействия (инъекции) внешней среды и минимального значения сопротивляемости самого организма идущему от внешней среды негативизму. Эта интерпретация феномена может рассматриваться более широко: формула позволяет корректно развести понятия плюрализма и толерантности. Первое характеризует среду, внешнюю по отношению к субъекту социального действия, второе – состояние самого субъекта по отношению к воздействующим со стороны силам. Так что в дискурсе о толерантности антонимы «терпимость – нетерпимость» следует заменить на другую пару – например, «допустимое – недопустимое». В такой трактовке более понятным выглядит, например, сложившееся в России в противовес Западу (и даже Китаю с Японией) интолерантное отношение к однополым бракам. По этому поводу ВЦИОМ еще в 2015 г. провел широкомасштабное исследование, результаты которого показали, что:

- 20 % россиян считают гомосексуализм болезнью («надо лечить»),
- право гомосексуалистов на брак признают только 8 % против 80 % опрошенных,
- только 3 % респондентов согласны с тем, что однополым парам можно усыновлять детей (Однополые браки, ВЦИОМ, 2015).

Результаты проведенного опроса свидетельствуют не о каком-то «ожесточении» в умах российского социума, которое социологами вообще не наблюдается: по результатам сравнительно недавнего исследования можно нарисовать весьма далекий от какого-либо ожесточения портрет россиян (Напр.: Русский характер, 2020). Иными словами, данные социологического анализа подчеркивают только отношение россиян к однополым бракам, и не более того. Отношение, основанное на сложившемся ядре национальной культуры, в котором закреплено неприятие обществом гомосексуальных отношений. И это, по всей видимости, останется неизменным, так как ядро культуры этноса невозможно перекроить – привести в соответствие с повесткой дня, оно, по словам философа, является «устойчивой, бытийственной формой сознания» и в принципе неуничтожимо ни в войнах, ни в революциях (Кантор, 1992, с. 11).

Ядро культуры этноса, содержащее в себе нравственные принципы и руководства к жизнедеятельности индивида, может создать препятствия и в других сферах социальных отношений. Так, в свое время (2010) исследования социологов ВЦИОМ выделили три причины интолерантного отношения в России к углублению социальной стратификации по шкале доходов. И эти причины также непосредственно связаны с содержанием ядра национальной культуры:

- в общественном сознании все еще доминирует социалистический менталитет, отрицающий социальное неравенство;
- негативная реакция людей на несправедливое расслоение социума по признаку «бедный – богатый»;
- специфическая ментальность россиян, предполагающая неприятие / отторжение чужого финансового успеха.

Эти факторы становятся источником интолерантности. Как заключает социолог, «нынешние установки российского населения в целом не соответствуют рыночной капиталистической экономике, которая априори предполагает неравенство доходов и жесткую социальную стратификацию» (Балацкий, ВЦИОМ, 2010, с. 44). Сегодня представления о толерантности переходят в область иллюзий, причем идея толерантности становится ширмой реальных противоречий в журналистике.

Чтобы обеспечить корректность дальнейших рассуждений, сделаем небольшой набросок иерархии ценностей.

На верхней ступени иерархической лестницы идеалы – это образец, прообраз, понятие совершенства, высшая цель стремлений (Кратк. филос. энцикл., 1994, с. 168). Таковы идеалы свободы, добра, красоты, справедливости. В качестве фундамента, ступенькой ниже, названные идеалы поддерживаются ценностями высшего порядка – этическими, эстетическими, витальными (там же, с. 507). Среди витальных выделим ценность жизни, которая непосредственно связана с идеалами свободы и справедливости. Ниже ценности

частных порядков – познания, профессии, мужские, женские. Конечно, эти абстракции – не более чем схема. Однако схема позволяет приблизиться к искомым представлениям. Так, выделяя одну из витальных ценностей – ценность жизни, мы видим, что то или иное представление о ней поддерживает толкование идеалов свободы и справедливости, также формирует понимание толерантности. Тем не менее, толерантность не ценность, потому что не обладает своей абсолютной дихотомической парой. Употребляемая вместо нее «интолерантность» – только отрицание толерантности, тогда как, обратимся к известным ценностным противопоставлениям «добро – зло» или «красота – безобразия», вторые части дихотомий – явно нечто большее, чем просто отрицание добра и красоты, это масштабные явления жизни. Не случайно так противоречиво трактуется зло в «Фаусте» И. Гёте или в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова. Толерантность – не ценность, а принцип, имеющий ценностное происхождение. Отчего игнорирование ценности жизни есть кратчайшая дорога к интолерантности.

В особой степени пониманию толерантности способствует медийная сфера, где в концентрированном виде перемешаны все отображения действительности – искажённые, объективные, туманные, «смутные видения» – всякие. Здесь можно согласиться, что СМИ в вопросах толерантности не всегда проявляют себя с лучшей стороны, а журналисты не во всём последовательны, но именно эта сфера приносит неоценимый по важности эмпирический материал и сама же, конечно, в меру своих сил, перерабатывает его.

Медийная эмпирика противоречива, как сама жизнь, как журналистика. И потому она всякий раз выявляет новые обстоятельства, заставляющие ещё и ещё раз пересматривать содержание толерантности.

Вот так журналисты рефлексируют либо по смыслу толерантности, либо по поводу проблем, чреватых интолерантностью. Заметим, журналистский диагноз состояния толерантности в обществе во многом точен. Так что правы те специалисты, которые помещают журналистику между искусством и философией. От искусства она берёт образное видение мира, от философии – понятийный анализ. Журналист, обращаясь к различного рода конфликтным ситуациям, непроизвольно приходит к утверждению основной витальной ценности, приоритетов многообразия жизни, без которого «заглохнет её нива». Подчеркнём иное: то или иное понимание толерантности журналистов, как и всех людей, разделяют ценностные системы, которых они придерживаются. В своём большинстве люди предрасположены к толерантному общежитию, интуитивно не очень-то сопротивляются разнообразию его проявлений. Подобное в журналистике, по всей видимости, исключение, повседневна – работать на грани с интолерантностью.

Толерантность в обыденной жизни сводится либо к золотому правилу этики («поступай с другим так, как допускаешь ему поступать с собой»), либо к бытовым, но не менее мудрым установлениям – «не вмешивайся, когда не просят», «в чужой монастырь со своим уставом не ходят», «выслушай другого, тогда и тебя услышат» и пр. Если кратко, то «не буди лихо, пока оно тихо». К повседневной жизни эти правила подходят без особых оговорок. Но именно такая трактовка толерантности – сильнейший яд для журналистики. Таков яд поточного производства событий omnibus, как о них написал Пьер Бурдьё. «События omnibus – это

факты, которые никого не шокируют, за которыми ничего не стоит, которые не разделяют на враждующие стороны и вызывают всеобщий консенсус. Они способны заинтересовать всех, не затрагивая важных тем» (Бурдые, 2002, с. 30). Такая толерантность ничего, кроме неприятия вызвать не может. Есть своя закономерность в том, что Бурдые, не довольствуясь таким пейзажем СМИ, внес в него ещё неотчётливо выраженное представление о «шероховатостях» в журналистике: «Если информация... становится информацией omnibus, без "шероховатостей", единообразной, можно себе представить возможные политические и культурные последствия этого». Бурдые предостерегает: нравиться всем, значит «стараться "никого не шокировать", не поднимать других проблем, кроме тех, что не вызывают последствий» (Бурдые, 2002, с. 61-62).

Естественно, возникает вопрос о границах – где журналистские «шероховатости» становятся смертельно опасными шипами. Если кратко, то границы устанавливает уже сформулированный нами принцип: не превышать допустимой для организма дозы чужеродной инъекции. В равной степени опасно, как переступить границу, так и остановиться в её отдалении. Потому что события omnibus противопоказаны журналистике – потенциальной возможностью потерять преданную ей аудиторию, стать жертвой манипуляторов. Что, в конечном счёте, способно привести к нежелательной интолерантности. Поэтому будем полагать, что упорное и сознательное утверждение своих ценностных представлений – далеко не прямая, но очень надёжная дорога к толерантности в журналистике. Настоящая журналистика в принципе не может возводиться из никого не задевающих и никого не шокирующих фактов omnibus, ей нужны «шероховатости».

Некоторая расплывчатость толкования толерантности обусловлена потерями в представлении о её физическом смысле. Разобраться в феномене значит вернуться к первоисточнику, очистив содержание от налета релятивизма. Возвращение к физическому смыслу рассматриваемой категории также освобождает дискурс от нежизнеспособных абстракций.

Перемены в обществе – материальные, социальные и духовные – прямо ведут к определенным трансформациям в журналистике и функционировании СМИ. В первую очередь, к подчеркнутому пониманию публичности журналистских выступлений. Отныне слово может быть умножено не на тысячи и даже миллионы восприятий в аудитории – на восприятие миллиардов людей, сказываются как социальный, так и техногенный факторы. Должна измениться шкала ценностей и в самой журналистике. Если кратко, то это значит, что журналистика не имеет права отставать от перемен в общественном сознании. Приоритеты общественного сознания – суть духовные ценности, разделяемые людскими общностями. И первейшая ценность – не свобода слова, даже не демократия, ибо каждое из этих понятий произвольно и по-разному определяется многими, а установление простого и непреложного факта – в других общностях есть свои ценности, и никому со стороны не дано права разрушать их, даже по неловкости.

Пора понять и ценность самой журналистики как незаменимого метода социального общения. И помнить, что журналистика нередко рискует собой, особенно часто расплачиваясь за последствия специфики в деятельности СМИ, многие из которых не ориентированы

на утверждение духовных ценностей, а нацелены на достижение исключительно коммерческого успеха.

Надо оговориться: в этом контексте мы говорим о толерантности, не выходя за пределы российской культуры. В противном случае утонем в языковой разногласии дефиниций. Потому что тенденция к выработке общепринятого понятия толерантности не исключает того, что в разных языках в зависимости от исторического опыта народов оно находит различные смысловые оттенки. У англичан толерантность – «готовность и способность без протеста воспринимать личность или вещь», у французов – «уважение свободы другого, его образа мысли, поведения, политических и религиозных взглядов». Для китайцев быть толерантным значит «позволять, допускать, проявлять великодушие в отношении других». В арабских культурах толерантность – «прощение, снисхождение, мягкость, снисходительность, сострадание, благосклонность, терпение, расположенность к другим», в культуре Ирана – «терпение, терпимость, выносливость, готовность к примирению».

Наиболее явно категория толерантности находит свою «материализацию» в мировоззренческой, идеологической сферах через факты информационного обмена в обществе. Обнаруживаемый в толерантности «деятельностный» аспект духовного движения материи характеризует прежде всего образ действий журналиста, который не отождествим с действием/деятельностью журналиста.

Для культуры журналиста нельзя назвать случайным сближение наиболее существенных сторон двух понятий: «деятельностного» аспекта толерантности и образа действий журналиста. Соотнесение с журналистской практикой толерантности, где на первый план выдвигаются толерантное мышление и толерантное поведение журналиста, побуждает рассматривать феномен в контексте общей профессиональной и политической культуры. Причем ни в коем случае не покидая пределы реальности, в которой могут быть реализованы разные варианты социально-политического развития. Варианты, которыми исследователь не вправе пренебречь, хотя бы ради того, чтобы задаться вопросом, а что будет, если журналист в своей деятельности нацелен на демонтаж политической системы, которая ему представляется отжившей, реакционной? Задаться и понять, что встречаемся с иной политической культурой, иным ее пониманием. В итоге наши представления о феномене нуждаются в серьезном расширении: одна ли перед нами политическая культура журналиста (правда, многогранная, многосторонняя), или внутри одной национальной несколько политических культур журналиста, две по крайней мере, и они принципиально не сходны между собой? Эти же вопросы возникают и по поводу толерантности в контексте информационных обменов в обществе.

Отношение к действительности – ключ к пониманию толерантности в журналистике, которая заключается не в воображаемой ее независимости от объективных законов бытия, а в способности сближать действие с образом действия. В этом случае повышается сопротивляемость субъекта информационных отношений к дозам в мировоззренческом плане ему чужеродных инъекций, укрепляется уверенность в прочности занимаемой им позиции. А внешне это выглядит как способность к взвешенной и осмысленной реакции на события, явления, факты жизни, даже неожиданные и малоприятные для субъекта. Такой

стиль поведения чаще всего и называют толерантным.

Однако не следует возводить в абсолют такого рода толерантность, поскольку она детерминирована социально-политической системой, конкретной исторической эпохой, архетипами национальной культуры. И поэтому никогда не бесполезно уточнение: по отношению к какой действительности проявляется та или иная мера толерантности?

Безусловно, у толерантности есть мера. Причем не абстрактная усредненная мера толерантности ко всем явлениям окружающего мира, а своя определенная относительно основных типов явлений, идеологической информации и пр., так как на каждый такой тип (дозу инъекции) – особенная сопротивляемость организма и особенная его реакция, свой образ действий.

Журналистика в одно и то же время представлена совершенно несхожими между собой журналистами, разделяемыми социальными перегородками, идеологическими разногласиями, ценностными ориентациями и, как следствие, разными представлениями о возможных и желательных журналистских действиях. Налицо множественность «толерантностей», или полифония толерантности. Так что и размышления о толерантности в журналистике нуждаются в своей исторической конкретизации, в разборе тех проблемных сюжетов, на которые так щедра журналистская практика.

Объективность понятия толерантности как реальной политической составляющей жизни общества и раньше вызывала сомнения. Все, что говорили о толерантности, больше напоминало навязываемое по медийным каналам поучение, как правильно и хорошо себя вести, нежели отражение сущности обсуждаемого феномена. Причем мнимое / желаемое выдавалось за подлинное / уже случившееся. Представления о толерантности перетекали в пропаганду так называемой политкорректности, с ее гендерными и расовыми квотами в управленческой и культурной жизни, репрессивными практиками «культуры отмены». Вот и сегодня понимание толерантности в политике все явственней перемещается в область медиатизированных социальных иллюзий. Потому что практика, и прежде всего медийная, без каких-либо исключений выводит на авансцену информационных полей ожесточение в международных отношениях, когда экономические и политические конфликты маскируются противостоянием в культурной жизни, отношения в научных сообществах деградируют, приобретая деструктивные девиантные формы. Деструктивная толерантность, – пишут социологи, – «направлена на разрушение (саморазрушение) социальных и личностных структур и связей, приводящих к дестабилизации, агрессии, конфликтам, девиациям, нарушению гармонии и социально-психологического гомеостаза как самой личности, так и общества в целом» (Клейберг, 2012, с. 333).

Как пример деструктивной толерантности приведем зафиксированный шведским журналистом эпизод университетской жизни.

Преподавательницу старейшего вуза Швеции студенты спросили, как искать в архивах статьи о расизме. Она посоветовала искать по слову «негр», за что и поплатилась: так как она «не чернокожая и не может быть объектом расовой дискриминации, то у нее нет права использовать это слово». Когда одного из обвинителей попросили привести список слов, недопустимых к употреблению со студентами, тот без колебаний привел такой пример –

«шлюха». Автор статьи иронизирует: обвинитель «сам не женщина, так что и произносить такое слово у него права нет». И для убедительности приводит еще один пример: «Как мы узнали, в социальных организациях больше нельзя говорить “экзотический фрукт”. Ведь степень “экзотичности” чего-то зависит от того, кто об этом явлении высказывается». А далее рассуждает о том, как попытки подогнать всех под общие нормы приводят к тому, что повсюду появляются «полицейские-любители», и они следят за каждым словом окружающих и называют всех, кто критикует их подход, «расистами и фашистами» (Арпи, 2020).

Пример из повседневной журналистской практики взят с портала ИноСМИ по результатам сделанного в нем поискового запроса «толерантность». Компьютер принес сведения всего о 19 публикациях в известнейших газетах мира за период с 2017 по 2021 г., но материалов, датированных 2022 г., нет. Анализ содержания обнаруженных публикаций показал, что проблематика толерантности, которую поднимают авторы статей, в основном сводится к вопросам гомосексуализма, однополых браков, гендерных и расовых отношений, возникающих в публичной сфере, практиках образовательных, культурных и политических институтов стран, в которых издаются обнаруженные в поисковом запросе газеты.

Анализ российских изданий позволил заключить, что проявляемое в СМИ внимание к вопросам толерантности, во-первых, устойчиво: за последние 10 лет в таких газетах, как «Известия», «Российская газета», ежегодные показатели составляют по 75 («Российская газета») и 80 («Известия») материалов в среднем. Если сузить временные рамки поискового запроса периодом с 24 февраля 2022 года по настоящее время, то ему будут соответствовать показатели 71 и 83. Однако, если сравнивать содержание статей российских авторов с тем, о чем пишут их западные коллеги, то тут же обнаруживается различие. Почти все публикации в названных российских газетах раскрывают читателям деструктивную сторону толерантности в недружественных России странах – в основном репрессивность так называемой «культуры отмена». Примеры явной или ретушируемой русофобии также показываются через представление о деструктивной толерантности. Правда, находятся исключения.

Так, в «Российской газете» рассказывается, как в Тюмени «повздорили директор и родители пятиклассницы. Причиной конфликта стал хиджаб, в котором школьница пришла на уроки». Из-за противоречащего уставу школы религиозного предмета одежды девочку отказались пропустить в класс. Автор детально рассматривает подробности и динамику конфликта, затрагивает непростой вопрос о религиозных символах в светском учреждении, предлагает его обсуждать в доброжелательной обстановке (Никитина, 2022). Позднее так и случилось, но журналистам тему, как говорится, закрывать рано.

К сожалению, такие материалы, где пристально изучаются проявления толерантности / интолерантности на российской почве, единичны. А с началом «специальной военной операции» на Украине стало еще отчетливей, что и раньше было заметно в деятельности мировой прессы: медийные практики политической пропаганды в условиях острейшего конфликта показывают, что идея толерантности сегодня не более чем ширма геополитических противоречий по всему информационному пространству.

В справедливости такой интерпретации феномена надо признаваться, так как одно лишь

осознание мнимости толерантности означает возможность высвобождения познания от связывающей его паутины социальных утопий. Стоит припомнить, как на склоне лет мудрый Станислав Лем, который очень верил в прогресс общечеловеческого взаимопонимания, пришел к выводу, что цивилизованное общество все равно интолерантно. «Оно жаждет крови... Публика жаждет кровопролития, иначе все таблоиды не были бы заполнены кровавыми фотографиями и не менее чудовищными текстами» (Жажда крови, 2005).

Библиография

1. Арпи И. Слова, которые нельзя произносить в Упсальском университете: Svenska Dagbladet // ИноСМИ. 2020. 2 апр. URL: <https://inosmi.ru/20200402/247164287.html> (дата обращения 24.01.2023).
2. Балацкий Е.В. Отношение населения к неравенству доходов // ВЦИОМ. Мониторинг общественного мнения. URL: [https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/100/2010_6\(100\)_4_Balackii.pdf](https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/100/2010_6(100)_4_Balackii.pdf) (дата обращения 24.01.2023).
3. Бурдые П. О телевидении и журналистике / пер. с фр. М., 2002. – 159 с.
4. Жажда крови: Статья знаменитого писателя-фантаста Станислава Лема в польском еженедельнике Tygodnik Powszechny: ИноСМИ.Ru // СПб. ведомости. 2005. 10 авг. С. 8.
5. Кантор К.М. История против прогресса: опыт культурно-исторической генетики. М.: Наука, 1992. – 148 с.
6. Клейберг Ю.А. Толерантность и деструктивная толерантность: понятие, подходы, типология, характеристика // Общество и право. 2012. № 4(41). С. 329–334.
7. Краткая философская энциклопедия. М., 1994. – 576 с.
8. Мелихов А. Толерантность – норма или добродетель? // Дружба народов. 2007. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2007/3/tolerantnost-nuzhda-ili-dobrodetel.html> (дата обращения 24.01.2023).
9. Никитина И.В. Тюмени бурную дискуссию вызвало появление в школе девочки в хиджабе // Российская газета. 2022. 14 сент. URL: <https://rg.ru/2022/09/14/reg-urfo/delo-o-belom-platochke.html> (дата обращения 24.01.2023).
10. Новикова Т.В. Толерантность в профессиональной деятельности журналиста. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филолог. наук. М., 2006. – 23 с.
11. Однополые браки: за и против // ВЦИОМ. Новости. 10 июля 2015 года. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odnopolye-braki-za-i-protiv> (дата обращения 24.01.2023).
12. Пиотровский М. Большая игра // СПб. ведомости. 2008. 30 апр. С. 4.
13. Политология: Энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянов. М., 1993. – 431 с.
14. Померанц Г. С. Кризис Запада и ислам [Интервью] // Актуальные проблемы Европы = Urgent problems of Europe: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Редкол.: Т.Г. Пархалина, гл. ред., и др. М.: ИНИОН, 2008. № 1: Мусульмане в Европе: существуют ли пределы интеграции? = Muslims in Europe: are there limits to integration? / Ред.-сост. Т. С. Кондратьева, И. С. Новоженова. URL: https://pomerez-mirina.com/wp-content/uploads/2014/02/Krizis_Zapada_i_Islam_PDF.pdf (дата обращения 24.01.2023).
15. Русский характер. Аналитический обзор // Опрос «ВЦИОМ-спутник». 24 авг. 2020 г. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10415> (дата обращения 24.01.2023).
16. Толерантность // Новая философская энциклопедия: Электронная библиотека ИФ РАН / пред. науч.-ред. совета В. С. Степин. М.: Мысль, 2010. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHbb6bc2e9803479862096bb> (дата обращения 24.01.2023).

**АННОТАЦИИ
ABSTRACTS**

Аннотации *Abstracts*

МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ в СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ TOLERANCE MULTIFUNCTIONALISM in THE MODERN SOCIETY

Прагматизм победителей

Мелихов А.М., писатель

Принципы толерантности к чужим богам и обычаям впервые возникли в могучих империях, поставленных в необходимость держать в повиновении множество племен и народов, всегда готовых при ослаблении верховной узды начать непримиримую борьбу не только против поработителей, но и друг против друга. В глубине веков трудно разглядеть иные силы, порождающие и поддерживающие толерантность, кроме прагматизма победителей, желающих спокойно наслаждаться плодами своих побед. И в наше время тоже оказывается прочной лишь толерантность сильных.

The Pragmatism of Winners

Melikhov A.M., writer

The principles of tolerance for foreign Gods and customs first arose in mighty empires, which made it necessary to keep many tribes and peoples in obedience, and always ready to start an uncompromising struggle not only against the enslavers, but also against each other, when the supreme bridle was weakened. In the mists of time, it is difficult to discern other forces that generate and maintain tolerance, except for the pragmatism of the winners, who want to quietly enjoy the fruits of their victories. And in our time only the tolerance of the strong is still lasting as well.

Цивилизационный диалог в условиях суверенизации и конфронтации

Козловский В.В., д. филос. н., проф., СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматривается спектр цивилизационного взаимодействия современных обществ, представленных в типах: партнерство, солидаризация, соперничество, отчуждение, разрывы, вражда. Цивилизационный диалог в условиях нарастающей суверенизации и конфронтации на глобальном, региональном и локальном уровнях радикально изменился и требует новых стратегий, программ, способов реализации.

Civilizational Dialogue in Condition of Sovereignization and Confrontation

Kozlovskiy V.V., Dr. of Philosophy, Prof., SPSU
Saint-Petersburg, Russia

The article deals with the spectrum of civilizational interaction of modern societies, represented in the following types: partnership, solidarity, rivalry, alienation, breaks, and enmity. Civilizational dialogue in the context of growing sovereignization and confrontation at the global, regional and local levels has changed radically and requires now new strategies, programs, methods of implementation.

Доверие – основа толерантности: опыт эмпирического исследования в Санкт-Петербурге

Белова М.В., к. социол. н., СПбГУ
Веселов Ю.В., д. социол. н., проф., СПбГУ
 Санкт-Петербург, Россия

В статье обсуждается вопрос измерения толерантности. Авторы предлагают измерять толерантность через показатели доверия. Для этого необходимы качественные и количественные исследования. Для анализа культуры доверия и толерантности авторы провели эмпирическое исследование (телефонный опрос жителей Санкт-Петербурга, n=1032; интернет-опрос и глубинные интервью), результаты которого обобщаются в данной статье.

Trust as the Basis of Tolerance: the Empirical Research Experience in St. Petersburg

Belova M.V., PhD in Sociology, SPSU
Veselov Y.V., Dr. of Sociology, Prof., SPSU
 Saint-Petersburg, Russia

The article discusses the issue of measuring tolerance. The authors propose to measure tolerance through indicators of trust. This requires qualitative and quantitative research. To analyze the culture of trust and tolerance, the authors conducted an empirical study (telephone survey of residents of St. Petersburg, n=1032; the Internet survey and in-depth interviews), the results of which are summarized in this article.

Tolerance, Cancel Culture, and Britain's Memory of World War II

Taylor J.A., PhD in History, assoc. prof., SPSU,
 Saint-Petersburg, Russia
 USA

Cancel culture threatens Britain's traditional social values. In particular, cancel culture may obscure the memory and endanger the lessons of Britain's victory in World War II. This essay spotlights these endangered lessons. English-speaking countries survived two twentieth-century world wars, and they did so in part because of Britain's resilience. This resilience was in turn partly due to the country's unique social and political system. Britain was an innovative society in the sixteenth century, and one of its innovations then was a social deference which combined social hierarchy (and a vastly unequal distribution of wealth) with social cohesion and stability. In the early twentieth century, the British system, with its deference, was legitimate and stable, and it was therefore attractive to others. Britain's attraction to others was especially on display during World War II. By joining Britain, America, and other English-speaking countries with the USSR, Winston Churchill the prime minister made a coalition that was victorious in the war. While discussing tolerance, we also need to remember this victory.

Толерантность, культура отмены и память Великобритании о Второй мировой войне

Тейлор Дж.А., д.ист.н., доц., СПбГУ,
 Санкт-Петербург, Россия
 США

Культура отмены ставит под угрозу британские традиционные ценности. В частности, под ее влиянием стирается память о Второй мировой войне и уроках, которые принесла победа Великобритании – именно они рассмотрены в представленной статье. Англоговорящие страны пережили в XX веке две мировые войны, и это случилось не в последнюю очередь благодаря британской гибкости. Эта гибкость, в свою очередь, является

продуктом уникальной британской социальной и политической системы. Еще в XVI веке британское общество отличалось инновационностью. Одной из его инновационных черт было социальное уважение, которое сочетало социальную иерархию (и весьма неравномерное распределение богатств) с общественной сплоченностью и стабильностью. В начале XX века британская система с характерным для нее социальным уважением была законной и устойчивой, а следовательно, привлекательной для других обществ. Это проявилось особенно явно во время Второй мировой войны. Присоединив Великобританию к США, другим англоговорящим странам и СССР, премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль создал коалицию, победившую в войне. Рассуждая о толерантности, нам необходимо помнить об этой победе.

How IT, The Pandemic, and New Student Demographics are Changing The Job of Teachers in U.S. Higher Education

Flynn P., Dr. of Economics, Prof.
Bolte School of Business
Mount St. Mary's University,
Emmitsburg, MD, USA

Three key factors—the global pandemic, IT, and new student demographics—are individually and collectively altering human capital development in the 2020s. This paper examines the onset of each factor, their collective impact on teaching, and the long-term ramifications.

Как информационные технологии, пандемия и новая демография в студенческой среде меняют работу преподавателей в американской высшей школе

Флин П., д. экон. н., проф., Болт школа бизнеса,
университет Моунт Сант-Мери
Эммитсбург, Мэриленд, США

Три ключевых фактора – глобальная пандемия, ИТ и новая демографическая ситуация со студентами – в совокупности и по отдельности, изменяют развитие человеческого капитала в 2020-х годах. В статье рассматривается появление каждого фактора, их коллективное влияние на обучение и долгосрочные последствия.

The Impact of POGIL-based Instruction versus Lecture-based Instruction on grade-12 students' attitude

Al Neyadi S.S. PhD in Pedagogic, Prof.
United Arab Emirates University
Al Budabi, UAE

This study examines the impact of process-oriented guided inquiry-based learning (POGIL) versus lecture-based instruction on student attitudes in grade 12. One hundred and one high school students participated in the quasi-experiment that would answer the three research questions guiding the research. The results showed that POGIL positively impacted student attitudes towards science (physics) and achievement. As the students' grades improved, so did their attitudes toward science. Students in the experimental group (POGIL-based) showed significant improvement in application ability compared to knowledge and reasoning ability. In summary, it is recommended to train teachers about POGIL due to its positive impact on students' attitudes. Future studies should replicate studies involving public and private schools at all levels of study.

**Влияние обучения на основе POGIL в сравнении с фронтальным обучением
на отношения учащихся 12-х классов**

Аль-Неяди С.С.С., д. пед. н., доц.
Университет Объединенных Арабских Эмиратов
Аль Будаби, ОАЭ

В данном исследовании изучается влияние обучения, ориентированного на учебный прогресс и запросы обучающихся (POGIL) в сравнении с фронтальным обучением на отношение учащихся 12-го класса к учебе. Результаты показали, что POGIL положительно повлиял на отношение учащихся к науке (физике) и успеваемость. По мере улучшения оценок у учащихся росло и их позитивное отношение к наукам вообще. Школьники в экспериментальной группе (на основе POGIL) продемонстрировали значительное улучшение возможности применения знаний в обсуждении по сравнению с собственными знаниями и просто рассуждениями. Таким образом, рекомендуется обучать учителей использованию POGIL в следствие его положительного влияния на отношение учащихся к получению знаний. Дальнейшие исследования в этом направлении следует проводить как в государственных, так и частных школах на всех уровнях обучения.

Spanish Nationalism among The Youth: The Ideological War between The left and The Right

Gonzalez I., SPSU, senior lecturer
Saint-Petersburg, Russia
Mexico

This work explores the formation of nationalist groups among the Spanish youth as a result of the ideological war taking place against feminist and other leftist activists. Politicians of the Spanish socialist government are also involved in this ideological war for following a feminist approach to some social issues that is criticized by VOX, a far-right party and currently the third political force. This research exposes the need of States to have legal systems that discourage the recruitment of the youth by far-right extremists to engage in activism and violence.

Испанский национализм среди молодежи: идеологическая война между левыми и правыми

Гонзалес И., ст. препод., СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия
Мексика

В представленной статье рассматривается формирование националистических групп среди испанской молодежи в результате ведущейся идеологической войны против феминистских и разного толка других левых активистов. Участие испанского социалистического правительства в идеологической войне против феминистского подхода подверглось критике со стороны ультраправой партии VOX – третьей политической силы в стране. Данные статьи подтверждают необходимость для государства иметь правовые системы, препятствующие вовлечению молодежи крайне правыми экстремистами в активные выступления и насилие.

Migrant Workers and Modern Slavery: The Denial of Human Rights

Amarakoon P. Open University of Sri Lanka
Nawala, Nugedoda, Sri Lanka

The migrant labor and its process has become much more complicated today. This report reviews the current world conditions of migrant workers while analyzing the issues and challenges faced by them. The purpose of the study is to identify and scrutinize these problems to build up a debate on the violation of their basic human rights by depicting the emergence of the concept of modern slavery. The existing global legal approaches has been reviewed. By using the content analysis method this study signifies the factors and features of modern slavery while depicting the measures to circumvent it.

Трудящиеся-мигранты и современное рабство: отрицание прав человека

Амаракун Р., lecturer, Открытый университет Шри-Ланки
Навала, Нугегода, Шри-Ланка

Труд мигрантов и его организация в настоящее время значительно усложнились. В статье рассматривается современное мировое положение трудящихся-мигрантов, а также анализируются проблемы и вызовы, с которыми они сталкиваются. Цель исследования направлена на выявление и тщательное изучение существующих проблем для обсуждения нарушения основных прав человека, приводящих к появлению концепции овременного рабства. Проведен обзор существующих глобальных правовых подходов. В исследовании при использовании контент-анализа определены факторы и особенности современного рабства, а также представлены меры по его преодолению.

**ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ
и ИНТОЛЕРАНТНОСТИ в СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

PHILOSOPHICAL and SOCIOLOGICAL ASPECTS of TOLERANCE and INTOLERANCE
in THE MODERN SOCIETY

Доверие как регуляторный компонент самоорганизационных процессов в обществе

Келасьев В.Н. д. филос. н., проф., СПбГУ,
Санкт-Петербург, Россия

Общество будет эффективным, если в нем чётко функционирует самоорганизационный цикл, выражены процессы доверия социальных субъектов друг по отношению к другу, которые способствуют преодолению отличий между субъектами, и формированию на этой основе адекватной социальной рефлексии, которая в свою очередь, корректирует происходящее в обществе и осуществляет обратное влияние на жизнедеятельность социальных субъектов, ибо в этом процессе задействованы все механизмы саморазвития.

Trust as a Regulatory Component of Self-Organization Processes in Society

Kelasev V.N., Dr. of Philosophy, Prof., SPSU,
Saint-Petersburg, Russia

A society will be effective if a self-organizing cycle functions in it clearly, social subjects' trust processes in relation to each other are expressed, and it contributes to overcoming differences between subjects, and development of adequate

social reflection on these basis, which, in turn, corrects what is happening in society and implements a reverse influence on the life of social subjects because all mechanisms of self-development are involved in this process.

Толерантность и доверие как необходимые составляющие правильного общества

Белова М.В. к. социол. н., ассист., СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматривается понятие правильного общества как справедливого, в контекст которого входят такие правила как толерантность и доверие.

Доверие – это уверенность (confidence) в надежности человека или системы по отношению к определенному ряду событий или явлений, а также – это моральное отношение к другим.

Толерантность – это особенность восприятия индивидом одного человека, социальной группы или ситуации в целом с нейтральных позиций, выражающаяся в сознательном подавлении чувства неприятия в объекте иного. При условии, что данные особенности не несут в себе очевидной опасности для индивида. степень индивидуальности окружающих, имеет лимит, который каждый устанавливает для себя сам, как и собственный предел толерантности и доверия, и чем он шире, тем рациональнее, эффективнее и гуманнее оказывается общество.

Tolerance and Trust as Necessary Components of A Right Society

Belova M.V., PhD in Sociology, assistant, SPSU
St. Petersburg, Russia

The article deals with the concept of a right society as a fair one, the context of which includes such rules as tolerance and trust. Trust is a confidence in the reliability of a person or system in relation to a certain number of events or phenomena, and also it is a moral attitude towards others. Tolerance is a feature of an individual's neutral perception of a person, a social group or a situation as a whole, expressed in the conscious suppression of a feeling of rejection of different in the object. Provided that these features do not carry an obvious danger to the individual. the degree of individuality of others has a limit that everyone sets for him/herself, as well as his/her own limit of tolerance and trust; and the wider it is, the more rational, efficient, and humane the society turns out to be.

Понимание толерантности и интолерантности в рамках изучения философско-социологических аспектов

Белокурова Т.А., студент
Институт права и национальной безопасности
ТГУ им. Г.Р. Державина

Статья раскрывает смысл понятия «толерантности», восприятие его различными культурными традициями непосредственно в рамках языковых особенностей. Отражаются взгляды философов Н.А. Бердяева, В.С. Соловьёва, А.Г. Асмолова в работах XIX-XX вв., раскрывающих аспекты толерантного и интолерантного отношения. Уделяется внимание основополагающим международным документам и организациям, чья деятельность направлена на борьбу с проявлениями интолерантности.

Understanding of Tolerance and Intolerance in The Framework of Philosophical and Sociological Study

Belokurova T.A., student
Institute of Law and National Security
TSU named after G.R. Derzhavin

The article reveals the meaning of "tolerance" concept, and the understanding of it by various cultural traditions directly within the framework of linguistic features. The views of philosophers N.A. Berdyaev, V.S. Solovyov, A.G. Asmolov in the works of the XIX-XX centuries are reflected. Attention is paid to the fundamental international documents and activities of organizations which are aimed at combating the manifestation of intolerance.

Толерантность в контексте процесса социализации молодежи в современной России

Мороз Е.В., секретарь гос. гражданской службы РФ
Санкт-Петербург, Россия

Предметом изучения в рамках настоящего исследования является роль концепции толерантности в процессах социализации и формирования социальной компетентности молодежи и подрастающего поколения в современной России. В рамках статьи рассматривается эволюция значения понятия толерантности в дискурсе образовательно-воспитательной системы, а также делаются выводы о возможных перспективах развития данной концепции в актуальных условиях.

Tolerance in The Context of The Youth Socialization Process in Modern Russia

Moroz E.V., secretary of state civil service
of the Russian Federation
Saint-Petersburg, Russia

The subject of this study is the role of tolerance concept in youth and the younger generation socialization and social competence development processes in modern Russia. The article examines the evolution of tolerance concept meaning in the discourse of educational system, and also draws conclusions about possible prospects for the development of this concept in the current conditions.

НАЦИОНАЛИЗМ и МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ в СОВРЕМЕННОМ МИРЕ NATIONALISM and MIGRATION PROCESSES in THE MODERN WORLD

Общественная безопасность и проблемы трудовой миграции в Россию

Шипунова Т.В., д. социол. н., проф., СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

Выполняя важные функции в разных областях жизнедеятельности социума, трудовая миграция оказывает существенное влияние на уровень общественной безопасности. Для раскрытия данного положения рассмотрены подходы к пониманию общественной безопасности, а также основные характеристики трудовой миграции в Россию, тенденции и проблемы ее развития в последние годы, меры по стабилизации миграционных процессов во время социальных потрясений, связанных с изменением геополитической ситуации.

Public Security and Labor Migration to Russia

Shipunova T.V., Dr. of Sociology, Prof., SPSU
Saint-Petersburg, Russia

Performing important functions in various areas of social life, labor migration has a significant impact on the level of public safety. To disclose this provision, approaches to understanding public security are considered, as well as the main characteristics of labor migration to Russia; trends and problems of its development in recent years; measures to stabilize migration processes during social upheavals associated with a change in the geopolitical situation.

Мультикультурализм и радикализм

Клестова В.А., студент, СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

В статье исследуются причины роста радикализма среди иммигрантов; анализируется взаимосвязь между политикой мультикультурализма и радикализма, а также изучается влияние предрассудков на нетерпимость по отношению к меньшинствам. Неэффективная политика политических лидеров Европы и Северной Америки, а также предрассудки затрудняют иммигрантам разных поколений стать частью европейского и североамериканского общества. Такое обособление делает их уязвимыми для различных радикальных организаций.

Multiculturalism and Radicalism

Klestova V.A., student, SPSU
Saint-Petersburg, Russia

In the article the reasons for the growth of radicalism among immigrants are inspected. In the paper the relationships are analyzed between the policy of multiculturalism and radicalism. The influence of prejudice on tolerance towards minorities is studied. Ineffective policies of political leaders of Europe and North America, as well as prejudice, make it difficult for immigrants of different generations to become a part of European and North American society. This isolation makes them vulnerable to various radical organizations.

Миграционный кризис ФРГ: проблематика и перспективы

Юрченко К.Д., студент, СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

В последние годы значимость изучения миграционных процессов обусловлена их массовостью и непосредственным влиянием на жизнь европейского сообщества. Кризис в этой сфере вынуждает государства Европы регулярно искать новые пути решения сложившиеся ситуации. В настоящей статье анализируются тенденции, характерные для Германии в проведении миграционной политики, причем особое внимание уделяется проблемам и перспективам интеграции иммигрантов в общество.

The Migration Crisis of Germany: Problems and Prospects

Yurchenko K.D., student, SPSU
Saint-Petersburg, Russia

The importance of studying migration processes in recent years is caused by their mass character and direct impact on the life of the European community. This crisis forces European states to regular search of new ways to solve the current situation. The paper analyzes Germany's trends characteristics in migration policy implementation. Special attention is paid to the problems and prospects of immigrants' integration into society.

Иммиграция в ФРГ: история, политический и экономический контекст

Шеметова Ю., студент, СПбГЭУ
Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматривается общая миграционная обстановка в Германии, освещаются причины миграции, уделяется внимание немецкому законодательству и мнению политиков, приводятся статистические данные, описывается мнение как мигрантов, так и жителей Германии. На основании статистики делаются прогнозы на будущее.

Immigration to Germany: History, Political and Economic Context

Shemetova Y., student
The Saint Petersburg University of Economics
Saint-Petersburg, Russia

The article describes the general migration situation in Germany. The reasons for migration are highlighted. Attention is paid to German legislation and the opinion of politicians. Statistical data are provided. The opinion of both migrants and residents of Germany is described. Forecasts for the future are made based on statistics.

Миграционная тематика в программах М. Ле Пен и Э. Земмура на выборах 2022 г.: общее и особенное

Чихачев А.Ю., к. полит. н., ассист., СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

В статье исследуются программные установки правоконсервативных политических сил Франции в отношении комплекса проблем, связанных с миграциями. Проводится сравнительный анализ предвыборных программ двух основных кандидатов в этой части идеологического спектра – М. Ле Пен и Э. Земмура. Делается вывод о том, что с содержательной точки зрения предложения обоих кандидатов до известной степени перекликались, что не мешало соблюдать различия в акцентах (более умеренный у М. Ле Пен и более радикальный у Э. Земмура).

Migration Topics in the Programs of M. Le Pen and E. Zemmour in 2022 elections: General and Special

Chikhachev A.Y., PhD in Political Science
assistant, SPSU
Saint-Petersburg, Russia

The study explores the views of French right-wing political forces on the challenges of migration. A comparative analysis of election manifestos of two main candidates in this part of the ideological spectrum, Marine Le Pen and Eric Zemmour, is carried out. The author concludes that their projects echoed substantially to a certain extent, but both leaders chose different ways to present them for the electors: a quite moderate rhetoric in case of Le Pen, and pure far right points typical of Zemmour.

Специфика доверия и толерантности в ряду «мягких культурных переменных»

Сычев В., студент, МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
Минаева З., студент
Самарский национально-исследовательский
ун-т им. акад. С.П. Королёва
Самара, Россия

Какие «мягкие культурные переменные» особенно актуальны в современном мире? в первую очередь это доверие и толерантность. Чем они отличаются от других моральных обязательств? Как взаимосвязаны между собой? в чем проявляется нынешняя ситуация углубляющегося кризиса доверия, и как толерантность может на нее повлиять? Данная статья посвящена ответам на эти вопросы.

The Specifics of Trust and Tolerance among “Soft Cultural Variables”

Sychev V., student
M.V. Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
Minaeva Z., student
Academician S.P. Korolev
Samara National Research university
Samara, Russia

What ‘soft cultural variables’ are especially relevant for the modern world? These are tolerance and trust which are of particular importance. How do they differ from other moral obligations? How are they interconnected? What is the current situation of a deepening crisis of confidence? How can tolerance affect it? This article is devoted to the answers to these questions.

Влияние повышения инклюзивности европейского общества на миграционные процессы: Европа и Ближний Восток

Рубцов В.А., Осокин А.В., студенты, СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена анализу взаимозависимости идей инклюзивности и миграционных процессов в европейском обществе. Авторы рассматривают такие вопросы как ориентализм, состояние общества на Ближнем Востоке, миграционные потоки людей между Ближним Востоком и Европой. Основная цель статьи –

доказать, что рост европейской инклюзивности напрямую способствует активизации миграционных процессов Ближний Восток – Европа.

The Impact of the European Society's Increasing Inclusiveness on Migration Processes: Europe and the Middle East

Rubtsov V.A., Osokin A.V., students, SPSU
Saint-Petersburg, Russia

The paper is devoted to the analysis of inclusivity and migration ideas interdependence in the European society. Authors consider such issues as orientalism, the state of society in the Middle East, migration flows of people between the Middle East and Europe. The main purpose of the article is to prove the fact that the growth of European inclusivity directly contributes to the activation of migration processes in the Middle East – Europe.

Интолерантность и национализм в израильском обществе: проявления, причины и роль религии

Корочкина В.А., к. пед. н., ст. препод., СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

В Израиле еврейский этнический национализм проявляется, прежде всего, во взаимоотношениях с палестинцами и сочетается с нетерпимостью внутри самого еврейского сектора, являющегося сложносоставным и весьма неоднородным. В этой стране национализм тесно связан с религией. Поэтому гипотетически ее секуляризация возможна при условии трансформации этнического национализма в гражданский национализм, то есть, в случае превращения Израиля в государство всех его граждан.

Intolerance and Nationalism in Jewish Society: Representation, Causes and the Role of Religion

Korochkina V.A., PhD in Pedagogic,
senior lecturer, SPSU
Saint-Petersburg, Russia

In Israel, Jewish ethnic nationalism manifests itself primarily in relations with the Palestinians. It is in line with intolerance within the Jewish sector, which is compound and very heterogeneous. In Israel, nationalism is closely linked to religion. Therefore, hypothetically, the secularization of the country is possible via ethnic nationalism transformation into civil nationalism, that is, in the case of Israel becoming a state of all its citizens.

Роль языкового аспекта в процессе интеграции национальных меньшинств в Литве.

Старовойтова С., аспирант, СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

В исследовании предпринята попытка рассмотреть интеграцию национальных меньшинств в Литве с позиции языкового аспекта. Автор фокусирует внимание на интеграции представителей польского меньшинства ввиду их многочисленности и активной позиции в отношении действий, предпринимаемых властями. Автор приходит к выводу, что основным инструментом интеграции национальных меньшинств является литовский язык. Хорошее владение литовским языком открывает перспективы трудоустройства, способствует обогащению круга общения и интеграции в литовское общество.

Language aspect in the process of national minorities integration in Lithuania

Starovoitova S., PhD student, SPSU
Saint-Petersburg, Russia

This research aims to examine the integration of national minorities in Lithuania from the standpoint of linguistic aspects. The author focuses on the integration of Polish minority due to their number and active position in relation to actions undertaken by the authorities. The main tool for the implementation of integration processes is Lithuanian language. Good knowledge of Lithuanian language opens up the opportunities to get a well-paid job, contributes to the expansion of communication circle, and integration into the Lithuanian society.

РОССИЯ и ЗАПАД: СОВРЕМЕННОСТЬ и УРОКИ ИСТОРИИ RUSSIA and THE WEST: MODERNITY and THE LESSONS OF HISTORY

Soft-technologies как реализация принципов толерантности в политическом управлении

Пруель Н.А. д. социол. н., проф., СПбГУ
Рубцова М.В., д. социол. н., доц., СПбГУ
Меньшикова Г.А., к. экон. н., доц., СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

Толерантность в ее современном понимании может рассматриваться не только в ракурсе отношений между людьми, но и в отношениях между государствами. На примере реализации курса ООН «Цели устойчивого развития», в частности его ракурса “Leave no one behind”, авторы, анализируя механизм управления, делают выводы о степени и уровнях толерантности. Толерантность преодолевает традиционное недоверие во взаимоотношениях между странами. Общая толерантность, выражаемая в готовности уважать культуру других стран, создавая возможность их представителям участвовать в международных организациях и мероприятиях в настоящее время доминирует. В то время как активная толерантности находится на начальной стадии распространения.

Soft-technologies as the Implementation of Tolerance Principles in Political Management

Pruel N.A., Dr. of Sociology, Prof., SPSU,
Rubtsova M.V., Dr. of Sociology, assoc. prof., SPSU
Menshikova G.A., PhD in Sociology, assoc. prof., SPSU
Saint-Petersburg, Russia

Tolerance in its modern sense can be considered not only in terms of relations between people but also between states. Authors analyze the mechanism for governing on the example of the UN course "Sustainable Development Goals", and in particular its "Leave no one behind" perspective, and draw conclusions on the degree and levels of tolerance. Tolerance overcomes the traditional mistrust in relations between countries. General tolerance currently dominates and is expressed in the willingness to respect the culture of other countries, in the opportunity for their representatives to participate in international organizations and events. While active tolerance is at the initial stage of spreading.

Роль БРИКС в установлении глобальной безопасности и борьбе с международным терроризмом

Лиджиев О.Д., Емельянова А.В., студенты СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена анализу роли межгосударственного объединения БРИКС в установлении международной безопасности и борьбе с мировым терроризмом. Авторы изучают первые саммиты стран БРИКС, ключевые вопросы в начальные годы работы, процесс формирования общей позиции по вопросам безопасности и деятельность БРИКС в этой сфере в последние годы. Также авторы пытаются спрогнозировать расширение повестки БРИКС по вопросам глобальной безопасности.

The role of BRICS in the Establishment of Global Security and Fight against International Terrorism

Lidzhiev O.D., Emelyanova A.V., students, SPSU
Saint-Petersburg, Russia

The article is devoted to the analysis of the role of the interstate association BRICS in the establishment of international security and fight against global terrorism. The authors examine the first BRICS summits, the key issues in the early years of work, the process of a common stance development on security issues and the activities of BRICS in this area in recent years. The authors also try to forecast the expansion of BRICS agenda on global security issues.

Образ крайне правых «популистских» партий в СМИ на примере Германии и Франции

Смирнов Е.В., Барабанова Е.М., студенты, СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

В ходе анализа публикаций, отобранных СМИ, авторами было рассмотрено, формируется ли негативный образ партии, с которой нельзя/невозможно сотрудничать и которую нужно остерегаться, на примере «Национального объединения» и «Альтернативы для Германии» в преддверии выборов. Был сделан вывод, что в Германии левая пресса использует вербальный паттерн «денормализации» праворадикальной АдГ. В то же время, основным речевым паттерном, используемым французскими леволиберальными СМИ в отношении «Национального объединения», является внешняя радикализация.

The Image of Far-right «Populist» Parties in the Media on the Example of Germany and France

Smirnov E.V., Barabanova E.M., students, SPSU
Saint-Petersburg, Russia

In the course of analysing the publications of selected media, the authors determined whether a negative image develops of a prohibited/impossible and have to be avoided party, on the example of the "National Rally" and "Alternative for Germany". It is concluded that in Germany the left-wing press uses the verbal pattern of "de-normalization" of the right-wing radical AfD. The main verbal pattern used by the French left-liberal media in relation to the "National Rally" is external radicalization.

Tolerance as an Ideology of the Western Left

Myasnickov A.I., student, SPSU
Saint-Petersburg, Russia

The left-wing political forces, which react most sharply on the problems of inequality, have always occupied a special place in politics. In the second half of the twentieth century, under the influence of the tolerance phenomenon, there happened a transformation of left-wing ideas into left-liberal ideology. Therefore the analysis of the tolerance influence on the ideology of the Western leftists is relevant.

Толерантность как идеология западных левых

Мясников А.И., студент, СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

Левые политические силы, наиболее остро реагирующие на проблемы неравенства, всегда занимали особое место в политике. Во второй половине двадцатого века под влиянием феномена толерантности произошла трансформации левых идей в леволиберальную идеологию, и поэтому анализ влияния толерантности на идеологию западных левых является актуальны.

Понимание равенства полов в современной европейской политико-философской мысли

Резвая Е.В., аспирант, СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена обзору современного представления Европейского Союза о равенстве полов в контексте международных отношений и политики ЕС. Рассматриваются официальные документы и стратегии, посвященные проблеме равенства полов, а также феминистские исследования, повлиявшие на идентичность ЕС. В заключении представлены основные индикаторы оценки политики Евросоюза как важного актора на международной арене, представляющего равенство полов как ценность.

Gender Equality Today: Political and Philosophical Perspectives

Rezvaia E.V., PhD student, SPSU
Saint-Petersburg, Russia

The article discusses the modern European theoretical thought on gender equality and women's rights in the context of the international relations and politics of EU. It considers the main documents and strategies devoted to the issue of gender equity as well as feminist research influencing the EU's identity. In conclusion the author summarizes the main indicators, characterizing the EU as an important actor on the international arena representing gender equality as a value.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ и ТОЛЕРАНТНОСТЬ: СЕМЬЯ, ШКОЛА, ГОСУДАРСТВО, РЕЛИГИЯ SOCIAL INSTITUTIONS and TOLERANCE: FAMILY, SCHOOL, THE STATE, and RELIGION

Групповая динамика семейных отношений, как фактор развития толерантности-интолерантности

Бриль М.С., к. психол. н., доц., СПбГУ

Бекренева Ю.С., ст. препод., СПбГУ

Белоколодов В.В., к. психол. н., ст. препод., СПбГУ

Фельсендорфф О.В., к. психол. н., ст. препод., СПбГУ

Санкт-Петербург, Россия

В данной статье в качестве переменной, влияющей на толерантность человека, рассматривается отношение взрослых в родительской семье. Обсуждаются факторы и механизмы влияния родительских взаимоотношений на формирование у ребенка социальных установок, направленных на толерантность/интолерантность. Учитываются два вида влияния отношений родителей на восприятие их ребенком: прямая демонстрация – копирование объектов для выражения напряжения и агрессии, которые выбирает родитель (в отношении чего можно злиться) и нормализация реакций – копирование способов разрешения проблем, которые демонстрирует родитель (как можно злиться).

Family Relations Group Dynamic as a Factor of Tolerance-Intolerance Development

Bril M.S., PhD in Psychology, SPSU

Bekreneva J.S., senior lecturer, SPSU

Belokolodov V.V., PhD in Psychology, senior lecturer, SPSU

Felsendorff O.V., PhD in Psychology, senior lecturer, SPSU

Saint-Petersburg, Russia

In the article the attitude of adults in the parental family is considered as a variable that affects person's tolerance. The factors and mechanisms of the influence of parental relationships on child's social attitudes development aimed at tolerance/intolerance are discussed. Two types of influence of parental relations on the child's perception are taken into account: direct demonstration – copying objects to express tension and aggression, that a parent chooses (what he/she can be angry about) and normalization of reactions – copying the ways of solving problems that a parent demonstrates (how he/she can be angry).

Вопросы толерантности в православной этике как основы миротворчества и миростроительства

Нагайчук А.Ф., к. социолог. н., ст. препод., СПбГУ

Санкт-Петербург, Россия

Современное общество, основанное на идеях толерантности, трансформируясь в многополярное, переживает кризис восприятия. Линия разлома выражается в столкновении глобально-либеральных и традиционно-национальных ценностей и норм. Вопросы о допустимых порогах толерантности, истинности убеждений, норм отношений актуализируют концепцию православной этики, предлагающей единые и четкие критерии, позволяющие отличать «добро» и «зло», «полезное» и «вредное», определять предел допустимой толерантности. Благодаря своей апробации в истории России, анализ представляет не только теоретический, но и практический интерес.

Issues of Tolerance in Orthodox Ethics as the Basis of Peacekeeping and Peacebuilding

Nagaychuk A.F., PhD in Sociology, senior lecturer, SPSU
Saint-Petersburg, Russia

The modern society based on the ideas of tolerance, which is transforming into a multipolar one, is experiencing a crisis of perception. The fault line is expressed in the collision of globally liberal and traditionally national values and norms. Questions about the permissible thresholds of tolerance, the truth of beliefs, norms of relations actualize the concept of Orthodox ethics, which offers uniform and clear criteria that allows to distinguish “good” and “evil”, “beneficial” and “harmful”, and determines the limit of permissible tolerance. Due to its approbation in the history of Russia, the analysis is of not only theoretical, but also practical interest.

Новые грани интолерантности: труд в условиях внедрения технологий искусственного интеллекта

Вершинина И.А., д. социол. н., доц., МГУ им. М.В. Ломоносова
Маргынченко Т.С., к. социол. н., доц., МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Внедрение новейших технологий на протяжении большей части истории проходило под девизом не только улучшения качества жизни, но и создания более объективной, толерантной и свободной от человеческой предвзятости среды взаимодействия. Не являются исключением и современные цифровые технологии. Однако использование технологий ИИ в сфере труда демонстрирует рост дискриминации и неравенства.

New Facets of Intolerance: Labor in the Context of the Introduction of AI Technologies

Vershinina I.A., Dr. of Sociology, assoc. prof.
Lomonosov Moscow State University
Martynenko T.S., PhD in Sociology, assoc. prof.
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

The introduction of the new technologies for the most of history process was held under the motto of not only improving the quality of life, but also creating a more objective, tolerant, and interaction environment that could be free from human bias. Modern digital technologies are no exception. However, using of AI technology in the workplace shows an increase of discrimination and inequality.

Благодарность как личностный ресурс в период социального кризиса

Синельникова Е.С., к. психол. н., доц.
Петербургский гос. ун-т путей сообщения
императора Александра I
Санкт-Петербург, Россия

В период социальных кризисов возрастает роль психологических ресурсов в сохранении психологического и физического здоровья, устойчивости личности, ее способности справляться с жизненными задачами и вызовами. Благодарность – моральное чувство, позитивный отклик на добро, является одним из наиболее значимых личностных ресурсов в трудных ситуациях. Благодарность способствует более высокой удовлетворенности жизнью, большему психологическому благополучию и жизнестойкости личности, особенно в периоды личных и социальных кризисов.

Gratitude as a Personal Resource during the Social Crisis

Sinelnikova E.S., PhD in Psychology, assoc. prof.
Emperor Alexander the First
Saint-Petersburg State Transport University
Saint Petersburg, Russia

The role of psychological resources in preserving of physical and mental health, improving personal resilience, ability to cope with challenges of life increases during the social crises. Gratitude is a moral feeling, positive response to goodness, it is one of the most important personal resources in difficult life circumstances. Gratitude contributes to life satisfaction, psychological well-being, personal resilience, especially in the periods of personal and social crises.

Приемы формирования толерантности в работах студентов воронежской школы межэтнической журналистики

Андреева М.А. (Грищенко), ст. препод.
Воронежский гос. ун-т,
Воронеж, Россия

В статье изучается опыт Школы межэтнической журналистики (на примере воронежской региональной Школы) по созданию контента на этническую тему. Сделан вывод о том, что этот контент служит формированию толерантности, прежде всего, в молодежной среде. Рассматриваются возможные механизмы формирования толерантности с помощью материалов СМИ, созданных молодыми авторами – начинающими журналистами.

Tolerance Development Techniques in Students' Works of the Voronezh School of Interethnic Journalism

Andreeva M.A. (Grishenko), senior lecturer
Voronezh State University
Voronezh, Russia

The article examines the experience of the School of Interethnic Journalism (on the example of the Voronezh Regional School) in creating content on an ethnic theme. It is concluded that this content serves to build tolerance, primarily among the youth. Possible mechanisms for tolerance development with the help of media materials created by young authors – novice journalists, are considered.

Толерантность в медийной среде: преодоление иллюзий

Сидоров В.А., д. филос. н., проф., СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматриваются актуальные различия в представлениях о толерантности в контексте функционирования журналистики как института общества. Толерантность в работе журналистов является постоянным предметом разногласий, так как в своей основе опирается на те или иные идеологические концепции, политические позиции, занимаемые средствами массовой информации. Противоречивость понимания толерантности усилило начало эпох глобализации и цифровизации информационных отношений в обществе. В статье также рассматривается взаимодействие современного прочтения толерантности с функционированием культуры этноса, наличием в ней так называемого культурного ядра. В этой связи в статье фокусируется внимание на политической и нравственной дихотомии «толерантность – интолерантность». Противостояние органично перетекает в практику журналистики, находит в ней противоречивое выражение,

примеры которого обнаруживаются в отечественной и зарубежной медийной сфере. С началом специальной военной операции на Украине представления о взаимопонимании и толерантности ушли в прошлое: русофобия и политика «отмены России» стали преобладающими в работе СМИ части стран Запада. Как результат, анализ публикаций ведущих СМИ мира показал, что идея толерантности, даже на декларативном уровне ее воспроизведения, ушла из числа приоритетных в текущих журналистских произведениях. А в российских СМИ тема толерантности почти во всех случаях стала означать, прежде всего, критику тех зарубежных медиа, которые допускают проявления русофобии.

Tolerance in the Media Environment: Overcoming Illusions

Sidorov V.A., Dr. of Philosophy, Prof., SPSU
Saint-Petersburg, Russia

The article deals with relevant differences in tolerance perception in the context of journalism functioning as the institution of society. Tolerance in the work of journalists is a constant subject of controversy, as it is based on certain ideological concepts, and political positions taken by the media. The contradictory understanding of tolerance intensified the beginning of the era of globalization and digitalization of information relations in the society. The article also discusses the relationship of the modern doctrine of tolerance with the functioning of an ethnic group culture, and the existence of so-called cultural core in it. In this regard, the article focuses on the political and the moral dichotomy "tolerance – intolerance". The confrontation organically flows into the practice of journalism, finds a contradictory expression in it, examples of which are found in the domestic and the foreign media sphere. However, with the start of the special military operation in Ukraine, ideas of mutual understanding and tolerance have become a thing of the past: Russophobia and the policy of "abolishing Russia" have become predominant in the media work in some Western countries. As a result, the analysis of the world's leading media publications showed that the idea of tolerance, even at the declarative reproduction level, has left the list of priorities in current journalistic works. And in the Russian media, the topic of tolerance in almost all cases has come first of all to the mean of criticism of those foreign media, that allow manifestations of Russophobia.

Толерантность и интолерантность
в современном обществе:
Новые реалии

Tolerance and Intolerance
in the Modern Society:
New Realities

Международная научно-практическая конференция
International Scientific and Practical Conference

21 ноября 2022 года
Санкт-Петербург

Санкт-Петербург
2023

